КРЕСТЬЯНСКОЕ

ИСКУССТВО СССР

2

· ACADEMIA ·

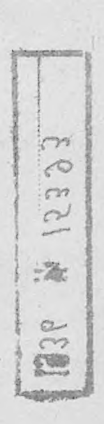
1950

545

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ

КРЕСТЬЯНСКОЕ ИСКУССТВО
СССР

СБОРНИК СЕКЦИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ИСКУССТВА КОМИТЕТА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ИСКУССТВ



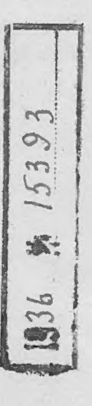
II

«ACADEMIA»
ЛЕНИНГРАД
1928

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ

ИСКУССТВО СЕВЕРА

II



«ACADEMIA»
ЛЕНИНГРАД
1928

Печатается по распоряжению Президиума Комитета Социологического изучения искусств

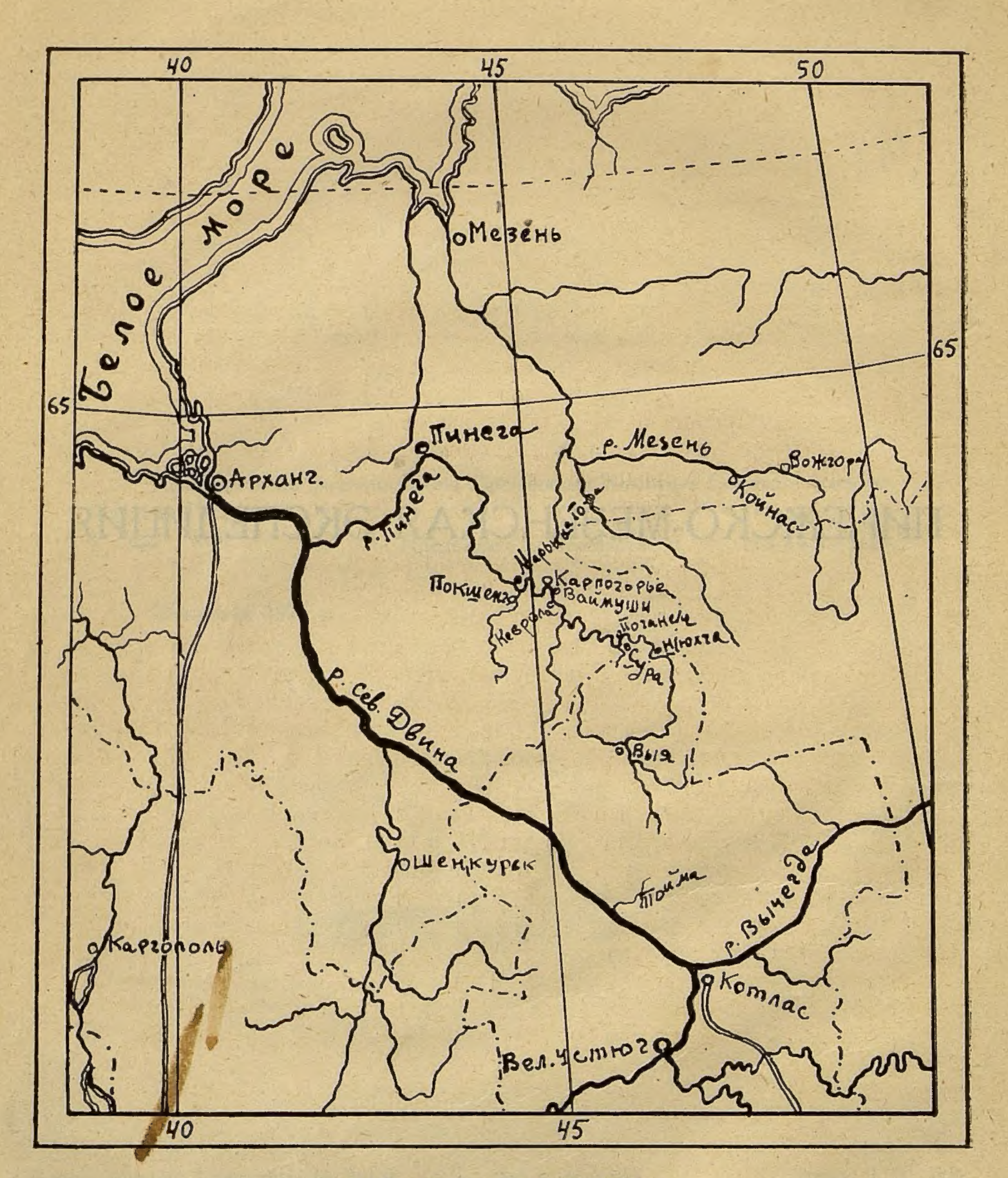
Председатель Комитета Я. А. Назаренко

23-го мая 1928 г.

Ленинградский Областлит № 12511 Заказ № 1650 Тираж 1100 экз.

Типография „ПЕЧАТНЯ“, Ленинград, Прачешный 6. Телефон 1-25-06

ПИНЕЖСКО-МЕЗЕНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ



Карта района работ экспедиции

К. К. РОМАНОВ

ЖИЛИЩЕ В РАЙОНЕ РЕКИ ПИНЕГИ

Внешний облик района экспедиции теснейшим образом связан с историческими особенностями края и с условиями местного быта. Наиболее полно эти особенности сказываются в характере селений с их составными частями—дворами-усадьбами. Колонизация рек Пинеги и Мезени с их притоками началась давно. Древнейшими были поселения новгородцев, двигавшихся к востоку с севера (из Поморья) и от Северной Двины. Новгородская колонизация столкнулась с средне-русской (московской), шедшей с юга от верхнего течения Северной Двины, с Сухоны и Вычегды. Уже в 1478 г. земли по р. Вашке, притоку Мезени, названы исконными землями великого князя Московского [1]), но на нижней Мезени русские поселения появляются лишь, в XVI в. Пинега в верхнем и среднем течении также заселялась средне-русскими колонистами с юга. Отзвуки двух колонизаций до сих пор живы на р. Пинеге. Население вообще называет себя русскими переселенцами из Новгорода и из Москвы. Некоторые семьи с гордостью говорят о своем старом новгородском происхождении, противупоставляя его московскому. Однако, сохранилась память и о более раннем финском населении края. Так с рекою Поганцем, правым притоком реки Пинеги, впадающем в р. Пинегу близ Суры, связывают сказание о последней борьбе русских колонистов с воинственной „чудью", населявшей край и отступившей перед новыми пришельцами, Самих жителей Поганца называют потомками этой „чуди". Говоря о „чуди" местные жители никогда однако не смешивают ее с недалеко живущими зырянами и обычно сообщают что чудь „пропала".

Исторически не вполне ясное древнейшее местное управление краем значительно диференциировалось в XVII ст., повидимому, в связи с оживлением местности вообще после XVI ст. Так из Двинского уезда после 1614 г. станы Кеврольский и Мезенский были выделены в самостоятельные административные единицы. Кеврольское воеводство просуществовало на р. Пинеге до последней четверти XVII в. с центром в г. Кевроле, ныне ничтожном селении Погост на р. Немнюге [2]). После 1620 г. появились

---

[1]) О колонизации см. „Очерки по колонизации Севера" вып. I, Петербург 1922 со статьями ак. С. Ф. Платонова и А. И. Андреева.

[2]) Списки воевод Кевролы с 1613 по 1688 г.г. см. у А. Барсукова. Списки воевод, СПБ, 1902 стр. 98—99. Исторические сведения о воеводстве и об остатках г. Кевролы собрал местный уроженец, учитель Марьино-Горской школы, Томилин.

волости Пиринема и Нюхча. К XVII же веку относится образование монастырей по р. Пинеге [1]).

Старое расположение селений вдоль реки, соответственно ходу колонизации, сохранилось до настоящего времени. Река Пинега осталась доныне главным путем для внешних сношений края, и до сих пор населенные пункты расположены вдоль р. Пинеги и ее главных сплавных притоков [2]).

---

[1]) Красногорский близ г. Пинеги основан в 1606 г.; основатель Ламбасского Кевролъского упоминается под 1615 г.; а первая церковь на месте Веркольского монастыря построена в 1645 г. (Артемий Веркольский умер в 1545 г.). См. П. Строев. Списки иерархов. Ср. В. Зверинский. Матер. для истор.-топогр. исследования о монастырях. т. II стр. 92 № 709 и стр. 189 № 888, т. I стр. 174 № 275.

[2]) Настоящая статья, как и весь сборник, составлены из части материалов, собранных Северной экспедицией в 1927 г. Эта экспедиция явилась продолжением систематических работ по изучению искусства севера, предпринятых Секцией крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусства при Государственном Институте Истории Искусств (см. „Крестьянское искусство СССР. Искусство севера. Заонежье", Лгр. 1927).

Экспедиция 1927 г. работала в Архангельской губернии в поселениях по р.р. Пинеге и Мезени. В состав Пинежской группы входили: Начальник Экспедиции, Председатель Секции изучения крестьянского искусства К. К. Романов; члены экспедиции: А. М. Астахова, А. И. Никифоров, Е. Э. Кнатц, Н. П. Колпакова, И. В. Карнаухова, Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд, Л. М. Шуляк, А. Д. Стена, Ю. Н. Дмитриев, И. М. Левина и фотограф А. С. Данский. В состав Мезенской группы входили: руководитель ее член Института В. Н. Всеволодский-Гернгросс, А. В. Рыков, А. Я. Козырева, и С. С. Писарев, кроме того при той же группе работал кино-оператор Н. В. Ефремов, командированный Совкино.

Пинежской группой экспедиции записано: былин и духовных стихов—81; песен—375; частушек—1197; сказок-400; заговоров—163; загадок—357, а всего, включая прочие мелкие жанры, около 2700 номеров словесных материалов. Кроме того записано 6 вариантов свадебных обрядов, 4 празднества, 30 игр и 19 гаданий. По музыкальному исполнению записано 284 номера на фонограф (на 150 валиков) и 35—на слух. Обмерено: домов—8; амбаров—2; часовень—1. Сделано на кальку 203 различных узора набойных досок при 18-ти изученных набойных мастерских. Сделано 85 красочных копий с деревенских росписей; записано и частью зарисовано 79 костюмов, а также выполнено большое количество мелких набросков, зарисовок и красочных заметок, особенно по архитектурному изучению района. Фотографирование дало около 250 фотографических снимков различного содержания, иллюстрирующих местность, постройки, костюмы, быт, празднества, обряды и типы населения.

Мезенской группой экспедиции было собрано: свадебных обрядов—8; похоронных обрядов—4; пародийных свадебных обрядов—2. Описано 5 праздников; 7 самодеятельных театров; 4 святочных гадания. Собрано песен—285, частушек—42. По музыкальному исполнению записано 99 номеров на фонограф (на 15 валиках). Сделано рисунков и набросков—132; снято до 600 метров кино и выполнено 35 фотографических снимков.

Пользуюсь случаем принести искреннюю признательность за содействие и помощь работам экспедиции Архангельскому Губисполкому, Архангельскому Обществу изучения Севера, местным ВИКам и СИКам с их председателями и особенно всем тем; кто с редкой готовностью помогал сбору материалов, часто отрываясь для этого от работы, исполняя песни, былины, диктуя записи обрядов, рассказывая сказки, показывая хранящиеся материалы по изобразительному искусству и предоставляя свои жилища для изучения.

К. Р.

Большинство селений стоит на высоком берегу, так как места у воды, образованные намывами песка рекою, обычно заливаются в весеннее половодье водой. Только в Кевроле ряд „околов“ поставлен относительно низко; зато в околе Абросово вода иногда заливает улицу, а в Чухченеме разливы реки, меняющей свое течение, сносят берег и уже грозят ближайшим домам.

Рис. 1. Правый берег р. Пинеги в ее среднем течении

При редкости заселения бассейна р. Пинеги селения сохранили свою древнюю группировку по отдельным районам, отстоящим на значительное расстояние друг от друга, до 30—40 верст.

Такой район то состоит из нескольких групп, объединяющих несколько деревень, или „околов“ вместе, то состоит всего из одной группы (Нюхча). Группы объединяющие собой околы иногда стоят очень близко одна от другой, но все же имеют свое собирательное название. Например, в районе Карпогорской волости Ва́ймуши отстоят всего на $2^1/_2$—3 версты от Карпо-

горья к югу, а Шòтова Гора—на три версты к северу, но и Ваймуши и Шотова Гора состоят из нескольких „околов“. Каждый „окол“ или „околок“ носит отдельное название; так Ваймуши состоят из Нижнего конца, Ростòва, Пестòва и Верхнего конца, Карпова Гора—из Кобылина, Новѝнчины, Заполина, Кондрàтьицы и Вернокòны. Околы то стоят вплотную друг к другу (как в Ваймушах, Карповой Горе), то в виде отдельной деревеньки, при чем иногда околы одной группы разбросаны вдоль реки или дороги даже на протяжении верст 3-х, т. е. на расстоянии не меньшем, чем группы селений в другом месте (Ваймуши и Карпогорье). Так в Шотовой Горе околы Боровà, Едома, Вохорянка, Перелог, Нòва, Подгорье, Мèзенцово и Зарỳчье стоят

Рис. 2. Окол Песчаница (Поганец)

тесно вместе, а Крапивница и Посовка отдельно. В Марьиной Горе все околы разбросаны вдоль реки, параллельно которой идет и дорога. В Пòкшеньге околы расположены даже по двум берегам реки Покшеньги, протекающей по большому оврагу. В объединении нескольких околов в одно собирательное название виден обычный северный тип селения и его определения. Этот общий северный признак деления селения на околы подвержен, однако, значительным внутренним отличиям.

В расположении большинства селений лежит обычный прием расположения усадеб в одну линию вдоль дороги, жильем к солнцу (на юго-восток, юг или юго-запад). Небольшие селения (Айнова гора, деревни под Сурой, некоторые деревни под г. Пинегой) выдерживают это расположение всего в одну линию домов. В селениях более крупных, сохранивших старое

расположение, делается две линии и даже три (Погáнец—окол Песчáница, Остров; Кобылино в Покшеньге). Эта же основа расположения лежит во всех старых постройках больших, перестроенных в новейшее время селений (например, Карпова Гора—ср. рис. 8). Здесь однако нынешние линии построек переходят в две стороны улицы с фасадами домов обращенными друг к другу. На ряду с этими обычными типами расположения северных русских селений значительно реже встречается второй, где дома—усадьбы стоят не в одну линию, а случайно, вперемежку, хотя все обращены „лицом" в одну сторону,—„к солнцу" [1]). Такова Слуда под Сурой, части Горы там же. Иногда селение

Рис. 3. Сура, окол Погост, дом М. Коровина

смешивается из обоих типов расположения. Так в Шотовой Горе околы Зарýчье, Мéзенцево и Подгорье строены линиями домов, обращенными к солнцу (на юг), а околы, составляющие центр селения,—Едома, Боровá, Вохорянка, Перелог и Новая—отдельными усадьбами с неровными проездами между ними. В особенно редких случаях наблюдаются селения с линиями домов поставленных в основной части под прямым углом—таковы Погост с Горкой в Суре, где одна часть селения (Горка)—со старыми домами обращенными на юго-запад, а вторая часть (Погост)—с домами обращен-

[1]) Финский тип расположения селения.

ными на юго-восток. Оба окола при более поздних достройках обратились в селения с улицей и домами по обе стороны ее.

Экономия земли, сохраняемой для посевов, создала в районе Карповой Горы, с постоянно увеличивающимся населением ее, особую скученность построек, стоящих близко друг от друга; а в Шардомене линии домов стоят вдоль улицы, тесно примыкая друг к другу с очень малыми и узкими участками каждого двора. Получается внешне необычное для сельских местностей расположение зданий, напоминающее по своей тесноте городские поселки. Особняком стоит город Пинега, планированный с параллельными улицами и перпендикулярно пересекающими их.

На укладе жилья в широком смысле этого слова, т. е. на устройстве жилой части усадьбы и ее служб и хозяйственных пристроек естественно сильнее всего отражаются общие экономические и бытовые условия населения. На Пинеге эти условия довольно своеобразны. Несмотря на огромную площадь Пинежского бассейна и относительно малую населенность [1]) земли удобной для обработки и для жилья очень мало. Большие пространства заняты болотами, лесами и заливными лугами. Наделы в Суре всего по 300 кв. саж. на едока, в Поганце—по 370 кв. саж., а в прочих обследованных местах (Карпогорье, Кеврола, Покшеньга и под городом Пинегой)—400 кв. саженей. Сеют, кроме хлеба, коноплю и лен. Конопля широко распространена, из нее ткут грубый холст и пестряди для одежды. Земля довольно плоха, требует удобрения, и своего хлеба на год не хватает. Поэтому держат скот: лошадей и коров.

Содержание скота затруднено в виду сложности ухода зимою в морозы и недостаточного количества удобных пастбищ, несмотря на заливные луга во многих местах. Лошадиные табуны обычно выгоняются на луг и ходят без надзора, уходя иногда довольно далеко (верст за 20). В весеннее время заливные луга бывают крайне опасны; всего за несколько дней до нашего приезда в Суру, благодаря дождю, выпавшему в верховьях р. Пинеги, еще не вполне спавшая весенняя вода снова поднялась, залила луга, и под Сурой было вытащено из воды 7 трупов потонувших лошадей.

Естественно население ищет дополнительных заработков. Главными являются сплав леса весной и охота и рубка леса зимою. Сплавом леса по Пинеге и по притокам ее заняты мужчины, но иногда работают и девушки. Лес гонят в Архангельск плотами, самотеком. При быстроте течения (7 верст в час) Пинеги, ее заворотах, намытых песчаных островах и береговых обрывах (рис. 1) гон леса опасен, требует большого напряжения и уменья. В течение высокой воды гонщикам удается иногда проделать сплав до двух раз и заработать до 40 рублей.

---

[1]) По сведениям 1918 г. на одну квадратную версту приходилось в Сурской волости—1,9 человека, в Никитинской (ныне Карпогорской)—1,16 человека (Список населенных мест Архангельской губ., изд. Губ. Статит. Бюро. 1918 г.).

На охоту, преимущественно за белкой, уходят в лес надолго, верст за 80—150. Для остановок охотников и для их ночлега в лесах ставят особые избушки, бросаемые без призора на большую часть года. Эти охотничьи избушки чаще всего находятся в таких местах, в которые летом нельзя даже проникнуть из за болот и зарослей. Ружья попадаются и покупные, но до сих пор они выделываются и на месте. Одного из мастеров-оружейников удалось встретить в Засурье.

В связи с общими только что отмеченными условиями местной жизни и промыслами выросла торговля. Продукты охоты сбывались в удаленный

Рис. 4. Дом б. М. Коровина в Суре

город. Товары и хлеб нужный деревне, привозились из Архангельска в половодье и затем распродавались в течение года. Торговля могла быть только крупной. Теперь ее ведут кооперативы; в прежнее время она помогла образованию на месте отдельных богатых семей торговцев. С другой стороны, образованию экономически выделяющихся из общего уровня семей помогал выход на постоянный отхожий заработок мужского населения, не порывавшего однако с родиной. Чаще всего это были тоже торговцы, иногда даже столичные. Благодаря этому на р. Пинеге получилось довольно резкое расслоение населения по достатку, что естественно отразилось на жилище.

Нигде до сих пор не приходилось встречать такого разнообразия в размерах усадеб как здесь, притом имеющих давность почти около 100 лет.

В основе всех усадеб Пинежского района лежит тип большого северного двора-усадьбы. Этот тип описывался уже неоднократно, имея всегда некоторые местные особенности [1]); эти особенности весьма интересны и на Пинеге. Отличительным признаком типа является разделение усадьбы на две основные части—жилье, выходящее на фасад, к солнцу, и часть служебную, включающую в себя повить, крытый двор и хлева. Обе части двора-усадьбы соединены между собою коридором-мостом—по пинежски – „передъизьем". Все три основные части здания находятся под одной кровлей, без разрывов; жилье и „двор" стоят по одной продольной оси, а коридор идет в поперечном направлении. Каждая часть, кроме коридора, имеет большое количество видоизменений. Эти изменения носят частью обще-местный характер, частью индивидуальный для каждой усадьбы.

Большинство домов в один жилой этаж с высоким подвалом. Значительно реже дома в два жилые этажа. Последнее бывает лишь в очень больших домах по преимуществу (например, дома Нифантьева и Е. Т. Коровина в Ваймушах, дом Завернина в Карпогорье). Жилье бывает шести-, пяти-и четырехстенным (рис. 2, 4, 10, 14 и 15) по числу перпендикулярных фасаду стен. Все три вида одинаково распределены хронологически, так что установить в районе преимущественную древность какого либо из них не представляется возможным. Так в трех околах Пога́ницы (Пога́нца)—Песча́нице, Кома́рице и Бычихе, при подсчете получилось следующее количество домов: шестистенных—21, пятистенных—46, четырехстенных—9.

Хронологически для данного селения больше всего старых домов оказалось шестистенных, но были среди них и пятистенные, а наиболее архаический по типу дом, единственный, встретившийся во всю экспедицию дом с деревянной трубой—„дымником", т. е. с черной топкой, оказался пятистенным. Наибольшее количество новых домов, как и следовало ожидать a priori, по аналогии с другими местностями, оказалось пятистенными.

При шестистенном срубе отдельные части жилья имеют следующие назначения. Коридор, соединяющий повить с жильем-избой имеет, как обычно, значение сеней (местами его даже называют „сенями"). На Пинеге этот коридор (рис. 5—Б. I) называют „передъизье" или „передъызье" при неясности звука *и*, переходящего в *ы*. Из передъизья вход в „прихожую избу", иначе „прихожую комнату" (рис. 5—Б. II.), и в „чистую" или „белую избу" (рис. 5—Б. IV).

При пятистенном жилье названия сохраняются, но иногда вместо двух комнат с русскими печами одна из них, „чистая", бывает лишь с лежанкой.

---

[1]) См. К. К. Романов. Жилой дом в Заонежье („Крестьянское искусство СССР". изд. „Academia", Ленингр. 1927); там же указана основная литература.

„Прихожая изба"—главное жилое место, здесь идет вся хозяйственная жизнь, в ней же живут зимою. В белой избе зимою живут лишь очень большие семьи.

При шестистенном срубе между „жилой" и „белой" избами находится „заулок" (рис. 5—Б. III). Эта часть жилья бывает очень разнообразна по ширине, но всегда соединена дверьми с соседними жилыми комнатами и никогда не бывает соединена с передъизьем. В некоторых домах „заулок" носит характер отдельной комнаты даже с небольшой печью (дом б. М. Коровина в Суре—см. схема рис. 5 и рис. 4), причем имеет особо выде-

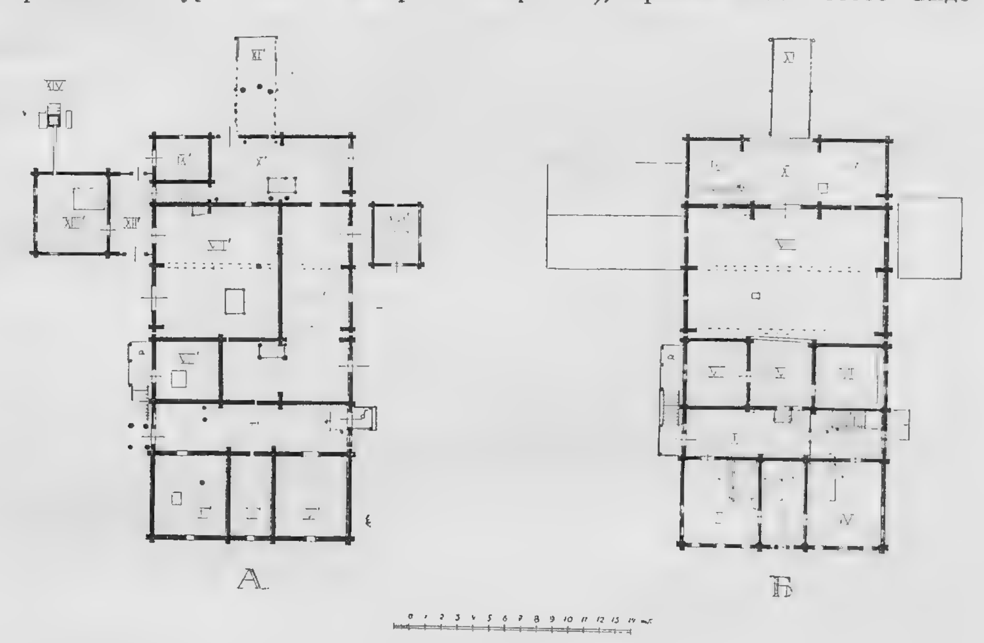


Рис. 5. Схематический план дома б. М. Коровина в Суре.
А. План нижнего этажа. I′—сени; II′, III′ и IV′—подклети; VI′ и VII—хлева; VIII′—двор; IX′—хлев для мелкого скота; X′—конюшня; XI′—мост (накат); XII′—„передъизье"; XIII′—„ниска изба"; XIV′—колодезь; XVI′—погреб.
Б. План жилого этажа. I—„передъизье"; II—„чистая изба"; III—„заулок"; IV—„прихожая изба"; V—переход на повить; VI и VII—клети; VIII—повить; IX—сеновалы; XI—въезд.

ленное очень широкое окно (особо выделенные широкие окна называют „тальянскими"), а в доме Нифантьева в Ваймушах заулок имеет два большие окна. Иногда же заулок бывает очень тесным (всего до 0,85 м. шириною) и сохраняя название „заулка" носит, рядом, название „чулана" (дом Суховерховых в Шотовой Горе). Как общий признак использования заулка можно отметить, что он никогда не бывает жильем в собственном смысле

этого слова; чаще всего предназначен для хозяйственного склада продуктов и предметов, необходимых при стряпне или бывает проходной комнатой. Иногда заулок почти не имеет освещения, так как свет попадает лишь через маленькое оконце волокового типа (рис. 6, 16).

В многократно наблюдавшихся случаях в районе Карповой Горы (в селениях Ваймуши и Шотова Гора, особенно в Ваймушах) заулок имеет конструктивно, как будто случайное значение. Ставятся рядом два сруба для жилья подобно тому, как это делалось в старых избах Вологодского типа [1]). При большой длинноте выпускных концов бревен в рубки в чашку (обло)

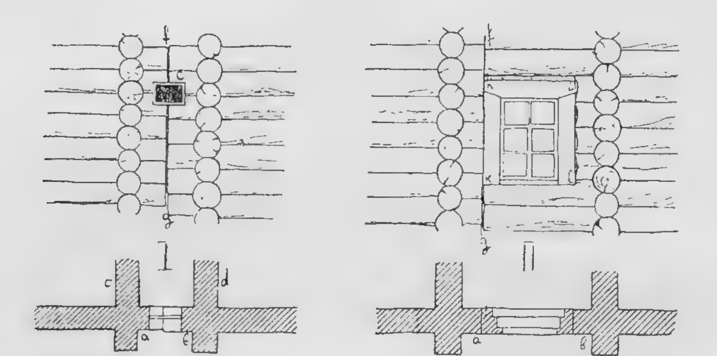


Рис. 6. Типы окон в „заулке“

эти концы (рис. 6—I, а и в) образуют между двумя внутренними стенами (с и d) промежуток до 1 *м* шириною, использованный под чулан. Для освещения в концах бревен вырубают небольшое отверстие (е). Случайность такого чулана подчеркивается отсутствием при его устройстве связи двух стоящих рядом и образующих его срубов; во всю высоту чулана идет стык торцов бревен (рис. 6—I, f—g), при чем ряды правого и левого срубов, даже не совпадают (дом Верещагина в Карповой Горе).—В Шотовой же Горе встречены заулки с окном, необычно врубленным в кладку (рис. 6—II). Оно образовалось благодаря тому, что рядом со срубом обычного вида, с обычной рубкой угла, под один с ним общий фронтон пристроен второй сруб, у которого для образования более широкого заулка далеко выпущены концы бревен. В них то и вырублено косящатое окно (hikl). Таким образом одна половина косяка примкнута к левому срубу, другая к вырубленным концам бревен правого сруба и вдоль левого косяка идет щель стыка двух срубов (рис. 6—II, fg).

[1]) Материалы автора—по Сольвычегодскому уезду. Ср. Д. Осипов. Крестьянская изба на севере России (Тотемский край). Тотьма 1924 г., стр. 6—9 и рис. 3.

Думается, что этой случайностью образования чуланов между двумя срубами следует объяснить самое появление в Пинежском районе заулка— проходной кладовой между двумя жилыми частями здания. Это же может быть косвенно подтверждено неточно-выработанным до сих пор служебным назначением заулка в жилье, следовательно и его относительно недавним образованием; но во всяком случае заулок должен иметь давность бóльшую, чем самые ранние из найденных датированных сооружений, т. е. ранее 50-х годов XIX в.

Передъизье и жилье всегда высоко подняты над землею. Помещение под жильем занято или складами (рис. 5—А, II', IV') или иногда непроходной глухой частью сруба, чаще всего под заулком (рис. 5—А, III').

Рис. 7. Дом Гр. Панфилова в Суре

Под передъизьем находится коридор с входами (*а* и *в*) по обеим сторонам, соединяющий входы с двором или непосредственно или только через крыльцо *а* (рис. 5—А). Крыльца в наиболее старых постройках устраиваются наружные, крытые, иногда с относительно сложной обработкой и резными поддерживающими столбами (район Суры по преимуществу). Нижняя, крытая площадка крылец часто делается вытянутой, вроде галереи.

Дворовая часть сооружения сохраняя общую схему северно-русских домов усадеб также имеет некоторые особенности [1]). „Повить“ обычно большая со „звозом“—въездом (накатом из бревен)—с ее задней, противоположной жилью стороны (рис. 7 и 8). При переходе с наклонного наката в помещение повити, очень часто устраивается не имеющее ворот помещение (рис. 5—Б, X) с двумя сеновалами по бокам (рис. 5—Б, IX); под накатом также обычно находятся помещения с дверьми—кладовые (рис. 7). Такого использования моста нет в большинстве северных районов.

[1]) Ср. К. Романов. о. с.

При переходе от сеней, если можно так выразиться про помещение X повити, в самую повить находятся ворота. „Повить“ всегда очень обширна, конструктивно сделана обычно с малыми врубами—контрфорсами для жесткости стен, а пол ее бывает несколько поднят против передъизья. Врубы-контрфорсы носят название „углов“. В части почти ближайшей к избе обычно бывает „боковуша“ обращенная окнами на восток (рис. 5—Б, VI), соответствующая горнице или клети [1]).

Рис. 8. Дом В. Заверпина в Карповой Горе (фасад выходящий на улицу)

Иногда симметрично ей по другую сторону входа из передъизья на повить устраивают вторую боковушу (рис. 5—Б, VII). При этом пространство между боковушами бывает иногда несколько приподнято против пола (рис. 5—Б, VII). В виде исключения боковуша бывает с топкой (встречено в Суре—дом В. В. Коровина). Помещение повити, как самое обширное во всем строении и обычно несильно загораживаемое, остающееся открытым и чистым, играет большую роль в свадебном обряде для торжественных собраний, а также бывало использовано для общественных гуляний и игр в праздничные дни, при ненастной погоде. Так в старом полуразрушенном доме Заверпина в Карповой Горе (рис. 8) огромная повить служила в старое время для „метищ“ [2]). Под повитью, как обычно в северных домах, находится двор „назем“ (рис. 5—А, VIII′), хлева (VI′, VII′, IX′,) и „стайки“ для лошадей (X′). Двор и хлева имеют отдельные входы снаружи.

[1]) Ср. ibid стр. 25, рис. 11,—IV.
[2]) См. ниже статью Е. Э. Кнатц.

Главной, наиболее интересной особенностью средне-пинежских домов-усадеб является развитие их в теплую сторону на юго-запад или запад в зависимости от направления главного фасада. Смотря на фасад дома, слева за крыльцом в Сурском районе обычно видна небольшая низкая постройка с окнами; под двускатной кровлей, конец которой перпендикулярен к направлению главной оси здания (рис. 5—А, XIII'; рис. 3). Сооружение стоит прямо на земле, имеет пол из наката и без перерыва соединяется с главной массой двора. Это так называемая „зимняя изба", „ниска изба", „скотня изба" или просто „скотник", самое название помещения определяет его назначение.

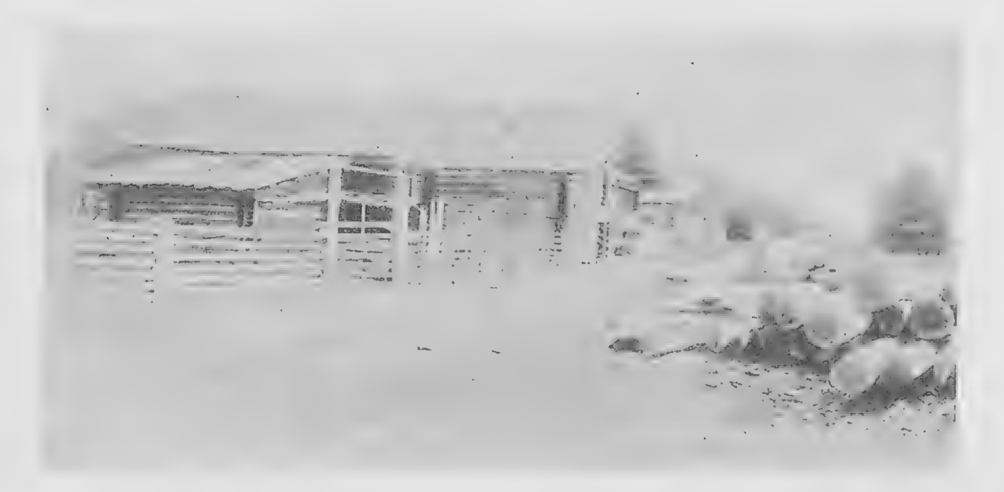


Рис. 9. Дом в Усть-Покшеньге

Зимняя изба всегда имеет печь. Окна с двух солнечных сторон. Перед избой (XIII')—„передъизье" (XII') соединяющее избу с двором, т. е. в миниатюре и в боковом положении повторяется расположение основной избы. Из передъизья зимней избы вход во двор непосредственно (чем она существенно отличается от главной избы) и есть отдельный самостоятельный вход по лестнице к сену, через помещение X на сеновал и на повить. В „нискую" или „зимнюю" избу очень часто бывает проведен желоб для воды, вычерпываемой из колодца (XIV') и идущей самотеком в чан.

Зимняя изба служит для приготовления пищи скоту в зимнее время и для отогревания скота. Наиболее развиты они в Сурском районе, но встречаются в Карпогорском и соседними с ним Кевроле, Покшеньге и Марьиной Горе; в этих последних районах „скотня изба" обычно меньше

и крыта не на два ската, как под Сурой, (рис. 3, 7,) а на один скат (рис. 9 и 14). Впрочем в самой Суре встречена зимняя изба частью углубленная в повить (дом В. В. Коровина).

Жители нижнего течения Пинеги не без издевки говорят про жителей верхнего течения (Суры и Нюхчи), что они живут зимой „в одних избах со скотом". Очевидно нижние пинежане имеют в виду именно эти зимние избы. Нам не приходилось слышать на месте о житье семей зимою вместе со скотом в „ниской избе", но устройство ее с удобными сообщениями со двором и

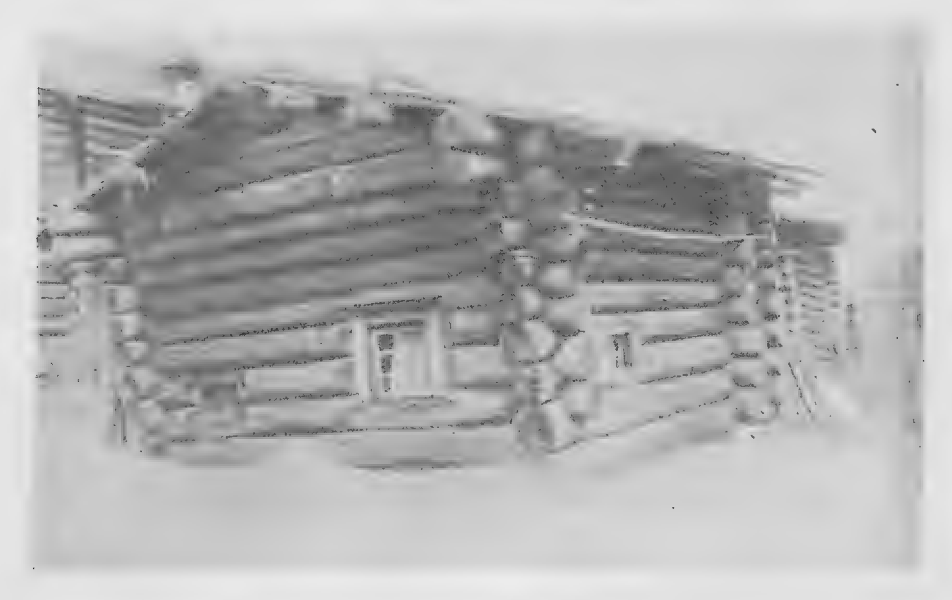


Рис. 10. Дом А. Беляевой в Карповой Горе

хлевами, рядом с отсутствием непосредственного сообщения со двором у большой избы указывает, что если теперь, быть может, и избегают жить зимою в скотной избе, то все же она служит зимним жильем, а возможно, что в такую жилую избу берут и отогревают скот. Жилье, притом редкой чистоты и опрятности, в „ниской избе" наблюдалось нами под Покшеньгой в д. Окол.

Переезд из одного помещения в другое в разные времена года нередкость на севере, а иногда даже связывается с гигиеническими соображениями уничтожения „гнуса" (в Сольвычегодском уезде и др.) [1].

---

[1]) Материалы автора.

Выше уровня повити и жилья находятся помещения под крышей. Над повитью—род антресолей для складов хозяйственных принадлежностей, над жильем—„вышка“ соответствующая „светелке“ [1]). Вышка иногда называется просто „чердаком“ (напр., в доме Суховерхова в Шотовой Горе). Ширина „вышки“, в связи с необходимой устойчивостью фронтона [2]), бывает всегда шире „заулка“, над которым она находится. Перед окном вышки обычно бывает балкон (рис. 4, 2, 14 и 16). Вход на вышку идет из передъизья у повити (рис. 5).

Чердачные помещения под скатами кровли по сторонам вышки, обычно называются просто „подволоками“; иногда они также устраиваются с окнами (дом Нифантьева в Ваймушах, М. Коровина в Суре—рис. 4).

Общий характер крестьянских домов-усадеб на Пинеге имеет значительные индивидуальные особенности, обусловленные временем постройки, местом постройки, связью владельца с городом, особенно же достатком его. Последнее в изученном районе дало особенно резкие примеры. На ряду с описанными огромными домами усадьбами с жильем иногда в два этажа, огромными дворами и большими хлевами, во время экспедиции был встречен и подробно изучен дом бобылки Беляевой в Карповой Горе. Этот дом представляет особо большой интерес, как по своей большой давности, так и типу рудиментарно повторяющему тип большого дома с соответственными достатку изменениями (рис. 10).

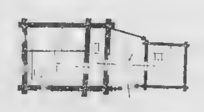


Рис. 11.
План дома
А. Беляевой

Жилье стоит прямо на земле, даже без подполья; дом состоит (рис. 11) из передъизья (II) и избы (I), разделенной перегородкой пополам. Отдельно поставлен рубленный из более тонкого леса „чулан“ (III). Промежуток между чуланом и передъизьем забран и имеет вход, — получилось нечто вроде сеней (IV). Таким образом помещения I и II можно признать за жилье, а помещения III и IV—за служебные.

При отсутствии специального хлева в доме Беляевой действительно видим сожительство зимою со скотом в одном помещении, т. е. единственная овца владелицы живет зимою возле печи (а) в особой загородке. При осмотре дома Беляевой резко бросается в глаза, что при сохранившихся в целости с давнего периода частях жилых и служебных построек пропорции их обратно пропорциональны нормальным. Всегда во всех северных домах площадь занимаемая жильем значительно меньше площади служебной—двора с повитью (например рис. 5). В описываемой постройке, наоборот, жилье по площади занимает больше места, чем служебная часть. Вырождение служебной

---

[1]) Ср. К. Романов о. с. стр. 31.
[2]) Ibid. стр. 31.

части особенно подчеркивается тем, что жилье значительно меньше самых небольших нормальных размеров жилья, определяемых длиной бревна, приблизительно в 3 сажени и тремя окнами на фасад. В домике Беляевой третьего окна не уместилось и срублен он из укороченных бревен, всего до двух саженей длиною; т. е. почти равен размеру нормальной бани или отдельно стоящей кладовке (рис. 10, 11). Причина конечно экономическая—бобылка „живет миром".

Дом выстроен около 70 лет тому назад и следовательно является безмолвным свидетелем резкого классового расслоения деревни уже в ту давнюю пору.

В конструктивном отношении припинежские старые дома усадьбы имеют в основе также обыкновенную северную структуру уже описанную [1]). Есть впрочем некоторые мелкие отличия и особенности.

Так олонецких „шариков" здесь не бывает; „охлупень" лежит прямо на тесе [2]) и держится только своей тяжестью. Охлупни применяются до сих пор во вновь строящихся постройках. Изготовление охлупня наблюдалось нами в д. Филимоново под Сурой. Водоспуск, „желоб" по пинежски, не имеет лотка до конца, так что вода стекающая по кровле не выходит из его выступающих концов; для ее выпуска у концов желоба устраиваются особые отверстия, но обычно они засоряются и вода идет через край желоба.

Для удержания кровли ее весом, подобно „гнетам" иных мест севера [3]), и на Средней Пинеге кровлю загружают идущими поперек ее ската бревнами, стянутыми у фронтонов поперечными досками, иногда декорированными.

Такие конструкции встречены под Сурой в д. Остров (дома И. Д. Дорофеева и П. Дорофеева) и в самой Суре (дом Ильи Григорьева). Вся конструкция очевидно по сходству с прибором для вышивания, носит название „пяла", а поперечина выходящая на фасад—„прялицы".

Сопряжения срубов, врубки различных частей и деталей не имеет существенных отличий от иных мест. Отметить можно лишь частое употребление коловорота, особенно в декоративных мотивах.

Декорация Пинежских домов за редкими исключениями не производит впечатления обильной и богатой, но на лицевом фасаде она все же значительна. Наибольшее количество деталей сосредотачивается на фронтоне у кровли. „Охлупни" часто обрабатываются в виде головы зверя или птицы,

---

[1]) Л. В. Даль. Материалы для истории гражд. зодчества. „Зодчий" 1874 г. В. В. Суслов. О древних деревянных постройках северных окраин России („Очерк по истории др.-русск. зодчества". М. В. Красовский повторил то же в издании „Курс истории русской архитектуры" т. I, Спб. 1889 г., 18916 г. К. К. Романов, о. с. стр. 30 и далее.

[2]) К. Романов о. с. стр. 33 к рис. 17.

[3]) Например, материалы автора из Сольвычегодского уезда и др.

как и концы „кур“, но бывают и почти гладкие (рис. 12). Различно обрабатываются „пропуски“, иначе „правки“—кронштейны поддерживающие фасадные навесы кровли; на них большею частью помещаются даты домов (рис. 13) и инициалы, а в редких случаях и полная фамилия владельца.

Рис. 12. Деталь дома Е. Е. Аверина в д. Прилук (Сура)

Края фронтона кровли убираются резьбой долбленой, а частью и прибитой гвоздями. Концы „подбоев“ (подзоров), обычно, имеют различной формы прорезную орнаментацию, преимущественно из плетенки. От охлупня

спускается вертикальная, также прорезная доска—„кисьˮ или „чускаˮ. „Чускамиˮ называются и прорезные концы подзоров (рис. 4, 14, 15, 16, 18). „Подбоиˮ и „чускиˮ прибиваются „подбоинамиˮ—гвоздями домашней ковки (Сура); „гвоздемˮ называют лишь гвоздь заводской работы.

Особенно разнообразно орнаментированы концы „желобовˮ. Эти орнаменты носят то скульптурный характер с отдаленным намеком на растительное

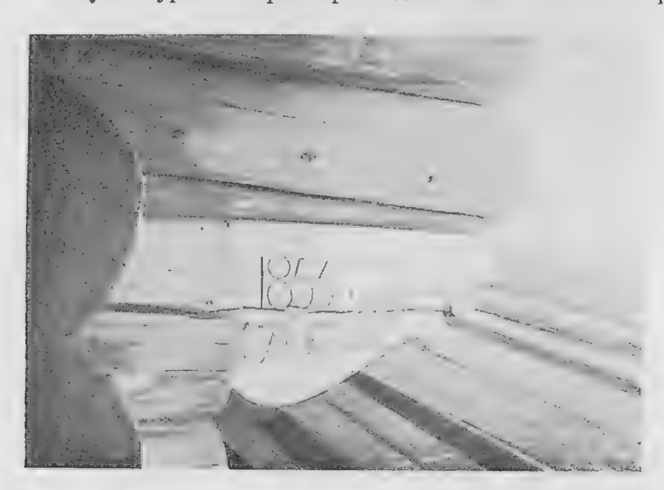


Рис. 13. „Пропускˮ дома М. Коровина в Суре с датой постройки

происхождение мотива, то почти процарапанного узора, как бы гравированного, на гладкой поверхности желоба. Последние мотивы новее и особенно часты в районе Карповой Горы, Ваймушей, Кевролы и Покшеньги, т. е. ближе к среднему течению р. Пинеги.

Основные стены здания, ниже фронтона, ограничиваются в своем убранстве устройством наличников вокруг окон, но это встречается сравнительно редко и только в самых богатых домах (напр. дом Е. Т. Коровина в Ваймушах). Обычно же обрамление окна остается в виде гладкого косяка. Под окнами часто делают выпуски бревен, „правкиˮ или „пропускиˮ [1]) на которые настилаются доски „сходнейˮ, иначе „балахонаˮ—обычного кругового балкона для затепления окон зимою (рис. 12). В богатых домах, украшенных наличниками, бывают балахоны даже с перилами из балясин (дома Нифантьева—1845 г. и Е. Т. Коровина в Ваймушах). Балясины—„баляскиˮ—токарные имеют формы конца XVIII и начала XIX в. и пришли в деревню под влиянием города. Маленький балахон с небольшой орнаментацией бывает и во фронтоне под окном „вышкиˮ как вообще у северных домов

[1]) Название сходное с кронштейнами под фронтоном.

(рис. 4, 9, 12, 14, 15, 16) [1]). Интересно отметить, что на одном из таких балахонов с балясинами в деревне Прилук под Сурой (дом Е. Е. Аверина) по верхней части перил были поставлены на правильном расстоянии друг от друга точеные фигуры, подражающие по форме вазам XVIII в. В этом можно усмотреть желание повторйть мотивы классических балконов или парапетов, на которых основные столбы бывают украшены вазами, а в про-

Рис. 14. Дом А. Щеголихиной в Кобелеве (Покшеньга)

межутках находятся перила из балясин. Эти мотивы городских орнаментаций всегда являются наносными, не меняющими всей структуры дома с его орнаментацией, основанной на технических особенностях материала и рубки.

То же наблюдаем и в новейших заимствованиях. Так в новых домах Карпогорья старая декорация заменяется набивной из досок с выпиленными украшениями. Мотивы этих украшений представляют странную смесь старых мотивов, сходных с мотивами плетенок „чусок", и мотивов пригородов конца XIX—начала XX в. с их неприятными формами „петушиного" стиля. (рис.15)

Кроме декоративных убранств домов связанных с деревянной конструкцией здания или с резьбой в дереве район средней Пинеги имеет некоторую цветовую орнаментацию. Чем пункт изучения выше стоит по реке тем вообще ее меньше.

---

[1]) Ср. К. Романов, о. с. стр. 31.

Однако уже в Суре были встречены легкие намеки на роспись фасада, а именно в доме М. Коровина, подробно изученном экспедицией и имеющем дату 1853 г., ставни окон во фронтоне и набитые над ними доски-наличники имели раскраску белым, черным и киноварью. Орнамент ограничивался каймами и геометрически правильно-разбитой формой розетки о шести концах (рис. 4).

В д. Абросово в Кевроле на доме сельсовета, возобновленном в 1895 г., кружки вырезанные на пропуске крыши (аналогично форме, „пропуска" на рис. 12) были окрашены средний—черным, а два боковые киноварью; бревна кронштейна сохраняли естественный тон.

В Немнюге встречены также росписи деталей и целый подбой выступа кровли выходящий на фасад, расцвеченный в прямую шашку белым, красным и черным цветами с преобладанием белого и красного (деревня Рубцово).

Наконец в Покшеньге у ряда домов раскрашены детали и подбои кровли, а иногда и весь фасадный фронтон, при чем наряду с красным и белым тонами здесь попадаются синий, желтый и зеленый (дом Увара Амосова в д. Красной и Моисея Амосова там же). Раскраски имеют здесь установленную давность более 40 лет, т. е. относятся ко второй половине XIX в.

В Ваймушах расцвечены наличники окон и балясины балахонов в домах Е. Т. Коровина и Нифантьева. Краски употреблены белая, зеленая, желтая и красная.

Встречены окраски сходные с Сурскими и под городом Пинегой в ближайших деревнях (Великий Двор и др.).

Раскраска домов преобладающая в нижнем и среднем течении Пинеги показывает, что едва ли она может считаться давне-пинежской, так как среднее и нижнее течение реки Пинеги больше подвержено новейшим течениям, связывающим ее с нижним течением Северной Двины и с „волоком", ныне трактом, с р. Пинеги (от Труфаногорья и Усть-Ежуги) на р. Мезень.

Присутствие особенно богатых по росписи домов в бассейне реки Мезени где они более часты чем на Пинеге показывает как кажется район, с которым следует в основе вязать Пинежские росписи домов.

Среднее и нижнее течение р. Пинеги как раз было до Труфаногорья путем давних сношений Северной Двины со средним течением р. Мезени, следовательно общность основных приемов убранства домов росписью может в этом иметь некоторое обоснование.

Подтверждением тесных сношений Средней Пинеги со Средней Мезенью в живописном отношении служит также обилие на р. Пинеге Мезенских прялок и подражание их росписи на р. Пинеге, в Шардомени и Покшеньге (близ Карповой Горы) [1]. Более близкие сличения живописных убранств бассейна р. Пинеги с бассейном р. Мезени требуют, однако, дополнительного собирания материала на Мезени и в нижнем течении Пинеги.

---

[1]) Крайне интересной по своим приемам росписи прялок Мезенского типа занималась член экспедиции А. Д. Стена. Ср. Л. Г. Оршанский. Художественная и кустарная промышленность СССР. Изд. Акад. Худ. 1927. стр. 15.

Как следствие разновременных местных бытовых особенностей в районе реки Пинеги, изученном экспедицией, различаются особенности каждого сельского объединения, несмотря на относительную территориальную близость их одного к другому. Эти особенности настолько резки в их совокупности, что разделяют все течение Пинеги на группы по признакам самых разно-

Рис. 15. Дом Н. С. Девятого в Карповой Горе

родных материалов искусства. Те же группы отличаются и особенностями жилья. Из исследованных районов Сурский, Карпогорский с Кевролой и Покшеньгой и район под городом Пинегой с самим городом носят каждый свой своеобразный характер.

Дополняя сказанное ранее, следует отметить, что Сурский район представляет особенно резкое смешение старых традиций с новейшими мещанско-городскими. Сура—родина известного в свое время Иоанна Кронштадтского, приезжавшего на родину и „благодетельствовавшего" ее. С ним пристоличное мещанство влилось в самую Суру (в околы Погост и Горушку) не коснувшись окрестностей. Кронштадтский „починил" две старые церкви, перенеся одну на новое место и перестроил каменную, придав ей пошлый облик ремесленного подражания стилю Наполеона III, и выстроил монастырь. В селе, на ряду с отличными старыми постройками, в роде дома М. Коровина 1853—

1856 г.г. (рис. 3, 4) появились дома под городской тип, обшитые досками, и дома с „мезонином“. При чем все значение мезонина, как использование пространства под кровлей уничтожается тем, что этот мезонин самостоятельным срубом поставлен над нижним срубом и крыт отдельной самостоятельной кровлей, поднимающейся довольно высоко над кровлями, перекрывающими части нижнего сруба, так что мезонин имеет открытые боковые стенки. Дом оказывается составленным из широкого нижнего сруба и узкого верхнего, крытых отдельно, напоминая этим, отчасти гуменные постройки некоторых местностей части РСФСР (например, в б. Пошехонском уезде Ярославской губ., в Ленинградской губернии и пр.). Видно неосвоенное по существу подражание. Наиболее типичным признаком данного района являются развитые „зимние избы“ (рис. 3), помещения под въездом на повить (рис. 7) и развитые крыльца-галереи (Поганец, Гора, и др.). Почти всегда на старых домах бывает дата вырезанная на „пропуске“ (рис. 13).

Здесь же, в Поганце, был встречен единственный за всю экспедицию дом с деревянной трубой сколоченной из тесин на шпонках — „дымником“, т. е. с топкой по черному, в котором уже не жили из за его старости [1]).

Район Карпогорья также полон смешения старого строительства с новым в его центре—Карповой Горе, крупном торговом пункте. Но здесь в отличие от Суры городские влияния более провинциального характера и заметно их более постепенное, последовательное внедрение. Есть полукаменные дома, дома с декорацией из выпиловки (рис. 15), дома обшитые досками, больница из нескольких флигелей обычного новейшего казенного типа и такая же школа, даже с палисадником.

Рядом сохранились отличные типы старых домов (Верещагина, В. А. Заверина) и здесь же оказался, отмеченный выше, дом бобылки А. Беляевой (рис. 10 и 11).

Окрестности сохранили тот же старый тип построек. В Шотовой Горе встречен любопытный старый дом Суховерхова, выстроенный в 1809 г. и лишь переделывавшийся позднее (рис. 16). Дом обычного типа для хозяина среднего достатка с тремя окнами, из которых одно косящатое, на каждую сторону. Сохранились все документы по первоначальному ряду с мастерами на постройку. Дом подробно изучен экспедицией.

В окрестностях же Карповой Горы на некоторых постройках сказались очень явно влияния городских типов обработки начала XIX в. (дома Нифантьева 1845 г. и Е. Т. Коровина в Ваймушах). Владельцы их действительно бывали в городах и вели с ними торговлю. Усадьба Е. Т. Коровина интересна еще тем, что имея большой участок земли, отец владельца обстроил вокруг обыкновенного, но очень большого дома, весь свой двор отдельными хозяйственными постройками: сараями, кладовыми и даже особой постройкой

---

[1]) В Шотовой Горе на кровле дома Суховерхова были найдены остатки такого же „дымника“, но дом уже имел кирпичные трубы, а на смену ему заканчивался новый.

для торговли, подражая в этом городскому двору, но на свой крестьянский лад.

В Карпогорском районе полнее чем где либо на Пинеге прослеживается старое экономическое расслоение крестьянского населения. В этом сказалось его большое торговое значение издавна.

Рис. 16. Дом А. И. Суховерова в Шотовой Горе

Районы Кевролы, Немнюги и Покшеньги в отношении характера построек приближаются к Карпогорскому в его наиболее сохранивших старую основу частях. Но в районе Покшеньги необходимо отметить наиболее развитую роспись изб, что невольно связывается с производством здесь же расписных прялок, хотя в отношении состава росписей роспись прялок и роспись домов резко отличаются.

Роспись встречена и в районе Немнюги, но в более ограниченном количестве.

Наконец город Пинега с его окрестностями дают опять новый интересный общий облик. Здания в окрестностях города по типу стары и приближаются по некоторым деталям к формам встречаемым на Северной Двине. Так здесь встречено крыльцо на одном столбе (деревня Овраг). Отверстия

ворот бывают со срезанными углами, т. е. с трехгранным верхом вместо прямой балки. Опять, как в Суре, попадаются даты домов на „пропусках“ (кронштейнах) под крышей. Здесь же встречаются амбары с накатом наклонно положенным по скатам фронтона (рис. 17). Следовательно того типа, где нет отдельного потолка и потолочное перекрытие сливается с обрешеткой для удержания кровли.

Сам город Пинега, ныне безуездный, все же довольно оживлен. В нем есть большие каменные здания, например, школа. Кроме общего расположения правильными улицами старый город виден и по усадьбам городского, мещан-

Рис. 17. Амбар С. Лысого в д. Великий Двор под г. Пинегой

ского типа в одну сплошную линию; с заборами, воротами, открытыми дворами и мелкими домиками. Но выполнение технически сближает их с крестьянскими приемами постройки, как выполненными теми же руками.

Есть даже дома с чисто деревенской техникой настила крыши, по слегам и курам, с „желобами“ и охлупнями.

Но особый интерес представил в городе дом А. Семкина (рис. 18). Он обратил на себя сначала внимание необычайной формой фасада с воротами посредине. Ближайшее исследование показало исключительное значение этого дома для изучения усвоения городских форм провинцией, или деревней [1]).

У владельца дома оказался проект 1816 г. для постройки, любезно уступленный экспедиции. Фасад проекта (рис. 19) дает формы типичной

---

[1]) При работе в Пинеге местных же крестьян плотников усвоение городских форм и их переработку в г. Пинеге можно признать переработкой и усвоением крестьянскими.

каменной (кирпичной оштукатуренной) классики конца XVIII в., вышедшей из французского классицизма. Стены гладкие, на середине фасада находится плоская ниша с полукруглым верхом; в ней вход в первый этаж; боковые стороны дома с двумя окнами в два этажа; в средней части окна сближены. Фасад увенчан фронтоном.

Рис. 18. Дом А. Семкина в г. Сурс

В исполнении проекта видим переработку его в дереве и применительно к формам деревянного деревенского строительства. Тройчатое деление фасада сохранено, но соответственно двум боковым частям и средней нише возведен двухэтажный шестистенный сруб, т. е. в типе обычного крестьянского шестистенного сруба, имеющего „заулок" посредине (ср. рис. 4). Вместо краев ниши получились торцы средних стенок сруба, но при переходе к фронтонной части не расширен средний сруб для уширения „вышки", а торцы стенок, ограждающие заулок, идут до верху подражая нише проекта. Кроме того влияние проекта сказалось в том, что весь фасад дома очень плоский, без балкона вверху, как было бы по традиции, и без балкона между этажами. Особенно же резко отличие от обычного типа домов то, что вместо трех окон в каждой из боковых частей дома, или трех и двух

(ср. рис. 4, 14), в доме А. Семкина по два окна с каждой стороны, как на проекте. Такой резкой картины переработки городских, даже столичных форм и с такими точными материалами как проект и его выполнение кажется

Рис. 19. Проект 1816 г. для постройки дома, ныне А. Семкина, в г. Пинеге.

ни разу еще не было отмечено в литературе. Дом Семкина показывает, насколько важно при изучении крестьянского строительства параллельное изучение мелкого городского строительства, особенно деревянного; специальное полное исследование дома будет дано в ближайшем будущем.

А. М. АСТАХОВА

ЗАГОВОРНОЕ ИСКУССТВО НА РЕКЕ ПИНЕГЕ

I

Резкие контрасты в быту, явление вообще характерное для современной деревни, на каждом шагу поражают на Пинеге. Здесь рядом с ЗАГС'ом мирно уживается старинный свадебный ритуал; здесь среди взрослого мужского населения, в значительной своей части грамотного, живут остатки народной демонологии, и крестьянин бывалый, работающий на лесосплавах, не только знающий город Пинегу и Архангельск, но бывавший и в Ленинграде, серьезно рассказывает о леших, водящих людей по лесу, о домовых и обдерихах; крестьянка, снявшая по своей личной инициативе в избе образа, с глубоким чувством поет стих „О прекрасной матери пустыне[1]", а знахарка с многолетней практикой подает заявление о принятии ее в коммунистическую партию и публично отрекается от своей профессии[2]).

Здесь, на Пинеге, мы находим в большей сохранности, чем в обследованном в прошлом году Заонежье, старые формы народного искусства: песня в большей мере сохраняет свою старинную конструкцию; духовный стих встречается чаще и менее деформирован; новые записи низшей эпической песни часто мало отличаются от записей, сделанных Григорьевым 27 лет тому назад; здесь бытуют еще древние свадебные обряды и остатки праздничного ритуала. Здесь еще в полной мере сохраняет свое обрядовое значение и широко распространен заговор. Почти в каждой деревне можно найти двух-трех человек „со знатьём", т. е. признанных, как мастера своего дела.

Иногда они владеют еще довольно значительным репертуаром (в 10 заговоров и больше), имеют постоянную клиентуру в своей и соседних деревнях и обслуживают население по целому кругу явлений. Однако, сосредоточение большого количества заговоров в одних руках несомненно становится все более редким, и старушка Е. Ф. из Суры, передавшая мне 26 заговоров, оказалась исключительным явлением. „Таких здесь нет, которые много знают", говорили мне в д. Марьина Гора: „всё помаленьку". Среди знахарей порой встречаются и такие, слава об искусстве которых по-

1) Т. Д. М. 40 лет. Карпогорье, д. Айнова Гора.
2) К. Ф. Н. 39 л. Сура.

реносится далеко за пределы родной деревни, и за помощью к которым в особо трудных случаях обращаются иногда из за нескольких десятков верст. Чаще всего такая известность обусловливается специализацией в области одного явления. Мы наблюдаем также значительное распространение заговора, конечно, заговора на рядовые явления крестьянской жизни, и среди массы населения, непрофессионалов, которые пользуются знанием, часто случайно им доставшимся, в своем домашнем обиходе.

Эта актуальность заговора, стоящая, казалось бы, в таком резком противоречии с моментами нового культурного уклада, проникающего в Пинежскую деревню, как комсомол, школы крестьянской молодежи, женотделы и т. п., поддерживается целым рядом бытовых условий. Отсутствие хорошо и повсеместно налаженной медицинской помощи побуждает население обращаться к испытанным средствам народной медицины, травам, самодельным мазям, лечению водой и паром и т. п., и к тем лицам, которые умеют применять эти средства. Большинство этих народных лекарей, самочинных акушерок, костоправов, массажисток, быть может гипнотизеров, порой, действительно, весьма искусных, сопровождают лечение, по установленной и освященной веками традиции, „словами". Результаты, достигнутые отчасти врачеванием, отчасти внушением, клиенты склонны приписывать са̀мой таинственной части лечения—заговору. Живучесть заговора находится в тесной связи и с теми пережитками старых демонологических представлений, о которых я говорила. Верования в леших, домовых, в бесов, вгоняемых в людей, [1]) представления о болезнях, как о злой силе, которая нападает на человека,—заставляют прибегать к вековому средству борьбы с злыми силами, заговору и магическому обряду.

Вера в силу заговора еще очень крепка у пинежан. Среди женщин почти не приходилось встречать скептического отношения к заговору. Наоборот, на мои провокационные замечания, что знахари часто тем помогают, что „гладят", „кости расправляют", обычно возражали, что именно „слова помогают", „от слоф польза жывё". За все время нашего пребывания на Пинеге нам пришлось выслушать большое количество рассказов о случаях помощи, полученной от применения заговора. Рассказы о неудаче, постигнувшей знахаря, были единичны, а неудачу приписывали не самому факту заговора, а тому, что данный заговор оказывался дефектным, „не настоящим". Так, одна женщина средних лет из Марьиной Горы, глубоко верящая в „слова", сообщив мне заговор на ос, перенятый ею от одного мужика, „Митрия", прибавила, что сама заговор этот не применяла, и не знает, насколько он действителен, самого же Митрия на их же глазах оса ужалила в бровь—„Да над ним и смеялись!". Заговор на зубную боль, который она „в газетке нашла", она попробовала на приятельнице своей Василисе, „да не было пользы, так я и не говорю".

[1]) Так напр., повсеместно распространена вера в „икоты", которых можно наслать на человека. См. об этом Ефименко „Икота и икотницы". Пам. кн. Арх. губ. на 1864 г.

Среди мужчин отсутствие веры в заговор или хотя бы некоторое сомнение в его силе значительно более часты, и „жонкам“, обращающимся к знахаркам, приходится порой от мужей „таиться“. Но необходимость, а может быть, и желание „на всякий случай“ использовать все имеющиеся средства, заставляет и мужчин прибегать к знахарям, и нередки случаи, когда сами мужики посылают жен к бабке: „Робятишки всё ревут да ревут, а в больницу без пользы носят, вот и говорят—идите, ищите каку старуху!“. И, по словам нескольких женщин в Марьиной Горе, „к докторам мало обращаются“, все „ладятця“.

Вот этот спрос на заговор, наблюденный нами на Пинеге, поддерживающий знахарскую профессию, обусловил явление, широко распространенное на Пинеге, явление учительства. Заговорным словам и обрядам обучаются у родителей, родных, соседей, случайных проходящих и т. п., или для того, чтобы сделаться профессионалом и иметь заработок, или для того, чтобы иметь в запасе необходимые и часто требуемые в семье средства помощи. Так, с одной стороны образуются новые кадры знахарей, с другой стороны заговор, как обиходное средство, просачивается в гущу населения.

Ф. Н. В. из Покшеньги девочкой 13 лет научается от отца „править“, „чтобы кусок хлеба был“. Вместе с искусством костоправства отец научает ее и заговорам. Она же рассказывает, как, когда она уже была замужем, проходящий мужик, остановившись у них на ночевку, научил ее заговору от „волоса“: этой болезнью страдал ее сын, мальчик, и ни доктор, ни бабки не могли его вылечить. Одна из знахарок из д. Шотова гора, заговаривающая зубы, узнала свой зубной заговор, тоже еще будучи „девкой“, от какой то „проходящей сурской жонки“, к которой она, страдая тогда зубами, обратилась за помощью. Е. Ф. из Суры, вступив в дом своего мужа, проходит науку знахарства у своей свекровки и тогда же, еще с молодых лет, начинает „ходить по людям“. Сама Е. Ф. среди односельчан и в соседних деревнях имеет учениц; из них мне известны В. М. из д. Гора, занимающаяся практикой, и К. Ф. Н., о которой буду говорить дальше.

Таким же источником знания на целую округу является в настоящее время и старушка Н. Г. из Карповой Горы: по ее же словам, многие ходят к ней учиться.

К самому моменту такого „учительства“ отношение совершенно простое. Здесь нет убеждения, что заговор теряет свою силу в руках того, кто сообщил его другому лицу, убеждения, с которым, пришлось столкнуться в Заонежье [1]), в экспедиционной работе прошлого года. Только раз на прямо поставленный мною об этом вопрос было заявлено, что потеря силы может произойти лишь в том случае, если передача совершается от младшего к старшему. Передача же от старшего к младшему, равно как и от молодого к молодому, заговора не портит.

[1]) Помню как там одна Шуньгская знахарка, очень ко мне расположенная, трогательно просила меня не сердиться за отказ сообщить заговоры, мотивируя этот отказ так: „Со словами моими жаль мне расстаться“.

Из приведенных выше примеров видно, что основным стимулом к передаче заговора является стремление обеспечить куском хлеба младших членов семьи. Стариков побуждает передавать свое знание и убеждение, довольно распространенное в некоторых местностях, что „если знаешь колдовство, то не умереть". В иных случаях мы имеем дело с простой готовностью оказать услугу и приобщить и другого к столь нужному в крестьянском быту знанию [1]). Но нередки и материальные соображения: за „обучение" можно взять и некоторую плату [2]). Не останавливает и естественно долженствующая возникнуть мысль о возможном соперничестве: спрос на заговоры велик, следовательно без клиентуры не останешься. И мне ни разу не пришлось столкнуться с боязнью потерять свой заработок, в случае сообщения своего знания, как это случилось опять таки в Заонежье. Там одна знахарка из Шуньги даже наотрез отказалась сообщить мне заговоры на том основании, что я стану у нее „хлеб отбивать", причем не действовали и уверения других женщин, что я „иностранная".

II

Вот этот, характерный для Пинеги, в области бытования заговора, момент учительства необычайно облегчил работу по собиранию заговора. Пинежане в общей массе своей далеко не столь приветливы и доверчивы, как жители Заонежья. Они часто упорно скрывали знание таких видов народной поэзии, как духовные стихи, из боязни, как бы не вышло для них какой либо неприятности. В то же время они нередко сравнительно легко соглашались сообщить мне заговоры. Позиция горожанки, приехавшей в деревню учиться искусству, которого не знает город, а которое между тем может помочь там, где не помогают больницы и доктора,—оказалась совершенно понятной и внушала полное доверие. На Пинеге почти не приходилось прибегать к той хитрости, без которой невозможно было обойтись в Заонежье, где нужно было или самим являться в качестве клиентов, или, ссылаясь на различные беды, приключившиеся с нашими близкими родными, просить научить нас соответствующему заговору [3]).

Совершенно, однако, понятно, что все же и мы постоянно сталкивались со страхом: „как бы чего нибудь не вышло", тем более, что на Пинеге был ряд случаев гонения из за знахарства. Порой приходилось довольно долго упрашивать и уговаривать, было несколько случаев прямого запирательства или решительного отказа. Факт преследования особенно осторожными сделал мужчин, и получить от них заговоры было гораздо труднее, чем от женщин.

[1]) Таковы обычно случаи передачи заговоров странниками, прохожими старушками и т. п.

[2]) Мне известно, что Н. Г. за науку платят. Берет деньги за обучение и Е. Ф.— за 1 р. она обучила К. Ф. Н.

[3]) Так, мы бывали матерями детей, страдающих бессонницей, золотухой, родимцем и т. п., тетки наши страдали от грыжи, мы сами от тоски и т. д. и т. д.

С женщинами же в большинстве случаев удавалось установить простые и доверчивые отношения, и они добросовестно передавали часто почти решительно весь репертуар. Вознаграждение при этом брали не все, и были случаи категорического отказа от денег.

Боязнь преследования отразилась и на составе нашей коллекции: в ней почти отсутствуют так называемые „черные заговоры"—без молитвенных слов и направленные на принесение вреда. Постоянное же подчеркивание некоторыми знахарями „белых" свойств своих заговоров: „У меня веть слова не скверные", „У меня слова всё хорошие", „Я ницего не хочу плохого"—невольно вызывали предположение, что есть, может быть, даже у них же, и другие слова, „скверные", но добыть их было невозможно.

Самый момент передачи заговора на Пинеге совершенно прост и лишен всякого ритуала. Чаще всего знахарь обучает заговору, т. е. произносит его, а обучающий тут же заучивает его. Но иногда знахарь диктует свои слова. Так, у К. Ф. Н. были записаны заговоры Е. Ф. Ф. Н. Г. в ответ на мою просьбу сообщить свое знание сказала просто: „Ну что же, научу. Ты как? Запишешь? Ну запиши, запиши!" Факт записи, очевидно, является для нее делом обычным. Е. Ф. Ф. после записи каждого заговора велела прочитывать вслух и проверяла правильность записи. Но и записанный заговор заучивается наизусть и произносится на память. Листочки с записями заговоров, которые в значительном количестве мы находили в Заонежье, здесь нам не попадались. Только однажды мы встретились с фактом произнесения заговоров по „книжке". „Книжка" эта оказалась двумя тетрадочками; одна заключала в себе молитву св. Сисиния от лихорадки, другая—10 довольно сложных заговоров; последнюю знахарь сам предложил мне, сказав, что у него есть еще вторая, такая же. Записи же достались ему от отца. Никаких слов на память знахарь этот не знает[1]).

Передача мне заговоров наиболее известными знахарями происходила чаще всего следующим образом: знахарь вел меня в отдельную горницу и там, с глазу на глаз, диктовал свои слова. Обряд обычно не рассказывал, а демонстрировал, показывая, как и куда следует становиться, как производить то или иное действие.

III

Из числа 29 человек, давших нам заговоры, только пятеро—мужчины,—факт, который лишь отчасти объясняется отмеченным выше более затрудненным доступом к мужчине собирателю заговоров, к тому же женщине. Главным же образом, заговор вообще распространен преимущественно среди женщин. При этом наиболее популярные знахари и знахарки принадлежат к самой старшей группе населения, среди молодых профессионалов почти не встречается. Связь знахарства с материальными условиями жизни, на основании

[1]) М. П. О. 70 л. из д. Киглахты.

нашего небольшого материала, установлена быть не может. Среди наших знахарей есть и одинокие и бедствующие старушки или женщины, на плечах которых большая семья. Но встречались нам и такие, которые являются, видимо, членами хорошо налаженной и не бедствующей семьи. Однако, особых достатков мы ни у одного пинежского знахаря не наблюдали, как то было в семье прославленного в Заонежье колдуна В. И. Т. из района Шуньги, вся обстановка дома которого скорее напоминает обстановку зажиточного мещанина, купца средней руки, чем крестьянина.

Обычное подразделение профессиональных носителей заговора, по характеру их репертуара, на две основных группы, „колдунов" и „знахарей", мы наблюдаем и на Пинеге. Здесь также различают лиц просто „со знатьём", людей, ничем не выделяющихся среди других, кроме знания ряда магических слов и действий, и—таких людей, силу и успех которых обуславливает связь с таинственными, сверхъестественными и, именно, „нечистыми" силами. В первом случае все дело только в обыкновенном знании. Стоит лишь перенять заключающие в себе силу слова и действия, научиться произносить и выполнять заговор, как следует, и можно будет с таким же успехом вызывать и устранять те или иные явления. Знание вторых—таинственно и страшно, так как требуются особые условия, чтобы им владеть [1]. Заговоры первых преимущественно лечебные, вообще имеют в виду пользу человека и обычно сопровождаются „божественными", т. е. молитвенными словами. Заговоры, которыми владеют вторые, или касаются особо трудных случаев, как пропажи, обнаружение вора и т. п., или даже направлены на вред человека; это так называемые „черные" заговоры, произносящиеся без молитвы. Но если эта обычная группировка и существует на Пинеге, то пользование терминологией при определении того или иного профессионала—крайне неотчетливое. Слово „колдовство" то употребляется в его специфическом значении, обозначая особое знание, то применяется к обычному знахарству. Так, Т. А. Ш. из дер. Пога́нцы, отрекомендованная односельчанами, как „колдунья, которая ото всего помогает, всё знает", оказалась при близком знакомстве заурядной знахаркой с очень ограниченным знанием. Таким образом, оперирование этим термином может привести к некоторым недоразумениям. Чаще, колдовство в специфическом его значении именуется „черным колдовством". „Чёрный колдун, кто чёрные слова знает и с боровым знаетця". Наименование „знахарь" мне пришлось встречать редко. Желая же определить принадлежность к данной профессии, употребляют выражения; „бабит", „ладит", „шо́пчет" или вышеприведенное „со знатьём".

По полученным нами данным черный колдун на Пинеге, хотя еще и не вывелся окончательно, но уже в некоторых местах отходит в область предания. В Сурском районе вообще не могли указать таких колдунов, но много рассказывали о недавно умерших стариках, которые известны были, как

[1] „Есть такие, что с боровыми знаютця, так это страсть какая!" Старуха О. из Киглахты.

колдуны. Так, напр., на Марко́ве был старик, который сам говорил, что может напустить бесов. Другой, Егор Никифорович из дер. Прилук, тоже водился с нечистой силой. Однажды к нему пришел мужик с Марко́ва с просьбой научить его, чтобы во́рон птицу не клевал. Тот повел его в баню и предложил ему снять крест: „Ну, говорит,—полош крест пот пету́“! Еще недавно были старики, знавшие „бесопрогонные травы“, при помощи которых находили скотину. Таким образом, все рассказы сурских жителей относятся к прошлому, хотя бы и недавнему. В районе же Карпогорья черные колдуны еще существуют и сейчас; мне называли О. Д. на Земцове (Покшеньга), О. и К. В. на Карповой [1]), и С. в Кевроле [2]). К сожалению, видеться ни с одним из них не пришлось: В. и кеврольского колдуна не было в те дни, когда мы работали в их районах, специальную же поездку в Земцово (оно не вошло в круг обследуемых деревень) пришлось отменить ввиду спешного выезда экспедиции из Покшеньги (по случаю обмеления реки). Рассказы об этих колдунах приписывают им в качестве главного знания, отличающего их от обыкновенных знахарей, уменье найти пропажи. О. Л. в одной семье в д. Карпова Гора вернул пропавшую корову. В соседней комнате наговорил соль и дал эту соль со следующим наказом: „В трубу брось и зареви, как зовут коровушку, скажи: Пестронюшка, приди! Потом иди искать. Да как дойдёшь до колодца, так увидишь следы“. Так и случилось. К нему же обратились Осиповы с Киглахты с просьбой найти утерянный котел. Он пропажу нашел: „отбросили“. Предлагал даже сделать так, чтобы взявший сам принес, но они этого не захотели. О. Д. из Земцова по шерсти с пропавшей скотины может найти скрывшего ее человека. Он же может сделать так, что человек, если пролезет сквозь расколотую сосну, увидит все, что ему надо. С таким же успехом относительно пропавших телушек действовал и покойный колдун Левонтий с Марьиной Горы. Но одно из главных таинственных знаний черных колдунов это уменье „портить“ человека. Порча выражается в насылании „бесов“ и „икот“ [3]).

Однако, есть колдуны, которые пользуются своей силой исключительно в целях добра. Про того же земцовского колдуна я слышала следующие отзывы: „Ничего не берет, а людям добро делает“; „человек хороший, рыбы много ловит (тоже при помощи особого, тайного знания) и всех кормит, поит и ничего не берет“. Подчеркивалась его скромность: „О. Д. не хочет славитця, а может дойти“ (т. е. все сможет сделать). Оценки эти даже порождают сомнение в „черном“ колдовстве О. Д. Но, повторяю, с такими колдунами нам не пришлось лично иметь дело, и основательно обследовать и изучить удалось лишь вторую группу—знахарей. Ими мы сейчас и займемся.

---

[1]) Специалисты по обнаружению пропаж.
[2]) Умеет отводить порчу.
[3]) См. Ефименко „Икота и икотницы“. Пам. кн. Арх. губ. на 1864 г. стр. 75—93.

IV

Если, как было показано раньше, вера в заговор крепка еще среди пинежан, то тем более убеждены в силе своего знания сами носители заговора. Сообщение заговора, которое производилось вообще в высшей степени серьезно, сопровождалось обычно словами: „Присухи те хорошо действуют, очень хорошо“; „Она (корова) встрехнётця, как поплещеш, и ей на пользу“; „все в нашем околке так делают, и коровушки у нас и не ночуют“ [1]); „Никакой пузырь не появитця, слова эти хороши для ужога“; „Кабы не эти слова были, я бы калекой была̀, муж хара̀ктерный был, он спьяна раз человека убил“ [2]) и т. п. М. П. О. 70 лет из Киглахты, по словам параличной старухи М. Н. О. из той же деревни, которую он заговаривал от лихорадки, сам весь дрожал во время чтения заговора—молитвы св. Сисинию—„боялся, что бес начнёт из меня выходить и на него набросится“. Е. Ф. Ф., когда к ней однажды обратились родные больного ребенка, предупреждает их о страшном действии ее заговора „на цехоту̀“: ребенок может сейчас же после заговора умереть [3]). Много рассказов о всевозможных случаях помощи от заговора я услышала от самих же знахарей, причем не было никаких оснований сомневаться в искренности их убеждения.

Только в двух случаях мне пришлось выслушать от самих знахарей признание, что они не верят в заговоры, причем второй раз—от бывшей знахарки. Оба эти случая на фоне общей безграничной, почти не допускающей малейшего сомнения, веры, представляют большой интерес. Первая знахарка—Т. А. Ш. 45 лет из дер. Пога̀нцы. Это худая, болезненная женщина с мягким взглядом и приятным лицом. Вдова, живет с тремя детьми в страшной, сразу бросающейся в глаза, нищете, в тесной, смрадной хибарке, совсем разваливающейся, на краю деревни. Два мальчика, 10 и 17 лет, и девочка 14 лет—раньше были в приюте, но после белых приют куда то перевели, и дети теперь при матери. Об их бедности говорили на деревне и, видимо, очень их жалели. В начале нашей беседы Т. А. боялась и не доверяла, даже пыталась опровергнуть ссылку на нее, как на знахарку, но затем призналась в своей профессии и стала откровенной. В заговоры, по ее словам, не верит. „Всё это ложь, я сама как больна, в больницу обращаюсь“. На вопрос, что она делает, как скотине не можется, она отвечала: „Воды в туеске̇ зачерпну, поверчу и обдам скотину водой: нашим бабам и достаточно“. Знахарством занимается от нужды: „Коровушку поплещеш—кто пирог даст, кто жытник“. Жалуется, что сейчас плохо уже стали верить и меньше к ней обращаются.

---

[1]) Т. е. не остаются на ночь в лесу.

[2]) Женщина 40 лет из Шотовой Горы. От пьяного мужа у ней несколько раз исполох был.

[3]) Заговор представляет обращение к матери сырой земле: „К себе принимай, а нет—дак нам отдай“. После заговора или наступит исцеление или ребенок умрет: „Чахнуть больше не будет“.

Невозможно, конечно, категорически утверждать, что подобные признания знахаря всегда вполне искренни, что здесь не может быть особых побуждений, заставляющих скрыть действительное отношение к делу, но в данном случае весь облик этой женщины, весь тон ее разговора оставил во мне полное убеждение в искренности ее признаний.

Совсем другое впечатление от „бывшей" знахарки из Суры, К. Ф. Н., по прозванию „горбуши". Это—маленького роста, горбатая женщина 39 лет, рыжеволосая, с короткими волосами и острыми, беспокойными зеленоватыми глазами. О ней, еще до моего знакомства с ней, слышала от сурского учителя следующее: два года она активно работала в женотделе, в прошлом же году хотела поступить в партию и публично отрекалась от своей профессии, говоря, что занималась ею из нужды, впредь же знахарствовать не будет; но ее все же в партию пока не приняли и дали годовой срок испытания. Вот ее собственные слова об этом: „Четыре года не занимаюсь практикой, та́к, как ветром всё унеслось, ничего не помню", „занимаюсь теперь общественным". Мне она ни за что не хотела дать и так и не дала ни одного заговора, все время повторяя, что решительно все забыла. У меня допытывалась, для чего же это нам нужно: „для практики, чтобы практику наладить, или для потехи?". Никакие мои доводы и разъяснения не действовали, и она все время стояла на том, что нужно все старое искоренить, „чтобы никакого невежества не было", а мы напечатаем—„попадётся это бабам, а те и начнут снова колдовать". Во все время разговора смотрела на меня испытующе, видимо желая проникнуть в мои тайные побуждения и боясь как нибудь себя выдать, в чем нибудь промахнуться, что потом сможет ей повредить. Отсылала меня к другим, которые „действительно знают": „если уш говорить, то абзалютно половина села все эти бабьи запуки знает". Из всего разговора я вынесла определенное убеждение, что горбуша себе на уме, что она напряженно следила за собой и за мной, что заговоры она, весьма вероятно, помнит и сейчас, но твердо и искусно выдерживает свою роль: „раскаявшейся" и „все забывшей" знахарки. О том, верила ли она раньше в свое знание или лишь пользовалась суеверием своих земляков—вынести определенного суждения так и не удалось.

Знание заговоров, как уже было сказано выше, на Пинеге часто соединяется с различными видами народной медицины, с применением целебных трав, всяких смесей, с умением править кости и т. п. Но такое соединение не обязательно, и есть знахари, пользующиеся только заговорными словами и обрядами. Таких, в большом количестве, мы встречали в Сурском районе, где наиболее выдающиеся знахари, как напр. Е. Ф. Ф., представляют этот тип знахаря, пользующегося исключительно заговорами. В районе Карпогорья мы имеем обратное явление: наиболее известные знахари, обычно, как правило, знают травы, лечат мазями и т. п. С другой стороны там встречаются, чаще среди женщин, люди, знающие целебные травы, применяющие их в своей семье и на стороне, и совсем не знающие заговоров, но, вообще, такие случаи редки. От двух женщин я получила подробные

и точные объяснения целебных свойств разных трав и, на образец, целый их набор, а в одной семье [1]) оказался и рукописный травник, которым там очень дорожат и который поэтому не удалось приобрести. С него лишь списано у нас несколько статей.

В области изучения заговора и его носителя—знахаря один из существенных вопросов—об отношении знахаря к хранимому им тексту и символическому действию. По самой сущности своей наиболее устойчивый, чем все другие формы народного искусства, заговор, однако, подвергается тем же, действующим и в других областях, разрушительным и творческим процессам. По отношению к тексту мы наблюдаем 3 основных момента. Первый из них—забывание. Явление это, связанное обычно со старостью знахаря, главным образом и обусловливает разрушение и искажение первоначального текста. В Карповой Горе мне пришлось иметь дело с совсем древней знахаркой, репертуар которой носит явные следы разрушения. Н. Г. почти совсем глухая старуха 86 лет. От нее, когда то, повидимому, одной из самых крупных знахарок в районе, мне с большим трудом удалось получить 8 заговоров. Заговоры она забывает, путает один с другим. С трудом вспоминая заговор, при его произнесении она часто переходит на другой, спохватывается, снова начинает вспоминать и т. д. Один из заговоров, который она хотела сообщить, „На кильё", так и не удалось вспомнить. Заговоры ее явно сокращенные, с утерявшимися деталями (особенно в перечислениях видов порчи), с несомненным распространением формул одного заговора на другие, забываемые. О точных размерах этих изменений, которые приводят к перестройке заговора, говорить невозможно, не зная текстов в том виде, в каком они были у лица, передавшего их Н. Г. Быть может, разрушительный процесс коснулся их и раньше, но факт искажений на почве забывания в обиходе самой Н. Г. является несомненным. Приведу, как образец, 3 ее заговора:

На грыжу: Сама мати носила, сама родила, фсе грыжы уговорила, серцеву, пупову, пахову. Грыжы загрызала, ела-заедала. По всяк день, по всяк час. Сонце на встоке, сонце на обедике, сонце на лете, сонце на шеломике, сонце на западе.

На родимец: Сама мати носила, сама родила, фсе родимци уговорила, чехотный родимец уговорила, ломотный уговорила, жылья уговорила, по всяк день, по всяк час. Сонце на встоке, сонце на обедике, сонце на лете, сонце на шеломике, сонце на западе. По всяк день, по всяк час.

На жабу: Сама мати носила, сама родила, сама фсе жабы уговорила, жаба серцевȧя, костовȧя, жыльная и пожыльная, в споя́х и в москȧх, никогда бы жаба не болела, не щепѐла. По всяк день, по всяк час. Сонце на встоке и т. д.

Все три заговора представляют очень известную формулу утверждения факта изгнания болезни самой матерью. Формула эта обычно применяется

[1]) Коровины из д. Ваймуши.

в заговорах на грыжу и на родимец. Распространение ее на „жабный“ заговор не наблюдается[1]). Естественно возникает предположение о перенесении этой формулы самой Н. Г. ввиду, во первых, общего состояния ее заговоров, во вторых—отсутствия в данном районе подобного заговора на жабу. В результате происходит упрощение заговорных текстов и сведение их к одним и тем же словесным схемам. Важно то, что Н. Г. и сейчас, несмотря на ее дряхлость, глухоту и потерю памяти, не только не потеряла практики, главным образом благодаря уменью „править“, но к ней многие ходят учиться. Таким образом, происходит распространение обедненных, элементаризированных заговоров или новых текстов, полученных путем перенесения традиционных формул с другого заговора.

Но подобные случаи неточной передачи заговора мы наблюдаем не только у тех, кому изменяет память. Порой мы встречаемся с фактом свободного отношения к тексту, при котором отсутствует стремление сохранить заговор в точности, со всеми мельчайшими его деталями. Что такое отношение существует, мы заключаем на основании тех случаев небрежной передачи текста, которую мы имели возможность наблюдать, когда не договаривалась, напр., часть заговора и делалась ссылка на другой: „можно сказать, как там“; или когда давалась возможность воспринимающему заговор самому дать нужную ему формулировку, напр., при перечислении видов зла: „Ну и всё там назови, что надо“ и т. д. В основе такого отношения лежит, очевидно, утрата восприятия заговора, как таинственного и магического действия, и развитие представлений о нем, как о чем то обыкновенном, обиходном. Важен заговор в его основных частях, потому что самый факт заговора нужен—без него не обойтись в крестьянском быту. Но совершенно не важно, если из 10 видов порчи будут выпущены два, или они будут названы не так и не в таком именно порядке. Не важно также, если из целой картины выпадет одна незначительная деталь. Такое отношение к заговору, вообще редко наблюдавшееся, чаще встречали у непрофессионалов, знающих заговоры для себя и охотно сообщающих свое знание соседям. Такое небрежное отношение к тексту ведет опять таки к разрушению заговора. Но в результате подобного отношения возможно и явление обратного порядка: заговор может перестраиваться, принимая в себя элементы других заговоров, впитывая новые мотивы, разрастаться и усложняться. Таким образом, на почве свободного отношения к тексту возникают не только разрушающие заговор, но и творческие, созидательные процессы. Некоторые наблюдения над различными изменениями в заговоре на основе нашего пинежского материала я излагаю далее, в специально посвященной этой теме главе.

Возможно, что это свободное отношение к заговору, которое мы наблюдали во время передачи его другому лицу, присутствует и в самый

[1]) Такого случая нет ни в наших собраниях заговоров Пинеги и Заонежья, ни в сборниках Майкова, Ветухова, Мансикка.

момент его восприятия, и некоторая перестройка заговора происходит уже при самом запоминании его.

Наконец, к 3-й группе знахарей следует отнести таких, которые владеют твердым текстом, стремятся сберечь его в чистоте и так же точно передать его. К этой группе принадлежит большинство наиболее известных знахарей. Они отказывались мне сообщать слова, которые „мало знают“, которых не могут „хорошо разъеснить“. Прежде, чем сказать мне, вспоминали заговор про себя, вслух, шепча привычной скороговоркой, для того, чтобы сообщить его в точности; после написания мною заговора заставляли перечитывать и проверяли, правильно ли все записано. Заговоры их разнообразны по мотивам и конструкции, и почти каждый из них представляет стройную словесную композицию, элементы которой тесно спаяны между собой и размещены в определенном, строгом порядке. Однако, мы вправе предполагать, что и знахари, принадлежащие к 3-й группе, бережно хранящие свои заговоры, все же их видоизменяют. Владея большим часто запасом заговорных формул, они невольно, конечно не замечая этого, варьируют отдельные места заговора. Но при той чуткости к слову, которая их обычно отличает, эти вариации находятся в полном согласовании с общим художественным целым и заговора не портят. Уловить однако эти проявления индивидуального творчества, о которых мы только догадываемся, при той временной работе, которую мы произвели, не представляется возможным. То, что сказано об отношении знахаря к тексту, может быть распространено и на отношение его к магическому обряду. Те же три основных момента и те же, связанные с ними, состояния этой части заговорного действия.

Закончу обзор знахарей описанием еще четырех из них, представляющих разновидности знахаря 3-й группы.

Е. Ф. Ф. из дер. Горы в Суре, 77 лет, уже не раз упоминаемая мной, представляет тип знахарки, бережно хранящей унаследованную ею заговорную традицию, огромная ценность которой для нее не подлежит сомнению. Это маленькая, сухонькая старушка, с приятным лицом, еще крепкая и подвижная. Пройти пешком к сыну в гости за 13 верст—ей ничего не значит. Гостя у сына, она нянчит внучек и управляется в дому. Неграмотна, заговорам научилась от свекровки и „ходить по людям“ стала с молодых лет. Двоюродная сестра Иоанна Кронштадтского, она получала одно время от него пособие и жила со всей семьей хорошо. В настоящее время, после выселения сына из д. Горы в д. Рощу, живет одна и кормится исключительно своей профессией, охотно также сообщая свое знание, за небольшие деньги, окружающим. Из ее непосредственных учениц называют В. М., К. Б. и К. Ф. Н., описанную выше. Известность Е. Ф. простиралась и простирается и сейчас далеко за пределы Суры: за ней приезжали даже из Ве́рколы.

Глубоко верящая в действие заговора, она искренно убеждена в той пользе, которую она приносит людям. Особенно подчеркивает, что даже „батюшка на исповеди благословил ее на пользу людям“. Получить от нее

заговоры, при содействии посула „что нибудь подарить“, оказалось довольно легко, хотя она несколько раз и высказывала опасение: „как бы чего дурного мне, старухе, не вышло“. В передаче заговоров проявила исключительную добросовестность. Вспоминала заговор, предварительно шепча про себя, как уже было указано; проверяла записанное, в деталях демонстрировала обряд и т. д. Не хотела сперва сообщать мне зубного заговора, так как „на зубы не лаживала“ и его „мало знает“. Передала мне весь свой, очень обширный (для Пинеги в наше время) репертуар (26 заговоров). Ее заговоры среди других выделяются стройностью композиции; значительную роль играет обряд; а со стороны предметной мы в ее репертуаре находим уже редко сейчас встречающиеся заговоры, каковы, напр. „Чтоб в замужестве хорошо жилось“, „Чтобы девушку почитали, чтоб красовалась в игры“, „Коүда девку нарежают на игру“, „Жениха призывают“. Травами Е. Ф. не поит и „ладит“ только словами. Е. Ф. в Суре, несомненно, единственная и, может быть, последняя классическая представительница старого заговорного ритуала, и на этом то и основан ее огромный авторитет в данной местности.

Исключительно обаятельный облик современной знахарки представляет К. Г. П. на 7-м десятке, из дер. Кулгоры близ г. Пинеги. Со спокойным лицом, с ясным взором голубых живых глаз, она во всей своей манере обращения выражает высокую степень собственного достоинства. Узнав, зачем я пришла, она сейчас же повела меня в отдельную горницу и стала передавать все, что знала. Просто и деловито сообщила мне свои познания, так же, как и Е. Ф. Ф., демонстрируя обряд. Ни разу не высказала недоверия, сомнения, ничего не пробовала утаить. От денег наотрез отказалась и только после большой настойчивости с моей стороны из небольшой суммы, мною предложенной, взяла 20 коп. „на свещу“, остальное возвратив мне. Владеет она почти всем запасом обиходных заговоров, которые тоже являются одними из самых интересных в нашей коллекции. К сожалению, за недостатком времени (нужно было торопиться на пароход) не удалось исчерпать ее до конца.

При лечении К. Г. поит травами, делает мази, но применяет и слова. Весь привлекательный облик К. Г., ее мягкая, спокойная манера, уверенная неторопливая речь—вполне уясняют ту силу психологического воздействия, которую такая знахарка может оказывать на своих пациентов.

Близок к типу К. Г. и М. П. О. 70 л., из дер. К. в Кевроле. Это—небольшого роста, весь белый, благообразный старичок с кроткими голубыми глазами. По словам жены, он „кроткий, ни с кем никогда не дрался“. Все, с кем приходилось о нем говорить, отзывались о нем, как о действительно много знающем и хорошем человеке: «Всякую боль укажет, доктор не знает, а он знает». Одновременно с заговорами он лечит травами и другими народно-медицинскими средствами, и в верхней горнице его дома сушатся бычачьи пузыри, рачьи клешни и т. п. Ходит и говорит М. П. степенно, беседует с большим достоинством, но чрезвычайно просто. Только раз,

мимоходом, высказал сомнение, не случится ли чего дурного из того, что он мне дал заговоры. Грамотный, заговоры произносит по тетрадке, слов на память не знает. Славится он, как целитель лихорадки, и среди записей имеет молитву св. Сисиния (единственный экземпляр, найденный нами на Пинеге). Если правда то, что о нем говорят (см. выше рассказ о том, как он изгонял лихорадку из параличной старухи), то он представляет интересный тип знахаря-мистика, еще сохранившего живое ощущение тех таинственных сил, с которыми ему приходится бороться. Момент заражения, передачи пациентам собственного настроения, естественно должен присутствовать в его практике.

Несколько иной тип представляет Ф. Н. В. 62 л. из Покшеньги. У ней нет той открытой и простодушной манеры, которая отличает предыдущих знахарей. Мои расспросы ее испугали до чрезвычайности. „Как я от тебя дрогнула!" признавалась она сама мне потом. С большим трудом, при огромном напряжении, шаг за шагом, не сразу, а в несколько приемов удалось мне выманить у нее 7 заговоров, но она, несомненно, знает еще.

Недоверие ее возрастало с каждым разом. „Ты что еще пытать меня пришла?" встретила она меня во второй мой приход. В словах: „Ох, и лихо же мне от тебя!" сказалось ее смятенное, тревожное состояние. Желая меня скорее спровадить, ссылалась на свою усталость, на то, что сильно хочется спать. С большей охотой она говорила мне о своем акушерском искусстве („смотри, какая у меня рука маленькая, нежная, мяхкая!") и о знании костоправства. Сообщила мне и несколько рецептов мазей на разные случаи. В этой чисто медицинской области она чувствует себя, видимо, прочно. Особенно старалась она мне подчеркнуть легальность своей профессии: „Все куманисты зовут. Мне это позволили. До Архангельска езжу. Вот четыре дня не спала, у четырех родимниц принимала". Это прочное положение акушерки и костоправки позволяет ей пользовать и заговорами, среди которых выделяется тщательно разработанный, чрезвычайно интересный обряд изгнания лихорадки. Между прочим, о ней, именно как специалистке по лихорадке, я слышала еще в Кевроле.

Таковы эти знахари, являющиеся наиболее яркими хранителями древней знахарской традиции на Пинеге на протяжении от Суры до г. Пинеги. Каждый из них воплощает в себе те свойства, которые, сверх общих бытовых условий, поддерживающих знахарство, укрепляют личный авторитет отдельного его представителя.

V

Круг явлений, захваченных Пинежским заговором, оказывается значительно более обширным, чем в Заонежье. Там заговор охватывал 21 явление, здесь 45[1]). При сравнении репертуара заонежского и пинежского с этой,

---

[1]) Всего заговоров записано 167. Ср. в сборнике Майкова при 372 загов.—93 явл.; Мансикка. Заговоры Пуд. у. 1914 г. 244 загов.—явл. 31. Он же. Заговоры Шенкурск. у. 1910 г.—81 загов. явл. 29.

предметной, стороны, намечаются чисто местные особенности, обусловленные чертами быта, верований, самой природы. Бросается в глаза полное отсутствие заговоров от укуса змеи, в связи с отсутствием змей в обследованном нами районе,—в то время как в Заонежье существуют специалисты, знающие, как лучше заговорить „гажью клёвольницу“. При полном почти отсутствии на Пинеге лугов, скот должен пастись в лесу; это делает присутствие пастуха бесполезным, и, как правило, пастухи на Пинеге (в тех местах, где мы были) отсутствуют. Среди заонежских заговоров видное место занимают так называемые „отпуска“, которые весной, перед выгоном скота, пастух, за определенную мзду, получает от колдуна. На Пинеге, по словам местного учителя, несколько ниже, за Марьиной Горой, где уже есть пастухи, можно найти и отпуска, но в районе экспедиции они отсутствуют. Но зато необходимы заговоры другого рода: помогающие найти потерявшуюся корову, предохраняющие хозяина от таких потерь, заставляющие скотину на ночь всегда возвращаться домой, не ночевать в лесу и т. п. В нашем собрании мы имеем целый ряд способов охраны скотины— от особо прочитанной молитвы до символических разговоров со святым, охраняющим скот. Частые потери коров, несмотря на ряд существующих оберегов, обусловили особый авторитет тех, кому удавалось каким бы то ни было образом найти пропавшую скотину, и в глазах населения такой человек становился колдуном, которому открыто знание, недоступное остальным. Вообще, заговоры на скотину занимают видное место в пинежском репертуаре. Очень распространен заговор „На подой“,—„когда корова легаетця“, затем следующие: „На нокоть“, „Чтобы корова не тоскнула“. „На пережов“ и т. п. Особенно интересны заговоры, представляющие различные обращения к домовому. Вера в домового, хозяина хлева, старого проказника, с его проказливой семьей, крепко держится на Пинеге, и эти остатки народной демонологии сохраняются в ряде пинежских заговоров. Приведу несколько из них, хорошо рисующих и образ домового, и отношение к нему населения.

„Для овечек, коγда что разладитця“ [1]).

„Господи Исусе Христе сыне божый, помилуй мя грешную. γосподи благослови.

Домовишко дедушка, принеси овецушек, принимай да пой, да корми, да жалуй, сам с жоной и с детьми. Домовишко дедушка, всех пой, корми овечушек, и ладь ладно и гладь глатко и стели им мяхко. Сам не обиждай и своих детоцек унимай. γосподи благослови“. (Зделать три маленьких колобоцка, из квашонки подскоблить. В хлеву в три угла по сонцу положить. Коγда колобок кладешь, 3 раза прочитать).

Чтобы домовой скотинушку любил [2]),—Во все четыре угла поклонитця и прочесть:

---

[1]) Из заговоров Е. Ф. Ф. Сура.
[2]) Из заговоров М. Н. С. 44 л. д. Марьина Гора.

„Дедушка Романушка и бабушка Доманушка, пустите во двор коровушку (имя), поите, кормите сыто, дроцыте гладко, сами не обитьте и детоцкам не давайте обидеть“.

Чтобы овецушки были покойны [1]). „Подвесить мешочек под потолок с серебреной денешкой. Будет он (домовой) денешкой играть и овечь не трогать“.

Среди заговоров, тесно связанных с чисто местными явлениями, следует еще отметить заговор „На волос“, болезнь, представляющую поражение организма, чаще всего ног, особого рода паразитами, производящими на теле язвы и раны. „Волос“, очень распространенный на Пинеге, настолько мучительная и в то же время трудно излечиваемая болезнь, что особенно ценятся немногие специалисты, умеющие избавить от этой болезни, „выгнать“ волос. Вообще же, из заговоров, касающихся человека, наибольшее распространение имеют следующие: „На грыжу“, „на родимец“, „на прикос“ (в Заонежье—„призор“), „на чахоту“, „на ураз“, „на исполох“, „на тоску“ и „на зубы“. В этом отношении круг наиболее обиходных заговоров тот же, что и в Заонежье, за исключением одного явления, которое, как отдельный предмет заговора, в Заонежье совсем отсутствует и входит в общий заговор—от призора. Это—„исполох“, который на Пинеге—один из основных источников ряда болезней и несчастий. Даже „волос“ приключается от исполоха. Другой источник всяких болезней и бед—порча—„прикос“ („само главно—исполох да прикос“). Прикосные слова, как в Заонежье „призорные“, известны не только специалистам, но являются наиболее обиходными словами.

Но кроме таких, широко распространенных повсеместно заговоров, Пинега сохранила и несколько, значительно более редких и, несомненно, очень старых заговоров. Наиболее интересные из них уже названы мною выше при описании репертуара Е. Ф. Ф.

В связи с сохранившимся еще ритуальным выходом девушки на праздник интересно отметить заговор, произносимый во время обряжения девушки на метище.

„Чтобы девушку почитали, чтобы красовалась в игры“. (На игру идешь, проговорить, так все в поцете будеш). „У отцовских доцерях да у деревенских молотцах раба Божыя (имя), как волк в овцах, и все девки овецьки, а я одна волцок. И как на хлеп, на соль цесть и слава, и на меня бы такова была цесть и слава во всяко время, во всякий час, во всякое игрище“.

„Когда дефку нарежают на игру“, (В воду спустить серебро или золото—крест с цепочкой—гладкой стороной погладить лицо). „Цыстое серебро, красное золото, з горы на гору, с приходу в приход, из монастыря в монастырь, как по мелким волостям, так бы меня рабу Божыю (имя) здрели, смотрели, и как воску ярова свеща тает и шает.

[1]) Л. Н. В. 57 л. д. Шотова Гора.

и она ясно горит, так же и у меня рабы Божыей крофь в лице таела и шаела и ясно горела при малых и при русых и при цёрных и при белых, при всех холостых и при женатых. γосподи благослови".

Наконец, следует коснуться заговоров, связанных с местными промыслами, охотничьих и рыболовных. В нашем собрании они почти отсутствуют (один заговор „на ловлю зверей" и начало заговора на рыбную ловлю), в силу трудности получения заговоров от мужчин. Женщины же их не знают, да и вообще они не входят в круг широко распространенных заговоров и известны лишь немногим. Так, напр., рассказывали в районе Карпогорья про рыболова Мину Григорьевича Миколаева, который заговаривает рыбу. Чтобы рыба ловилась, он у первого „хариса" „пожом хвост оттюкает" и пустит его в воду. Рыба хорошо клюет, „а этот харис последний клюнет, тогда уже и вся рыба". „Наверно и слова он знает: и другие рыболовы кругом него то же делают, да у них не клюет". Один мужик „коневал" М. Н. С—ой (Марьина Гора) прочел заговор на рыбную ловлю, „да не запомнила". А он говорил: „У меня ребята хош сколько наловят!".

Выше, говоря о разделении носителей заговора на черных колдунов и на знахарей, я отметила. как редко и с каким трудом удается выманить черные заговоры, вообще заговоры, направленные на вред человеку. Нам удалось записать лишь один заговор „На остуду" (от Е. Ф. Ф.) с довольно обычным мотивом враждующих животных и один заговор на случай „Если кто мешает, подруга или кто" (д. Киглахта), представляющий одно действие, без слов.

„Взять смоливый пень на дароге, который мешает. От него отколоть кусочек и положить к тому на двор. Отольетця все ему, ему будет плохо. Только бы люди не видели. Никаких слоф не надо".

Указанное действие несомненно принадлежит к числу колдовских „черных". Однако, на мой вопрос, надо ли снимать крест, знахарка испуганно возразила: „Что ты, без креста?!"

VI

Обращаясь к научному исследованию Пинежского заговора, мы встречаемся со следующими затруднениями: заговор в целом изучен мало. Правда, мы имеем ряд попыток осветить вопрос о происхождении заговора и его составных элементов [1]), существуют работы по изучению отдельных заговорных мотивов [2]). Но у нас нет еще научной классификации заговора, нет каталога заговорных формул, нет той систематизации материала, без которой так затруднено сравнительное изучение. Действительно, чтобы

---

[1]) См. Познанский.—Заговоры. Петр. 1917. У него же обзор исследований вопроса.

[2]) Главные: Познанский, o. c.; Mansikka. Uberrussische Zauberformeln. Helsg. 1909.

выяснить все своеобразные черты пинежского заговора, нужно в точности знать, что представляет собою весь заговорный материал, русский и мировой.

Нам, таким образом, в этой области сопоставления, придется ограничиться пока лишь самыми общими наблюдениями, основной же своей задачей поставить описание самого пинежского заговора.

Здесь мы прежде всего должны отметить довольно значительное разнообразие конструктивных форм. Почти все наиболее распространенные, „ходкие“ типы заговора встречаются на Пинеге. Я намечаю 7 основных типов по признаку построения, при чем в основу деления кладу способ организации основного ядра заговора, иначе говоря способ словесной формулировки желания, при помощи которой и стремятся добиться результата. Деление это я предлагаю считать лишь рабочим приемом, который поможет разобраться в значительном по количеству и разнородном материале, определить существенные моменты в построении пинежского заговора и выделить круг мотивов, которыми пользуется пинежский заговор различного конструктивного типа.

1-й тип представляет собою выражение желания, тесно связанное с предшествующей ему эпической частью, где изображены чудесные лица, животные, птицы и т. д. Заговор этого типа обычно именуется заговором с эпическим элементом или, просто, эпическим заговором. Тип этот на Пинеге самый распространенный (47 случаев из 142) [1]) Встречается он в трех основных разновидностях:

1. Желаемые результаты показаны в образах символического уничтожения зла или вызова желаемого, т. е. тех действий, которые совершают чудесные герои этого заговора. Выражение же желания со стороны заговаривающего отсутствует.

Вот образец этой разновидности:

„На нокоть, хоть лошать, хоть скотинку“. (от Е. Ф. Ф).

„Пойдет пар божий (имя) благословясь, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, на буйны ветры, на востоцную сторону. Есть тут стоят три брата пираторы, Ерофей, Дорофей, Ондрей. И пошли эти братья пар божий скотине (или лошадушке) нокоть изведывать да изгонять, нокоть дремучий, лягучий, жильный, суставный, серьцевой, нутряной, раздымный, и в печенях и в серцах. И погонили эти братья пар божый скотинке (или лошадушке) эти нокти из спины в гриву, из гривы в чолку, из чолки в ноздри, в сырую землю, там, где люди не ходят, птицы не летают. γосподи благослови“.

2-ая разновидность: Выражение желания присутствует и неразрывно связано с предшествующим описанием.

[1]) Всего заговоров 167, из них заговоров в тесном смысле, „словесных“—142 и 25 магических действий без слов или сопровождающихся церковными молитвами. О них будет сказано особо.

„На пережоф“ Когда скотине не можетця, не жует. (от Е. Ф. Ф.).

„Пойдет пар божый Чернонюшка благословясь, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, на буйны ветры, на востоцную сторону. Там есть синее море, в синем море серой камень, у серого камня лежыт щука, есть зубы железны, а глаза слюдяны. Она пьет и ест и пережоеват и переглотыват. Так же пар божый Чернонюшка пила бы, ела и пережоевала и переглотывала. γосподи благослови“.

3-я разновидность эпического заговора: Не указаны ни действия, ни состояния выведенных лиц; появление же их в заговоре лишь мотивирует обращение к ним заговаривающего с просьбой или приказанием произвести желаемое действие.

Таков, напр., заговор „Крофь заговаривают“. (от Е. Ф. Ф.).

„Пойду раба божья Анна благословясь, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами на буйны на ветры, на востоцную сторону, на синее море. На синем море есть Океан-building-остроф. На Океане-острове стоит бел шатер каменный. В белом шатре каменном сидит матерь божья богородица. Бери, мати божия богородица, золотые ключи, и отмыкай кованы ларцы и бери золотую иглу и шолковую ниту, у рабы божьей Анны крофь унимай и раны зашивай до семидесяти жил, до становой, до потстановной. Аминь, да γосподи благослови“.

Эти три разновидности эпического заговора мы встречаем и в других собраниях. Преобладание 1-й (20 загов.) и 2-й (18) над 3-й (9) тоже, повидимому, в великорусских заговорах явление обычное. Но, как момент, несколько выделяющий современный пинежский заговор, следует отметить большую сохранность чистых форм указанных разновидностей. Здесь реже встречаются усложняющие заговор дополнительные моменты, каковы, напр., формула изгнания зла самим заговаривающим, прибавляемая к заговору, в котором изгнание производится чудесными героями, или описание действия героя, введенное в заговор 3-й разновидности, где обычно это описание отсутствует, и т. д. В противоположность этому в заговорах Олонецких (нашей записи 1926 г. и в собрании Мансикка „Заговоры Пудожского уезда“ 1914 г.) такие осложненные, смешанные формы попадаются чаще [1]).

Характерной принадлежностью эпического заговора является, как известно, особый зачин, указывающий, куда идет и что делает заговаривающий или заговариваемый. Такой зачин имеется и у большинства пинежских эпических заговоров (36), при чем у некоторых знахарей действие, изображенное в зачине, передается, как действие, совершаемое заговариваемым, хотя бы это был младенец или скотина.

См., напр., начало заговора „На пережоф“.

[1]) Очень сложные формы эпических заговоров встречаем мы также в сборнике Майкова.

„Пойдет пар божый Черионюшка благословясь, перекрестясь, из избы дверьми“ и т. д.

Так же действует и „раб божии младенец“ в заговоре „На исполохи и на родимцы“.

Зачины эпического заговора на Пинеге крайне устойчивы и варьируются мало. Сравним хотя бы с зачинами выше приведенных заговоров Е. Ф. Ф., сурской знахарки, зачин карпогорской бабки М.

„Раба божыя Марфа, легу благословясь, пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, в цистое поле“.

Совершенно такие же зачины мы находим у знахарок Шотовой Горы П. М. Ч. и Л. П. В., у Ф. Н. В. (Покшеньга) и К. Г. П. (Кулгора, г. Пинега), т. е. на протяжении всего района обследования. Иногда (8 случаев) этот зачин осложняется еще прибавлением молитвенных слов: „γосподи Исусе Христе сыне божый, помилуй нас“ или „Во имя отца и сына и светого духа“.

Лишь в очень немногих случаях, главным образом в заговорах М. П. О., зачин заключает в себе большее количество подробностей.

Например, в заговоре „О прикосах“ говорится: „Во имя отца и сына и светаго духа, всегда ныне и присно, во веки веков, аминь. Лягу я раб божый имрек благословесь, стану перекрестесь, умоюсь свежею, ключевою водою, белым полотном утрусь и выйду на светое чистое поле, стану глазами на восток, тылом на запад. Помолюсь и поклонюсь и в ту восточную сторону“.

Большая пространность зачинов М. П. О. объясняется, повидимому, тем, что заговоры его сохранились в записанном виде.

Мотив чудесного одевания, нередкий в эпических зачинах, в пинежских заговорах оказался исключительным явлением (2 случая) В заговоре „От зглазу“ М. Е. Р.: „Небом покроюсь, зарей опояшусь, звездами поттычусь“.

В 11 случаях, однако, мы наблюдаем отсутствие традиционного зачина. В трех из них он заменяется молитвенным вступлением, в одном случае мы находим, вместо зачина, описание символического действия, совершаемого заговаривающим, которое и вводит нас в эпическую часть:

„Кладу я храмину на четыре ангела. В сей светой храмине есть четыре ангела...“ и т. д.

В семи случаях заговор сразу начинается с эпической части. При этом только один заговор содержит в себе явные признаки потери зачина. „Благословесь во имя отца и сына и святого духа, аминь. Тут идут охи, выполохи, исполохи, переполохи. Им идут на встречу Марья и Маремьяна“... и т. д. (от М. Е. Р. дер. Ваймуша).

Слово „благословесь“, может быть, остаток эпического зачина, слово „тут“ явно предполагает предшествующее указание, где происходит действие.

О заключительной части эпического заговора, замыкании, закрепке, я буду говорить отдельно, так как эта часть не является обязательной принадлежностью именно эпического заговора.

Обратимся теперь к тем мотивам, которые разрабатывает эпический заговор.

Мотивы эти тоже отличаются чрезвычайным разнообразием. Мы находим самые различные способы уничтожения зла и вызова желаемого, которые производят святые и чудесные животные. Зло просто гонят, отбивают, смахивают, смывают, отпиливают и отрезывают, выклевывают, загрызают, вырывают, закапывают, отстреливают; рану зашивают; желаемое посылают на стреле или отмыкают ключем. Таким образом, пинежский эпический заговор знает, за небольшим исключением[1]), почти весь репертуар колдовских действий героев великорусского эпического заговора.

Состав действующих лиц пинежского эпического заговора следующий: святые — Богородица, Исус Христос, Иван Креститель, Егорий, Власий, Михайло Архангел, Святой Антипа, Святые отцы Филипп, Лука и Ипат, св. Спсиний, Микола-угодник; кроме святых фигурируют три брата императора („пираторы“), две девицы, жонка и девка; из животных уничтожают зло чудесная щука с железными зубами или булатными щеками, волки с острыми когтями, птица с двумя носами, черный ворон, соколы и орлы. В заговорах, где изображено не действие, а символическое состояние, мы встречаемся с мотивами распинаемого Христа, мертвеца, враждующих животных, плавающего гоголя.

Одной из существенных особенностей в композиции заговора вообще является тесная связь и взаимная обусловленность отдельных мотивов. Так, за определенными лицами обычно закрепляется определенный способ действия или определенное состояние. Способ действия обуславливается назначением заговора, а действующие лица, в свою очередь, требуют для себя определенного фона, обстановки. Эту закономерность в использовании мотивов мы наблюдаем и в нашем пинежском заговоре, что и является главным свидетельством полной сохранности заговорных формул на Пинеге.

Укажу ряд примеров отмеченных связей в пинежском материале. Просто гонят зло три брата или две девицы; отпиливает и отрезывает Исус Христос, смахивает или смывает зло Богородица, она же зашивает рану, отстреливает Егорий и т. д.

При уразе необходимо зашить рану и, следовательно, действующим лицом является Богородица[2]). Но прикосы, исполохи, всякого рода порчу

---

[1]) Напр., отсутствует часто встречаемый мотив отстригания зла.

[2]) Ср. Майков. Отдел 25. Мансикка. Загов. Пуд. у. стр. 206; Ветухов; стр. 244.

можно и смыть и смахнуть и отстрелять — потому наряду с Богородицей в заговорах на прикос или на исполох фигурируют и другие святые [1]. Особенно тесная связь с характером зла и, следовательно, с назначением заговора — действий чудесных животных. Щука с железными зубами и на Пинеге обычна в заговорах „На грызь“. Введение этого мотива в заговор „На пережоф“ мотивируется той ее способностью („пережевывать и переглотывать“), которую хотят добиться для больной скотины. Чудесные птицы, а также волки с крепкими когтями действуют в заговорах на болезнь, которую можно представить излеченной путем „выклевывания“ или „вырывания“ (нокоть).

Крепко спаяны с определенными заговорами и те лица и животные, состояние которых символизирует состояние желаемое. Так, мертвец, у которого не ломят щеки и не болят зубы—обычная принадлежность заговоров на зубную боль, он же встречается в заговорах на ураз [2].

С заговорами на ураз связан и другой символический образ: распинаемого Христа, который „не чул ни раны, ни опухоли, ни болезни никакой“ [3].

В заговоре „На остуду“ дан обычный образ враждующих животных [4], а в одном из заговоров на прикос—образ серого гоголя, на котором „не держится ни вода, ни роса“ [5]—оба образа тоже встречаются и в других собраниях заговоров.

Теперь отметим связь мотива фона с выбором действующих лиц. Связь эта тоже традиционна. Чудесная щука всегда около камня или под плитой булатной [6]. Для святых, Богородицы, Христа и др. нужны престолы, или 40 церквей, или бел шатер каменный или, наконец, „золотая лесвица“ с небес [7]. Чудесные птицы сидят на сосне или сыром дубу, волки встречаются только в чистом поле, там же происходит встреча с чудесными девицами, там же лежит мертвец. Основным местом действия обычно является или берег какой нибудь воды или чистое поле. Чаще всего: синее море и на нем Океан-остров, или океан-море и на нем бел остров, или другая вода: река текучая, „реки текучии, ручьи гремучии“, морская пучина и, наконец, Дунай-река.

---

[1]) Ср. Майков. Отдел 32. Мансикка, стр. 192.

[2]) Ср. Майков. Великорусские заклинания, стр. 34; Ветухов, Заговоры, стр. 265; Виноградов. Заговоры, в. I, №№ 43, 106, 134; Мансикка. Заговоры Пудожского у., стр. 211 и дальше и стр. 206.

[3]) Майков, стр. 68. Ветухов, стр. 237 и дальше; Мансикка, стр. 208. Об этом мотиве см. Mansikka Uber russische Zauberformeln, стр. 260.

[4]) Мансикка. Заговоры Пуд. уезда №№ 179. 180, 182.

[5]) Ср. Майков. стр. 94, № 230.

[6]) То же в записях Ефименко. Пам. кн. Арх. губ. 1865. Ср. ее же запись в „Пам. кн. Арх. губ.“ 1864, В Олонецких заговорах (Виногр. Вып. I, № 42 и Мансикка №№ 64—65) щука или в море или плывет по реке.

[7]) См. Майков, преимущественно отдел 32.

Относительно обстановки следует еще заметить, что при всем разнообразии ее в пинежских заговорах определенно заметна некоторая повторяемость ее у одних и тех же знахарей: Так, у Е. Ф. Ф. при разнообразии центральных мотивов заговора обстановка повторяется: почти всюду — синее море и на нем Океан-остров; на острове же бел шатер и 40 церквей. Как меняются детали обстановки у разных знахарей, так меняются и описания действующих лиц. Сравните, например, следующие изображения места, где находится щука и описания самой щуки:

1)... Там есть синее море, в синем море серой камень, у серого камня лежит щука, есть зубы железны, а глаза слюдяны [1]).

2)... В океяни мори стоит щука зажарма, зубы зелезны, глаза бисерны [2]).

3)... В океан море лежыт три камня: камень белый, камень серый, лежыт плита улатна. Из этой плиты улатной идет щука, щука куюра. У этой щуки глаза бисерны, щоки укладны, зубы оловянны [3]).

4)... В том великом святом акияне море есть латырь горючь камень, под тем латырем горючем камнем есть велми велика щука рыба, головое на восток, а хвостом на запат, скулы медныя, щеки булатныя, зубы железныя, крылье золото [4]).

Эпические заговоры варьируются еще при помощи тех побочных мотивов, которые связаны с мотивом уничтожения зла. Это — формулы перечисления видов порчи или тех существ, которые эту порчу могут наслать, указания, куда гонят зло, когда происходит изгнание и т. д. То более краткие, то более пространные, они видоизменяют форму заговора, развертывая его иногда до очень больших размеров.

Приведу образцы сжатых и развернутых формул.

Формула перечисления: ...На том престоле сидит Иван Креститель. Ивану Крестителю взмолюсь и покорюсь и поклонюся: „Иван Креститель, сними у младеня (имя) уроки, прикосы и исполохи и родимци" (от К. Л. П., Пинега).

...Она (щука) ела-поела всякую изгадину из крутых берегоф, желтых пескоф, ела-поела у рабы Божыей (имя) всякую грыжу, чорную грыжу, красную грыжу, кильнюю, жыльнюю, паховую, хрептовӱю, становӱю, закладнӱю, суставнӱю, залокӧтную, заболонную и полудённую и полуночную".

...Так же буду у раба Божыя (имя), уроки, прикосы отговаривать, от мужыка, от горнеца, от бородоця, от жонки белоголовки, от девки простоволоски, от попа, от дьяка, от малого, от бла̀дого, от глупого, от табацьника, от желвасника, от

---

[1]) Е. Ф. Ф., Сура.
[2]) К. Г. П., Пинега.
[3]) Ср. Н. В. Покшеньга.
[4]) Из рукописи М. П. О., Кеврола.

колдуна и от болтуна, от думы своей и от всех ненавидящих людей (от М. Е. Р., Ваймуша).

Формулы места изгнания: «И не будет ей брать больше уроки-прикосы. Пойдите эти уроки-прикосы ко старому кокорю, пòд пеньё, пòд колодьё, под зыбучье клочье.

...А пойдите вы нецистые духи и переполохи и родимцы от раба Божыя (имя) прочь, за темные лесы, за высокие горы, за тихие за озёра̀. Есть там пустаедома и сухое дерево, там вам и питиньё и еденьё и все ку̀шаньё (от Е. Ф. Ф., Сура).

Обратимся теперь ко II типу пинежского заговора, который представляет собой непосредственное выражение желания без всякого предшествующего ему рассказа. Этот тип тоже принадлежит к числу самых распространенных и в нашем собрании представлен в 35-ти экземплярах. В единичных случаях (всего в 3-х) желание высказывается прямо, при некотором применении приемов метафорического стиля, напр. в заговоре „Чтобы в замужестве хорошо жыть". „У меня рабы Божией Анны было бы сердце зверино, а у него раба Божыя (имя) было бы сердце заячье. Двор мой, да и скот мой, да и терем мой, и в тереме люди все подножие мое (от Е. Ф. Ф.).

Обычно же заговор пользуется сопоставлением, т. е. представляет так называемую параллестическую формулу [1]):

„γосподи благослови. Как ты, мать сыра земля лежишь — не встрехнѐшся, не зворохнѐшся, так же раб Божий (имя) не встрехнулся и не зворохнулся да не убоялся никоγда, γосподи благослови".

Птиця-орлиця не может быть без гнезда — раб Божый (имя) без рабы Божьей (имя) не може ни жыть, ни быть, ни исть, ни пить.

Как известно, параллестический заговор встречается в двух формах, положительной и отрицательной. Отрицательная форма на Пинеге более редка (6 случаев), но встречаются такие формулы сравнения, которые, смотря по назначению заговора, могут быть даны и в положительном и в отрицательном виде.

Отсушка. „Взять песоцек с реки, где вода с водою не сходитця и в кушанье примешать".

Говорить: „Гора с горой не сходитця и вода с водой не сходитця, так же тот человек (имя) не сходился, не свидался" (имя, с кем).

На присуху—те же слова, только обратно. „Как гора з горою сходитця" и т. д. „Взять песоцек, где вода с водою сходитця".

Относительно образов, которыми заговор пользуется, следует сказать то же, что уже отмечено относительно мотивов эпических заговоров. И здесь мы видим значительное разнообразие и в то же время наблюдаем тяготение к закреплению за определенным явлением определенного образа. Некоторые мотивы этих заговоров совер-

---

[1]) См. Познанский, о. с. стр. 57.

шенно совпадают с мотивами эпических заговоров, напр. и здесь мы встречаем мотив распинаемого Христа и мотив мертвеца [1]). Но за исключением этих общих с эпическими заговорами мотивов заговор II-го типа имеет свой круг образов, большинство которых берется из мира окружающей природы и из бытовой обстановки [2]).

Стремясь изобразить желаемое для беспокойной скотины состояние, знахарь пользуется предметами, находящимися в покое. Это или „окладно бревно“, которое „лежит плотно и крепко“, или какой нибудь другой неподвижный предмет (стол, печь), или послед скотины, который лежит на земле „не шевелитця“. Или это, наконец, сама мать сыра земля, пребывающая в вечном покое.

„Стой созданье божье Пестронюшка на подое, не гледи на безумное морё—безумноё морё без ветра колыбит. Не гледи ни на батюшку, ни на матушку, а гледи на мать сыру землю. Мать сыра̀ земля не трѐхнетця, не воро̀хнетця. Также созданье божье Пестронюшка стояла бы на подое, не стрехнулася и не зворохнуласи, с ноги на̀ ногу не переступала бы и хвостом не махала и головой не вертела (Г. Н. К. Пинега).

Образом устойчивости служит и сохранность бытового обычая: „Как хозяюшка дёржитця повойницка, так же пара̀ божыя коровушка держалась подойницка“ (А. Ф. С., Марьина Гора).

К символическому образу покоя земли прибегают и в заговорах на исполох: „Как мать сыра земля не боитця ни стуку, ни грому, ни лошадиного поступу, ни соловьиного посвисту, ни молот децкого покрику, так бы раба божыя (имя) не боялась ни стуку, ни громун ни лошадиного поступу и т. д.“ (П. М. Ч., Шотова Гора).

В заговорах на исполох мы имеем и образ красного солнышка, которое не трехнитьця, не ворохнитьця, ничего не боитьця и не дрожжыт. Из мира природы берутся символы нечувствительности. „Как лёг и вода, как снег и земля не болит и не щепит, так и у рабы божыей (имя) тело не болело, не щепело во всяк день, во всяк час, во веки аминь.“

Для передачи красоты девушки используется образ „свещи воску ярова“, которая „тает и шает, и она ясно горит“. Скотинка, тоскующая по старому хозяину, должна у нового хозяина жить и веселиться, подобно

---

1) Это использование одних и тех же мотивов в заговорах разного типа, так же как и формальная близость этого типа заговора к той части эпического, где дается выражение желания („также и раба Божия и т. д.“) привели, как известно, к постановке вопроса о развитии одного типа заговора из другого. См. об этом Познанского. Заговоры. — Не берясь за разрешение этого вопроса в данной работе, мы все же должны сказать, что в Пинежском заговоре II-го типа с мотивами мертвеца и распинаемого Христа скорее следует видеть, по некоторым признакам дегенерации в самых заговорах, разрушенный и перестроенный эпический заговор.

2) Вот это существование своего, особого репертуара мотивов говорит нам скорее за то, что данный тип заговора происхождением своим не связан с заговором эпическим (или обратно), а развился самостоятельно на некоторых иных психологических основаниях.

вице, которая „росла и коренилась“. Тоска и кручина со скотины должны улететь, как пыль, как „дым“ и т. д. и т. д.

III-й тип заговора — представляет выражение желания в форме обращения. Записан он нами в 19 экземплярах. В противоположность второму типу, он представляет собою прямое высказывание, не облеченное в форму сравнения. Обращение это направляется иногда к самому заговариваемому, напр., „Парова̀ божыя коровушка (имя) стой под подойницьком, ночами не легайся, рогами не бодись, хвостом никоγды не машысь“.

Чаще же всего — это обращение к хозяину явления или к тому, кто вообще над данным явлением имеет власть. Сила, к которой обращаются за помощью, всегда одна и та же, при одних и тех же явлениях, хотя по своим подробностям заговоры на одно и то же явление и отличаются друг от друга. Так, в заговорах на тоску неизменно фигурирует вода, при этом вода текучая. „Вода водица, мать царица, сними тоску кручину с рабы божыей (имя), снеси в сине море, там песком замой, хрещом зарой, оттуда во век в век выхотцев нет. Аминь“. „Река тецица, мать царица, ты несешь пески и хрещи, серы камешки. И сними с рабы божыей (имя) тоску и кручину и снеси в синее море, замой песком, хрещом и серым камешком“.

При бессоннице детей обращаются к матенке-полуноценке, которая забавляется с ребенком и не дает ему спать: „Матенка полуноценка, не играй моёй дитёй, играй пестом да ступо̀й, помельней лапой“.

Виновник беспокойства скотины в хлеву—домовой, и потому к нему обращаются. Когда чахнет ребенок или взрослый,—призывает его видимо к себе мать сыра-земля, а потому и следует к ней обратиться со следующими словами: „Мать сыра земля, раба божья младеня к себе принимай, а нет—дак нам отдай“...

При зубной боли обращаются к месяцу и т. д.

Таким образом, за каждым явлением закрепляется как бы хозяин его, либо сам причиняющий зло, либо могущий исправить, уничтожить зло. В основе подобных заговоров лежат старые мифологические представления о могучих силах, управляющих разными явлениями. Пинега сохранила нам целый ряд подобных мифологических заговоров. Следует отметить в то же время полное отсутствие на Пинеге так называемых „ложных молитв“, особой разновидности описываемого типа, в которых в привычном молитвенном строе дано обращение к святому—специалисту в той или иной области. Обращение к святому встречается на Пинеге только в виде просительной формулы некоторых эпических заговоров.

Разновидностью III типа является обращение к самому злу. Возник этот вид заговора на основе представлений о болезни или другом зле, как нечистом духе, вообще как о чем то одушевленном, что можно „уговорить“, чему можно „приказать“, „пригрозить“. Недаром, к одному из подобных заговоров относится примечание знахарки: „Ходить кругом три

раза и уговаривать". Отличаются эти заговоры друг от друга, главным образом, характером этого „уговора". Здесь мы встречаем просительную форму, вроде: „Грышка ты грышка, родимая грышка, не грызи ты грышка раба божья" и т. д. форму приказа: „Цехота-сухота, пойди от раба божья человека (имя), отстогни и отойди от раба божья, отныне и де веку не вороши" и, наконец, форму угрозы: „Я тебя, родимец, пятами затопчу, я тебя родимец, коленками загнецю, я тебя, родимец, в колени защемлю" и т. д.

Заговор этого типа также, как и эпический, может быть осложнен введением мотивов перечисления видов порчи, места изгнания и т. д. Кроме того, часто вводится предмет, на который может быть перенесено зло. Напр.: „Грыжы, вы мои грыжы, родимые мои грыжы, грызите вы, грыжы, елку—береску, горькую осинку, но раба моего дитятка не тронь."

IV-й тип пинежского заговора представляет словесное разъяснение совершаемого обряда. К этому типу относятся лишь заговоры на грыжу (6 случаев) и один заговор на чахоту. Все 6 заговоров на грыжу лишь вариации одной и той же формулы: „Грызу́—загрызаю, ем—заедаю, грыжу заговариваю" и представляют разъяснение обряда „загрызания" (прикусывания больного места), который совершается.

Заговор на чахоту является словесной передачей обряда отдачи ребенка матери земле: „Повалить ребенка в поле, прикрыть скатертью и на него сеять". Говорить: „Сею-засеваю, сею-посеваю, младеня (имя) к матери сырой земли призываю".

V-й тип заговора, тоже не очень многочисленный (всего 6 случаев) является определенной устойчивой формулой, констатирующей исчезновение зла. Встречается в заговорах на грыжу и на родимец. „Сама дитя родила, сама носила, сама мати родимец уговорила, нимохот растоптала" и т. д.—следует перечисление видов порчи. „Сама мати носила, сама родила, все грыжи уговорила" и т. д.

Близкая к этому типу заговора формула, утверждающая самый факт заговора: „Забаиваю и заговариваю раб Божьй (имя) у сего младенца (имя) дитимец и родимец" и т. д. [1])—совершенно не встретилась на Пинеге [2]).

VI-й тип Пинежского заговора представляет символический диалог. Таков, напр., заговор, имеющий назначение заставить корову ночевать дома:

„Первый гром загремит, одной на шоске, другой в трубу голову запихать и зареветь: Илья Пророк, дома ли корова ночевала? Та, что на шоске: Дома, дома. Так до трех рас" (от О-ой, Кеврола).

Наконец, к VII типу я отношу такие заговоры, которые, не являясь ясно формулированной просьбой, обращением и т. п. представляют бес-

[1]) Виноградов, № 36.

[2]) Варианты этой формулы есть в нашем Заонежском собрании. См. также у Мансикка. Заговоры Пуд. у. №№ 39, 44.

связный набор магических слов, т. е. таких, которые сами по себе имеют силу достаточную, чтобы уничтожить зло или вызвать желаемое. Таков, напр., следующий заговор на зубы:

„Встану благословесь на утренней зори и на вечерней зори и буду говорить: нем, нем Лазарь, тридеветь, тридеветь, мѐртвые, мѐртвые зубы, замок в море, ключ в ро́те“.

Таких заговоров у нас всего несколько. Это не чистый вид заговора-абракадабры, а лишь результат разрушения прежде стройного и ясного эпического заговора, но об этом я буду говорить ниже. Чистых же образцов абракадабры на Пинеге не наблюдалось [1]).

Кроме отмеченных выше некоторых разновидностей указанных типов, на Пинеге отсутствует и формула врачебного совета. Правда, этот заговор вообще в России встречается не часто и преимущественно распространен на Западе [2]).

Но необходимо отметить значительное распространение на Пинеге, главным образом в Суре, дух. стиха, носящего в себе признаки заговора (врач. совета). Это „Богородицын сон“, начинающийся молитвенными словами:

„Ангел мой, сохранитель мой,
сохрани мою душу и скрепи серьце мое,
и врак—сатана откачнись от меня“...

Далее идет изложение видения Богородицы и изображение ее скорби. Заканчивается же стих след. словами:

„А сказывай этот сон старому и малому,
попам и дьяцькам.
Кто до трою на день процитае,
тому вецьная мука не будет“ (д. Засурье. Д. Р. Мерзлая).

В некоторых собраниях заговоров, напр. у Виноградова, мы видим при сохранении обычного вида стиха и значительную переработку его, так широко развертывается перечисление тех случаев, при которых будет помогать этот „Богородицын сон“ [3]). Такие переработки, при которых стих становится настоящим заговором, на Пинеге нам не удалось найти.

Перед нами теперь два вопроса, связанные с конструкцией заговора: 1) о зачине в заговорах не эпического характера, 2) о закрепках во всех заговорах.

Зачин в заговорах не эпических встречается редко. Из 93-х в 76-ти он совершенно отсутствует. Только в одном случае мы находим зачин, подобный традиционному эпическому зачину. Это—приведенный выше заговор

---

[1]) См. напр. у Виноградова, вып. I, №№ 104, 129 и др.
[2]) См. Познанский, о. с. стр. 64.
[3]) См. у Виноградова, вып. I, напр. №№ 24, 110, 11 и др. „Пойдет человек в лес, прочитает этот сон, не будет ему в лесу заблуждения. Пойдет человек на пир, прочитает этот сон, во пиру ни беды, ни напасти, ни колдуна, ни по̀ртешшика и т. д.“.

Осиповой на зубы, представляющий остатки разрушенного эпического заговора.

В 12 случаях роль зачина играют молитвенные слова. Наиболее часто повторяющиеся молитвенные зачины на Пинеге: 1. Господи Исусе Христе, сын Божий, помилуй мя грешного; 2. Во имя отца и сына и святого духа, аминь; 3. γосподи благослови.

Единичными оказались следующие: „Дай γосподи Боже рабу Божию доброго здоровья"; 2. „Помени γосподи царя Давида и всю кротость его" (2 случая).

В одном случае роль зачина играет описание действия, совершаемого заговаривающим: „Пойду раба Божья (имя) из парной бани и понесу раба Божья младенца... Далее следует сам заговор („Когда не спит ребенок". Е. Ф., Сура).

Перехожу к закрепкам. Наибольшее количество закрепок являются молитвенными словами (33).

Наиболее обычны: 1. γосподи благослови; 2. Во имя отца и сына и светого духа, аминь; 3. Ныне и присно и во веки веков; 4. Аминь; 5. Во веки веков Христу аминь. Более редко: тридевять аминь (3 раза).

Гораздо реже закрепки представляют замыкание или укрепление, в роде: „Пусть мои слова крепки да лепки" (у Е. Ф., Сура), „пусть мои слова крепки и ёмки и пусть моим словам клюць и замок и булатня печать. Аминь" (у П. М. Г. Шотова Гора), „Вот вам ключ и замок и весь заговор" (у А. Е. М., Сура), „замок в море, ключ в роте" (А. П. З. Шотова Гора).

Интересно отметить, что в районе Суры, в роли закрепки чаще всего употребляются молитвенные слова. В районе же Карпогорья повсеместно распространена особая форма закрепки, которая с некоторыми изменениями повторяется у ряда знахарок: у М. (Карпова Гора), у Л. Пр. В. (Шотова Гора), А. Ф. С. (Марьина Гора), М. Е. Р. (д. Ваймуша). Приведу наиболее полную редакцию (Р.) и самую сокращенную (В.): 1. „Которы слова переговорила, которы не договорила, которы остались назади, которы напереди, будьте мои слова крепким крепко, плотным плотно, клюцём замоцьком, моим заговором отныни и до веку" [1]). 2. „Кое слово забыла, кое прокинула, все вперёт выставай. Тем словам ключ и замок".

Встречаются также у некоторых знахарей слова, не имеющие столь ясного определенного смысла, тоже приближающиеся к абракадабре. Таковы закрепки некоторых слов М. П. О.: „Сей день, сей час. Сколько было, столько и будет. Где был там и .... сей день, сей час. И во веки веков. Аминь".

Н. Г. с Карповой Горы все свои заговоры заключает словами: „Сонце на встоке, сонце на обедике, сонце на лете, сонце на шеломике, сонце на западе. По всяк день, по всяк час".

---

1) См. у Виноградова, вып. I.

И, наконец, в одном случае мы имеем в качестве закрепки описание магического действия, которое уже больше не производится: „И отрезываю ножом, отсекаю топором“.

Подвожу итоги сказанному. Прежде всего необходимо подчеркнуть большое разнообразие (относительно общего количества собранных заговоров) разрабатываемых мотивов и обилие композиционных комбинаций. Я рассмотрела 7 основных типов пинежского заговора, но мы имеем и такие, которые осложнены прибавлением формул, обычных для другого типа. Так, напр., приведенный выше заговор „На подой“ К. Г. П. является, в сущности говоря, соединением II-го и III -го типа заговоров. Формула IV-го типа (Грызу-загрызаю) и обращение к злу (III-й тип) тоже иногда объединяются, иногда же прибавляются, как дополнительные моменты к эпическому заговору.

Наиболее распространенными являются эпические заговоры и параллестические формулы. При всем разнообразии мотивов мы можем выделить некоторые, излюбленные. Таковы: 1) мотив загрызания—12 заговоров, из них 4—с образом чудесной щуки; 2) мотив устойчивости—12 заговоров, из них 4 с мотивом застывшей в покое земли; 3) мотив ссылания зла с перенесением его на другой предмет—8 заговоров; 4) мотив мертвеца—9 заговоров; 5) мотив распинаемого Христа—8 заговоров; 6) мотив текучей воды, уносящей зло—6 заговоров.

Мы отмечали также сохранность взаимной обусловленности отдельных заговорных элементов, которая говорит нам о прочности пинежского заговора, как художественного целого. Разнообразие же мотивов и их композиционных комбинаций, варьирование деталей дает нам возможность предполагать о тех творческих процессах, которым подвергается заговор на Пинеге и до сих пор.

Мы замечаем также тяготение отдельных знахарей к определенным заговорным формулам. Это преимущественно те части заговора, которые воспринимаются знахарями, как добавочные, не связанные определенно с тем или другим заговором. Это как бы общие места, легко переносимые из одного заговора в другой. К ним относятся зачины и закрепки, а также формулы перечисления видов зла, формулы изгнания и т. п.

VII

Собранные на Пинеге заговоры, по тем действиям, которые сопровождают произнесение их, распадаются на 2 почти равные группы.

1-ая группа: весь центр тяжести лежит на самом слове, и обрядом, собственно говоря, является самое произнесение слов. Обряд со словом внутренне не связан. Здесь важно точное соблюде-

ние времени, когда заговор должен быть произнесен, определенное место, где он произносится, и самый способ произнесения. И время и место определяется самим назначением заговора. Так, заговор „На подой" произносится во время доения коровы.

Заговор „На первую травину" произносится, „Когда рвешь травку в Иваньскую ночь после заката" (сбор целебных трав), „На ловлю зверей"— „когда становить ловушки и капканы".

Произнесение заговора „Чтобы в замужестве хорошо жыть" обставлено следующими условиями: „Как во двор заходишь после венца, или после того, как спишешся (потому не все теперь под венец идут) и тихохонько про себя говорить три раза".

Заговор „Когда не спит ребенок" распадается на две части. Первая произносится в бане, когда ребенка моют, вторая—след. образом: „Из парной бани идут, платочком или пелёночкой прикрыть и через него говорить".

При этом воздействие слов на явление может быть непосредственным — просто произносится заговор (таких заговоров сравнительно совсем мало) или (что чаще) через наговорные средства. Так, говорят в кушанье, в соль, в воду, в молоко, которое заговариваемый и принимает внутрь. Наговаривают также и медицинские средства, употребляемые при лечении: мазь, масло, которым мажут, кислое молоко, которое прикладывают к воспаленному месту, горячий щелок, в который опускают больные конечности и т. п. Часто самый наговор рекомендуется производить перед иконой.

Слова „на грыжыки да на кильё" Ф. наговаривает „в ма̀слицке или квас, гущу, дрожжы": „наговорить и помазать". Заговор „на жабу" М. советует произносить в кислое молоко: „кислым молоком жабу обвезать—жар вытенет". „На исполох" произносить „в воду или во что хошь, малым робятам на сахарок" и т. д. (М. Е. Р.).

К этой группе примыкают на первый взгляд заговоры, сопровождающиеся обкачиванием наговорной водой и отплевыванием („Дунь, плюнь"). Однако, здесь мы уже имеем дело с фактом символического сдувания, смывания и отплевывания (средство ограждения от злого духа), приходящих на помощь слову и его усиливающих. При наговоре воды, которой обкачивают или плескают, зачастую играет роль нож, которым крестят воду,—символ „отрезывания" или закалывания. Интересно отметить, что разница по смыслу этих двух действий, обкачивания и принятия внутрь, населением не ощущается, и потому оба действия легко друг друга заменяют.

На исполох человеку или скотинке. „Перед иконой до трех раз проговорить, плюнуть и дунуть в воду, в молоко, в вино, перекрестить ножом и дать выпить или обкатить".

Но у некоторых старых знахарей (у Ф. напр.) обряд сохраняется в более чистом виде. „На пережоф". „Перед иконой перекреститься, нож

взять, говорить слова̀ 3 раза в воду, каждый раз после слоф крестить ножом воду в чаше. Водой обкатить скотину".

Данное действие, хотя оно и является символическим, занимает однако в общем заговорном обряде место побочное и никакой внутренней связи со словами не имеет. При видимой же потере ощущения этой символичности обряд легко варьируется. Сдувание можно заменить обкачиванием, ножом можно крестить и не крестить воду. Обряд превращается в обычай данной местности, данного знахаря. Здесь мы наблюдаем процесс, происходящий в области заговорного обряда всюду. На Пинеге он даже не выражен столь резко, как в Заонежье, где эти остатки старого символического обряда, как нож при заговоре, почти совершенно исчезли.

Чрезвычайно интересную группу, со стороны обряда, представляют заговоры другой категории, действие которых сохраняет всю тесную внутреннюю связь со словесной частью заговора. Связь эта имеет разные степени и проявляется в различных формах.

Очень распространен случай связи обряда с тем сравнением, которое лежит в основе заговора. Иногда сравнение разъясняет обряд, который без него не всегда бы был достаточно ясен.

Почему при заговоре на подой надо „3 ложечки по 3 раза от 3-х удоев молока вылить на окла̀дное дерево"? Сравнение разъясняет: „Как окла̀дное дѐрево лежыт, так и скотинушка стоит". Или: „Заговор от тоски" (Как затопляешь, первый дымок пойдет, кусочек хлеба в сажу и скормить на ночь). Почему хлеб обмакивают в сажу и именно тогда, когда пойдет первый дым? Заговор разъясняет: „Куды пыль, куды дым, туды же с пар Божый скотинки тоска и кручина" (три раза. Так же и на человека). Или: „Чтобы скотина нѐ тоскну̀ла". (Вицю сорвать с корнем и по хрѐсям хлопать и приговаривать) Виця росла и коренилася—Пестронюшка у нового хозяина жыла̀ и веселиласе. Старые хозяева, старые хозяйки все прѝмерли, прѝтлегли и на огни пригорели.—3 раза сказать.

Не ставя здесь вопроса о происхождении заговора и его составных элементов, скажу только, что в подобных заговорах, в том виде, в каком они дошли до нас, именно параллестическая формула кажется нам первичной, а обряд вторичным моментом, имеющим назначение укрепить, усилить слово [1]).

В иных случаях обряд сам по себе достаточно ясен, напр. при той отсушке и присушке, которые я приводила выше.

Отсушка. (Взять песоцек с реки, где вода с водой не сходится и в кушанье примешать). „Гора с горой не сходитця и вода с водой не сходитця и также тот целовек (имя) не сходился, не свидался (имя, с кем).

Или: На остуду. (Кошку с собакой остричь, с песоцком или пеплом перемешать и промеж них, на кого хочешь остуду пустить, незаметно кинуть).

---

[1]) По вопросу об отношении обряда и словесной формулы, см. Познанского, Заговоры.

В самом заговоре дан образ кошки и собаки. „Они не одношерстны, они друг друга ненавидят и бьютця, дерутся, ко́тями и зубами и вострыми копьями“... и т. д. (от Е. Ф., Сура).

Наконец, мы имеем 3-й случай тесной связи действия со словами, когда слова играют роль лишь описания действия или его комментария. Примеры описания и комментария действия я приводила выше, говоря о V типе заговора.

Вот еще образцы обряда, слова при котором играют лишь роль комментария. „Когда чахнет ребенок“.

Сквозь межу зделать дырку и протегать ребенка. „Мать сыра земля, к себе примай раба божья младеня (имя), нет—здоровье дай“.

Или: На тоску. „Печинку из печи посуслить и опять в печь бросить и приговаривать. Можно еще: „Избу подмета и сор в печь бросить и говорить: „Тоска в пець, пецёль под порок от рабой Божыей такой-то“ (3 раза). (от Ф. Н. В. Покшеньга).

Выше я говорила и о заговорах на грыжу. Обряд загрызания один из самых распространенных. Больное место прикусывают зубами или прямо или через пеленку и платок. Слова: „грызу—загрызаю“ и т. д. лишь формулируют то, что совершается.

Здесь, несомненно, первичным моментом является символический обряд. Слова появляются лишь в порядке необходимости пояснить действие, когда оно уже начинает становиться неясным.

Из обрядов, связанных внутренне с самим заговором, нужно отметить обряд обращения к тому, к кому направлена просьба. Так, перед тем, как прочесть заговор „Домовому, чтобы скотинушку любил“, надо „Во все четыре угла поклонитьця и прочесть“...

И, наконец, мы имеем исключительно интересный обряд-жертву.

Заговор, уже приведенный выше [1]), представляет то же обращение к домовому.

Обряд — несомненный пережиток жертвоприношения. „Зделать три маленьких колобоцка, из квашонки подскоблить. В хлеву в три угла по сонцу положить. 3 раза прочитать (когда колобок кладешь).

VIII

Рассмотрим теперь заговорный обряд, не сопровождающийся словами. Таких обрядов в нашем собрании 23.

Здесь прежде всего мы находим символический изобразительный обряд. Обряд изображает то воображаемое действие, которое следует совершить. Так, „Когда корова попада в поля“, необходимо преградить ей путь в поле, и вот „В великий цетверк“ надо „встать пораньше, задернуть жёртку в заборне“.

[1]) „Для овечек, когда что разладитця“. Глава о предметной стороне заговора.

Подобным же образом воздвигается символическая преграда и в другом, аналогичном случае, когда „за реку плава корова“. „Сходить к реке в великий четверк, в пролубь положить колышек—как реку покроешь всю. Никаких слоф“. Чтобы вывести клопов, „кладут клопа в домовище, все и уйдут“.

Такой же изобразительный момент, но осложненный сравнением, мы находим в одной из форм изгнания зла, а именно в обряде смывания. Мы уже отмечали, что образ бегущей воды, которая может смыть, размыть, унести, лег в основу ряда заговоров на тоску. Мы имеем несколько обрядов без слов, в основе которых лежит то же представление. „Если кто зглазит“, надо „ту же рубашку обмочить, и из этой рубашечки обдать“. „Когда скотинка не может“ — „воды в туеске зачерпнуть, повертеть и обдать скотину водой“. Чтобы „тоску спять“ достаточно „затылком рук“ водой лицо обмыть в „проходной водичке“. Такие же средства указывает и О-ва из Киглахты. „Тыльной стороной рук, вымыв хорошенько, вымыться; на скотинку поплескать“. Здесь интересна эта деталь, „затылок рук“, т. е. та сторона рук, на которой менее задерживается вода. Речной водой можно смыть и „цехоту“. „В речке итти задом и выходить взапят, чтобы след не знать. Ребенка окупнёш, рубашка то смочитця, чтобы рубашку водой снесло“. „Тут без слоф“.

В этом последнем заговоре мы имеем еще один момент. Кому не оставлять следа? Здесь, в основе, очевидно, лежит представление о „цехоте“, как о злой силе, от которой, избавившись от нее, следует скрыть следы. То же представление с особой силой выражено в магических обрядах против лихорадки.

1. Брюшину кладут в подушку и подкладывают больному под голову, чтобы он не знал.

2. В кожу от падшей лошади или скотины зашивают или заворачивают („Докуль он терпеть может“). „Лихорадка духу этого не стерпит и уйдет“.

3. Грязную рубашку (от женщины) кладут под место, под больного, „Тоже духом выжывает“ (от А. Ф. С., Марьина Гора).

Таким образом, все три способа лечения лихорадки в сущности вариации одного и того же выживания зла“.

Особенно интересен тщательно разработанный обряд изгнания лихорадки, применяемый Ф. Н. В-ой в Покшеньге.

„Лошку сметаны, лошку соли, лошку смолы (поменьше) и немного сальца. Варю, ботаю, этим вареньём перушком в бане обмажу—крестом на подошвы, на колены и пр. Повалю на железо, 3 предмета—под мущину мужское, топор, крючок, под женщину женское,—ножницы, коса. Он забьетця, забьетця, весь мокрой стане. За ногу нитку привязать и конец выбросить в окошко, за правую—мущину, за левую—женщину: лихоратка по нитке выходит. Отвезать, коүда, належитця, нитку смотать, а следующий раз в бане сжечь. Делать лучше в рукавицах, чтобы не пристало. Из бани ведут по портну, не дают ступить на землю. Лихоратка так кругом его и вьетця, а не смеет

через холст схватить: „По нитке выйдет“. „Холста да смолы да железа боитця“. „Всё то лажу, много зовут, а слоф никаких“.

Этот образный рассказ Ворониной передает нам то живое ощущение таинственных враждебных сил, окружающих человека, которое живет среди пинежан. Но борьба с враждебными силами выливается порой и в другие формы. Так, очень распространен обряд заключения беса в магический круг, что практикуется при пропаже скотины.

Чтобы скотина нашлась. Берется образ Егория и бесопрогонная трава, на поскотине обходится круг, чтобы заключить беса. Тогда скотина вернется. (Сура).

В Покшеньге делают таким образом: Мир собирают и ставят в круг на поскотине. Иногда читают воскресную молитву.

Иногда мы находим использование в обряде мотива „игры“. Проказы домового переносят со скота на другой предмет. „Чтобы овецушки были покойны“, надо „подвесить мешочек под потолок с серебреной денешкой. Будет он денешкой играть и овечь не трогать“. Наконец, есть обряды, в которых отразилось представление о возможности перенесения явления через предмет. На этом представлении построен обряд—присушка. „В бане выпаритьця, на полку тряпочкой вытеретьця, всюду, со всего тела; С этой тряпочки в чай и в винцо. Слоф никаких“. (А. Ф. С., Марьина Гора).

Я далеко не исчерпала весь тот интересный материал по магическому обряду, который попал нам в руки.

Но из того, что мне удалось дать, ясно, какую роль в пинежском заговоре играет именно обряд. В то время, как в Заонежье заговор в огромном большинстве или совершенно не сопровождается действием, или сопровождается обычным наговором на еду и питье и лишь в редких случаях сохраняет старый символический обряд,—на Пинеге эта обрядовая сторона еще чрезвычайно сильна, и пинежский заговор еще в полной мере сохраняет свое ритуальное значение.

Остается еще сказать о той роли, которую играет на Пинеге молитвы в качестве заговорного средства. Как я уже указывала, так называемых „ложных молитв“ нам на Пинеге совсем не пришлось встретить. Но употребление некоторых молитв вместо заговора наблюдается. Насколько удалось выяснить, молитва выступает, главным образом, в роли „бесопрогонного“ средства. Так именно молитва употребляется при пропаже коровы: когда заключают беса на поскотине в магический круг, читают обычно или „воскресную“ молитву, или псалмы, напр. 49-й, иногда „взатпят“, что приближает молитву опять таки к типу заговора—абракадабры.

IX

Наше собрание заговоров, благодаря тому, что нам удалось сделать ряд записей одного и того же заговора в формулировке различных знахарей, часто одной и той же деревни, или смежных деревень, позволяет отметить некоторые любопытные моменты в жизни заговора.

В главе о знахарях мне уже пришлось говорить, как о случаях забывания, так и о случаях небрежного отношения к тексту, в результате чего получается сокращение заговора, искажение его или сведение ряда заговоров к одним и тем же схемам, т. е. установление определенного шаблона. Выше я привела и несколько примеров из репертуара Карпогорской знахарки Н. Г. Появление такого шаблона мы наблюдаем и у других знахарей. Очень показательны в этом отношении заговоры другой знахарки Карпогорья М.

На исполох. γосподи Исусе Христе сыне божый, помилуй нас. Раб божый Виктор леге благословясь, пойдё перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами в цисто поле, в восточную сторону.

Сам Исус Христос спускаетця и исполохи и переполохи отбивает. Михайло Архангел. Илья Пророк. Которые исполохи не договорила, которые переговорила, которые остались назади, которые напереди, будь же мои слова тут же и в том же крепко крепким моим заговором ключом замочным.

На жабу. γосподи благослови, Исусе сыне божый, спаси и помилуй мя грешного. Лёгу благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротами, в цисто поле. Сам Исус Христос спускаетця, жабу отбивает от девки простоволоски, от жонки белоголовки, вислививых и ненависливых людей, от чернеца и от го́рнеца—суха̀ жаба и мо̀кра жаба и ба̀енна, искринна̀ и огненна и ветренна.

На прикос. Раба божыя Марфа легу благословясь, пойду перекрестясь из избы дверьми, из двора воротами в цисто поле. Исус Христос спускаетця, уроки и прикосы отбивает от девки простоволоски, от жонки белоголовки, ви̇сливых и ненависливых людей, от колдуна, от болтуна, от чернеца и от горнеца. Которы урочны слова не договорила ... и т. д., как в 1-м.

Те же заговоры, по ее словам, можно произносить на скотину, только читать: „пара̀ божыя Петрунька или Черттонька" и т. д.

Ряд интересных изменений мы наблюдаем, сопоставляя друг с другом наши записи заговоров с мотивом мертвеца. Их 9; 4—на ураз, 5—на зубы. Все 4 заговора на ураз представляют несомненно варианты одного заговора, отличающиеся друг от друга размером и незначительными деталями.

Л. П. В., 57 л., д. Шотова Гора.

Стану я раба божыя (имя) благословесь, пойду перекрестесь, из избы дверьми, из двора воротами на восточную сторону. На той восточной стороны есть цистое поле. В том цистом поле лежал мёртвый мертьвецъ. У того же мертвого мертьвеця не было у его на теле ни щепо̀ты, ни ломо̀ты, ни ударной, ни урывной, кровавой раны, ни синей опухоли. Мо̀зги не болели, кости не щепели, грыжы не приставали и не ломали, костей из споеё не воротили. Кое слово забыла, кое прокинула, все фперет выставай. Тем словам ключ и замом.

Н. Г. 86 л. Карпова Гора. Лежал мертьвец тридевяти лет. У мертьвеця не щепели, не болели голова, кости, жылья, мозги. У рабы божией (имя) не щепели, не болели голова, кости, жылья, мозги по всяк день, по всяк час. Солнце на встоке и т. д.

П. М. Ч. 52 г. Шотова Гора. Лежал мерьтвець тридевять лет. Но чул мерьтвець ни щепоты, ни ломоты, ни кровавой раны, ни синей опухоли. Также бы у раба божыя (имя) не было ни щепоты, ни ломоты, ни кровавой раны, ни синей опухоли.

Молодуха из Кобелева, родом с Шотовой Горы. Лежал мерьтвец девять лет. У мертвеця не было ни ран, ни крови, ни синей и ни опухоли, также и у рабы божьей (имя).

Мы видим, что самым пространным является 1-й заговор. Это обычный тип эпического заговора с традиционным зачином. Изображение состояния мертвеца развернуто и заключено в две формулы: 1) „Не было у него на теле ни щепоты, ни ломоты" и т. д.; 2) „Мозги не болели, кости не щепели, грыжы не приставали и т. д.". В то же время мы не находим указания на срок лежания мертвеца, отсутствует также и обычная в подобных заговорах часть лирическая: „Также и у раба божыя" ... и т. д.

Значительно более кратки 2-я и 3-я редакции заговора. В каждой из них имеется лишь одна формула состояния мертвеца, у Н. Г. совпадающая со 2-й, а у Ч. с 1-й заговора В. Обе менее детальны. Однако, указан срок лежания мертвеца, присутствует выражение желания.

Наконец, самым лаконичным является 4-й вариант, вполне совпадающий в своих частях с заговорами Ч. и Н. Г. и заключающий в себе формулу состояния мертвеца, наиболее близкую к первой формуле заговора В.

При наличии вариантов одного и того же заговора, записанных в одной и той же местности, даже в одной и той же деревне (1-й, 3-й и 4-й), совершенно естественно возникновение вопроса о том, какой из них считать наиболее ранней редакцией данного заговора. Имеем ли мы здесь дело с позднейшим развертыванием и разрастанием прежде сжатой и лаконичной формулы, или мы наблюдаем здесь обратный процесс—сокращения. Явная дефектность 4-го варианта („Ни синей и ни опухоли" вместо обычной формулы: „ни синей опухоли"), замена более старого „тридеветь", постоянно фигурирующего в прежних записях, простым „деветь", приводит нас ко 2-му предположению, тем более, что женщина, сообщившая этот заговор—не знахарка по профессии и свои несколько заговоров запомнила случайно, мимоходом, от других женщин своей родной деревни.

Сокращение заговоров на почве забывания, как характерный момент в знахарстве Н. Г., я уже отмечала выше. Некоторую тенденцию к упрощению заговорных формул можно было уловить и у Ч., при передаче ею своего репертуара. Таким образом, наблюдения над отношением знахаря к тексту, сделанные в момент передачи, тоже заставляют нас предполагать в данном случае процесс разрушения.

Мы видим также, что каждый из вариантов согласуется с другими в ряде деталей, заключая в то же время и такие, которые в них отсутствуют. Если мы обозначим буквами все те 6 основных элементов [1]), которые в совокупности заключены во всех четырех, то получим следующие комбинации:

1-й заговор:	A	B	—	D	E	—	
2-й „	—	B	C	—	E	F	
3-й „	—	B	C	D	—	F	
4-й „	—	B	C	—	E	F	

На основании сказанного нам кажется возможным предположить о былом существовании на Пинеге более развернутого заговора, заключающего в себе все те элементы (формула: ABCDEF), которые частично сохранились во всех записанных мною вариантах.

Обратимся к заговорам на зубы. Зубной заговор Л. П. В. повторяет заговор на ураз, только несколько изменена его центральная часть. После обычного вступления следует:

1. „В том цистом поле лежал мертвый мертьвець, у того же у мертвого мертьвеця, увы, увы, увы, у его зубы не болели, у его щеки не щепели, грыжы не приставали и не ломили и щек и зубоф не воротили. Также у рабой божыей и т. д.“.

2. Ф. К. В., 44 г. Шотова Гора. „Христос воскресе! Нем, нем Лазаревец. У мертвого зубы не болели, щеки не щепели, также у рабы божыей (имя).

3. А. П. З., старушка с Шотовой Горы. „Встану благословесь на утренней зори и на вечерней зори и буду говорить: Нем, нем Лазарь, тридеветь, тридеветь, мертвые, мертвые, мертвые зубы. Замок в море, ключ в роте“.

4. П. М. Ч., 52 г. Шотова Гора. „Нем, нем Лазарь. Нем, нем Лазарь. Нем, нем Лазарь. Тридеветь, тридеветь, тридеветь. Чтобы у раба божыя (имя) зубы не болели, церьфь не точил. Во имя отца и сына и светаго духа, аминь“.

Три последние варианта представляют, повидимому, осколки одного и того же заговора, в иной уже, чем у Вехоревой, редакции. Действующее лицо не просто мертвец, а мертвец известный, взятый из св. писания. Заговоры с Лазарем нам известны по старым записям. Так напр., заговор, помещенный у Майкова, запис. в Калужской губ., построен на вопросе сестер Лазаря о том, болят ли у него зубы, и на его ответе [2]). Мне, к сожалению, не удалось в Пинежском районе найти заговор с Лазарем, сохранившийся

[1]) 1) эпический зачин; 2) лежание мертвеца; 3) срок лежания; 4) 1-ая формула состояния мертвеца; 5) 2-я формула; 6) выражение желания.

[2]) Майков, стр. 37, № 70. Ср. у Ветухова, стр. 271. Смотри также у Майкова № 69, вм. мертвого Лазаря—убогий Лазарь.

лучше, чем приведенные. Но 2-й из приведенных заговоров обнаруживает в себе и влияние заговора Л. П. и элементы неизвестного нам заговора о Лазаре. В самом деле, основная формула о мертвеце повторяет центральную часть 1-го заговора: „У мертвого зубы не болели, щеки не щепели". Вступление же „Христос воскресе! Нем, нем Лазаревец" взято из другого источника.

В 3-м заговоре, сохранившем краткое эпическое вступление, мы находим, вместо изображения состояния мертвеца, ряд слов с явным разрывом связи между ними. Можно предположить следующую связь: Лазарь был нем, он лежал тридеветь лет, у него были мертвые зубы. Слова эти принимают характер тех бессмысленных магических слов, которые составляют тип заговора-абракадабры. И, наконец, в 4-м заговоре первая часть, из которой выпадает вступление, принимает окончательно вид абракадабры с троекратным повторением каждого из магических словесных сочетаний. Таким образом, если в заговорах на ураз мы могли предположить процесс сокращения, приводящего заговор к крайне сжатой, обедненной и искаженной формуле (4-й вариант), то здесь мы наблюдаем, как в результате, тоже, по всей вероятности, неточного восприятия заговора, неточной передачи и т. п. совершается перестройка заговора, переход одного типа в другой.

Подобное же произошло и с заговором „на волос", представляющим собою применение формулы убывающего счета [1]). Записан он у нас в 4-х вариантах. Число 9, наиболее частое в этих заговорах, фигурирует во всех четырех, но в то время, как в двух мы имеем обычное „убывание", в остальных двух мы имеем счет обратный.

У Ф. Н. В.: „Было у рабой божыей (имя) ни десеть, ни деветь, ни восемь, не сем, не шесть, не петь, не цетыре, не три, не два, не один, ни одного, ни вовсе одного". Слова эти произносятся при сеянии пепла в горячую воду, т. е. при приготовлении щелока, который применяется при лечении этой болезни.

У М. Е. Р., которая известна, как специалистка по волосу, мы находим уже изменение формулы: „Ни первый, ни второй .... ни девятый".

Связь со счетом выгоняемых червей здесь, однако, еще ощущается.

В заговоре же П. эта связь окончательно разрушена, и счет: „Не рас, не два, не три ... а девята", сопровождающий бросание горстей пепла в посудину, тоже превращается в нанизывание магических слов, осмыслить которые уже невозможно.

Сопоставление заговоров на волос обнаруживает и другие изменения. В заговоре Ф. Н. В. к счету прибавляется еще часть, представляющая мотив зашивания. „Я взела серебрсную иголку, шолковую нитку, те волосья серебреной иголкой вытегала, шолковой ниткой зашывала". В то же время в горячий щелок, приготовленный как всегда, „серебро спустить", три се-

---

[1]) См. Познанский, стр. 183.

ребряных монеты разной стоимости, напр., в 1 р., 50 к., 20 к. Спуская, проговорить (1 раз) 2-ю часть.

В заговоре же П. в пепел тоже спускают серебро, кроме того еще и вересинку. 2-я часть заговора отсутствует.

Учитывая, что убывающий счет применялся при лечении целого ряда болезней и сам по себе представляет совершенно законченный мотив, я склонна думать, что редакция с обеими частями позднейшая, и мы имеем здесь дело с разрастанием заговора. Новый мотив мог присоединиться по аналогии с заговорами на кровь, на рану, т. к. при болезни „волос“ образуются язвы. Символическое действие „иголкой вытегала“ обусловлено характером явления. Кроме того, мог оказать влияние и способ лечения—наматывания выходящего волоса на колосок, палец и т. п. [1]). От этого способа в обряде Поспеловой сохранилась вересинка. Можно также предположить, что 2-я часть представляет другой тип заговора на волос, существовавший отдельно, но такого заговора в известных мне сборниках и записях я не нашла.

Вообще о том, что подобное разрастание заговора путем ли присоединения мотива, или путем объединения в одном заговоре двух, трех заговоров на одно и то же явление—существует, свидетельствуют заговоры весьма сложной конструкции, явно обнаруживающей такое объединение [2]). Но интересно путем сравнения ряда заговоров, циркулирующих в одной местности, уловить этот момент и ясно представить условия, при которых этот момент произошел.

Возьмем еще следующий случай из нашего собрания. Мотив распинаемого Христа встречается в нашем собрании в 7 заговорах—6 на ураз и в одном—на зубы, объединяясь с мотивом мертвеца.

Вот этот заговор. На зубы. „Светой праведный Иоф, когда ты был мертф, у тебя зубы не болели, кости не щепели, в головы мозг и у зубоф мясо не болело. Пойду я на белый свет на улицу, взглену в синее море. В том синем море есть остров Океан, на котором находитця 40 церквей. Меж теми сорокью церквами жыдовья Христа распинами. Исус Христос на чул ни боли, ни стону, ни щёпоты, ни ломоты и не опухоли. Аминь“.

Мы знаем, что мотив мертвеца встречается в заговорах и на зубы и на ураз. Следовательно, по аналогии и мотив распинаемого Христа, на Пинеге специально уразный мотив, мог попасть в зубной заговор.

Правда, в прежних записях заговоров мы находим уже проникновение мотива распинаемого Христа в зубной заговор [3]). Может быть, такой заговор существовал и на Пинеге, и здесь мы имеем дело с объединением 2-х разных типов заговора на одно явление, но может быть здесь и то перенесение мотива из другого заговора, о котором я говорила [4]).

[1]) Романов. Белорусский сб. V стр.96,
[2]) См. напр., у Майкова, Велик. заклинания, №. 1.
[3]) Mansikka „Über russische Zauberformeln“.
[4]) Ср. перенесение мотива распятого Христа в заговор на лихорадку, Майков № 108.

Интересно также сравнить заговоры двух женщин из Шотовой Горы, совпадающие иногда до последнего слова, что показывает или общий источник или преемственность заговоров одной от заговоров другой (Выяснить определенно не удалось). Это—одна женщина лет 40 и II. М. Ч. Заговоры одной „На ужок", „На ураз", „На исполох" в точности повторяют заговоры другой. Заговор „На прикос" у обеих тоже один и тот же. Но в него уже вторглись различные детали в обстановке.

Так, в одном заговоре после обычного эпического зачина следует:

„На восточной стороне есть Дунай река. Через ту Дунай реку есть калинный мост, на том мосту стоит стол. На том столе сидит мать пресвета госпожа богородица, дёржыт она в руках шолковую кисть, пашет и машет с раба божыя уроки, прикос" и т. д.

У Ч... „На восточной стороне есть океан-море. Через океан-море есть калиновый мост. На том на мосту есть престол. На том престоле сидит пресвятая мати богородица. Дёржыт в правой руке кисть, машет и пашет" и т. д.

Итак, вот какие моменты в жизни заговора показывает нам пинежский материал: с одной стороны мы видим признаки вырождения: сокращение, искажение, установление шаблона; с другой стороны наблюдаем случаи перестройки заговора и перехода одного типа в другой, разрастание при помощи присоединения другого мотива или объединения в одном заговоре нескольких, разного типа заговоров, и, наконец, случаи обновления путем привнесения иных деталей.

Но вместе с теми изменениями, которые мы можем констатировать на основании пинежского материала, мы должны отметить и случаи исключительной устойчивости, не встречающиеся в других жанрах. Сравните, напр., записи одного и того же заговора в 1864 г. и 1927 г.

1864 г. От порчи, уроков, прикоса и т. д. Встал раб божый (имя рек) благословясь, пошел перекрестясь из избы дверьми, из двора воротами, да вышел в чисто поле. В чистом поле есть синее море, на том синем море тихая заводь, на той на тихой на заводе плавает серый гоголь, на том на сером гоголе не держится ни вода, ни роса. Также на рабе божием (имя рек) не держались бы ни уроки, ни призоры, лихие оговоры, ни ветрены прострелы и не ночные переполохи. Во веки веков, аминь [1]).

1927 г. На прикос. Пойду я раба божия (имя) благословясь, перекрестясь, из избы дверьми, из дверей воротами на буйны на ветры, на востоцную сторону, на синее море. На синем море плавает серый гоголь. Как на сером гоголе не держитця вода, ни роса, так же бы на рабе божыей (имя) не держались порци, прикосы, уроки, все тежолые немощи. γосподи благослови. (Е. Ф., Сура).

Еще: На те же явления.

---

[1]) Ефименко. Пам. кн. Арх. губ. 1864, отд. 1. стр. 13.

1864 г. Во имя отца и сына и святаго духа, аминь. Сходит Егорий с небес, по золотой лестницы, сносит Егорий с небес триста луков златополосных, триста стрел златоперых и триста тетив златополосных и стреляет и отстреливает у раба божия (имя рек) уроки, прикосы, грыжи, баенны нечисти и отдават черному зверю медведю на хребет: „И понеси, черный зверь медведь, в темные леса, и затопчи, черный зверь медведь, в дыбучие болота; чтобы век не бывали, ни день, ни в ночь. Во веки веков, аминь". Ефименко.

1927 г. Прикосные слова. „Ходит Егорий с небес по золотой леснице, сносит Егорий с небес триста лукǒф златопёрых, триста стрел златокилыих, стреляет отстреливает уроки, прикосы, грыжи, щепоты, ломоты, баенны нечисти, отдавает Егорий цорному зверю медведю на хребёт. Понеси цорный зверь медветь во леса во дремучи, в болота дыбучи, чтобы век не бывало, никоγда не отрыгало". (К. Г. П.—Пинега).

Здесь мы видим, что за 60 слишком лет своего существования, заговор не только не изменил основной схемы разработки данного мотива, но донес до наших дней в исключительной сохранности всю словесную формулировку.

Подобно изменениям словесной части заговора происходят изменения и в области магического обряда. В собранных нами заговорах на тоску мы имеем все основные стадии в развитии заговора.

1-я стадия: Обряд без слов, назначение его и смысл совершенно ясны. „Затылком рук" водой лицо обмыть „в проходной водичке". „Слоф никаких".

2-я стадия: Обряд сопровождается словами. Мыться на речке тыльной стороной рук. Приговаривать три раза. „Вода водица, мать царица, сними тоску кручину с рабы божыей (имя), снеси в сине море, там песком замой, хрещом зарой, оттуда во век в век выходцев нет. Аминь.

3-я стадия: Обряд отмирает, сохраняя некоторые следы. Место произнесения заговора указывает на связь с обрядом. Словесная часть разрастается. Произносить у реки бегущей. „Текёт вода под круты берешко, подполаскива, подколыблива, несет в воды листы ветхи. Понеси вода с рабы божыей Анны тоску кручину с белого лица, с ретивого серца, с чорных лехких печеней, понеси тоску кручину в синее море, засыпь песком, зарости хрящем. Во веки веков, аминь.

4-я стадия: Обряд лишь самый слабый отголосок былого колдовского действия. Обращение к воде в самом заговоре не мотивируется ничем. „Вода водица, земля землица, морская пучина, сойми тоску кручину с раба божия (имя). Наговорить воду, выпить. Если на скотину— то плеснуть.

5-я стадия: След старого обряда сохраняется лишь в эпической части заговора. „Встану я перекрестясь, пойду помолясь из дверей в двери из ворот в ворота, свежыма тропама, христовыма дорогама, пойду по вдоль реки, по вдоль озёра в морску пучину снимать тоску кручину. Морска пучина, сними тоску кручину, песком замечи, травой зарости. Аминь.

Отмирание обряда мы имеем и в наших заговорах на грыжу. Есть случай, когда прикусывание больного места уже не совершается, следовательно исчез обряд загрызания, формула же его сопровождающая, („емзаедаю") сохраняется. Наконец, выше я упоминаю о том, что след исчезнувшего обряда сохранился в конце заговора „На нокоть", в словах: „И отрезываю ножом, отсекаю топором". Самый заговор сопровождается наговором на воду или квас, которые дают скотине выпить. „Ничего больше не делать"—так закончила знахарка передачу этого заговора.

Интересен также случай перенесения обряда с одного явления на другое. Так, обряд смывания, указанный выше: „К речке итти задом" и т. д. (глава VIII) с тоски переносится на цехоту, которая во всех других случаях излечивается и изгоняется другими способами.

Выше мы видели, как в некоторых случаях при заговоре на волос опускают в щелок серебро. Кроме наших записей, мне удалось найти еще только один случай, когда при этой болезни „опускают серебро" [1]). Возможно, что этот обряд возникает позднее, по аналогии с теми заговорами, при которых серебро спускают, как символ желаемой чистоты и красоты. Дальнейшая деталь в обряде, монеты разной стоимости, ничем внутренне не мотивируется.

Кроме случаев перенесения обряда с одного явления на другое мы наблюдаем и возникновение нового обряда на почве слова, возникшего в свою очередь из обряда.

Среди обрядов на цехоту мы имеем следующий: Цяхоту снимать. Из трех рассадников земли или с трех ободоф через перелески земли взять в туесок с водой и с молитвою обкатить (или моют).

Роль земли в этом обряде непонятна. Но мы знаем другие обряды, представляющие различные варианты отдачи больного земле. Выше, в главе VIII, я приводила некоторые из них. Мы видели, что слова играли лишь роль комментария, но в них упоминалось „мать сыра-земля", которая может принять или не принять „раба Божия". Это постоянное упоминание земли в заговорах на цехоту привело к рождению нового обряда, при котором не больной прикасается к земле, а земля приносится к больному.

Есть случаи и разрастания заговора, путем объединения двух обрядов.

Один из способов уничтожения „цехоты" тесно связывает лечение болезни баней с заговором, мотивирующим это лечение изгнанием. „Цехо̀та—сухо̀та, пойди цехо̀та, пойди из избы дверьми, по байни дымишком, по улицы ветром, вехорём, пѐрвом прокатись". („Моешь да обкациваешь до 3-х раз. Перва баня утром, другая в полдень, третья вецером"). (О. Кеврола).

В способе А. Ф. С. из Марьиной Горы мы уже видим 2 момента. 1-й—мытье в бане. „В бане мыть, в воду нашептать, обкатить": Произно-

[1]) Постников, И. А. О. И. Р. С.

сится в это время заговор-изгнание, значительно уже более развернутый. „После за баню пошу, к углам трем повалить к земле". Говорить: „Мать сыра-земля, примай, так примай, а нет—здоровье давай рабу Божию (имя)".

Заговор и обряд здесь распадаются уже на отдельные акты.

Отмеченные случаи изменений в пинежском заговоре показывают лишь возможные моменты эволюции заговора вообще и должны быть проверены на более широком материале, русском и иностранном. Сравнительный анализ заговоров новой и старой записей—вот тот основной путь, по которому должна быть направлена работа над заговорами.

Наши же наблюдения над жизнью заговора в Пинежье дают нам право говорить о том значении, какое в деле изучения заговора займет интенсивная собирательская работа в определенной местности, ставящая целью по возможности исчерпать материал данной местности. Для решения ряда поставленных вопросов в области эволюции заговора необходимо прежде всего иметь как можно больше редакций отдельных заговорных мотивов, вариантов одного и того же заговора, его составных элементов. Только при обнаружении очень значительного количества промежуточных звеньев можно уловить те изменения, которым подвергается заговор. Кроме того, крайне необходимы непосредственные наблюдения над жизнью заговора на месте, главным образом над состоянием его у различных знахарей.

И. В. КАРНАУХОВА

СУЕВЕРИЯ И БЫВАЛЬЩИНЫ

I

Перед собирателем, поставившим себе целью получить картину интимной духовной жизни народа, области, касающейся его религиозных или демонологических верований (суеверий), всегда возникает вопрос — насколько сведения, полученные им, можно считать достоверными, полными и соответствующими действительности сегодняшнего дня. Не правы ли те исследователи, которые предполагают, что спрос собирателя рождает предложение со стороны крестьян, и собиратель может получить целые кипы материалов о суеверии в краю, где вера в нежить, оборотней и чертей давно потеряла свою актуальность и существует только как воспоминание о рассказах дедов и прадедов. Но легче предположить, что при современном положении, когда новый быт все глубже и глубже проникает в деревню, когда комсомольская молодежь не только смеется над суевериями, но и пытается всячески противодействовать распространению религиозных или демонологических представлений и рассказов—легче предположить, что собирателю скорее не удастся заполучить желаемых сведений, чем то, что он получит большое количество уже умерших, архаических, но ради него воскрешенных представлений. И можно ли думать, что после стольких лет борьбы нового быта со старым, чужему человеку, приехавшему из города, крестьяне станут охотно клеветать на себя, рассказывая о своих личных встречах с домовыми, лешими и т. д.?

Известной гарантией достоверности сведений является и тот метод работы, которым пользовались мы в период экспедиции 1926 и 1927 г. Ни один из рассказов о запретных „суевериях", не является ответом на прямо поставленный вопрос. Все они получены во время тех длинных разговоров, которые бывают результатом долгого и сравнительно тесного общения с рассказчиком. На помощь собирателю в данном случае явилась сказка. Сказка отнимает обычно довольно много времени и благодаря этому знакомит собирателя с исполнителем иногда довольно близко. Часто бывает, что в руках одного лица или одной семьи сосредоточено большое сказочное богатство, и тогда, естественно, собиратель еще больше времени проводит в кругу данной семьи, делаясь невольным участником и ее работ, и распорядка дня, и интересов. Неизбежные перерывы в общей работе сказоч-

ника и собирателя (по самым разнообразным причинам), почти всегда заполняются разговором, в котором главную роль играют воспоминания о действительных происшествиях, героем которых являлся рассказчик. При наличии некоторой аудитории (что почти неизбежно), разговор становится общим, и дело собирателя тактично направить его в должное русло.

По берегам реки Пинеги, в особенности в верховьях ее (с. Сура), вера в нечисть настолько жива и актуальна, что 75% разговоров, с чего бы они ни начинались, кончались рассказами о проделках нежити и встречах с нею. Например: брат председателя сельсовета Антон Егорович, охотник, 64 л., грамотей и начетчик, ярый защитник советской власти и представитель бедняцкой части населения, в перерыве между двумя сказками расспрашивает собирателя о порядках в городе и об октябрьских событиях. Затем рассказывает о том, что вступил в партизанский отряд с ружьем старинного образца, потому что не мог с ним расстаться, так как 50 лет с ним по лесам бродил, зверье убивал. В таковых борах бывал, что „днем как в ночь темно—до того древесно, ни полянки, ни болотца". На вопрос собирателя, не страшно ли в лесу бывало в одиночку—отвечает: „Зверья я с этим ружьем овек не убоюсь, а вот было только раз в избушки, что до поту в страх „тень" вгоняла". За этим следует рассказ о „тени", о нечисти вообще, рассказ поддерживается присутствующими, и в результате разговор, начатый с гражданской войны, дал собирателю 12 рассказов о встречах с лешими и „тенями" лесных хижин.

Подобные разговоры с людьми разного возраста и различных поколений могут дать довольно широкую картину суеверных представлений данного края, при условии если собиратель тщательно разделяет то, что было слышано рассказчиком от других (по большей части людей более старого поколения), от пережитого самим рассказчиком. Но и в том и в другом случае чрезвычайно важна, трудно, впрочем, поддающаяся точному учету степень веры рассказчика в „сверхестественное". Особенно ясной делается картина полной жизненности суеверия на Пинеге при сравнении со сведениями экспедиции 1926 г. в Повенецком уезде, Олонецкой губ.; за два месяца работы в Заонежьи было записано 4 рассказа о нечистой силе: 2 рассказа о лешем и 2 рассказа о банном духе, задушившем парня, не побоявшегося мыться в третью смену. На вопрос собирателя „сказка это или бывальщина (т. е. рассказ из действительной жизни)" рассказчица отвечала: „Нет, уж кака бывальщина—это в старину, говорят, бывало, а теперь уж и мы и отцы наши такого не слыхали". Другая бабка про домового и нежить всякую говорила „и как это в такую пакость старики верили—и богу противно и людей в смех да грех.". Лесник Фома Егорович Никитин 65 л., всю жизнь проживший в лесу одиноко, неграмотный, никогда не видавший парохода, поезда и газеты, говорил о своей лесной жизни: „в лесу хорошо, тихо, дурной человек туда не пойдет, а чтоб лешой тама или водяной какой, так я за 40 летов и не видал и не слыхал. Все в старину люди для страху удумали".

Таково в Заонежьи старое поколение. А среди молодежи совсем нет рассказов о нечисти, разве только как о воспоминании дедов, над которым можно посмеяться. Если даже считать, что все эти свидетельства (подобных свидетельств записано 34) неискренни, то достаточно уже твердого убеждения жителей Заонежья, что люди городские — ученые — верить таким вещам никак не могут и—чтобы не обнаружить перед ними своей темноты— надо и самому делать вид, что в такую глупость верили только твои бабки. В то же время, большей части пинежан в голову не приходит, что человек ученый и грамотный может усомниться в существовании играющих такую важную роль в жизни людей духов. И не даром тот же Антон Егорович спрашивал: „Вот вас там в городу всякому обучают и грамотны вы гораз, так не знаете ли оберегу от лесного хозяина хорошего". А 17-летний комсомолец Родионов серьезно и взволнованно убеждал меня не итти из д. Засурье в Погост вечером через Поклонную Гору (небольшая песчаная возвышенность, где можно сократить дорогу). „Эту гору никто у нас ночью не переходит, нечисто там, то дом видят, стоит светится, то еще что... Нехорошо вам там итти, еще напугаетесь"... Сторожиха при сурской школе, вытянув из печи горшок с кашей, для участников экспедиции, протягивая дежурному ложку, спросила: „Отложишь ли для подпечника корочку?"

То же различие между Заонежьем и Пинегой наблюдается в отношении к заговорам. В Заонежьи собирание заговоров было чрезвычайно трудным. Одной из главных причин было непонимание, зачем нужны записи заговоров ученым городским людям. Так как никто не сомневался, что сами они пользоваться заговорами не будут, то напрашивалась мысль: „Не может ли из этого что нибудь худое выйти". Наоборот, на Пинеге охотно делились своими знаниями, понимая, что „и тебе в городе может понадобиться". Такая большая сохранность старых верований в Пинежском уезде Архангельской губ. в сравнении с Заонежьем вполне понятна. Заонежье всегде было тесно связано с Ленинградом и Петрозаводском, так как главная масса крестьян уходила на отхожие промысла в большие города. Железная дорога, карел-лес и кондострой еще сильнее связали край с центром и втянули тысячи крестьян в быт рабочих, насыщенный клубами, кружками и радио.

Река Пинега и во многих местах еще девственные леса владеют пинежанами. Разработка леса и сплав—занятие всех совершеннолетних пинежан—не только мужчин, но и женщин. Работа по 6—7 зимних месяцев в дремучем лесу, при этом переполненном хищниками, на расстоянии 80—90 верст от ближайшего села, жестокие вьюги и северные сияния поддерживают веру в злых или добрых духов, населяющих леса и болота, повелевающих зверями и вихрями. Этих духов можно рассердить и задобрить. И 2—3 недели на плотах, ночью и днем среди лесной реки, когда нередко в половодье из 40 сплавщиков возвращаются 30—тоже не способствуют отказу от веры в возможность заручиться поддержкой сверхестественных сил, держащих в своих руках жизнь человека. При этом ближайший город Пинега, мало чем отличающийся от больших сел, с середины июля, благо-

даря пересыханию реки, становится почти недоступным. Но и тут, хотя и очень медленно, новое начинает вести борьбу со старым миром. Так, на удивленное замечание собирателя, что он ни разу не слышал рассказов о водяном, одноглазый перевозчик через р. Пинегу заметил: „Ну, о водяном здесь уж никто не говорит. Какой водяной теперь. Ему уж здесь не жить, вить всю реку теперь ученые вдоль и поперек перемерили“ [1]).

II

Наиболее развита на Пинеге вера в „местных“ духов: в леших, населяющих леса, в домовых—живущих в крестьянских домах, в банников и обдерих — населяющих черные и белые бани, в „тень“,—специального жителя лесных избушек. Вся эта нежить, помимо своих индивидуальных особенностей, обладает еще некоторыми типичными, одинаково всем им присущими качествами и свойствами... Нежить не принадлежит к классу чертей или бесов, от которых никогда нельзя ждать добра, которые всегда одинаково злобно настроены по отношению к человеку. Часто она несет функцию морального воспитателя человечества и наказывает за совершенное зло или награждает за содеянное добро. Так, человека, который поделился последним куском хлеба с голодными зверьми, по повелению лешего до самой его смерти не трогали хищники. Охотник, пожалевший в минуту голода звериных самок с детенышами,—находит в своей сумке слитки золота—дар лесного хозяина. А гуменник злобно пылающими глазами поджигает гумно несправедливого хозяина.

Будучи хозяевами определенной территории, все эти духи требуют безукоризненного порядка, точного подчинения всем правилам и глубокого почтения к себе, в пределах их владений. Никто не решится свистеть или громко ругаться в лесу; никто не уйдет из бани, не оставив немного теплой воды в кадушке и кусочка мыла для обдерихи. Никто не скажет плохого слова о хозяине—домовом. Но, стоя на грани между добром и злом, эти духи часто озорничают бессмысленно и зло. Вдруг обдериха окатит неожиданно кипятком, или домовой навалится на хозяина и будет душить его до хрипу, а леший заставит путника сутки пробродить по лесу, в полуверсте от села. Живя по большей части в местах, населенных людьми, в тесном общении с ними, находясь часто в материальной зависимости от благосостояния хозяина, нежить усваивает себе некоторые формы человеческих взаимоотношений. Обзаводится семьей—женой и детьми. Семьей всегда моногамической. Свадьба лешего даже обставляется ритуалом, чрезвычайно сходным с ритуалом свадьбы пинежан. Духи наделены знанием и умением, далеко превосходящими человеческие, а потому для них легко и просто то, что без их помощи недоступно человеку. Они невидимы и делаются зримыми по своему желанию или только посредством заговора и обряда.

---

[1]) В 1927 г. на реке Пинеге была большая гидрологическая экспедиция.

Они обладают даром оборотничества и могут являться в самом разнообразном виде: домовой в виде кошки, горшка, полена; леший в виде пня, кочки, зверя; банник—веника или угля и т. д. и т. д. Редко их превращения бывают нормальных размеров—обычно они гиперболичны в ту или другую сторону: то леший появляется огромным стариком—роста выше елей, то крохотным старичком прячется в скошенной траве. Обладая даром оборотничества, они имеют власть и над вещами, превращая по желанию деньги в уголь, ухват в змею, болото—в твердую почву. Каждый из „местных" духов, кроме всех присущих им типичных свойств и способностей, имеет еще большое количество индивидуальных качеств и привычек, вызывающих со стороны людей и индивидуальный подход к каждому из них.

Обладая всеми теми же свойствами, что и нежить, т. е.—невидимостью, оборотничеством, властью над вещами и т. д.,—бесы резко отличаются в сознании пинежского крестьянина от „местных духов". Те, хотя и озорны и капризны и подчас, в озорничестве своем, причиняют прямое зло человеку, но иногда они приносят людям и добро. От бесов же ждать добра нельзя. Это олицетворение всего злого, всего безусловно и активно враждебного человеку. Их основное назначение—сеять вражду, нищету, ненависть и кровь. От бесов не помогают заговоры и обереги, и не всегда могут помочь молитва и крест. Этот бес, вера в которого еще не поколеблена ни газетой, ни радио, не имеет ничего общего с тем забитым и вечно посрамляемым глупым чортом, который встречается в многочисленных сказках того же пинежского уезда. Вера в могучего, жестокого, всегда остающегося победителем беса поддерживается, повидимому, старообрядцами, их легендами и сказаниями [1]).

III

Ближе всего к человеку, тесно спаянный с ним экономически, входящий во все интересы данной семьи дух—это домовой или, как значительно чаще называют его в Пинежском уезде—доможир. Доможир не изменил своему местопребыванию и теперь, как и в старину, продолжает жить под печкой. Внешний облик его и его жены доможирихи, раньше колеблющийся и загадочный [2]), все более и более приближается теперь к обычному человеческому виду. Только некоторые атрибуты часто отличают его от обычного крестьянина. Это или горящие глаза, или тонкие, покрытые шерстью руки („сам он как есть человек, а как я его за руки ухватил, а персты у его как у облизьяны, тонки, шерстяны, так из руки и вылезло"), или даже только тот безотчетный страх, который охватывает человека при взгляде на всякое сверхъестественное существо. Аграфена Ефимовна

[1]) Из 10 рассказов о бесах—8 были записаны от старообрядцев.

[2]) Ст. Афанасьев. Поэт. воз. слав. III ст. 7. Богданович. Пережитки древн. миросозерц. у белоруссов и др.

Черноусова 54 л. из дер. Засурье, близко видевшая доможириху, рассказывает: „А собою она как баба, и в повойнике. Только смотреть все таки страх берет“. И доможир и доможириха, озорничая, могут принимать различные виды, но основной их образ все таки построен по образу и подобию человеческому. Часто только весь доможир бывает покрыт шерстью, мохнатой и густой, или облезшей и жидкой, в зависимости от того, бедно или богато живет его хозяин. Так как доможир всецело зависит от благополучия хозяина (много дров у хозяина—у доможира тепло за печкой; от каждого горшка каши доможир получает корочку, с удою доможир получает блюдечко молока), он всячески старается помочь ему в хозяйстве. Он ухаживает за скотиной, он избавляет воду от нечисти и болезней, он следит за порядком в доме. Нерадивому хозяину, неряшливой хозяйке домовой всячески мстит за разрушающийся дом; заботливый же, домовитый хозяин всегда найдет в нем поддержку и помощь. Заинтересованные всем, что делается в дому, и обладая сверхестественным знанием будущего, доможир или доможириха предупреждают семью о грядущем несчастьи, или прибытке: „Как в дому несчастье буде, так доможириха под полом плаче. Уж ходи,—не ходи, уж роби—не роби, уж спи—не спи, а все слышать будешь. Вот как у меня хозяин то помереть должон, все я слышала, будто плачет кто так жалобно. Знамо, доможириха цюла. А как в дому прибыток буде, уж тут доможириха хлопочет, и скотинку пригладит, и у кросон сидит. Вот я раз ноцью выйтить хотела, встала, смотрю месяц светит, а на лавки у окоска доможириха сидит и все прядет, так и слышно нитка идет „дзи“, да „дзи“. А я сробела, поклонилась ей да говорю „Спаси бог, матушка“. А потом вспомнила, как меня мать учила относ делать. Взяла шанечку, да около ей и положила. И она ничего—все прядет. И много у нас в той год шерси было, так мы поправились, даже сруб новый поставили“.

Иногда доможир наваливается на спящего человека, душит его своей тяжестью. Тут то и надо спросить его „к добру или к худу“, на что он и дает ответ иногда прямой, иногда символический, иносказательный [1]). „Навалилась на меня тень, я и спрашиваю к нему (у их всегда надо спрашивать) к худу, али к добру. А сам еле говорю, а он взял колокольчик, да так по всему моему тему звенит: „Вот—говорит—к чему. Вот к чему“. И пропал. Так я в тот год оженился“ [2]).

Но иногда домовой наваливается и душит, мстя за какую нибудь погрешность. „Сколько он мне показывал, что ему эта корова не нравится, а я ничего, думаю, свыкнется. Вот как я ее привел, так в ту ночь и навалилась на меня тень. Гляжу, слышу, а шевельнуца не могу. Давил, давил, я аж в храп пошел. А потом как хва-а-атит меня к потолку, так я там и

---

[1]) Ср. Ефименко, Материалы стр. 164.
[2]) Ср. Ефименко, о. с. стр. 158-9 (срав. Сахаров, Сказ. русск. народа, I. 9).

прилип, а он меня лавой подпиха. А потом, как шырнет лаву, так я и упал, даже разбился. Пришло корову омменять". Если домовой не взлюбил скотину, то все равно ей в дому не жить. Она будет хиреть и рано или поздно умрет. Домовой отбирает у нее корм, гоняет ее ночами по двору, путает ей гриву и т. д. Любимую скотинку он гладит, чистит, подсыпает ей корму. Для того, чтобы домовой любил новую скотину, вводя ее в хлев, кланяются на все четыре стороны, кладут колобок из ржаной муки в кормушку и говорят: „Вот тебе, хозяйнушко, мохнатый зверь на богатый двор, пой, корми, да по шорстке гладь".

До сих пор домовому, как покровителю дома, пинежанин приносит жертвы. Каждый раз кусочек корочки с каши кладется в подпечек. В ночь под новый год, 31 января ст. ст., для домового варится специальный горшок каши, который оставляется на ночь непокрытым в печи. Каша круто солится, а около горшка кладется ломоть хлеба. В достаточном дому, посреди горшка делается выемка, куда кладется или наливается масло. [1]) Если каша на другой день тронута, значит домовой доволен хозяевами и в новый год будет попрежнему покровительствовать им. Тогда остатки каши отдают курам, и они весь год бывают особенно носкими. Если же каша не тронута, значит доможир недоволен и отказывает в покровительстве разгневавшему его дому. Доможир чрезвычайно привязан к своему дому и к своему месту под печкой. Говорят, что он долго продолжает жить и в опустевшем доме, пока не умрет от одиночества и голода у потухшего очага. Поэтому при переезде в новую избу хозяйка старается выманить доможира в новый сруб. Когда люди уже перешли в новую избу, хозяйка в последний раз затапливает печь в старом доме, варит кашу, заворачивает горшок в чистое полотенце и, кланяясь во все стороны, говорит: „Хозяин-батюшка, со жоной со малыми робятами, поди в новый сруб, поди в новый дом ко старой скотинушки, ко старым людям". Затем печь гасится, горшок с кашей переносится в новый дом, там зажигают впервые огонь в новой печи и в ней доваривается принесенная каша. Таким образом устанавливается непосредственная преемственность между старым и новым очагом, между старым и новым домом. Этот обряд производится еще повсеместно и в Сурском и в Карпогорском районе и даже в наиболее тронутой новым бытом самой Карповой Горе. По свидетельству жительниц разных деревень, еще 5—6 лет тому назад при исполнении этого обряда, женщина, несшая кашу, везла за собой на веревочке новый лапоть—перевозила в нем домового. Сейчас это уже нигде не делается: „Как теперь такое сделаешь, малые ребята засмеют: „чортей в корете по улицы возит".

Ближе всего к дому и наиболее тесно связанной с ним постройкой—является баня, или „байна". Байна тоже имеет свою незримую обитательницу—обдериху. Обдериха отличается от домового и других местных духов исключительной злобностью своего характера. Единственная помощь, оказы-

---

[1]) Ср. Сахаров, о. с. т. II, 8.

ваемая ею людям,—это избавление от угара во время паренья. Но зато малейшее нарушение банного ритуала влечет за собой жесточайшее наказание. Так, самым большим прегрешением является мытье в байне в одиночку, а в особенности в третью смену. Третья смена предоставляется обычно самой обдерихе, для чего и оставляется в кадушке немного горячей воды, а на полке кусочек мыла. Если в это время в байну зайдет человек, в особенности с похвальбой, хвастаясь, что не боится обдерихи, ему оттуда живому не выйти. Обдериха, как показывает самое ее прозвище, „обдирает" человека, снимает с него кожу. „Как вот сказано—в байне одной мытца, нельзя, обдериха сгубит, так оно и есть. У нас жонка одна шустрая говорит: „пойду одна в байну на третью смену, когда обдерихи моюца". И пошла. И час нету, и другой нету. А пошли за ею, а она под пол в шилья загнана, а кожа на каменке виснет. Обдериха ободрала".

Не только появление в байне во время мытья обдерих, но и всякое ночное посещение байны, в особенности с целью хвастовства, карается обдерихой. „На новый год робята собрались и один знашолся, чтоб в байну на похваст сходит, и говорит: „в каменци камешок возьму". Он зашагнул в байну-то и поймался за ноги. Он рвался, рвался, не мог вырваця. То, которое поймалося, и говорит: „Возьмешь замуж, так отпущу, а нет—так обдеру завсё". Он ещо вырваця хотел, да не мог и посулился взять. Побежал из байны безо всякого камня, как отпустило его". Последствием такого хвастовства явилась, в данном случае, женитьба парня на обдерихе; история, впрочем, пришла к благополучному концу. [1]) Парню удалось одеть на обдериху крест и этим превратить ее в простую женщину. Даже такая погрешность, как неоставление воды в кадушке или кусочка мыла, влечет за собой наказание. В следующее мытье обдериха плеснет в провинившегося кипятком или даже задушит его угаром. Благодаря такому обитателю, баня считается нечистым местом, и в бане никогда не вешают икон и не делают крестов страстной свечкой. [2])

Вера в гуменника, охраняющего гумно, почти совсем исчеза. На расспросы о нем почти все отвечали, что „мы его никогда не видели", хотя две старушки слышали о нем рассказы, одна от матери, а другая от старшего брата, который видел гуменника, помогающего молотить. Только в дер. Ваймуши крестьянка Серафима Прокопьевна Никифорова 65 л. рассказывала, как в деревне, откуда она была взята, у ее крестного гуменник спалил гумно за то, что хозяин не расплатился с работавшим нищим. На что присутствующая здесь Анна Петровна Тараканова 42 л. возразила: „Говорят, так оно раньше и бывало, а теперь об этом не слыхать. Я так никогда его не видала, а мало-ль на гумне работать пришлось". В большинстве деревень о гуменнике даже не слыхали.

---

[1]) См. Богатырев. Верования великор. Шенк. уезд. Этногр. обоз. 1916 г. XII.
[2]) Ср. Ефименко, о. с. стр. 165.

Зато вера в лесного и лесачих незыблема и тверда. Как уже говорилось выше, по всем условиям жизни пинежан, это вполне естественно. Угрюмый и мрачный характер лесов, до сих пор не тронутые человеком чащи, долгая работа в лесу в зимние месяцы, когда день страшно короток, а ночи бесконечно длинны, и, наконец, полная зависимость пинежан от леса, все это создает почву, питающую и поддерживающую веру в лесного „хозяина". Леший обликом почти всегда похож на человека, [1]) но по большей части бывает огромного роста: „а то вот раз татя ехал на лошади, а пьяный был, лежал на сонях. Вот на Покшеньге остановилась лошадь. Он проснулся, взглянул поверх лошади— лошадь не идет, а стоит перед ней дядька—в три сажени человек. А татя ременкой лошадь хвостнул, а человек за им. По пять сажон шаги делал, а татя все же удрал".

„По реке Пюле, около Сульцы есть пюльска рассоха. Там есть у погощан сена. Вот отец туда пошол, к зароду, через перелесок, а там выше лесу, выше вот елей стоял кто-то. Хозяин елей, видно". Живет леший в самой дремучей чаще, и ходу к его дому нету. Но жизнь его мало чем отличается от крестьянской: такая же у него изба, только может быть поболгаче, так же его жена доит скотину, заведенную лешим из крестьянского стада. Так же родятся у них дети, которым нужна нянька. И тут-то леший часто прибегает к помощи опытных крестьянских бабок: „Жила у нас старуха, бабкой славилась. А у лешого дите народилось. Он ту старуху и скрал. В няньки ее к себе привел. А дите у него огромное, голова, как пивной котел. Стала бабка дите няньчить, а он ее хлебом кормил. Ничего, не обижал. Только она очень плакать стала, соскуцилась. Ну, лесачиха ее и пожалела. Дала ей хлеба на дорогу, да домой выпустила. Как в лесу была, все хлеб кусала, а как в деревню вышла, вместо хлеба шишки да мох". (Анна Васильевна Ушакова 65 л. Усть-Покшеньга). [2])

Иногда лешие живут вдвоем, втроем, без семей, копят серебро и золото и жестоко расправляются с людьми, которые забредут к ним в жилье. Однажды девушка брала ягодки „... и заблудилась. Заблудилась и видит дале-е-ко то, далеко, цуть цуть кросецку огонек в избусецке. Она и пошла на тот огонек. Шла она, шла, едва дошла до избусецки да вся устала, ... села она под березку. Видит вышло из избушки то. Церно, волосато, волосы то длинны, дли-и-нны, на полу волоцця. Да и курет. Вышло с папиросой. Загурчало про себя, да и ушло. Девушка взяла полено, да и прямо у окна поставила. Да стала на полено то и смотрит. Вйдит... а тамотки пецка топитца, а на пецки все те волосати, трое их. Девушка вся озябла, хотела в избу дойти, да боитца волосатих, леших тех. Она взяла, легла в сени, в лисотя. Да запорхалась лисьями то, да и вышул один волосатый, чуя кто-то шевелица в сенях то. Наступил девушке на ногу, девушка и заплакала. Он загурчал, заругался, да девушку то и занес в избу. Да разболо-

---

[1]) Ср. Ефименко о. с. I стр. 164.
[2]) Ср. Ончуков, Сев. сказки. № 290, 234.

кают девушку то, хотят ее кипятить, да ись"... Но к счастью отец отыскал девушку, убил леших и нашел у них полные подвалы золота и серебра.

За обиду леший, конечно, мстит, и от мести его можно укрыться только хитростью: „шол мужик с охоты, да увидал в лесу зверя. Он в этого зверя и стрелил. А тот как закричит—весь лесь всколыхнулся, все звери завыли". Видит мужик, что он ранил лешего. Скинул кабот, да шапку, на пень надел, а сам в кустах спрятался. „Вышел леший разгоряцонный, березина большая в руках, да как хватит по пню, думал мужика убил и пошел, а мужик домой убежал". (дер. Немнюга, неизвестный старик [1]). Являясь хозяином леса и пастухом всего лесного зверья, леший награждает тех людей, которые так или иначе помогли или пощадили кого нибудь из лесных обитателей. „Раз заночевал у нас человек в лесу. Сидит у костра, да шаньгу ест. И вдруг слышит и треск, и гром—идет кто-то. Посмотрел это он, а перед ним как стадо и волки, и медведи, и зайцы, и всякое зверье лесное... А тот к ему подходит. „Что—говорит—шаньги дай кусочек". Дал он ему шаньги половину. Тот давай ломать, да зверям давать, так и шаньга у него не меньшится. И волки сыты и медведи сыты, и зайцы сыты. Вот лесной и говорит: „Ты домой иди, не бойся. Если волки тебя стретят, скажи: шаньги моей кушали, а меня не троньте". С тех пор этого человека звери никогда не трогали. Другой охотник целый день зря проходил по лесу, жалея самок с детьми. Ночью он попал в болото и погиб бы, если бы леший не взял его на спину и не принес к деревне. Конечно, леший по прежнему озорничает, отнимает у путника память, задерживает его телегу, зацепившись за колеса, пугает его криком, уханьем, свистом...

Лесачихи очень опасны для живущих в лесных избушках. Под видом жен они посещают дроворубов, и тогда „в них начинает сменяться кровь". Они чахнут, тоскуют и скоро умирают. Для того чтобы избавиться от лесачихи, надо или надеть ей на шею крест, тогда она может сделаться обыкновенной женщиной, или отстегать ее рябиновой веткой. „Хозяин раз ушел на бор, а жонка молода осталась. Вот он про нее и думае: „Ох,—думае—как она живе, быва ее и побранивают". Вот враз и приходит будто она. „Как буду я жить—говорит—домой не пойду". „Поди со мной жить". А это лесачиха была, а он зна. Он припас рябинову вицю и почал ее бить. А в руках у его своя собака. Во как было" [2]).

Так как лешему и лесачихе в хозяйстве скотина необходима, они часто уводят крестьянских коров в лес. Не помогают бесопрогонные травы и кропление святой водой, и тогда крестьяне прибегают к „относам". Хозяйка, потерявшая скотину, печет пшеничную шаньгу, варит горшочек каши и, завязав все это в чистый платок, несет на лесную ростань в полночь. Там она кланяется на четыре стороны, кладет „относ" в центр перекрестка и гово-

[1]) Ср. Соколовы, № 35, № 110.

[2]) Об охотнике и лешом см. еще „Этногр. Обозр." 1916 г. CIX—CXII. Веров. великор. Шенкур. уезда.

рит: „Лесной хозяюшко, лесная хозяйнушка ешьте кашу, пшеничну шанюшку, отдайте мне мою пеструнюшку". Если к утру „относ" исчезнет, значит леший принял дар, и скотина скоро вернется домой.

Обычно населяющие те же самые леса русалки, вера в которых так распространена в Белоруссии и на Украине [1]), известны на Пинеге только по наслышке, только как фантастический сказочный персонаж. Самый термин „русалка" на Пинеге является чуждым, занесенным, книжным. Один раз, правда, нам встретился рассказ о пьяном мужике, на телегу к которому насели „лесные девки", обладающие некоторыми признаками русалок, как то: светящимися телами, зелеными волосами, но в разговоре выяснилось, что это были обычные лесачихи. Больше никогда и никаких разговоров о существах, подобных русалкам, нам слышать не приходилось. Эту мало распространенную веру в русалок на севере Союза отметил еще в своем специальном исследовании Зеленин [2]).

Наиболее тесно связано с жизнью людей таинственное существование умерших. Всякая связь, завязавшаяся при жизни, всякое обязательство и всякие отношения сохраняют свою силу и после смерти одной из сторон. Но, по большей части, все это бывает не в пользу живых. Мертвецы часто кровожадны и мстительны, они мстят живым из зависти, за то, что те сохраняют еще дыхание и теплую кровь и пользуются всеми благами живой жизни. Они, а иногда в их образе дьяволы-бесы, приходят часто в свою семью для того, чтобы погубить остальных ее членов. Особенно часто они являются к женам, если те долго тоскуют о покойниках, плачут и не могут их забыть. Такой, вызванный слезами, покойник особенно опасен, и спасти от него может только пение петуха, или вмешательство другого духа. „Вот, я слышала, были у нас, лет 20 тому назад, два брата и пошли с плотама, а может в леса ушли, уже верно не скажу. Да и померли, а хозяйки плачут, все домой дожидат. Вот рас ноцю и идут оны. „Здраствуйте"—говорят. Ну, они обрадовались. Что в печи, то на стол мечи. Да старшая то золовка лошку под стол свалила. Полезла под стол, глядит—а у мужиков на ногах когти железны. Ну, она и знает теперь, что это мертвяки. Да младшей золовке и говорит: „скорей работу какую делай". А та и говорит: „Вот выдумала. Ноць на дворе—я мужа, чай, долго не видала, лучше с ним спать пойду". Да и пошла на поветь. А тот большую зовет: „Идем говорит — спать". А она все избу прибирает и пашет, и моет, и все богу молитца. Ждет, когда петухи запоют. Он ее уж бить начал, а тут вдруг и петухи запели. Он в раз упал. Черный весь стал. Ну, она народ позвала. Пошли они на поветь, а там золовка лежит и с ей кожа содрана, на соломе расстелена. А мертвяка нет" [3]). В той же деревне Немнюге ходит рассказ

---

[1]) См. сборн. сказок Романова, Добровольского, Шейна, Чубинского и др. Зеленин, Очерки рус. мифологии.

[2]) Зеленин, Очерки русск. мифологии стр. 115.

[3]) Подобных рассказов записано очень много по всем местностям России. Смотр. хотя бы: Афанас. № 212. Романов, в. IV, №№ 66, 68, 78 (стр. 124—127);

о том, как одна женщина, умершая вскоре после своей свадьбы, начала по ночам ходить к своему мужу. Хотя она и не причиняла ему зла, он стал чахнуть и терять силы. Тогда, по требованию стариков, разрыли ее могилу и вбили в труп осиновый кол. С тех пор ходить она перестала, и муж вскоре поправился. Покойник жестоко мстит за нанесенную ему при жизни обиду. Так, в деревне Обросово два кума поссорились из за коровы, и между ними вспыхнула вражда. Началось с мелких уколов и неприятностей, дальше больше и, наконец, один из них — Петр — подпалил у врага гумно. Тогда Иван подпалил Петрову избу, и в горящей избе погиб сын Петра. „Посмотрел это тот, да и говорит: „Ну, брат, и не замолить тебе этого, и не отчитать. Не будет тебе ни сна, ни отдыху“. Да сам в огонь бросился. С той поры кажну ночь он к Ивану приходит, то под окном стоит стуцит, да воет: „отдай мово ребенка“. Потом в избу стал входить—выть. Потом на лавку сядет, а потом и душить зачал, да все воет. А Иван весь сивый стал, ночи как огня боится. И поп не отмолил и не отчитали, так и удушил покойник“. Так же жестоко мстит покойник и за насмешку над собой, или за подглядывание, хотя и случайное, за его выходом из могилы. „Раз в нашей деревне пиво варили. Ну, парничок один и говорит: „вот я уж ни живого, ни мертвого не убоюся“. А в церкви покойник лежал. Вот они и говорят: „Подойди покойнику руки разожми, да дулю сделай“. Вот он и пошол. Руки разжал, стал дулю делать, а тот его за руки и — хвать. Вот парень бьется, бьется, а не уйти. Ну, стал кричать. Прибежал народ. Стали мертвяку руки резать. Мертвяку режут, а парень кричит: „братцы, пошто вы мне руки режете“. Так и не отнять было, а на третий день вместе и схоронили“.

В Усть-Покшеньге рассказывают, как солдат, заблудившись, попал на кладбище и увидал как встает покойник. Заметив солдата, покойник бросился за ним с криком: „так ты за нашим делом подсматриваш“. Солдат побежал, покойник погнался за ним, и солдату удалось спастись, только забежав в лесную часовенку. Покойники, живущие в ином мире, обладают уже его тайнами, и поэтому могут предсказывать некоторые события. Так, появление покойника, кровно связанного с домом, почти всегда предвещает смерть кого-нибудь из наиболее близких умершему людей. „Как мертвяк по дому ходить зачнет, значит другого покойника ищет. Быть тому дому горе и слезам. Вот у меня маменька пять годов, как померла. Только годок после смерти прошол (на самой это было на родительской субботе) лежу это я на палатях, слышу по повети кто-то ходит (а в дому никого не было). Я и говорю: „кто тут“. А он не отвечает. Вдруг это дверь в избу открылась, входит маменька, я так и сомлела. А она по избе ходит и зовет: „Миша, Мишенька, подь со мной“. А Мишей моего братца звали, робеночка,—вот она его и звала. Тут я опомнилась, да и крикнула, она и ушла. Так вот в тот же день и

Ончуков, №№ 286, 87, „Казанск. губ. Ведомости“ 1859 г. № 7 стр. 62; мои заонеж. записи № 46 и т. д. и т. д.

занемог Мишенька, да через три дня богу душу и отдал. То то она за ним и приходила. С собой звала".

Естественно, что кровожадность и злобность мертвецов, вера в то, что под видом близкого покойника в дом может проникнуть дьявол —вызвала ряд обычаев, обрядов и слов, оберегающих жизнь живых. Так, в Архангельской губ. ставят кресты на окна и двери свечой, принесенной с чтения страстей в великий четверг. В Малороссии посыпают пол золой [1]) или кладут кусочек железа на подоконник [2]) и т. д. Для того, чтобы узнать, не мертвец ли гость, внушающий подозрения, ставят ребенка в красный угол, и тогда у мертвеца ребенок ясно видит оловянные глаза и медные зубы. Пение петуха, даже в неурочный час, прогоняет нечистых и мертвецов. Поэтому в крайнем случае надо уколоть петуха иголкой, тогда он закричит, и мертвец исчезнет. Мало распространен на Пинеге, но есть и заговор, направленный прямо против мертвецов. „Спаси господи от лихого люда, от мертвого, от нечистого. Запой божья птица, красный петух, голосистый звон, прогони от меня рабы божьей (имя) мертвого мертвяка, обратно в гроб, в сыру землю". Рассказов о мертвецах на Пинеге множество, и привести все их нет никакой возможности. Как и всюду, рассказы эти весьма разнообразны, и в них замечаются следы древнейшего дохристианского воззрения на загробную жизнь.

Также многочисленны и рассказы о чертях. Редко можно встретить человека, который никогда бы не видел чорта. Он появляется всюду, в особенности людям, совершившим грех или обидевшим кого нибудь в страстной четверг. „Вот уж на евангелье иттить надо было, я в избы все прибрала, уж и платок одела, а тут что-то с золовкой поругалась, да я и скажи „ах, ты проклятая", она и заплакала. Тут я смотрю, а в углу „он" стоит страшный, волос долгий, рожки, а глаза как углиши, и все языком на меня дражнится. Я прямо сомлела вся".

Если в тот же страстной четверг отойти к дверям церкви и перевернуть свечку огнем вниз, можно и в самой церкви увидеть пляшущих чертей, радующихся страданиям Христа. Но делать это нужно с возможной быстротой, чтобы черти не заметили твоего поступка, иначе перевернувшего свечку ожидает несчастье. Много рассказов ходит и о том, как черти соблазняют и подстрекают на грех, как появляются в дом в виде странника или монаха, но огромное большинство рассказов говорит о том, как опасно призывать помощь чорта, особенно в полдень. Чорт моментально является на полуденный зов и помогает человеку, но за этим обычно следует жестокая расплата. „Самое худшее чорта в полдень вспомянуть. Была, говорят, тут жонка—Марьей звали, пошла она раз на косьбу. Уморилась очень. Домой пришла, а свекруха хлеб месит, а печеного ни краюхи нет. Марья то голодная была и все ей будто свекруха медленно робит. Спрашивает ее: „Нюшка что тебе

---

[1]) Малор. демонолог., „Москвитянин" 1842 XII 120.
[2]) Чубинский т. 1 в 1. 20.

не поможет" (сестренка маленькая). А та говорит: „Нюшка в леса пошла, по морошку". Тут Марья и думает: „Ишь Нюшку то отпустила, помочь некому, а ты тут и сиди голодная, чтоб тебе чорт помог". И вдруг видит тесто то так и месится, так пузырем и стало. А свекруха на лавку привалилась, как стена белая. А тесто то в печку—скок—да из печки на стол. Готовое. Марья то взяла, ножом срезала, да не перекрестясь в рот, да и задавилась. А это все чорт делал. Потому в полдень Марья его без креста помянула. „Особенно страшно в полдень родительское проклятие. Оно исполняется мгновенно. Стоит матери крикнуть: „будь ты проклято" или „провались ты ко всем чертям" и т. п. как ребенок исчезает из глаз. Чорт, чутко прислушивающийся к людским словам в полдень,—похищает ребенка; „одна бабка, говорят, белье стирала, а доцка около нее все ходит. За юбку дергает. Маленькая девушка, пять лет было. Да все „мама, мама". Та об нее споткнулась, да рукой в кипяток. Вот и крикнула „будь ты проклята". А девушки как и не бывало. Оно и известно—значит ее черт взял". Вернуть ребенка мать может только путем длительного поста, долгих слез и раскаяния. Похищенный ребенок все время ходит около дома и всюду, невидимый, следует за матерью. В Белоруссии похищением проклятых в полдень детей обычно занимается леший, на Пинеге это сделалось одним из основных занятий чертей.

Черти, конечно, боятся креста, молитвы, святой воды и крика петуха. Человеку можно избавиться от их влияния раскаяньем, добрыми делами и постом. Но они изворотливы, лукавы и подстерегают человека повсюду, с тем чтобы воспользоваться минутой слабости или гнева и завладеть человеческой душой. Но есть и люди, которые посредством особых слов, или магических обрядов, иногда при наличии особого договора, подчиняют себе чертей и бесов и имеют власть над ними [1]). Но таких людей очень мало, а большинство беспомощно и трепещет при одной мысли встретиться с чортом воочию. Из таких резких контрастов состоит сейчас жизнь пинежан. Загс (из 8-ми свадеб на Красную Горку в с. Суре только 1 проводилась по церковному обряду), радио, все растущий комсомол, клуб, заменивший монастырь, избы-читальни, газеты и на ряду с этим твердая вера в домовых, леших, мертвецов, заговоры и множество примет. Вера, бесконечно осложняющая и утруждающая и без того тяжелую жизнь пинежского крестьянина.

IV

Вера пинежан в нечистых и нежить отражается больше всего, конечно, в разговорах и, вкрапленных в эти разговоры „обывательских" (если можно так выразиться) рассказах. Эти рассказы, служащие подтверждением или примером к положению выставленному разговаривающим, не выпадают из

[1]) Ср. Добровольский стр. 78 № 11.

общего плана разговорной речи, поэтому, как материал для исследования жизни суеверия, эти рассказы являются особенно ценными.

Ярко отражается суеверие и в так называемых „бывальщинах“. При рассказывании бывальщины уже всегда присутствует некоторый момент исполнительский. Она резко выпадает из общего разговорного плана и делит собеседников на две группы—аудиторию и исполнителя. Обычным сигналом для этого являются слова: „вот я вам скажу бывальщину“, или что нибудь подобное. Вслед за этим рассказчик обычно меняет положение, тембр голоса и темп повествования, всем этим выделяя бывальщину из ряда обычных разговорных рассказов. Огромная часть бывальщин говорит о встречах с нечистыми и мертвецами, об исполнении различных примет и пр. суевериях. Значительно меньшая часть падает на рассказы о разбойниках и совсем ничтожна часть, повествующая о трагических любовных историях. Сам термин „бывальщина“ говорит о том, что рассказываемое событие считается безусловно бывшим в действительности. „Нет, бывальщина—это не сказка! Сказка,—говорят, вереница, а бывальщина—былица. В сказке все наврути не разбери-бери, а бывальщина это правда истинная“. „Что-ж ты про бывальщину не знаешь? Да ведь это правду, как дело было—так и говорят. Раз люди видали—так и сказывают“. „А бывальщина это люди про дело, которо вот с тобой, али со мной слуцилось, али вот у соседей—так люди и говорят“. „Да бывальщина—одно слово—правда. Было такое дело, значит“.

Считая бывальщину безусловной былью и желая сделать ее наиболее заслуживающей доверия, рассказчик чаще всего старается определить место действия („вот у нас на селе“ или „в Шотовой Горе — говорят“... или „был в Кевроли“ и т. д.) и даже имена действующих лиц. Иногда даже прямо называется и фамилия, указывается—жив ли этот человек в данное время и чем он занимается и т. д. Таким образом, бывальщина, прикрепленная к определенному селу, связанная с известным большинству, жившим в нем (или даже еще живущим) лицом, делается рассказом чисто местным, трактующим о чисто-местном происшествии. Пинежская бывальщина, в ряду бывальщин других местностей, поражает особенной устойчивостью своей прикрепленности к какому нибудь определенному месту. Происшествие, являющееся темой бывальщины, прикрепляется к определенному селу не только в ближайших местностях, но и по радиусу в 20 — 30 — 40, иногда даже 80 верст. При таком прочном прикреплении, естественно, у населения не возникает никакого сомнения в том, что бывальщина есть просто рассказ о недавно бывшем происшествии в жизни какого нибудь села.

Одна из наиболее распространенных на Пинеге бывальщин, прикрепленная к дер. Поганцы (Сурск. район), записана и зарегистрирована нами в деревнях: Поганцы, Засурье, Сура-Погост, Слуда, Остров (Сурск. вол.) и в Карпогорском районе — д. Церкова-Гора. Во всех этих местностях связывают нашу бывальщину с д. Поганцы, что особенно интересно по отношению к Карпогорскому варианту, так как Карпова-Гора отстоит от Суры

приблизительно на 80 верст. Бывальщина эта говорит о девушке, которую родители не пускали замуж за милого, она решила уйти самоходкой. Ночью, по уговору, за ней приехал жених. Она подала ему в окно приданое, вылезла сама, и они поехали. Жених оказывается мертвецом, перед ними раскрывается могила. Но девушка, ссылаясь на то, что могила узка для двоих, уходит якобы за лопаткой и убегает с кладбища. Мертвец бросается в погоню, но знакомая старушка прячет девушку за печкой. Поют петухи. Мертвец исчезает, и девушка спасена. Это, как видно, мотив Бюргеровской „Леоноры", мотив известный во всех странах Европы и пришедший к нам через западно-славянскую среду. [1]) Европа дала нам множество вариантов сказания о женихе-мертвеце, но и на русской почве мы имеем тоже достаточное количество записей. Одиннадцать вариантов добыты проф. Созоновичем из Псковской, Смоленской, Гродненской, Волынской, Полтавской, Киевской, Варшавской, Курской, Оренбургской, Седлецкой и Приамурской области. Драгомановым записан вариант в Екатеринославской губ. [2]) Материалы Чубинского дают нам 3 варианта, записанных один в Полтавской и 2 в Екатеринославской губерниях. [3]) Смоленская губ. дает нам еще один вариант в записи Добровольского, [4]) Архангельская—два в записях Ончукова [5]) и наконец, Олонецкая в моей записи 1926 г.—один вариант.

Таким образом, мы находим на русской почве 19 вариантов нашей „бывальщины", записанных во многих губерниях России. Во всех этих вариантах есть некий признак литературного единства — стихотворный диалог мажду мертвецом и его невестой. В немецком народном сказании, давшем Бюргеру идею для баллады, он звучит так: Der Mond der scheint so helle, die Toten reiten schnelle! graut, liebechen auch, vor Toten? Во французском: „Луна тебя освещает, мертвец тебя сопровождает, не боишься ли меня?" Во всех русских вариантах этот диалог присутствует в той же форме. У Ончукова (№ 39): „На улице лунно, кому куда думно, парень едет, девку везет. Боисься ле меня?" У Добровольского „Месяц светит, мертвый з живым едит. Ти боисься ты?" У Чубинского „Місяць світыть, зорі пляшуть, мертвец красну дівку везе. Дівко, дівко, не боисся ты?" и еще „світе місяц, и з звіздию, мертвец іде и з жоною. Чі боісся, Котеринко?" и так по всем вариантам, вплоть до нашей бывальщины, где мертвец поет: „Месяц светит, мертвец едет, девушку везе. Девушко, дево, ты боишься ле меня?"

Таким образом, при ближайшем рассмотрении, наша бывальщина теряет свой местный характер и оказывается одной из большой семьи русских вариантов сказаний о женихе-мертвеце. Само имя, Кати (Катерины), очень

[1]) Смот. исследование пр. Созоновича „К вопросу о западном влиянии на славян. и русск. поэзию". Статью Зелинского „Античная Леонора" — „Вест. Евр." 1906 г. № 3, и библиогр. Каллаша „Леонора" „Жив. Стар." год. II вып. II.

[2]) Драгоманов. Малорус. нар. предан. и расск. стр. 392.

[3]) Чубинский, Мат. стат. этногр. эксп. т. II стр. 412—416 №№ 110—120—121.

[4]) Добровольский. Смоленск. этногр. сб. стр. 126 № 58.

[5]) Ончуков. Северн. сказки № 39, 289.

устойчиво и проходит через все (за исключением одного, где девушка названа Ганной) варианты, в которых девушка имеет имя [1]). Почему именно данное сказание в Пинежском уезде так прочно прикрепилось к селу Поганцы, сказать сейчас не представляется никакой возможности, но, вероятно, в жизни села было какое нибудь происшествие, послужившее толчком для такого прикрепления, и превратившее международное сказание в бывальщину, говорящую о событии, якобы случившемся в д. Поганцы.

Такую же картину дает нам другая бывальщина Пинеги, прикрепленная к озеру „Каскомень" (Сурский район). На этом месте раньше стояло село, в котором „народ был, как камень". Нищие туда не ходили. Однажды, под видом странника туда пришел Илья-пророк. Трижды он просил напиться, и трижды ему грубо отказывали женщины. Тогда Илья-пророк посмотрел на небо и сказал: „Господи, во селе сем воды нетути. „И послал Господь на село воду, и из реки плывет, из земли идет, и дождем бежит... И стало на том месте озеро. А под озером село большое, в неурочный час под нечисто слово и увидеть можно, да не обрадуешься". [2]) Сказания о провалившихся и залитых городах, селах и монастырях широко распространены по всем странам. И всюду большинство из них строится по следующей схеме (точно выдержанной и нашей бывальщиной): село (город, монастырь) обитатели которого жестоки и греховны; новый грех (чаще всего жестокость к нищему или святому под видом странника); потоп, как наказание за грех [3]).

Что касается русской почвы, то здесь мы имеем множество свидетельств о существовании подобных сказаний, прикрепленных к озерам и болотам. Так, в Ровенском уезде Волынской губернии сказание о затонувшем городе прикреплено к озеру Почаевскому. В Донецком городище к затону реки Удом. [4]) В Минской губ. к озеру Свитязь [5]) и т. д. Эти сказания дали материал для целого ряда литературных произведений. [6]) Что же касается записей этого сказания в различных местностях России, то их, сравнительно, не так много. Есть запись абхазского сказания [7]) и три записи сделаны в Белоруссии—одна Романовым [8]) и две Шейном. [9]) Все три белорусских варианта чрезвычайно близки между собой и отличаются от нашей бывальщины только присутствием добродетельного персонажа, за гостеприимство, оказанное святому, спасенного от потопа.

[1]) Чубинский, Драгоманов; заонежский вар.

[2]) Д. Засурье.

[3]) См. Сумцов. „Сказания о провалившихся городах". Сб. Харьк. Истор.-филол. Об-ва, т. 8, стр. 297.

[4]) См. Максимов, Собр. соч., т. II.

[5]) Минский листок 1892 г. № 55.

[6]) См. Мельников-Печерский, Мицкевич „Свитезянка". Данилевский „Озеро-Слободка".

[7]) См. Сумцов. о. с.

[8]) Романов. В. IV стр. 196.

[9]) Шейн. Стр. 434, 436.

К подобному типу сказаний почему то почти всегда привлекают и группу сказаний о сокрытии городов и церквей. Например, о сокрытии от Батыя знаменитого святого града Китежа или города Холма, или, наконец, села Бельского, которое икона Богоматери сделала невидимым. Эти две группы сказаний не только не принадлежат к одному типу, а прямо противоположны друг другу. В наших сказаниях город проваливается сквозь землю и заливается водой в наказание за свою исключительную греховность. В то время как Китеж, Бельск, Холм по святости своей получают заступничество богородицы и, как бы исчезая с лица земли, спасаются от врага и всех земных горестей, продолжая жить реальной, но скрытой от грешных глаз жизнью. И если в первой группе мораль говорит о наказании грешников, то во второй она указывает на награду праведным.

Бывальщина „о чорте и совике", записанная в Шотовой Горе, зарегистрированная в Кевроле и Немнюге и прикрепленная к Кевроле, дает настолько интересный материал, что ее надо привести целиком. „А еще был у нас в Кевроле такой человек нехороший. Всех ругом ругал, иначе как „чорт" да „дурак" и слова ему не было. Сына очень бил. Вот раз он с работы пришол (в лесу зимой работал), в избу в совике взошол, да давай стягивать. А совик намок, не лезет. Он тогда и заругайся на сына: „Вот, чорт, помоць не можешь". А откуда не возьмись тут чорт и пришол. Давай с него совикташшить. Ташшит вместе с кожей. Мужик кричит, а чорт ташшит. Так кричал, что все село сбежалось. Прибежал и поп, стал его отцитывать „Отче наш" и молитвы всякие, ну, чорт и убежал, да с совиком вместе. Мужик то еле очухался, а совик так и не нашли больше".

Эта бывальщина целиком строится на том убеждении (о котором уже говорилось выше), что дьявол всегда является на зов человека, и появление его постоянно сопровождается несчастьем для позвавшего. Мотив о помощи чорта распространен по всему миру и на русской почве имеет огромное количество записанных вариантов [1]). Сюда же относится и большая группа рассказов о детях, проклятых в полдень и унесенных чортом. Особый интерес представляет для нас опубликованный в 1923 году проф. Богословским рассказ из рукописи XVII—XVIII в. „Цветник" Соликамск. уезда Пермской губ. [2]). Этот рассказ имеет разительное сходство с нашей Архангельской бывальщиной:

„Бѣ муж житія добродѣтельного ибо званія именитаго именем Стефан. Той нѣкогда ездя, от пути возвратися рабищу своему рече пришед: чорт, разуй мя. И егда сіе точіе изрече, начашася сапоги сами сыматися і не точію бо голенищам трещати, но всем ножным составом. Стекошася ч(е)л(овѣ)цы на глас и яснове всѣм извѣстися, яко его же воспомянух призва, той

[1]) См. Онч. № 67, Сокол. № 36, Садов. § 80. Добров. ст. 638, Онч. № 198.

[2]) См. журнал „Север" кн. 2, стр. 170—173. См. „Великое Зерцало" гл. 54 „О гордости и ярости".

скоростию и нечесно сапоги содра. Но и сам той Стефан суразумѣ о сем, зѣло ужасеся. Нача звати: отиди, отиди злый слуго и послужниче, не тебѣ оубо, но купленаго моего раба неправедно воззвах; отиди оубо дѣмон. Сапоги же обретошася в непреступном мѣсте, гдѣ же ч(е)л(овѣ)цы истребляются. От сего показуется, яко враг тщалив к работе телѣсником. Аминь».

Проф. Богословский отмечает в своем рассказе три главных момента: 1) название господином слуги не по имени, а чортом; 2) исполнения невидимым чортом приказания господина; 3) перенесение сапогов в место жительства беса. Все три момента присутствуют и в нашей бывальщине, т. к. исчезновение совика вместе с чортом по всей вероятности и предполагает перенесение его в обитель последнего. Разница между этим рассказом и нашей бывальщиной состоит только в социальном положении действующих лиц (господин—раб и мужик—сын) и в предмете, снимаемом с человека (сапог—совик).

В старом рассказе значительно сильнее и выпуклее момент морализации. Чорт отпускает человека после того, как он громко покаялся в своем грехе. А последняя фраза и заключительное „аминь“ автора подчеркивает моральную сторону рассказа. В нашей же бывальщине нет раскаяния, понимания своего греха, чорт отпускает мужика только испугавшись молитв священника. Никакого вывода, никакой морали в бывальщине не выдвигается.

В д. Немнюга записана бывальщина о мертвой жене, которая пришла к мужу и стала под окно со словами: „Муж ты мой венчанный, пусти меня, отогрей меня, болят мои костоцки—залежалися“. Муж прогоняет ее, она идет поочередно к отцу, к матери и к сестре. Все ее гонят кроме прежнего возлюбленного, который берет ее к себе, на четвертый день ведет ее в церковь и там с ней венчается. Одев на нее крест, священник возвращает ее окончательно к жизни со словами: „Кто от ей отказался, тому она не жена, кто ей в дом пустил с тем и жить будет“. Сказание о мертвой женщине, которую ее прежний возлюбленный прячет у себя 4 дня, после чего женится на ней, известно во многих странах, [1]) и еще в XIV в. было обработано Боккачио в его „Декамероне“. Но на русской почве мы встречаем одну единственную запись Шахматова, сделанную в 1884 г. в соседней Олонецкой губ. и представляющую из себя вариант, чрезвычайно схожий с нашей бывальщиной [2]). Через все известные нам варианты проходит непременное требование воскресшей женщины три дня скрывать ее от всех людей и не заглядывать ей в лицо.

В Усть-Покшеньгском районе, в деревне Холм ходит единственный на обследованную часть б. Пинежского уезда рассказ о волколаке. Самый термин „волколак“ на Пинеге совершенно неизвестен, так же не встречаются совсем рассказы о добровольном оборотничестве в волка. Поэтому этот

[1]) См. хотя бы Сазоновича, стр. 47.
[2]) Ончуков. „Северн. сказки“ № 120.

единственный рассказ представляет значительный интерес. Этот рассказ прикреплен не только к деревне Холм, но даже к определенной, почти совершенно разрушенной, пустующей избе на краю села. Указывая на эту избу, один из жителей д. Холм и рассказал: „Вот тут у нас охвотник жил, удовец. И женился на удове с сыном. А на сына ему и глядеть страшно. И каждую ночь сын из избы вон. И уцуял охвотник, что стал кажну ноць воук коло их избы выть. Вот под листу субботу взял он топор, да святой водой смощил и ноцью, жоне не говорясь, сторожить стал. О полноць прибежал белый воук, сел средь двора и почал выть. Охвотник выскоцил, да топором лапу обрубил. Волк завыл, да не в лес, а в избу... Охвотник за ним, а в избе, смотрит, на лавци сын лежит, а мать ему руку вяжет". Это сказание весьма близко к старому сказанию из Бургундии, приводимому Клингером [1]) и повествующему об охотнике, ранившем волка, и дошедшем до избушки, в которой старуха перевязывала руку сыну.

По мнению Клингера, это Бургундское сказание является почти не изменившейся формой античного рассказа, закрепленного в литературе Петронием. Античный рассказ этот говорит о солдате, ночью превратившемся на глазах у рассказчика в волка. Волк ворвался во двор, передавил много скота, был ранен в шею. На утро рассказчик застал солдата, лежащего в постели, а около него врача, перевязывающего рану. Клингер, видя в Бургундском и античном сказании совпадение таких деталей, как присутствие при оборотне, в момент его уличения, лица, пользующего рану, говорит в данном случае о прямом античном влиянии. Деталь эта присутствует и в нашей Усть-Покшеньгской бывальщине.

Наконец, во всем Карпогорском районе распространено сказание о Немнюгской (Кеврольской) церкви. Как известно, на месте теперешнего села Немнюги был старый город Кеврола, представлявший собою резиденцию воеводы. В XVII в. Кеврола, как город, был уничтожен, и воеводство из него выведено. „Вот как стали воеводство то из хороду выводить, как содрогнулося наша церковь, как задзвонили колокола, да как все в ей с места сдвигнулось. Ты подь, посмотри, голубушка, ницего-то в ей на месте нету. И кажно бревнышко, и каждый колокол, и ломпадоцки, и иконы, и царьски врота—вс-все в ей сдвигнуто, уж хоть на маленьку цастучушку, а все сколыблено. Вот как станет у нас опеть город, так все назад воротица. Опеть прямо станет. И не быть нихте хороду, как у нас. Вот в Пинег хород унесли, а теперь уж и Пинег не хород. Теперь хород Карпова-Гора, да скоро опеть к нам воротитце. Потому у нас и встарину был, и церковь у нас, вишь, какая, а ее обедели".

Не есть ли настоящая бывальщина отголосок сказаний о перенесении церквей и икон из мест, где они подвергались гонениям? Многочисленные

[1]) В. Клингер „Животные в античном и современном суеверии". Киев. 1911 г., ст. 234.

сказания этого типа развились в эпоху иконоборства, особенно поддерживались византийской письменностью и проникли к нам через посредство Южной Руси.

Эти примеры достаточно ясно показывают, что сюжеты пинежских бывальщин являются широко известными в России и международно-распространенными. Неизвестно почему, эти бывальщины прикреплялись на Пинеге к определенному месту и приобретали характер рассказов об истинном происшествии.

Е. В. ГИППИУС

КУЛЬТУРА ПРОТЯЖНОЙ ПЕСНИ НА ПИНЕГЕ

Термин „протяжная“, взятый у крестьян, войдя в обиход песенных сборников, постепенно утерял свое первоначальное значение. В сборниках к протяжным относятся весьма различные по форме песни, преимущественно по признаку темпа.

На Пинеге этот термин неизвестен вовсе. Крестьяне подразделяют песни на 1) „тяжелые“, „баские“, хорошие; 2) „легкие“ (святочные, хороводные, плясовые); 3) новые (городские) и наконец—4) „частые“. Отдельно стоит замкнутая область свадебных. Наиболее высоко ценятся тяжелые „настоящие песни“, как говорят Пинежане. Просьба спеть после тяжелой другого вида песню обижает крестьян: „да ту тебе девки да малые девчонки споют, та не хорошая песня“, раздаются реплики. Под эпитетами тяжелая и баская подразумевают очень широкую область, включая и те песни, которые мы бы назвали протяжными, и ассимилированный городской романс.

Приведенная Пинежская классификация на первый взгляд мало удовлетворяет неясностью классификационного признака, а отсюда определением различных видов песни то на основании ее роли в быту (свадебные, святочные), то на основании ее свойств (тяжелая) и т. д. Но ближайшее ознакомление показывает, что эпитеты: свадебная, легкая, тяжелая, частая—условно обозначают различные виды песни, классифицируемые по признаку формы. Возвращаясь к старому термину „протяжная“, который будем (пока условно) употреблять для обозначения песен, называемых на Пинеге „тяжелыми“ предположим, что этот термин употребляется для характеристики известной формы песни и попробуем найти существенные признаки, характеризующие эту форму.

Проанализируем процесс усвоения городского романса, занесенного в деревню и попытаемся отыскать новые свойства, приобретаемые романсом в новом бытовом слое, в тот момент, когда он перестает восприниматься как городская песня и становится баской, старинной, протяжной. Первая стадия существования романса в деревне—стадия окаменелости,—окристаллизованного состояния. Окаменелость вызвана двумя причинами: 1) новые, непривычные интонации резко приковывают внимание, и новая песня

запоминается как известная схематическая данность, 2) городские песни постоянно нарочито заучивают наизусть. Когда новые интонации становятся привычными, восприятие новой песни меняется. Сплошная окристаллизованная линия вдруг теряет свою монолитность. Отдельные точки этой линии начинают набухать и постепенно приобретают несвойственное им прежде значение, образуя целый ряд *узловых центров* различной значимости и различной устойчивости. Как только произошло расчленение, линии соединяющие узлы приобретают все более и более самостоятельное значение и начинают быстро видоизменяться. Этот момент *превращения в сознании исполнителей монолитной, застывшей линии в узловатую, и восприятие узлов как опорных точек различной устойчивости и является моментом ассимиляции.* Ассимиляции механически запомнившейся, или заученной, чуждой конструкции с точки зрения привычных конструктивных принципов.

Подобное изменение восприятия может быть и не связанным с фактическим видоизменением напева, т. к. фактическое видоизменение: откидывание тех или иных узловых центров, увеличивающееся значение других, изменения отдельных попевок или подмена их новыми (местного происхождения) и т. д. — все это является лишь следствием изменения восприятия и таким образом обычной формой бытия крестьянской песни, в которую обратился романс. Узловатость линии и самостоятельное значение попевок являются общими свойствами северной русской песни, поэтому наличие их не служит еще признаком именно протяжной. Существенным признаком пинежской протяжной является использование этих свойств в двух характерных типах движения.

В одном случае импульсом движения служит соотношение узлов или опорных точек данной песни. Неустойчивое равновесие возникает благодаря вращению вокруг узловых центров, наиболее сильно тяготеющих к ладовому устою (кварты и квинты) и игнорированию устоя до конца мелодической строфы (не задевая его вовсе или задевая вскользь), либо в борьбе узловых центров квартовой и квинтовой групп. В этом случае попевки являются лишь средством сдвига, закрепляющего то одну опорную точку, то другую. Начальным моментом движения является противопоставление опорных точек. Отсюда—начало песни сводится к закреплению начальной и последующей попевкой противопоставляемых узлов. Этот тип роднит Пинежскую песню с известными нам протяжными северно-русских губерний.

Во втором, более характерном для Пинеги, случае, первая попевка начинает сразу развертывание движения, и первый узел служит только толчком для дальнейшего его развертывания; наконец накопляется достаточный запас энергии для дальнейшего движения по инерции, и это движение продолжается до тех пор, пока не победит сопротивляющаяся среда: стремление к покою и притяжение к ладовому устою.

Различие двух типов движения: использование в одном случае потенциальных динамических возможностей, заложенных в различной силе тяготения ступеней лада к устою и между собою, в другом привнесе-

ние приемов развертывания движения извне. Общность: значение попевки как средства движения в первом случае от одной опорной точки к другой, во втором—путем нагнетания динамической энергии вначале песни, разрежающейся только на протяжении мелодической строфы.

Ознакомление с указанными динамическими типами позволяет сделать и еще один вывод, подтверждаемый целиком наблюдениями: *протяжной песне свойственно развертывание линии мелодического напряжения путем непрерывного развития от начального импульса движения—момента нарушения равновесия, до конечного устоя.* Отсюда в протяжных нельзя встретить конструкции, основанной на повторении попевок, припева и т. д.

Возвращаясь к попевке заметим, что крестьяне расценивают хороших исполнителей тяжелых песен по мастерству импровизации упругой попевки — попевки,—одним движением закрепляющей известную опорную точку и накопляющей динамическую энергию (или во втором типе песен сразу разворачивающих движение);—попевки, обладающей свойствами тугой пружины, разжатие которой дает толчок. Наоборот, при вымирании стиля протяжной, прежде всего вымирает мастерство импровизации динамически-насыщенных попевок, и песня строится на оголенной системе узловых центров, что и приближает ее к большинству типов „легкой" песни, в Пинежском смысле этого термина. Мастера протяжной умеют вести голос, вращаясь вокруг узла, то приближаясь, то отдаляясь, оттягивая момент закрепления, преодолевая тяготение к опорной точке и этим самым натягивая напряженность линии попевки как высокой струны. Мастера „водить голосом", „растягивать голос" славятся в деревне как „певкие", которые „тяжелые" песни знают. Если вспомнить старые синонимы протяжной, также взятые из крестьянского обихода — „проголосные", „голосовые", характеризующие песню с точки зрения „ведения голосом", „растягивания голоса",—думается, что мы не ошибемся, предполагая, что и эпитет „протяжная" относится крестьянами не к темпу песни, а к *растягиванию* голоса. В районах, где стиль протяжной вымирает, например в районе Выи (верховье Пинеги) исчезновение мастерства импровизации упругой линии попевки, схематизирование, упрощение попевки, оголение узловых центров и тем самым сжатие, схематизирование мелодической строфы, — вызывает, правда, и ускорение темпа, но уже как следствие.

Сравним два варианта песни „Черемушка" (приложение 1 и 2) из которых один записан в деревне Похорово Сурской волости, (где искусство протяжной наиболее развито) второй на Вые (деревня Усть-Выя). Схемы песни в обоих случаях одинаковые, совпадает не только система узловых центров, но и направление движения и наконец, схематизированные, упрощенные в Выйском варианте, попевки. Между тем песни различные. Запевка сурской „Черемушки" основана на сильном раскачивании на трех звуках *d*, *e*, *f*. Закрепление первого узлового центра *e* (являющегося средним звуком звукоряда запевки)—имеет двойное значение: по отношению к предшествовавшей попевке узел *e* является ритмическим устоем; но остановить

развившуюся (благодаря длительному раскачиванию) энергию движения опорная точка *e* не может, поэтому фактически первый узловой центр является лишь твердой почвой, от которой удобно оттолкнуться для раскачивания, в самом деле основыванного в дальнейшем на отталкивании от *e*. Возможность оттолкнуться постепенно расширяет амплитуду качания, раздвигая границы звукоряда, путем захвата *c, a, h*. Каждая новая попевка становится все более напряженной, а опорная точка *e* все менее устойчивой, наконец *e* теряет свое опорное значение и развившаяся инерция переносит узловой центр в *a*. Но несмотря на притяжении этого упора как границы звукоряда, и как ладового устоя, узел не удерживается на *a*. Раскачивание развило инерцию и опорная точка обратным толчком выбрасывается вверх. На этом движении сила инерции ослабевает, на верху закрепиться не удается, ладовый устой перевешивает и вторичное падение вниз дает концовку. Таким образом все движение развивается уже в начальной запевке, путем постепенного нагнетания энергии, дающего в дальнейшем, движение по инерции. Другими словами в Сурской „Черемушке“ мы имеем характерный образец второго динамического типа протяжной. Когда та же „Черемушка“ попадает на Выю—схема остается почти без изменений, но динамический принцип меняется. Упрощение попевок, случайное использование тех, которые сохранились в памяти, лишает попевки их центрального значения, и доминирующую роль приобретают узловые центры. Начальный узел *e* (верхняя квинта к устою) в Сурской песне имеет значение точки отталкивания, а в Выйской „Черемушке“ то же самое *e* используется как сильно тяготеющая к ладовому устою пятая ступень, и движение поддерживается ее систематическими закреплениями. Закрепление притягиваемой ступени и избегание притягивающей—ладового устоя (задеваемого вскользь или не задеваемого вовсе) и обусловливает движение. Оголенность узловых центров, их утомительное чередование или повторение, сопоставление и противопоставление, а наряду с этим максимальное упрощение, схематизирование попевок, производят впечатление обнажения железного костяка железо-бетонной постройки, после разрушения бетонных частей. Еще более характерна в этом смысле другая Выйская песня „Нам да и для чего в чужи люди“ (приложение 3), построенная на борьбе вполне оголенных кварты и квинты.

Установив существенные признаки Пинежской протяжной: 1) два типа движения на основе развития непрерывной линии от момента первоначального неравновесия до момента устоя; 2) доминирующую динамическую роль упругой, растяжной попевки,—перейдем к более подробному рассмотрению особенностей этого стиля. Уже при поверхностном наблюдении можно заметить, что некоторые части мелодической строфы являются чаще изменяемыми—допускающими большую свободу импровизации,—другие наоборот более устойчивы. Наиболее окристаллизованной частью во всех песнях является концовка и наименее окристаллизованной—запевка.

Схематическая формула песенной концовки, распространенная в большинстве северо-русских губерний,—последовательность V-IV-I ступени лада, наиболее характерна также и для Пинежских протяжных. Последовательность эту надлежит понимать не в узком смысле—как ряд ступеней, а в широком, как последовательность мелодически тяготеющих к устою двух групп субдоминантовой и доминантовой. Если мы расположим ступени диатонического лада (с устоем внизу) по убывающей степени их тяготения, получится следующий ряд: наиболее притяженная—кварта; следующая, почти равная ей—большая секунда; затем—квинта; терция,—большая или малая (дающая ослабленное тяготение квинты;) секста, большая и малая (ослабленное тяготение кварты) и, наконец,—септима (дважды ослабленное-квинты). Субдоминантовая группа складывается, таким образом, из кварты плюс вторая и шестая ступени, однородно с ней тяготеющие. В доминантовой группе аналогичным образом квинта может быть заменена третьей и седьмой ступенями, дающими ее ослабленное тяготение. *В системе тяготения русского песенного лада наиболее притяженной к устою является не доминантовая группа, а субдоминантовая.* Итак последовательность V, IV, I не единственна, как формула концовки, а лишь наиболее распространена (т. к. кварта и квинта являются точками наивысшего тяготения этих двух групп). Встречаются и другие концовочные схемы, но в обязательной последовательности—доминантовая, субдоминантовая, устой. Концовки с вводящими ступенями доминантовой группы, перед устоем, встречаются очень редко. [1])

Динамический смысл концовки характеризуется задерживанием движения и тем самым стремлением утвердить устой—одним лишь безвольным падением в него наиболее притяженного звука. В самом деле, для того чтобы устой явился бы моментом полного равновесия—нулем, динамический толчек (обусловливающий последний шаг к устою) должен быть равен силе естественного ладового тяготения данной ступени к устою. Всякое сложение этой силы с какой бы то ни было другой не дало бы в момент устоя уничтожения энергии движения, т. е. полного равновесия. Отсюда понятно двойное значение вводящей в устой ступени: с одной стороны—опорной точки, сдерживающей предыдущее движение, с другой—безвольно падающего в устой звука.

Наиболее распространенным типом концовки и является, либо повторение вводящего звука дважды (причем в большинстве случаев второй является менее длительным, чем первый), либо вдвое большая длительность этого звука по отношению к принятой в данной песне средней длительности движения (например при среднем движении четвертями, вводящая концовочная ступень будет половинной длительности). Во втором случае, затянутый звук вводящей концовочной ступени обладает свойствами двух противоположных начал волевого—задерживания движения и безвольного—падения в устой. Осуществление этого принципа не означает обязательного наличия либо

---

[1]) Главным образом в средне-русских песнях.

повторения, либо удлинения предшествующего устою звука (оба эти случая являются лишь наиболее схематичными и наиболее часто наблюдаемыми), обязателен: 1) момент задерживания движения (которое может быть достигнуто и иными путями) и 2) падение предшествующего устою звука силой притяжения устоя. Характерно, что в многоустойных песнях, где движение замкнуто в непрерывный круг, а также в одноустойных, которым свойственно стремление к непрерывности, к стиранию устоя, это стирание достигается только внешними путями: уменьшением длительности, уничтожением унисона путем подголоска, раскачиванием на устое и т. д., но момент задерживания движения перед устоем всегда сохраняется.

Остановимся наконец вкратце на том влиянии, которое оказывает окристаллизованность и схематичность концовки на свободно импровизируемые части песни. При кристаллизации концовки кристаллизуется целый ряд линий—попевок, а также целый ряд расслоений, образующих ряды вертикальных сочетаний (например, излюбленное расслоение нисходящими терциями). Все эти линии и слои—являются затем материалом для импровизации, наиболее часто употребляемым (как наиболее хорошо запомнившиеся обороты), а иногда и отправным моментом движения.

Сравнение нескольких строф одной и той же песни показывает, что первая строфа, а иногда и вторая резко отличаются от дальнейших. В то время как концовка, установившаяся с первой строфы, обычно выдерживается (схематически) до конца песни, остальные части напева и в особенности запевка первой строфы—отличаются от последующих. При исполнении первой строфы, певец ищет форму данной песни, которая окристаллизовывается только ко второй, а иногда, к третьей строфе. Первая строфа является наиболее импровизационной. Когда крестьянин начинает петь, в его сознании нет цельной схемы напева, он представляет себе основной характер движения, быть может начальное соотношение опорных точек, но не представляет часто и лада. Даже в одном из центров культуры протяжной—деревне Поганец Сурской волости, в песнях замечательных мастериц,—мы имеем несколько случаев, когда лад окристаллизовался к третьей строфе, а до того певицы „бродили голосом“, делая сплошные хроматические и ультрахроматические шаги. Подобных примеров множество. Таким образом и форма песни и даже лад кристаллизуются постепенно, в процессе исполнения. Постепенность кристаллизации формы усугубляется конструктивным отличием первой строфы от последующих, зависящим от структуры текста. Большинству русских песен свойственно повторение второй половины текстовой строфы, причем это повторение является началом последующей. Если мы выпишем текст любой песни таким образом, как он располагается в музыкальной строфе, станет очевидным, что первая строфа напева должна быть короче, чем все остальные. Например:

Цвели во поле цветики, цвели да поблекли,
Ой воспоблекли, любил парень девушку, любил да покинул,
Да воспокинул, да душа моя ненадолго, душа моя ненадолго.

Начальная музыкальная строфа и является либо второй половиной дальнейших, либо их сокращением, либо, как в приведенной песне „Цвели в поле"—свободной импровизацией, не встречающейся в дальнейших строфах вовсе,—импровизацией, входящей в русло последующих строф только перед концовкой на словах: „цвели да поблекли".

Естественным следствием конструктивного несовпадения первой и последующих музыкальных строф является: различие в системе опорных точек, начальные опорные точки на несовпадающих ступенях и отсюда совершенно различные запевки в первой строфе (будем ее называть начальной) и в дальнейших. Отличие начальных запевок от последующих становится еще более очевидным если рассматривать внутреннее различие их целеустановки. Основные функции начальной запевки: нарушение данного состояния покоя, завязка движения и введение его в известный круг музыкального становления в большинстве случаев замкнутый, благодаря стремлению к кольцу—непрерывному движению путем стирания устоя. Развившаяся инерция при непрерывном движении по окружности создает новые данности: движение, звучание; таким образом функция последующих запевок сводится к сдвигу от ладового устоя к следующему узловому центру—точке отправления. Моменты преодоления сопротивления и противопоставления существующим давностям—других взамен, не свойственны последующим запевкам. Функциональное различие не могло не отразиться на форме запевок. Запевки последующих строф крайне лаконичны—одним из распространенных способов сдвига (например, окружением или разбегом) они закрепляют первую опорную точку и этого вполне достаточно, чтобы движение развивалось далее самостоятельно по привычной окружности. Они могут быть более или менее развиты, орнаментированы, но типологически всегда одинаковы. Начальные запевки, наоборот, чрезвычайно сложны и весьма разнообразны. Их разнообразие усугубляется стремлением к совмещению своих основных функций с некоторыми дополнительными. Наиболее существенной из последних является стремление к характеристике лада. Мы говорили выше, что лад кристаллизуется постепенно, иногда на протяжении двух строф, однако стремление к его кристаллизации наблюдается с момента запева и наиболее остро в начальной запевке. Типы начальных запевок делятся на две группы: 1) отталкиванья от известной окристаллизованной формулы, 2) непосредственное развертывание движения.

В первой группе мы имеем следующие, наиболее распространенные типы начальных запевок (классифицируемые по признаку различия точек отталкивания), использующих как точку отталкивания окристаллизованные обороты: 1) концовок, 2) предконцовочных окристаллизовавшихся попевок, 3) любого опорного звука.

Во второй группе имеем два типа развертывания движения — простой и суммированный. Примером первого типа приводим записанную в Паганце Сурской волости протяжную (из рекрутских) „В Питер Москву" (приложение 4). Второй тип характеризуется сложением ряда движений в одном на-

правлении, сумма которых дает необходимый запас динамической энергии для продолжения движения по инерции. Примером этого случая (кроме приведенной уже нами Сурской „Черемушки") может служить начальная запевка упоминавшейся уже песни „Цвели во поле цветики" (приложение 5), основанная на раскачивании от верхней границы звукоряда к устою с постепенным захватом по одному звуку снизу (постепенным завоеванием новых границ),—раскачиванием чрезвычайно интенсивным благодаря однонаправленности, да еще к ладовому устою. Раскачивание, вообще, наиболее распространенный принцип развертывания движения в обоих типовых группах. Мастера протяжной не боятся начинать раскачивание сразу на большой амплитуде, охватывающей почти весь звукоряд песни; менее опытные певцы начинают с небольшой амплитуды, расширяемой постепенно. Кроме того вся вторая группа (непосредственное развертывание) характерна также для певцов, обладающих уже значительным мастерством и смелостью начать „без отталкивания" от окристаллизованного оборота. Стремление оттолкнуться от хорошо запомнившейся, окристаллизовавшейся в сознании интонации, ощутить твердую почву под ногами перед началом движения—весьма понятная психологическая потребность. Уверенность, которая приобретается при этом даже у опытного исполнителя естественно делает эту группу наиболее распространенной. Примерами типов запевок этой группы являются: начальная запевка песни „Экой Ваня" (приложение 6)—тип запевки-концовки [1]) и песня „Эх да Ерославска" (приложение 7) с запевкой, соединяющей второй и третий тип—отталкивания от известного звука, принятого за опорную точку, и начало раскачивания с окристаллизованной концовочной попевки.

Отметив наиболее существенные свойства Пинежской протяжной попытаемся вкратце охарактеризовать некоторые особенности ее метра и исполнения. Целый ряд песен (все протяжные района Выи, протяжные — в прошлом рекрутские и т. д.) строго двухдольны. В большинстве других, несмотря на то, что они не укладываются в постоянный неизменяемый метр, несмотря на преобладание свободного капризного ритма, ощущается метрический момент, который сперва крайне трудно уловить. Эта метрическая иллюзия основана на свойствах не столько метрических, сколько мензуральных. Известная длительность звука, являющаяся в данной песне наиболее характерной — служит мерилом для всех остальных — звуки большей и меньшей длительности в подавляющем большинстве случаев увеличивают или уменьшают ее в 2, 4, 8 и т. д. раз. Уменьшения в три раза почти не встречаются, тем более, что и как метрический принцип, трехдольность отсутствует в большинстве случаев.

Принятая основная длительность выдерживается столь же точно и отчетливо, как и ее производные. Исключение составляет только один ко-

---

[1]) Любопытно отметить, что в большинстве вариантов этой песни, помещенной в целом ряде сборников русских песен, почти неизменно сохраняется данный тип запевки.

нечный устой, вытягиваемый произвольно. Объяснение этого явления, свойственного далеко не всем протяжным песням русского севера (и вернее протяжным целого ряда районов несвойственного) мы находим при сравнении тех же самых песен в сольном и хоровом исполнении. Сольной песни, как таковой на Пинеге не существует вовсе. Подавляющее большинство исполнителей категорически отказываются петь „без подмоги“; однако в тех случаях, когда некоторые мастера и мастерицы соглашались, мы наблюдали совершенно иную, чем в хоре манеру исполнения той же песни. Закрепощенные длительности вдруг раскрепощаются, оживают и приобретают капризную изменчивость, обусловленную потребностями выразительности. Вместо вывода позволим себе процитировать Штумпфа: „В одноголосной, по преимуществу, музыке ритм мог развиваться свободнее, чем в музыке полифонической и гармонической. Так как, *когда играют или поют одновременно многие*, и когда голоса исполняют совершенно различные мелодии, им следует придерживаться известных стереотипных и легко запоминаемых ритмов, чтобы не впасть в совершеннейший хаос. *Поэтому вскоре и пришла полифония к мензуральной музыке*; поэтому ограничиваемся и мы несколько однообразными видами тактов, вроде $^4/_4$ или $^3/_4$, и выдерживаем их в течение целой вещи“ [1]). Хотя момент подголоска едва ли можно вполне рассматривать как одновременное исполнение совершенно различных мелодий, т. е. целиком отнести к гетерофонии, в том смысле, как ее понимает Штумпф, однако элементы как гетерофонии, так и полифонии, несомненно заложены в русском песенном многоголосии. Таким образом не только одновременность исполнения, но и манера многоголосия определяет ритмическое упрощение, сковывание, и появление мензуральных признаков.

Отмеченное отсутствие в быту Пинежских крестьян сольной песни как таковой, тем более любопытно, что в прошлом, лет 20—30 тому назад, когда былины и исторические песни были сильнее распространены, чем теперь,—исполнение как тех, так и других было также многоголосным. Это подтверждается с одной стороны фактами исполнения былины многоголосно и до сих пор, с другой свидетельствами крестьян-стариков, очень удивлявшихся нашими записями на фонограф больших хоров и вспоминавших при этом известного собирателя былин Григорьева (работавшего на Пинеге в 1900 г.), который „записывал только один голос“ исторических песен, исполнявшихся всегда многоголосно, на том основании, что фонограф не может записать хора. [2]) Твердые традиции хорового исполнения породили ряд традиционных исполнительских особенностей, возможных

[1]) Карл Штумпф. „Происхождение музыки“, изд. „Тритон“ Лгр. 1927, стр. 43. Курсив мой. *Е. Г.*

[2]) Григорьев, как он сам пишет в предисловии к I тому „Архангельских былин“ (изд. Акд. Наук. СПБ. 1904) был совершенно неопытен в технике фоно-записей. Тип аппарата, которым он располагал (графофон) очень несовершенен и неудобен; кроме того по свидетельству крестьян у него не было больших рупоров, без чего запись хора крайне затруднительна.

при ансамбле, но сильно затрудняющих переход к сольному пению. Остановимся только на наиболее существенной из этих особенностей, а именно на „перебрасывании голоса“. Перебрасывание — поочередное подхватывание звучащей линии песни — путем поочередного исполнения, от полного вздоха, до полного выдыха, а затем длительные паузы у голосов, во время которых певцы медленно, покойно берут дыхание и отдыхают. Особенно отчетливо наблюдается перебрасывание при двухголосном исполнении, где постянно фактически звучит только один голос. В больших хорах, самый момент перебрасывания почти не заметен, зато его следствие — сплошной не прерывающийся ни на минуту звуковой поток производит потрясающее впечатление. Принцип перебрасывания невольно ассоциируется с одним из основных принципов классной инструментовки — при передачи партии одного инструмента другому, сделать это без цезуры, т. е. чтобы последний звук на предыдущем инструменте прекратился не перед вступлением последующего, а в момент вступления. Таким образом продолжающая звучание линия все время должна зацеплять за предшествующую. В Пинежских протяжных — цезуры даже после устоя (ферматы) — редкие исключения. Цель перебрасывания — получить непрерывный звуковой поток (замкнуть не только динамический круг, но и звучащий) и является наиболее существенной традицией исполнения. В связи с этим певцы стремятся к исполнению песни с одной стороны на совершенно равном звуке, на котором не отражался бы вовсе вздох и выдых, лишенном каких бы то ни было динамических оттенков; с другой — к единому тембру совершенно плоского, открытого, очень резкого звука, напоминающего тембр кларнета и, наконец, к отсутствию толчков от согласных в тексте, путем столь слабого задевания этих согласных, что разобрать текст при пении чрезвычайно трудно. Графически это стремление сводится к получению не разорванной согласными линии звучания (согласные обозначаем вертикальным черточками):

а сплошной:

Неслучайность этого приема (невольно ассоциируемого с итальянской манерой дикции) подтверждается замечаниями молодежи, которая при пении „по городски“ делает усиленные толчки не только на согласных, но как бы акцентирует каждую гласную.

II

Систематическое изучение и наблюдение над жизнью песни, над изменениями ее при продвижении из одной местности в другую, при передаче из поколения в поколение, исследование музыкально-диалектологических особенностей отдельных районов—все это,—вопросы до сих пор не поставленные. Опыты Линевой по записи нескольких вариантов той же самой песни

едва ли могут быть учитываемы в этом плане прежде всего как бессистемные, что, например, приводит Линеву к сопоставлению трех Новгородских вариантов с одним Воронежским [1]). В Пинежской экспедиции мы сделали опыт систематической записи вариантов песен по определенному плану. Различные с точки зрения бытовой роли или по происхождению (от только что занесенных городских, до наиболее архаичных видов) типы песен записывались нами в пяти основных разрезах: 1) в одной деревне у разных по возрасту исполнителей; 2) в соседних деревнях той же волости; 3) в различных волостях; 4) в той же деревне у двух групп исполнителей, если певцы одной из них, славятся как профессиональные (приглашают, например, на свадьбу) и влияние этого профессионального момента может повлиять на изменение песен 5) целый репертуар известной группы спевшихся исполнителей (так в Поганце Сурской волости записано 25 песен у двух с детства спевшихся „бабок"). В результате на 284 фонографические записи, сделанные экспедицией—54 приходится на варианты. Работа над этими вариантами является темой специального исследования, мы же, в настоящей статье воспользуемся некоторыми из них для краткой характеристики районов и основных типов изменений песни, все в пределах стиля протяжной. Районы мы берем в широком смысле—крупные волостные объединения: таких районов музыкальная секция экспедиции обследовала три: Выйский, Сурский и Карпогорский (тридцать фонограмм, сделанные кроме того в районе города Пинеги, не могут быть учитываемы в данном случае, как записанные от одной исполнительницы). Между Сурой и Выей проходит граница, разделяющая Архангельскую губернию с Северо-Двинской. Граница оказалась не случайной. Выя резко отличается от всех районов Пинеги. Отсутствие сообщения между Сурской волостью (куда еще доходят Архангельские пароходы) и Выей, и общение Выи с внешним миром посредством почтового тракта через Малопинежку (последняя группа поселков в самом верху Пинеги) на Тойму (Северная Двина) способствовали повороту Выи лицом к верховью, а не к низовью Пинеги. Выйские крестьяне и по своему типу отличаются от нижне-пинежских. Они чрезвычайно оживленны, подвижны и напоминают скорее средне-русских крестьян, чем уравновешенных жителей русского севера. Различие жизненного темпа сказывается, и Выя теперь один из наиболее цивилизованных районов Пинеги. Гармонь, балалайка, радио, танцы под радио—в Вые—бытующие явления. Репертуар „старых" песен очень ограничен, молодежь их не знает вовсе, старики знают хорошо не более десяти песен, остальные вспоминают с трудом. Кроме сильного городского влияния на песню, следует отметить и еще одно существенное обстоятельство—постоянное общение с зырянами. Утверждать непосредственное влияние зырян мы не можем, так как зырянская музыка вообще очень мало обследована, а район Вашки, нас интересующий, не обследован вовсе, однако, факты заучивания жителями

---

[1]) Е. Линева „Великорусские песни в народной гармонизации". Изд. Акад. Наук в II Спб. 1909; стр. III—VI.

Выи зырянских песен и некоторая общность этих песен (записанных нами) с типично Выйскими, позволяет предполагать возможность такого влияния. Внешние особенности Выйских протяжных: 1) быстрый, почти плясовой, темп: 2) преобладание двух-дольного метра; 3) короткая строфа; 4) несоразмерно растянутая формула концовки; 5) особая манера исполнения устоя: исполнение не на постепенном спуске дыхания на звуке, а наоборот, на ровном forte очень растянутого звука (при среднем движении восьмыми устой равняется двум целым), в конце которого дыхание выпускается резким толчком, всех исполнителей одновременно, дающим небольшой взвизг, после чего наступает момент паузы. „Перебрасывание“ голоса, распространенное по всей Пинеге, начиная от Сурской волости и ниже, на Вые отсутствует; таким образом замкнутый круг звучания здесь заменен интенсивным устремлением к растянутому устою. Певцы стараются не брать дыхания, или брать короткими глотками, очевидно в связи с этим ускоряют темп, и, наконец, после наиболее напряженного звука на устое выпускают дыхание разом и делают большую цезуру, чтобы отдохнуть. Характерно что отсутствие на Вые перебрасывания голоса сильно поднимает здесь процент сольного исполнения песни. В начале статьи мы уже указывали на упрощение и укорачивание попевки на Вые, оголение узловых центров, подчеркиваемое метрическими акцентами и в связи с этим изменение принципа движения; любопытно отметить, что упрощение песни, связанное очевидно с манерой исполнения (устремленности к акцентируемому устою—центру вместо стирания этого устоя и движения по окружности) идет гораздо дальше чем упрощение попевки. Все Выйские протяжные песни одноустойны и лишены ладовых модуляций. Попадающие на Выю многоустойные, или обладающие подобной модуляцией песни, быстро теряют и то и другое путем простого откидывания, не только нескольких узловых центров, но и одного или нескольких колен (или членов) строфы. Вообще строфы Выйской протяжной, как правило, одночленны. Характерно, что аналогичное явление мы наблюдаем и у зырян, песни которых, если они заимствованы, используют только одно колено всей песни, а иногда и половину колена, повторяя его до бесконечности. Большинство узлов Выйских протяжных приходится на квинту и кварту. Замену последних терцией и секундой не всегда можно рассматривать в горизонтальном плане. Эти протяжные (одни из немногих на русском севере) сильно впитывали не только те элементы вертикали, которые явились следствием кристаллизации концовок или утолщения горизонтального слоя, но и элементы чисто гармонические. Осознание трезвучия в других районах Пинеги—достояние одних лишь частушек (влияние гармони и балалайки); на Выи гармонь и балалайка просвечивают и сквозь протяжную песню. Например, в песне „Росла в поле травонька“ (приложение 8), мы наблюдаем любопытное соединение все еще характерных линий протяжных попевок, хотя и сильно упрощенных с указанными влияниями вертикали, причем все уложено в четкий двухдольный метр. Границы звукорядов Выйских песен обычно: 1) у местных более старых—квинтовые (с захватом сексты и всегда с устоем внизу);

2) у ассимилированных городских в большинстве случаев не превышающие октавы. Самые звукоряды на Вые всегда чисто диатонические. Наконец из особенностей исполнения свойственных другим районам Пинежья, на Вые не встречаются: 1) различие между „тонким“ и „толстым“ голосом и исполнение одним тонким; 2) стремление исполнять песню равным звуком без толчков, зависящих от динамических оттенков и дикции.

Второй район Сура, в котором нами обследовано кроме непосредственно прилегающих к погосту групп деревень. Засурье, Похорово, Гора, Паганец и т. д., отдаленные—Сульцы (в тридцати верстах), Нюкчи [1]) (в шестидесяти) вверх по Пинеге,—является центром культуры протяжной. Протяжные песни здесь встречаются в быту больше, чем другие типы песен. Вечерняя гулянка девушек тесно связана с пением именно протяжных, не говоря уже об исполнении их во время работы, после работы, и, наконец, дома замечательными мастерицами „певкими бабками“. Исключение составляет только большинство мужской молодежи — парней, питающихся главным образом городским романсом, совершенно не прививающимся в других слоях. Здесь мы впервые сталкиваемся с крайне существенным явлением—различием у стариков и молодежи не только песенного репертуара, но и песен с совпадающими текстами, несмотря на то, что протяжные, исполняемые стариками едва ли можно считать более архаичными видами песни, или более характерными для местного стиля. Но уже момент различия социального значения этих песен очень существен: протяжные, популярные среди молодежи составляют не очень большой репертуар, но репертуар, известный всей массе молодежи и большинству крестьян среднего возраста данной местности; наоборот, песни стариков составляют огромный репертуар, известный очень небольшой группе „певких дедок и бабок“, уже известных в деревне как песельники. Большинство к пожилым годам перестает петь и постепенно забывает песни, зато наиболее талантливые, в молодости запевалы и заводилы, продолжают пение и с годами приобретают совершенно изумительное мастерство, как в области формы, так и в области многоголосия. Настоящим искусством называются именно песни стариков; молодежь слушает их затаив дыхание, с огромным напряжением и старается им подражать. Песни молодежи, сохраняя основные свойства протяжных, имеют значительно менее развитые попевки, менее развитую строфу. Устой намечается очень определенный, но смягчается характерным раскачиванием на секунде или кварте (стирание устоя). В большинстве случаев устой внизу звукоряда. Чрезвычайно распространенные в этом районе протяжные с устоем посередине встречаются обычно в песнях стариков. Отметим еще одну особенность песен молодежи, как бы загнутый вверх звукоряд, — замена в звукоряде последнего верхнего звука полутоном. В Суре это особенно часто встречается в виде полутона после мажорной квинты, например: *c d, c, f, g, as.* В пес-

[1]) Сульцы и Нюкча не только по внешней, волостной приписке, но и в отношении стиля протяжной песни, нас интересующего,—составляют единый район с Сурой.

нях стариков явления эти не встречаются вовсе. Наравне с неразвитой строфой и неразвитой попевкой в песнях молодежи мы имеем столь же неразвитое многоголосие. Подголосочные расслоения редки, робки и почти не превышают терции. Зато на явления тембрового порядка при исполнении песен, молодежь обращает особое внимание, в то время, как старики его в большинстве случаев почти игнорируют. Сюда относится манера пения „тонким“—высоким фальцетовым голосом и различные комбинирования его в октаву с „толстыми“.

Ассимилированный городской романс, бытующий по всему северу в виде излюбленных „Над серебряной рекой“, „Несчастный я родился“ и т. д., в Суре почти рассосался под влиянием местных интонаций и отличается еще—стоячими (преимущественно в верхней части звукоряда песни) терциями при топтании на одной ноте, и в некоторых случаях устремленностью движения не к нижней границе звукоряда, а к верхней. Наконец, короткая строфа и стремление как можно скорее ее замкнуть дает основание предполагать, что несмотря на узловую конструкцию, молодежь все же стремится охватить мелодическую строфу целиком, т. е. стремится к известному моменту кристаллизации.

В песнях стариков, песнях с развитой, упругой попевкой и длинной, сложной строфой, наоборот с первого уверенного раскачиванья и затягиванья момента закрепления узловых центров, ощущается живая импровизация путем использования хорошо известных приемов развертывания движения, и путем свободного выбора новых и новых интонаций из необычайно богатого, неисчерпаемого кладезя. Чем увереннее мастер, тем менее он стесняется начать раскачивание сразу на широкой амплитуде, а не постепенно [1]). Старики не боятся произвести сильное нарушение равновесия в начале песни, не боятся выйти из круга движения, не боятся любой многоустойности и любой модуляции. В многоголосных расхождениях песен стариков наблюдается не только расслоение, движущееся параллельно, но и самостоятельные шаги с одного вертикального образования на другое (например, с терции один голос делает квартовый шаг, другой секундовый, образуя в вертикали квинту) или при наличии трехголосного образования (например, типичных для Сульцев—двух сросшихся малых терций, образующих уменьшенный септаккорд)—движение одного голоса от подобного образования не внутрь к сужению двухголосия, а наружу (см. например „Нам да и для чего в люди торопиться“, прилож. 9). В многоголосных образованиях песен стариков встречаем и ритмическую самостоятельность в движении отдельных голосов, или иногда движение в разных длительностях. В песнях Паганцевских „бабок“ подобный тип, напоминающий пресловутые „две ноты против ноты“ проводится особенно систематически. Один голос как бы схематизирует, чертит основную жирную линию, второй—развитую,

[1]) Характерно излюбленное раскачивание в песнях Пиганцевских „бабок“ на сексте напр:. *e—f—a—f*.

извилистую. Исполнительницы ведут каждую линию иногда систематически на протяжении всей песни, иногда, обмениваясь или двигясь некоторое время вместе, затем снова расходятся и одна разветвляет, другая удерживает или наоборот. Отметим попутно еще одну особенность, также подчеркивающую элементы полифонии в протяжных стариков — стремление к двухголосию в одноголосной линии:

„Во Лузях" (Поганец Сурской волости)

Репертуар протяжных обычно складывается из следующих типов песен: 1) песни местного происхождения (в большинстве случаев бытуют в небольшом районе, так например песня Черемушка ниже Суры уже не встречается); 2) протяжные бытующие во всей России (или некоторые по всему северу), таковы например „Невеселая кампаньица"; „Нам да и для чего в люди торопиться", „Экий Ваня разудала голова" и т. д.; 3) протяжные рекрутского происхождения, постепенно утерявшие свою прежнюю, бытовую роль и соответственно изменившиеся. Эти охватывают большинство районов Пинеги; 4) протяжные романсного происхождения. В районе Суры репертуар молодежи составляют только песни первого и четвертого типа. Первый тип характерен и для стариков, зато вместо четвертого здесь мы имеем сильное преобладание второго и третьего и главным образом именно второго.

Различие между районом Карповой Горы и Сурой значительно меньше, чем между Сурой и Выей. По форме протяжные обоих районов очень схожи. Основные различия наблюдаются в звукорядах и многоголосии песен молодежи, а также в наличии исполнения в этом районе протяжных песен смешанным хором. Мужская молодеж Карпогорья в противоположность Сурской знает и поет не только местные протяжные, но и общерусские (второго типа).

Исследование Карпогорских звукорядов является темой специальной работы, которая не может быть осуществлена до основательного изучения средне-Мезенских звукорядов, с которыми очевидно тесно связаны Карпогорские [1]). Мы ограничимся лишь указанием некоторых отличительных особенностей этих звукорядов. На ряду с обычными диатоническими (привычными нам в русской песне) наблюдается ряд сложных, с преобладанием полутонов (например, *c*, *d*, *es*, *fis*, *g*, *a*, с устоем *c*). Особенность песен с такими звукорядами—излюбленное интонирование не только полутона, но и тритона. Последний особенно существен в связи с наблюдениями над Мезенской песней, где тритон играет очевидно роль кварты, т. е. наиболее тяготеющей к устою.

---

[1]) Небольшое количество Мезенских фонограмм, имеющихся в нашем распоряжении, не позволяют пока еще приступить к этой работе.

ступени. Ходы на увеличенную секунду даже в приведенном в пример звукоряде—избегаются. Хроматические понижения и повышения редко равны полутону (иногда больше, но чаще меньше). Характерное свойство этих звукорядов—их абсолютная неустойчивость. По большей части из ряда повышенных или пониженных ступеней, наиболее твердо держится тритон, остальные же, в особенности малая терция (в приведенном выше звукоряде) все время колеблются, меняя в различные моменты свою высоту. Вообще, свойство известной ступени менять свою высотность в ряду других строго ее сохраняющих, чрезвычайно характерно для Карпогорья. Хроматизированные звукоряды встречаются только в песнях молодежи, в песнях стариков наблюдать их не приходилось.

Вопрос об особенностях Карпогорского многоголосия стоит в связи с указанным выше наличием смешанных хоров. Расслоение женских хоров там отличается от Сурских, а прибавление мужских голосов привносит трехлинейность слоя (не считая октавного удвоения). Кроме того в смешанных хорах появляется различная средняя длительность. Мужские голоса удерживают—женские разветвляют (если, например, мужские голоса идут четвертями,—то женские—восьмыми). Различие длительности наблюдается не на всем протяжении, а главным образом на запевках до вступления мужских голосов, затем появляется уже эпизодически. Репертуар протяжных у стариков и „бабок“ значительно меньше Сурского, самые песни проще в смысле многоголосного слоя. Многоустойность и лады с устоем в середине почти отсутствуют, преобладает манера развертывания движения вокруг отдаленных от устоя узловых центров, наблюдавшаяся нами уже на Вые, но там она вызвана ослаблением динамической роли попевки и оголением узлов. Здесь, наоборот, импровизируются упругие и насыщенные попевки, поэтому, несмотря на использование системы узлов для развертывания движения, наблюдается большая, развитая мелодическая строфа.

Об изменениях динамических свойств протяжных песен в связи с особенностями стиля различных районов уже говорилось выше, поэтому сейчас мы остановимся на типах продвижения песни и на изменениях ее основных элементов: системы узловых центров и попевок при продвижении. Наблюдаются три основных типа вариантов: 1) сохраняющих почти все попевки и систему узлов (иногда целиком, иногда в сокращенном виде); 2) сохраняющих лишь одну систему узлов (целиком или частично); 3) сохраняющих лишь одну или несколько привившихся попевок, которые служат материалом для импровизации новой песни. Наконец, следует оговорить случай, когда сохраняется лишь текст, связываемый с новым напевом. Характерным примером первого типа могут служить 4 варианта, упоминавшейся уже нами песни „Черемушка“, записанных в районах Суры и Выи. Если сравнить попевки Выйского варианта хотя бы с Нюкчинским (см. приложение 10), мы увидим почти полное совпадение линий большинства попевок, упрощенных в Выйской песне. К этому упрощению нельзя отнести: 1) схематизирование концовки, разветвленной в Нюкче и сведенной к сжатой формуле звуков,

несоразмерно растянутых относительно общей, средней длительности в движении песни. 2) расчленение попевок новыми узлами, вдвое укорачивающими каждую попевку. Первое из этих изменений объясняется индивидуальными особенностями местных концовок и обычным внедрением их в новую песню прежде всего; второе—принципом движения, базирующимся на противопоставлении тяготеющих опорных точек. Нарастание новых узловых центров чрезвычайно характерно для вторичного фактора изменения песни—приспосабливания ее к особенностям местного стиля, как и обратное явление—замена данных импровизированными попевками. Обычно подобная замена начинается с простого разветвления узла, которое затем развивается в большую попевку, приобретающую самостоятельное динамическое значение. Появление нового узлового центра, или уничтожение одного из них, не дает нам основания считать тот или иной вариант наиболее полным, а остальные—его сокращениями только по внешнему признаку более развитой строфы. Наш второй пример (приложение 11) протяжная—„Запил Ванюша" (район Сура—Выя) также принадлежит к первому типу. В четырех вариантах района Суры мы имеем полное совпадение узловых центров в различие попевок не превышающее различия, вызываемого обычно импровизацией подголоска. В варианте, записанном на Вые, сокращена система узлов для получения одноустойности. В песне уничтожены два большие отрезка, значение которых: закрепление и концовка у второго и третьего устоев. Таким образом трехустойная песня сокращается в одноустойную.

Для характеристики второго типа, рассмотрим варианты одной из наиболее распространенных северных протяжных „Невеселая кампаньица" [1]) (Пять вариантов. Район Сура—Карпогорье—Пинега, приложение 12). Сопоставление Сульцевского и Поганцевского вариантов, дает полное основание отнести их целиком к первому типу. Узловые центры Шотогорской песни почти целиком совпадают с узлами Сурских (за исключением одного—захватывающего падением вниз на кварту нижнее *e*). Попевки в своих отправных точках, общей длительности и направления также совпадают. Таким образом сравнение этого варианта с Сурскими позволяет нам отнести его к первому типу. Наиболее существенные отличия сводятся к 1) нечистому диатоническому звукоряду (*c* колеблется между *c* и *cis*, а снизу устоя *a* имеется полутон *dis*), 2) подчеркиванию противопоставления квартового и квинтового узлов. В четвертом Покшеньгском варианте

---

[1]) Песня эта начинающаяся в разных местах различно напр. „Послушайте подружка", „Раздуй развей погодушка", „Калинушка с малинушкой" и приходящая неизменно к довольно устойчивому тексту со слов: „Развеселая беседушка где милого нет, невеселая кампаньица где мой милый пьет" очевидно была распространена по всей России. В нашем фоно-архиве имеется одиннадцать вариантов—4 Заонежских, 6 Пинежских, 1 Мезенский. В сборнике расшифровок Линевой 3 варианта. Песня эта опубликована в большинстве слуховых сборников не только северных губ. как напр. Ляпунова и Истомина, Абрамычева, Дютша, и т. д. но и средне-русских напр. Балакирева. В сборнике фонограмм Пятницкого (Воронежской губ.) упомянут ее текст как свадебный.

(записанном у девушек) и на первый взгляд не связанным с тремя упоминавшимися мы имеем общую с Шотогорским систему узлов. В обоих случаях исходный узел—квинта. После длительного закрепления этой опорной точки следует противопоставление кварты более притяженной к устою, но менее закрепляемой, а затем борьба кварты и квинты. Попевки не совпадают вовсе. Попевки эти, сведенные к секундовой или терцовой амплитуде, следует рассматривать не столько с точки зрения линии, сколько в плане известных формул ритмического перебоя—закрепляющих узловой центр акцептом. Исключение составляют лишь две попевки подголосного характера. Таким образом этот вариант целиком относится к нашему второму типу. Установить его связь с Сурскими песнями без посредствующего Шотогорского варианта затруднительно. Наконец пятый вариант, записанный еще ниже в деревне Великий двор близ города Пинеги, снова связан с Сурским, как в смысле почти полного совпадения узловых центров, так и линии попевок.

Третий тип вариантов рассмотрим на примере четырех рекрутских песен („В Питер Москву проходили“, „Как по славному по Невскому“, „Как у нужного было у крестьянина“, „По широкой славной улице“ приложение 13) очевидно происходящих от одного корня. Все шесть вариантов различных песен объединены совпадающими попевками и узлами в начале песен и перед концовкой. Узлы совпадают целиком. В пяти вариантах (исключаем Поганцевский) целиком совпадают две первые попевки. В разных вариантах частично совпадает и попевка третьего узла. В пяти вариантах (исключаем „По широкой“ из Кевролы) совпадают попевки с секстовым ходом вверх перед концовкой. Частично в отдельных вариантах совпадают концовки. Таким образом сохранились наиболее яркие обороты, лучше других запомнившиеся, а остальное исчезло и восполнилось или изменилось под влиянием новых импровизаций.

Отметив основные типы вариантов, попытаемся указать в каких случаях чаще встречается тот или иной тип. Варианты сохраняющие как систему узловых центров так и попевки (первый тип) встречаются либо в небольшом районе либо в соседних районах, если это местная песня, либо в целом ряде районов, если это общерусская протяжная (или другой какой нибудь вид заносной песни), но почти всегда в одном возрастном слое. Наоборот, и второй и третий типы наблюдаются в большинстве случаев именно, при переходе песни из одного возрастного слоя в другой. Таким образом, *песня изменяется при переходе из поколения в поколение сильнее, чем при переходе из одного района в другой.* Это явление совершенно естественно объясняется различием интонационного опыта различных возрастных слоев. Молодое поколение берет от стариков только часть их искусства подобно тому как использует часть их репертуара, и эта часть служит материалом для новых импровизаций в пределах известной традиции, но иногда на основании новых композиционных принципов.

В заключение отметим, что все три типа вариантов (линию разработки которых мы здесь намечали), а кроме того ряд протяжных песен на тот же текст, с совершенно новыми напевами, был нами фиксирован на протяжении всего лишь трех волостей одного только уезда Архангельской губернии.

Систематическое изучение жизни песни, ее непрерывных изменений как при переходе из района в район, так и при переходе из поколения в поколение требует. 1) планомерной фиксации вариантов в соседних волостях, а иногда и соседних селениях, причем желательна запись в целом ряде различных разрезов. Пропуск уже одной волости крайне затрудняет установление связи между вариантами тех же песен. Более значительные пропуски (напр., сравнение вариантов не смежных уездов той же губернии) не дают никаких возможностей в плане систематического изучения жизни песни, настолько богата еще крестьянская музыка севера, 2) планомерной фиксации тех же песен в тех же самых местностях через определенные промежутки времени.

Наконец *при собирании* музыкально-этнографического материала необходима запись *всех* без исключения, и бытующих и вымирающих интонаций каждого района. *При изучении* музыкально диалектологических особенностей и формообразования отдельных жанров, следует учитывать весь этот интонационный комплекс *в целом.* Только в результате длительной работы в этом направлении можно будет приступить к изучению стиля и языка крестьянской музыки. Осуществление этой работы покажет наконец всю бесполезность изучения абстрактного „единого стиля русской песни“.

Н. КОЛПАКОВА

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД НА Р. ПИНЕГЕ

I

На протяжении всего основного района работ экспедиции от Суры до Покшеньги существуют в настоящее время три формы заключения брака.

Первый способ весьма примитивен: это так называемые свадьбы „самокруткой“, „самоходом“: невеста покидает дом родителей без всяких обрядов, часто даже без ведома своей семьи, и на следующее утро входит в дом свекра. Такие „свадьбы“ в обследованном нами районе сравнительно редки.

Второй способ—обычная регистрация без венчанья, „запись в совете“. Она не сопровождается никакими ни предварительными, ни последующими обрядами, кроме свадебного стола при возвращении молодых домой, за которым поются прикрепленные к данному моменту в этой деревне свадебные песни.

Третий способ—старинный свадебный обряд с венчаньем в церкви и с соблюдением всего ритуала. Этот способ наиболее распространен и живет в обследованном нами районе повсеместно. Очевидно, что именно он и должен стать в центре внимания исследователя.

В то время, как остальные формы современного деревенского брака не требуют особых пояснений, старинный обряд живет сложной и любопытной жизнью. Остановиться на нем следует не только благодаря объему его материала и самой яркости и функциональной значимости данного момента в крестьянском быту, но и потому, что при новой записи он дает возможность проследить эволюцию, происходящую в настоящее время в самой глубине этого быта. Отражение этой эволюции, естественно, обратно пропорционально монументальности памятника, но возможность сделать некоторые любопытные наблюдения над обрядовой жизнью деревни в связи с новым бытом, тем не менее, есть.

Нам не удалось, как другим собирателям и исследователям данного вопроса, наблюдать и фиксировать обряд свадьбы на Пинеге de visu. Не желая пользоваться материалом, который мог бы быть добыт посредством инсценировки, специально для нас устроенной, мы считали тем не менее, что научные задачи экспедиции могли быть выполнены при собирании материала

и иным способом. Т. к. внимание наше фиксировалось главным образом не на театрально-постановочной стороне обряда, а на историко-бытовых корнях его, при исследовании которых многие детали чисто постановочного типа имели сравнительно мало значения, мы попытались взять обряд таким, каким он живет в настоящее время в быту и в представлении крестьян данного района. Этот материал мог быть получен со слов ближайших очевидцев современной крестьянской Пинежской свадьбы и ее недавних непосредственных участников.

Полученные нами записи дали картину бытования свадьбы, как общественного явления, в обследованных экспедициею местностях—т. е. именно то, что представлялось нам наиболее существенным и интересным.

Учитывая, что при нашем способе записи обряда необходима особенная внимательность в фиксации всех деталей, и что при индивидуальной передаче, хотя бы и вполне добросовестной, всегда могут вкрасться некоторые неточности, пропуски или недостаточная детализация, мы по возможности старались записывать обряд в присутствии нескольких рассказчиц и песенниц различного возраста, т. к. опыт показал, что такой способ, кроме тщательной проверки основной рассказчицы, имел еще и то преимущество, что тут бывала возможность сразу отмечать на материале все те нововведения или сокращения, которые теперь вносятся в старый обряд молодым поколением. Записав обряд со всеми песнями и причитами в какой либо избе, мы затем несколько раз проверяли его в других концах той же деревни, а также и в ближайших селениях, входивших в состав данного района. Полученный добавочный материал вторично проверялся в кругу первоначальных рассказчиц и песенниц, после чего он или дополнительно вносился в основную запись или поступал в рубрику вариантов и примечаний. После такой записи и проверки можно было считать, что бытование свадьбы в данной местности выяснено с достаточной отчетливостью [1]).

Таким образом, продвигаясь вниз по р. Пинеге и производя подробную запись в каждом из пяти крупных пунктов, где протекала работа экспедиции, мы получили пять вариантов свадебного обряда, каждый с своими местными особенностями и прикрепленными к нему песнями и причитами. Приблизительно сходные бытовые и культурные условия пяти вышеупомянутых пунктов дали, как и следовало ожидать, пять довольно близких друг к другу записей, с некоторыми различиями как в хронологической последовательности отдельных частей обряда, так в самых деталях исполнения. В этом отношении территориально соседние районы сближались, естественно, в более тесные группы.

---

[1]) Помещенные ниже записи свад. обряда были записаны нами: в Суре от Екат. Родионовны Рябовой 36 л.; в Карповой Горе (Ваймуши) от Авдотьи Степановны Ничипуриной 58 л.; в Марьиной Горе (Никольское) от Марфы Николаевны Савиной 44 г.; в Кевроле от Настасьи Даниловны Ячковой 39 л.; в Покшеньге от Анны Федоровны Щербаковой 64 л.; в Пинеге от Марьи Дмитриевны Олькиной 42 л., слывущей за лучшую плачею и песенницу в округе

Для пяти основных пунктов работы экспедиции оказалось наиболее возможным взять за основной текст тот, который был записан в Карповой Горе (дер. Ваймуши): из всех вариантов Сурско-Карпогорского района он является наиболее полным и подробным. Кроме того, на порядок, песни и

Наряд невесты; д. Ваймуши близ Карповой Горы

детали его не раз ссылались при опросе крестьяне как в соседних, так и в нижележащих по реке районах.

Совершенно особо стоит шестой вариант, записанный в дер. Великий Двор, вплотную примыкающей к гор. Пинеге. Территориальная удаленность этого пункта от пяти предшествующих и иное культурно-бытовое окружение

его были, очевидно, основными условиями, в силу которых этот последний вариант и в порядке обряда, и в названии, и в содержании отдельных частей его оказался заметно отличающимся от пяти первых записей. Результатом этого явилось подсказанное самим материалом деление собранных записей на две группы, при чем первая образовалась из основного текста и четырех вариантов к нему, а вторая включила в себя одну Пинежскую свадьбу [1]).

II

СУРСКО-КАРПОГОРСКИЙ ОБРЯД

Сватанье

Кто нибудь из жениховой родни, чаще всего тетка или какая нибудь другая пожилая родственница, едет в семью невесты для предварительных переговоров. Обычно в подарок невесте сваха привозит какой нибудь „задаток“—платок, на сарафан, на кофту или просто деньги. За ответом невесты обычно отец ходит в комнату дочери и сам передает ее согласие свахе. Иногда же сама невеста выходит и разговор ведется с нею лично.

Просватанье

На другой день после сватанья в дом невесты приезжает вся ближайшая родня жениха—родители, братья и „тысяцкий“—обычно крестный отец жениха. Сам жених присутствует на просватаньи не всегда. Хозяева ведут гостей за стол и немедленно начинают ставить самовар. По просьбе гостей, отец приводит в комнату невесту. Она здоровается со всеми за руку, после чего все присутствующие молятся богу (три раза крестятся и кланяются поясными поклонами) и затем садятся за стол. Принаряженная невеста сидит вместе с ними, но ничего не пьет и не ест. Пока идет угощение, она обычно причитает, обращаясь к присутствующим тут же гостям—девушкам и жонкам:

Все прошло да прокатилося,
Все да миновалося
Девье да беспецальное житье.
Не знаю да в какую пору,
Не знаю, да в како время,
Уж колесом ли оно да прокатилося,
Уж соловьем да просвистало
Девье мое беспецальное житье!

Уж молода то я молодёхонька,
Умом-разумом да глупёхонька,
Руцки-ножецки да тонёхоньки,
Во плецах силы малёнько.
Уж я жила да красоваласе,
Уж как сыр в масле купаласе,
Уж как по блюдецку жемцюжинкой да каталасе.

---

1) При дальнейших ссылках на источники будут не раз упоминаться основные труды—Шейн и Ефименко. Следует иметь в виду «Великоросса» Шейна т. I вып. II и «Матерiалы по этногр. русск. населения Арханг. губ.» Ефименко.

Во время этого причита девушки и жонки поют:

Из устья Березового, пристанища осинового
Выплывает Чернилов насад.
Что в насадике немножко людей,
На Чернилове малёхонько:
Только семеро работницков,
Семереньком весёлком гребут,
Семерым угрёбывают.
Что восьмой был наконщицек,
Девятȏй был наносницек,
Десятȏй удалой молодец—
Алексей Ивановиц; (имя жениха).
По насадику похаживаёт,
По Чернилову погуливаёт,
Русы кудри расчесываёт,
Бровям разваживаёт,
Он по плецам раскладываёт
По единому волосу,
По единому русому;
Свой тугой лук натягиваё,
Да калену стрелу направливаё,
Ко стрелы приговариваё:
— Полети, моя калёная стрела,
Далеко о чистые поля,
Высоко по поднебесью,
По по синему ȏболоку;
Застрели, моя калёная стрела,
Вора-волка во темном лесу,
Церного ворона под туцей-летуцей,
Ясна сокола под ȏболоком,
Сера гуся на камешке,
Белу лебедь на зȃпеске,
Сизу утицу на тихой на воде.
Не стрели, моя калёная стрела.
Красну девицу в высоком терему—
Марью Егоровну. (имя невесты)

Гости обычно долго не сидят и вскоре после угощения уезжают. Перед отъездом вся женихова родня получает от невесты подарки—платки [1]). Прежде это бывало собственное рукоделие невесты, но теперь обычно дарят простые бумажные. Только жениху подносится или посылается шелковый.

В Кевроле и в Покшеньге „сватанье“ и „просватанье“ объединены в один момент—„рукобитье“. От жениха приезжают сваты—отец его и братья или другие родственники (мужчины). Отец невесты встречает гостей:

— Зачем приехали?

— Мы приехали за добрым делом: у вас невеста, у нас жених. Нельзя ли их в одно место свесть?

Хозяева ставят самовар и ведут гостей за стол, невесту спрашивают в ее комнате, а иногда она выходит к столу—разливать чай. Сватам дарят платки—обычно, бумажные, а жениху посылают шелковый. Песен и причитов в этот день нет.

В Покшеньге на рукобитье приезжает иногда и будущая свекровь. Сама невеста дарит платки только свекру, свекрови, свату (тысяцкому) и посылает жениху. Остальным гостям дарят ее родители.

---

[1]) Обычай, принятый во многих уездах Арх. губ. (см. Ефименко), в Олонецк. губ. (см. Певин. Народн. свадьба в Толв. прих., Жив. Стар. т. III вып. II), в Волог. губ. (см. Ордин, Свадьба в Подгор. вол. Сольвыч. уезда, Жив. Стар. ч. VI вып. I), в Псковск. губ. (см. Успенский Л. Маринельская свадьба, Жив. Стар. ч. VIII, вып. I). Любопытно отметить, что в Зимней Золотнице (Арх. губ.) сват на смотрины ездит с фонарем—„поискать человека“. (Ефименко, с. 111).

На рукобитьи невеста часто проходит только через комнату и кланяется. Если же новая родня мало с ней знакома, то ее просят разливать чай [1]).

Шитье приданого

Всю неделю после просватанья к невесте ходят ее подруги и помогают ее домашним шить приданое. Сама невеста в работе не участвует: она кланяется в ноги каждой подруге и причитает:

Уж ты мила-то моя ты подружечка,
Уж и порядо̀вна моя соседушка,
Задушевная миляшечка.
Что пожалей ты меня да пожалуйста,
Пожалей ка, да разумей ка:
Уж не пожалело меня красное солнышко,
Уж и родитель мой татенька;
Не пожалела кормилица маменька.
Уж и за̀дали они руку правую,
Уж запропили да буйну голову,
Уж и безденежно да бескопеечно,
Уж и бесписьменно да беспорусьнё,
И за чужого да за чуженина,
За чужого незнаемого человека.
Уж я в глаза-то его не видала,
Уж и я слухом про его да не слыхала,
Уж его ума разума да не знаю.

Эти причитанья невесты все время сопровождаются хоровым пением ее подруг:

Паладья обманщица,
Обманула своих подружечек;
Сама то большой росла,
Сама вину сделала:
Молодого князя в сѐнницу звала,
Со сеней в нову горенку.
За дубовый стол поса̀дила,
Чаем кофеем напо̀ила,
Калачами нако̀рмила,
Калачами крупичатыма,
Конфетами медовыма,
Пряниками рассыпчатыма.
На добра̀ коня поса̀дила,
Повода̀ в руки не по̀дала,
Шелковую плетку в руки подала.
Как повез его добрый конь,
Добрый конь добра молодца,
Все лесами дремучима,
Да болотами зыбучима,
Осо̀тами резучима.
Привез его добрый конь
На улицу широкую,
Ко терему высокому,
Ко тестю ко ласковому,
Ко теще приветливоей,
Да ко шурьям ко ясным сокола̀м,
Ко своицкам ко белым лебедям,
Да ко душе ко красной девицы,
Да ко Марьи Егоровне.

---

[1]) Несомненно, существует какая то стадия предварительных уговоров, но это, по словам рассказчиц, происходит настолько семейным путем, что в официальном порядке обряда об этих уговорах даже не упоминают, а начинают сразу с более официального момента. Разговор сватов с отцом невесты, записанный в Кевроле и Покшеньге является, несомненно, трафаретом, общим как для этих местностей, так и для Карповой Горы; но для соблюдения точности записи он помещен в вариантах.

Или:

Гай, гай, лѐли, лѐли,
Гай, да что издàлеча, дàлеча
Да из раздолья широкого
Гай да лѐли, да из зеленой дубравы
" " " протекала Береза-река;
" " " что по той по Березе-реке
" " " ехали да князя-боярà,
" " " боярà да молодого князя
" " " князя Алексея.
" " " они спрашивали двора,
" " " все двора,
" " " что двора да нòва тестева,
" " " высокà да нова тёщева,
" " " высокà да все княгинина,
" " " княгинина Марьина.
" " " узрелà да засмòтрела
" " " из высокого терема,
" " " из окошка косящетого,
" " " сквозь околенку стекольчатую,
" " " скрозь стеколышко зеркальчатое,
" " " на крылечко выхòдила
" " " на первой ступень ступила,
" " " она думу-ста думала,
" " " на второй ступень ступила—
" " " она мысли замыслила,
" " " над боярàми надсмеяласе,
" " " над молодыми издеваласе:
" " " —«уж вы глупые бòяры,
" " " уж вы что двора не знаете,
" " " уж вы что нова не видите?
" " " еще двор-то середь волости стоит,
" " " середь волости (название деревни)
" " " у того двора смолёны ворота,
" " " у того двора зеленые луга,
" " " на тех лугах шелкòвая трава,
" " " что на той травы лазоревы цветы,
" " " от тех цветов малиновы духи,
" " " там и плачут и песни поют,
" " " опевают, оплакивают,
" " " причитают, приглашивают
" " " душу красну девушку
" " " первобрачную княгиню
" " " Марью Егоровну.

В Кевроле в последний день шитья приданого мать невесты приходит к девушкам и приносит невестину повязку, приговаривая:

Ты мое дитятко,
Моей работушки наробилась,
Моего хлебушка наелась.

Невеста причитает у матери в объятиях:

Я была, маменька, разве вас да непослушна,
Вас да непокорна?
Буйной головой да непоклонна?
Ретивым сердечушком да не отхожа?
На словах то была неприветлива?
На речах то была не ласкова?
На работушках-то худо робила?
Вы о чем же уж да оскорбились,
Вы о чем же уж да прогневались?
Я все жила у вас да надеялась,
Как на льду меня да подломили.
На цвету да обронили,
На корню да подсушили.
Я красной девушкой не могла да нажиться,
Да с красными девушками находиться да нагуляться;
Девья жира да лебединая,
Женска жира да распроклятая.
Уж она в три года состарит,
В три неделюшки да наприскучит.

Мать надевает невесте повязку. Невеста причитает: „Все прошло до прокатилося“.

В Покшеньге при шитье приданого поют „Ты береза березынька“, „Жалобилася плакала“, „Вѐсла в поле качуля“ [1]).

В Суре во время шитья приданого девушки ходят к невесте с прялками и со своей работой, а приданое шьют только домашние невесты. За работой кроме указанных выше песен девушки поют еще „Уж ты матенка, матенка“ и „Из устья Березового“.

Посидки

Если свадьба назначена на воскресенье, то в пятницу вечером устраиваются посидки. На них собираются все подруги невесты, девушки и женки, ее сестры и вся женская родня. Две женки вводят в комнату невесту, одетую в повязку и в коклюшницу [2]). Невеста причитает:

Уж ты дойди-тко да доступи-тко,
Свет Марья Егоровна, (имя подруги)
Да не бойся мня да не устрашись;
Не кропивенка жигуча,
Не щепитенька я да колюча;
Уж ты раньше меня да не боялась,
Уж ты раньше меня да не страшилась,
Уж ты что теперь да боишься,
Уж ты что теперь да страшишься?

---

[1]) Варианты первой песни см. Киреевский, Русск. нар. песни, т. I (под ред. Сперанского) №№ 25, 33, 339, 725. Вторую и третью песню см. дальше в записи Пинежского обряда.

[2]) Нарядная рубашка с кружевами.

Каждая из присутствующих подходит к невесте, кланяется ей в ноги, на что невеста отвечает тем же, и затем, обнявшись, они качаются из стороны в сторону, причем невеста рыдает в голос.

После того, как все подойдут и обнимутся с невестой, к ней подходит одна из девушек, (обычно—любимая подруга невесты)—расплетать ей косу. Невеста держится за косу обеими руками и причитает:

Уж и не заря ли да занимается,
Уж и не свет ли да рассветается,
Не гора ли да рассыпается?
Трубчата коса да расплетается,
Девий век да коротается.
Девья жира лебединая,
Девье прозвище да хороше.
Девье прозваньице да дорогое.
Женска жира да не дородна,
Женско званье да нехороше:
Нету ножецкам да ходу,
Белым ручушкам нету воли.

Сняв повязку, подруга расплетает ей косу под новый причит невесты:

Уж и мои русы природны да волосочки,
Уж и ничего они да не боялись,
И ничего они да не страшились.
Уж теперь им будет да натерпеться,
Уж теперь им будет да настрашиться.
Я чесала да русы волосы
Середи полу да дубового.
Уж я мочила да русы волосы
Ключевой водой да холодною.
Уж я сушила да русы волосы
На косящетом да крылечушке.

После расплетанья косы невесте покрывают голову шалью или платком и ведут ее в баню [1]).

В Марьиной Горе на посидках при расплетании косы невеста причитает:

Уж ты мила моя подружецка,
Уж ты выстань из дубовой лавицы,
Уж ты расчеши мои русы да волосочки,
Уж вплети мне алу да лентоцку,
Уж перечеши меня по старому да по прежнему,
Уж ты положь вольну-то волюшку,
Светлую да свѐтлицу,
Дорогу да девью кра̀соту—
Хазо́ву да повязочку.

В Кевроле на посидках женки выводят невесту в повязке, но пояс у нее снят и грудь рубашки расстегнута. Во время снимания повязки поют „По сеничкам-ли, сеничкам батюшковым“ [2]).

В Покшеньге невеста на посидках одета также, как в Кевроле; причиты ее:

---

[1]) Ср. близкое описание („поседка“) в Мезенском уезде (Ефименко).
[2]) См. Соболевский т. III с. 15 и Песенник 1791 г. ч. III с. 43.

а) подругам:

Пожалей ка меня да Аннушка, (имя подруги)
Не пожалел меня батюшко красно солнышко.
Уж вы на что да обжалились—
На теремы ли на высокие,
На окошки да на колодные,
На коней да ли на езжаных,
На быков-ли да на стоялых,
На красоту-ли на молодецкую?
Не по прежнему да не постарому—
Уж вы все дѐвицы да по лàвицам
По бегучим да по скамеечкам,
Еднà я дѐвица да не на лавице,
Еднà я не на скамеечке.

б) брату:

Уж ты родимый мой брателок,
Уж ты сизый ты голубочек,
Уж ты ясный соколочек,
Уж ты за что за меня не заступился,
Уж ты на что на меня да прогневился?
Уж меня замуж да выдавают,
Уж меня да просватали,
Да меня красну дѐвицу,
На чужую дальную сторону.

в) когда подруга подходит расплетать косу:

Уж ты что встала да выстала?
Уж тебе нет разве да мѐстечка?
Уж ты сядь пойди на лàвицу.
Уж ты спросилась ли у маменьки,
Уж ты спросилась ли, да доложилась ли?

Мать невесты отвечает: „Можно, можно“.

Подруга подходит и берет косу, а невеста причитает:

Не свет ли да рассветается?
Не заря-то и занимается?
Не девья-ли жира коротается?
Уж не трубчата-ли коса да расплетается?
Уж ты на что меня да растрепала,
Полюбовная моя подружечка, Анна Ивановна.

Баня

Провожает невесту в баню вся женская родня, но моются с нею только две любимые подруги. Остальные ждут вокруг бани и поют:

Славен город
Да на взгорье.
Звон-то был
У Николы колоколы.
Славна была
У Егора доцерь,
Славна росла
У Ивановица большая.
Сватались на Марьи
Трое свàтовья,
Трое бòльшое.
Первое сватовья

Да из Новгорода,
Другое сватовья
Да из славной Москвы,
Третье сватовья
Да из славной волости,
С волости со Слуды.
(название деревни жениха)
Алексей-от молод князь,
Молод князь Алексей,
От—Ивановиц,
Ездил в город Алексей-от молод князь,
Ездил в Новый, повыездил,
Красных девок повысмотрел,
Сужену Марью повыприглядел,
Разума обыцая повыведал;
Сам он говорит—только выславился.
У добрых отцей сыновья были добры,
У хороших матерей—доцери хороши.
Сын-от Алексей Ивановиц,
Доцерь-то Марья Егоровна,
Она тонехонька,
Лицушком она белехонька,
Белехонька да румянехонька,
Ясны очи ясней сокола̀,
Церны брови церней соболя,
Ягодницы как маков цвет,
Походка у ней все повинная,
Рецговоры у ней лебединые [1]).

Кроме того поют те песни, что при шитье приданого. Специальных песен на этот день нет и особыми обрядами этот момент не сопровождается. Из бани невесту ведут домой, укладывают спать и все расходятся.

В Марьиной Горе невеста, идя в баню, причитает:

Уж ты кормилица моя маменька,
Уж ты пойдем со мной в жарку да парну баенку
Умыться да упариться,
Смыть тоску да кручину,
Сполоскать слезы да горечи
Со бела лица да румяного,
Со ретива̀ сердца̀ да желанного.

После того, как невеста вымоется, оденется и сядет на лавку, входят девушки гадать на вениках, которыми парились мывшиеся. Все три веника лежат на каменке. Подходя, девушки трогают один из веников и уходят, не зная, чей веник тронула каждая. Невеста и мывшиеся с нею девушки следят за гаданьем и замечают: кто тронул веник невесты, тому в этом году замуж итти. Из бани мать встречает девушек с братыней пива и невеста причитает:

Упрела да ужарела,
Испить да захотела.

Она дотрагивается слегка губами до пива и входит в дом, причитая:

Не могла я тоски смыть,
Не могла слез да сполоскать,
Со бела̀ лица да румяного,
Со ретива̀ сердца̀ да желанного.
Я умыла да белы руценьки,
Я умыла да белу грудочку
Не под светлы да под цепо̀цки,
Не под желты да янтарёчки.

---

[1]) Каждая строчка поется два раза.

В Кевроле и в Покшеньге в бане на вениках гадают не только девушки, но и парни. Когда после бани невеста ложится спать, молодежь не расходится, а остается и играет без нее. В Покшеньге, идя в баню, невеста причитает:

а) брату:

Уж ты сизый да голубочек,
Уж ты ясный да соколочек,
Уж истопи мне жарку-парну баенку
Уж и без дыму без горького,
Уж и без чада да без черного—
Смыть тоску да кручинушку,
Сполоскать слезы горяцие.

б) подругам:

Что не несут ли мня да ноги резвые,
Не ведут-ли да оци ясные
По татенькиной да повети
Да по маменькиным белым сеницкам.
Уж не несут меня да ноги резвые,
Уж не ведут меня да оци ясные
Да по сырой да по землице,
Да по пескам по сыпуцим.
Да по лугам по зеленым.

При выходе из бани:

Раскатися, жарка-парна баенка,
По единому да бревёшку.
Не могла я тоски смыти,
Не могла я да сполоскати,—
Вдвое, втрое да тоски прибыло.

После встречи с пивом и причита „Упрела да ужарела“ (см. Мар. Гора) невеста идет спать, а девушки расходятся, идут переодеваться и снова возвращаются играть и петь до утра. Утром снова идут переодеваться и возвращаются к невесте—ждать жениха на „заруценье“.

Заруценье

В субботу, во второй половине дня, приезжает жених со своей семьей „на заруценье“. Его встречают песней:

Да Марья по сеням похаживала,
Егоровна по новым-то погуливала,
(припев: „ой да, ой да, ой рано мое“).
Да из окошечка в окошечко посматривала
Потихоньку к окошечку похаживала,

Да благословясь на белый стол поглядывала:
— „Да и надолго подолго Александр не бывал“.
(имя брата жениха)
И на мало по малу-весь на двор
Со любыим гостем,
Да со любыим гостем—с родным брателком,
Да с родным брателком—с Алексеем Ивановичем.
(имя жениха)
Да и конь то под им пятьдесят рублей,
Да седыло на коне да другȧ пятьдесят,
Да узыда на коне—третья пятьдесят.
Да копье то в руках—три денигп,
Да три деньги, три деньги, да три денежки,
Да три денежки—три копеечки.
Да и ткнул копьем широки воротȧ,
Да разлетелись ворота середи новȧ дворȧ.
— Да и спит-ли, живет-ли Марья моя?
Да Марьина матенка с ответом идё,
Да с ответом иде да ответу несё:
— Да Марья у меня во всю ночь не спалȧ,
Да во всю ночь не спала да узду соткала,
Да узду соткалȧ, повод вышила,
Да из семи сортов, из семи шелков, из семи гарусов,
Да нȯву вышила, конец высадила,
Да конец высорила да мелким жемчугом [1]).

Так же как и на просватаньи, все молятся богу и хозяева начинают ставить самовар. Гости садятся за угощенье. Тут же не только пьют чай, но подают и рыбу, и кашу, и другие блюда, смотря по достатку хозяев. Невесту приводят обычно перед кашей. Ее ведет отец, а одна из женок идет сзади и придерживает во время поклонов тяжелый жемчужный венок, который надет у невесты поверх золотой повязки. Невеста, после поясных поклонов каждому гостю, садится за стол вместе с другими. За столом сидят только хозяева и родня жениха, а женки и девки стоят по стенам и поют:

На горы на высокой—рȧю,-рȧю-рȧю,
На Прекрасы немалой,
На красы на великой,
Тут стояла карета,
Карета золотая.
Что во той же карете,
Что во той золотой,
Тут сидела девица,
Да девица душа крȧсна,
Да княгиня первображна,
Да по имени Марья,
По извотцине Егоровна.
Она сидит слезно плацёт,
Жалыбно прицитает,
И свою волю спомпнает,
Свою негу сбелицёет:
—„Мне у батюшки воля,
Мне у матеньки нега,
Мне у братьицев вольнее,
У сестрицушек нежнее:
Я куды пойду, поеду—
Мине срежают, спровожают.
Я откуль приду, приеду—
Мене встречают, звелицают,
По имени называют,
По извотцине взвелицают“.
Кругом этой кареты,
Кругом этой золотой

[1]) Припев повторяется после каждых 2-х строчек.

Не сокол облетает—
Молодец объезжает;
Он в карету забегает,
Он девицу унимает:
— Ты не плаць, не плаць, девица,
Да девица душа красна,
Да княгина первображна,
Уж я дам тебе волю,
Да уж я дам тебе негу.
Да уж я дам тебе вольнее,
Да уж я дам тебе нежнее:
Да у жорнова у ступы,
Да у поганого корыта,
Да у бруснего у камêнья.
Да у студеного подгорья,
Да на гумны у китиги [1]).

После нескольких свадебных песен женки и девки запевают:

Ай, белокаменны палаты да греновиты,
Ай, не дубовые столы да пошатились, пошатились,
Не пшеничные ковриги да сокатились,—
Сокатились да двое.
Не берцȁты да скатерки да зашумели,
Ай, не полужены братыни да сополескались, сополескались,
Не хрустальны стаканы да защелкȁли, защелкȁли,
Не серебряны подносы да забренцêли, забрянцêли,
Не сахȁрные-то уста то да сомешались, сомешались;
И уж вы кушайте, гости, да не сидите, не сидите,
Уж вы рушайте гуся да не студите, не студите,
Уж вы нашой-то кнегины не стыдите,
Уж вы нашей-то первображной да не соромьте, не соромьте,
Наша-то княгиня не стыжона,
Да наша первображна не страмлена,
Во первых наша Марья да снарядилась, снарядилась,
Середи полу дубова становилась, становилась,
Во белы то белила да набелилась,
И в алы то руменца да румянилась,
Перед князевым боярами поклонилась, поклонилась,
И перед большим то князем да всех пониже;
Не пора ли тебе, Марья, воротиться,
Не пора ли тебе, Егоровна, во за дȍски?
Об тебе старики старухи да стосковались,
Об тебе стары старики да сгоревались,
Об тебе молоды молодки да прихрапелись,
Об тебе красны-то девицы да сгоревались.

После этой песни невеста снова кланяется гостям и уходит с женками в светелку. Вслед за нею поднимаются туда же и все остальные: жених идет „давать на белила“.

Он входит со всей родней в комнату, подходит к невесте, крепко берет ее за косу у затылка, слегка наступает ей на ногу и спрашивает:

— Чья ты дочь?

— Егорова, отвечает невеста.

---

[1]) Вар. см. Киреевский, Русск. нар. песни под ред. Сперанского, т. I № 58 (Архан. губ.); Соболевский, т. II, с. 129 (Воронежской губ.); Студитский, Народн. песни. СПБ 1841 с. 87 (Олонецк. губ.). В нашем вар. припев „раю-раю-раю“ после каждой строчки.

— Как зовут?

— Марья.

Жених два раза целует невесту, берет с подноса, который держат перед ним товарищи, налитую рюмку, кладет в нее монету „на белила“ и подает невесте. Невеста выпивает рюмку и прячет монету в платок. Другую рюмку с подноса жених выпивает сам, после чего он подносит такие же рюмки всей родне невесты, а последнюю рюмку подает снова ей. В это время около невесты приготовлен поднос со стаканами и она подносит родне жениха пиво. Как только все уйдут, гости сразу же уезжают домой, а невеста причитает:

Уж это что у вас да были за̀ люди,
Уж это что у вас да были за̀ гости?
Уж и громко звонко да подъезжали,
В новы сени да заезжали,
Уж и в нову горенку да заходили,
Уж и за дубов стол да садились,
Уж и пивом пьяным да напились,
Уж и зеленым вином да угощались.
Уж они чем, гости, у вас да недовольны,
Уж они чем, гости, у вас да неблагодарны?
Уж меня, девушку, да спросили,
Уж и середи полу дубового да становили,
Уж и ко мне смело да приходили,
Уж и на праву ножецку да наступили,
Уж и за трубчату косу да захватили,
Уж и бело личушко да пристыдили,
Уж уста саха̀рны да осквернили.
Уж и лицо бело мое да не стыжоно,
Уж и уста саха̀рны да не сквернёны.

После этого все девушки и женки расходятся, а свадебницы (сестры невесты и наиболее близкие ее подруги) укладывают невесту спать [1]).

В Марьиной Горе, когда невеста выходит и кланяется гостям, девушки поют:

Не ласка косатая—перепѐлица сизая,
Зачем рано вылетала да из теплого гнездышка,
Из тепла голубиного да из бела̀ лебединого?
Уж ты Марья, ты Марьюшка, зачем рано выхо̀дила
Из за брусцатой грядоцки, да из за бѐрчатой завесы?
— „Не сама я выхо́дила—выводил родной батюшка,
Становил середи полу—отдавал боярам на руки,
Да молодому князю на руки.

Когда затем жених приходит давать „на белила“, по сторонам невесты стоят две женки с горящими свечами. Деньги жених дает невесте в руку,

---

[1]) Ср. близкие описания: „рукобитье“ в Мезенском уезде (Ефименко), „смотр“ Тобольской губ. (Осипов, Ритуал сиб. свадьбы, Жив. Стар. ч. III вып. I) и „ставка“ (Певин, Нар. свадьб. в Толв. прих. Жив. Стар. ч. III вып. I.)

а не в рюмке, и целует ее три раза. Заручение бывает поздно вечером. После отъезда жениха ночью угощают свадебников невесты.

В Кевроле после „рòскливья“ (т. е. „заруценья“) и „белил“, проводив жениха, девушки поют:

Были гости у Егора в сенях,
Честны были чостованы,
Роспили чашу зòлотую
Да рòсклевили красну девицу.
Не жаль мне, не жаль мне новых-то сеней,
Жаль то мне жаль да красной дèвицы [1]).

А провожая, поют ему вслед:

Уж вы сòколы, сòколы,
Да соколы перелетные,
Да уж вы куды, соколы, лèтали?
— Уж мы лèтали, соколы,
С моря нà море, с синя нà сине.
— Уж вы бòяра, бòяра.
Да боярà молодого князя,
Да Ивана Ивановица,
Да вы куда, бояра, ездили?
— Уж мы ездили, бòяра,
С волости нà волость,
С терема нà терем,
С высокого нà высок,
— Уж вы что чуяли-видели?
— Красну девицу в высоком терему,
Да Анну Ивановну.
— Вы почто с собою нè взяли?
— Уж мы взяли и нè взяли,
Трубчату косу рòсплели,
Красну девицу рòсклевили.

В Покшеньге ворота в день заруценья с утра широко открыты. При приезде жениха поют „Марьюшка хорошенькая“ (см. „Паладья обманщица“-бл. вар), а перед выходом невесты:

Дымно в поле, дымно.
Прилетали из чистà поля тридцей голубцей,
Они все голубки, они пьют и едят,
Веселятца сидят.
Один голубок он не ест и не пьет,
Он не пьет и не ест, не веселится сидит,
Он за зàвесу глядит,
За берцàтую глядит, он Марью видит.
— Подь-ка, пойди, Марья, сюды, Егоровна, сюды.
Я тебя не вижу—жить и быть не могу,
Пить и есть не хочу;
Я тебя увижу—пить и есть захочу,
Сердце взрадуется.
(Припев после каждой стречки—„Дымно в поле, дымно“).

Невесту выводят покрытую маленьким шелковым платком.

На заручены невестина сваха, „божатка“, дарит жениху два платка: белый, а в нем завернут алый шелковый—„шаринка“. Теперь это упрощено

[1]) Вар. „Уж вы соколы“ см. Киреевский, „Р. нар. песни“ под ред. Сперанского т. I №№ 38, 126, 223, 281, 460 и Копаневич, „Нар. песни Псковской губ.“ (Труды Пск. Арх. о-ва 1906).

и можно дарить простые одинаковые платки, сохраняя только число два. Тут же вторично дарят платками женихову родню.

Для угощенья „на белилах“ привозят посуду жениха и он сам всех угощает [1]). Деньги невесте жених дает в руку, когда берет за косу, а кроме того кладет и в рюмку.

В последние годы бывает, что заручeнье и „белила“ вообще пропускают—для упрощения обряда.

В Суре „заручeнья“ и „белил“ не бывает и не бывало.

Девишник

Девишник устраивается очень рано утром, часов в 5—6. Опять собираются все свадебницы, подруги и женская родня невесты. Они садятся за накрытый стол и угощаются, а затем две женки выводят невесту—разряженную и в повязке. Невеста становится в конце стола, на стол перед ней ставят большое блюдо. Невеста снова причитает:

Все прошло да прокатилося.

Тут же подле блюда стоит братыня пива и два стакана. Каждая из присутствующих подходит к невесте, кланяется ей в ноги и кладет на блюдо какой нибудь „принос“: на сарафан, на кофту и т. д. Невеста отвечает на поклон, обнимает подошедшую и причитает:

Уж тебе чело большо̀ да спасибо
Уж на честно̀м большом да приносе.

Каждая из гостей выпивает стакан пива и отходит, уступая место следующей. Когда все отойдут и уйдут, свадебницы собирают все приносы и начинают причитать:

Уж ты выстань, да лебедь белая,
Уж из лавицы да из дубо̀вой
Уж и от косящетого-то да окошечка,
Уж от стекольчатой да околенки,
Уж и дойди-тко да доступи-тко,
Свет Марфа да Ивановна.

Названная (обычно—любимая подруга) подходит к невесте и начинает снимать с нее повязку под причит невесты:

---

[1]) Этот обычай распространен не только в Арханг. губ. но и в Олонецкой (см. Гл., В. Свадебные обычаи Онежан прежде и теперь. Изв. Арханг. О-ва изуч. р. севера 1913 № 17 с. 801).

Уж ты мила моя подружечка,
Уж и порядовна ты моя да соседушка,
Уж у кого ты спросиласе,
И у кого да доложиласе
Уж и растрепать-то меня да красну девушку,
Уж и снять да вольну-то да волюшку,
И хазо̀вую повязочку
Да бисерну присадочку?
Уж и поднелись у тебя да белы ручушки
Уж и на мою да буйну голову,
Уж и на мои да русы волосы,
Уж и расплести да трубчату̀ косу̀,
Уж и отобрать да косоплеточку.

Подруга расплетает косу, берет себе косоплетку из косы невесты и девушки едут „будить жениха“ [1]).

В Марьиной Горе при расплетаньи косы на девишнике девушки поют (одновременно с причитом невесты):

Полетай-ка, моя молодость,
Во сыры бора да во темны леса,
Седь-ка, да моя молодость,
На са̀му да на вершиноцку,
На вершиноцку да на ольшиноцку.

В Покшеньге при расплетаньи косы—в конце—невеста после всех причитов голосит:

Посмотрите-тко, да поглядите-тко,
Уж не едут ли женихи,
Да не едут ли молоды.
Заложите им да дороженьку,
Чтоб никто не прошел, не проехал.

В Суре на девишнике невеста выходит в простом платье и перед подносом призывает поочередно всех присутствующих:

Дойдите да доступите
До меня, до красной девушки,
До белой до лебедушки.
Что родимый ты мой татенька,
Что жалобно ты меня да жалел,
Да уж нарядно да наряжал,
Что почетно да почитал.
Что скоро ты со мной расступился?
На что ты да осердился?
Что поедем со мной на свадебку,
Что на тужливую да на слезливую.

На девишнике присутствуют не только женщины, но и мужская родня невесты.

---

[1]) Близкое описание девишника с плачем и приносами см. Холмогорский уезд Арх. губ. (Ефименко с. 112); Шенкурский уезд (там же с. 102) и Добрынин. Свад. и кунные песни, Изв. Арх. О-ва изуч. р. севера 1910 г. № 18 (—„ходить со зданением“). Вертепов „Поморская свадьба“. Этногр. Обозр. 1901 № 1. Осипов И. Ритуал сибирской свадьбы (Курчанск. обл.) Жив. Стар. ч. III вып. I. Кроме того Грандилевский: Описание села Курострова Арх. губ. Архив Геогр. О-ва 1,64 (неизд.).

Буженье жениха

При виде подъезжающих (или подходящих) „будить“ его девушек, жених выходит на крыльцо или на поветь. При его появлении, не входя в дом, девушки запевают:

Пȯд часы, пȯд часы,
Да все под кȯлоколы, все под кȯлоколы
Ходили будили (2 р.), бояре вси (3)
Да молодого князя, молодого князя
Князя Алексея (2) да Ивановица, Ивановица.
— Стань, пробудись (2) да сам молод князь, молод князь,
По морю кораб (2) да с чистым сȯребром, чистым сȯребром,
По синю Хвалынску (2) да с чистым сȯребром, чистым сȯребром,
Крепко спит (3) да не пробудитце, не пробудитце
Молод князь Алексей (2) да Ивановиц, Ивановиц.
— Стань пробудись (2) да сам молод князь, сам молод князь,
Алексей Ивановиц, да Ивановиц.
По морю кораб (2) да с красным золотом. (2)
По синю Хвалынску (2) да с красным золотом, (2)
Крепко спит (2) да не пробудитце, не пробудитце.
Пȯд часы, пȯд часы
Да все под кȯлоколы, все под кȯлоколы
Ходили—будили (2) бояре все его, (2)
Бояре—бояре молодого князя, (2)
Князя Алексея (2) да Ивановица, Ивановица.
— Пробудись, пробудись, сам молод князь:
По морю кораб (2) да с твоей суженой шел, (2)
По синю Хвалынску (2) с твоей суженой (2)
С твоей суженой, (2) с Марьей Егоровной. (2)
Скоро стал (2) да ворово побежал, (2)
В сине море (2) до колен забрел (2) до поясы (2)
— Стой, постой, (2) да моя сужена, (2)
Суженая Марья (2) Егоровна, (4)
Я для тебя (2) да испротратился—(2)
Пиво варил, (2) да зелено вино курил, (2)
Хмелю брал (2) да хмелевое платил. (2)

Прослушав эту песню, жених ведет их в избу, где у него уже приготовлены для них столы с угощением. Жених потчует девушек, поит их вином и одаряет гостинцами. Если они удовлетворены его угощением и подарками, то запевают вторую песню:

Уж ты умное дитятко
Многоумного батюшки,
Многоумной матеньки,
Умел нас, певец, дарить,
Умел нас пожаловать,
Не рублем, не полтиною,
Не золотом—гривною,—
Пряники все сладкима,
Колацами московскима,
Сытȯю еруславскою.

Жених посылает с ними угощение и подарки невесте и после отъезда девушек ложится спать. Девушки, отвезя невесте все посланное женихом,

также ложатся вместе с самой невестой, а через несколько часов встают и начинают ждать жениха [1]).

В Покшеньге „будить жениха“ девушки едут сразу после „белил“, а оттуда возвращаются к невесте и ждут девишника.

Приезд жениха и сборы к венцу

Жених перед венцом приезжает к невесте со всей своей родней утром, часов в 11—12. Поезд жениха девушки задерживают у ворот, требуя выкупа деньгами, вином или гостинцами, после чего гостей пропускают во двор, ведут в избу, сажают за стол и угощают. До появления невесты гости обычно ни к чему не притрагиваются. В это время стоящие вокруг по стенам женки и девушки поют разные свадебные песни, но перед самым приходом невесты поется обычно всегда одна и та же:

На горы на высокой,
Ой да рано, на красы на великой,
На прекрасной,
Выростала верба̀ золотая.
Что у той золотой вербы
Было ко̀ренье булатное,
Что у той золотой вербы
Было листье бумажное,
Что у той золотой вербы
Было вѐтвье саха̀рное,
Что у той золотой вербы
Была вѐршина жемцужная,
По середке золотой вербы
Списана Спаса пречистая,
Божья матерь богородица,
Чудотворица Московская.
У батюшки Марьюшка у родителя
Она богу молила, дитятко,
Да богу молила, батюшку,
Да ходила, выступала
Да на крылецико косящатое,
Да на первый сту̀пень сту̀пила—
Да во слезах слово молвила,
Да на второй сту̀пень сту̀пила—
Во слезах богу молилася,
На третий ступень сту̀пила—
Со слезами поклонилася:
— Ты дай мне, господи бог;
Да какова цужая сторонка,
Да какова незнакомая?
Да какой цужой батюшка
Да перед моим батюшком?
Да какова цужая матушка
Перед моей-то матушкой?

Невесту тем временем наряжают в светелке к венцу, снова надевают повязку и родители благословляют ее хлебом, солью, иконой, горящей свечой и деньгами. С иконой и свечей отец сводит ее вниз к гостям, которые поднимаются им навстречу. Все опять молятся богу и отец невесты спрашивает женихову родню:

— Что вы за̀ люди?

— Советские граждане, отвечают те [2]).

---

[1]) Сходство с этим „буженьем“ наблюдается в Сумском Посаде Кемского уезда Арх. губ. (см. Ефименко)—жених зовет девушек „в чесны“ и угощает их. Во многих других местностях той же губ. жених посылает невесте гостинцы с девушками при их приезде смотреть его двор (Ефименко и Шейн).

[2]) До революции отвечали: „Божьи да государевы“.

— Зачем приехали?
— За нашим суженым, за вашим скормленным.
— Получайте.

Отец передает невесту из рук в руки жениху, причем невеста причитает:

Уж и родимый да мой татенька
Уж и сдал меня да князю на руки,
Что на руки ты меня на́ веки.

Жених ведет ее за стол и она с иконой проходит перед ним в красный угол. Они встают рядом, жених покрывает всю невесту с головой шалью, а отец невесты в это время заворачивает в другую шаль краюху хлеба и несколько раз кружит ею над склоненными головами жениха и невесты. В это время свадебницы поют:

Золото с золотом свивалосе,
Жемцуг с жемцугом сокатилисе,
Да Алексей с Марьей сходилисе,
За единой стол становилисе.
И нашо-то золото получше да поярче,
И наш-от жемцюг подороже,
Марья Алексея получше,
Марья Алексея покраше,
Возрастом она его да побольше,
Ясны-то очи пояснее,
Черны брови почернее.
Да не наше к вашему ходи,
Да ваше к нашему ходи,
Да и семь куманей иструдили,
И семь да подошв истоптали,
До нашей Марьи доступали,
До нашей до Егоровны доступали [1]).

После этой песни все выходят из за стола, усаживаются в повозки и едут к венцу.

В Марьиной Горе при приезде жениха перед венцом ворота закладывают; двое дружек (всего их 7 или 9) входят в избу, берут пиво и идут поить жениха. Вернувшись, они дарят девушек и те пропускают их и жениха в избу. При первом появлении дружек невеста, вся закрытая, находившаяся вместе с девушками, должна поспешно уйти из комнаты.

Жениха перед венцом угощают треской, кулебякой и кашей, но он обычно ничего не ест. За кашей приводят невесту.

В Покшеньге при приезде жениха свадебницы извещают невесту:

Уж ясно солнышко да на закате,
Белы лебеди-то на полете,
Добрый молоде да на повети.

Ворота от жениха также запирают и дружки выкупают их у девушек гостинцами, приговаривая:

Подворотню имайте,
Да ворота отворяйте,
Двери на пяту становитесь.

---

[1]) Отрывок этой песни см. у Киреевского, Р. нар. песни т. I под ред. Сперанского № 50 (Шенкурск.).

В Суре жениха встречают песней:

Конь бежит (2)
Да головой вертит, (4)
Да колокол звенит, (4)
Да вся земля дрожит: (2)
Зять-от едет (2)
Да на тестев двор, (2)
Тесть бояр встречает (2)
У широких ворот, (2)
Любимого зятя (2) середи двора (2)
Середи двора (2)
Да середь тестѐва. (2)
Тесть бояр поил (2)
Хмелевым пивòм, да хмелевым пивòм,
Любимого зятя (2) зеленым вином (2)
Тесть бояр садил (2)
Да ряд пò ряду. (2)
Любимого зятя (2)
Повыше всех, да повыше всех,
Тесть бояр дарил (2)
Да дар пò дару,
Любимого зятя (2)
Своим чадòм, (2)
Чадушком Марьей Егоровной.

После этой песни жениха поят вином на повете. Невеста стоит тут же за девушками, еще неодетая, и „высматривает“ жениха, который ее не видит. Приезжих ведут в избу, а на повете накрывают скатертью стол и выводят к нему невесту, всю закрытую и одетую даже и летом в рукавицы; лицо и голова у нее закрыты платками. Она стоит и причитает:

Что за шум шумит, да что за гром гремит?
Не от ветра ли, не от вехоря
Широки ворота да растворилися?
Что зà люди, да что зà гости
Что к нам в дом да въехали?
Они громко да подъезжали,
Ко мне смело да подступали,
Со мной смело да поступали.

В это время к ней подходят посланные от жениха с подносом подарков. Она здоровается с подошедшими за руку и причитает:

Уж ты велишь ли, родимый татенька,
Принять эфти мне да гостинцы? —

— после того, как девушки ей объявляют: — Уж пришли-то гостинцы от нашего князя. Невеста хочет взять их левой рукой, но девушки не дают и невеста причитает:

Я беру, так вы не даваете,
Не беру, так навязываете.

Затем она берет их правой рукой и, упав на поднос головой, причитает:

Уж и приняла я эфти гостинчики,
Уж и запродала свою голову
За чужого да за чуженина,
Не за знакомого да знакòмица.

После этого невесту ведут одевать и перед кашей выводят ее в общую горницу. Она с двумя подругами по бокам становится посредине перед

столом. Гости перед ней встают и все три раза молятся богу. Отец, приведший ее сверху, спрашивает отца жениха:

— На той ли сватали?

— На той,—отвечает отец жениха.

— Хороша ли невеста?

— Очень хороша Марья Егоровна, — отвечает жених.

— Хорош ли жених? — спрашивает невесту тысяцкий.

— Очень хорош Алексей Иванович, отвечает невеста. [1])

— Есть ли у невесты руки да ноги? — спрашивает отец жениха.

Она должна подойти к столу, взять поднос, на котором стоят две рюмки чистой воды (т. к. до венца молодым есть и пить ничего не полагается), одну рюмку с поклоном подает жениху, другую выпивает сама. Затем невеста и родня жениха снова кланяются друг другу, после чего отец ведет ее опять наверх под ее причит:

Что, родимый мой татенька,
Что куда ты да меня ведешь?
Что раньше ты да меня не важивал,
Край стола да не ставливал?

Девушки в это время поют „Уж ты матенька, матенька". [2])

Отъезд к венцу и венчанье

К венцу ездят все приглашенные, кроме родителей жениха и невесты: родители жениха уезжают ждать молодых, а родители невесты остаются дома.

К венцу обычно жених едет вместе с тысяцким. У них у обоих повязаны шелковые шейные платки. Поезд их—в три-четыре лошади цугом с колокольцами. Невеста едет к венцу со своей сватьей.

По приезде к церкви, с головы невесты снимают повязку; венчают ее с распущенными волосами. После венца снова надевают на распущенные волосы повязку и только в доме мужа заплетают волосы в две косы и надевают повойник. [3])

Обратно от венца молодые едут вместе. Девушки несколько раз на пути (у церкви, у околицы при въезде в деревню и у ворот дома) останавливают поезд и требуют выкупа. Обычно молодые откупаются гостинцами.

---

[1]) Близкий вар. см. в Холмогорском уезде и в Зимней Золотице (Ефименко).

[2]) См. Киреевский, Р. нар. песни, т. I под ред. Сперанского №№ 25, 33, 339 и 725. Виноградов, Костромская свадьба. Этногр. сборник. Кострома, 1917. стр. 94.

[3]) Этот обряд имеет в Арханг. губ. различные варианты. Чаще всего „крутят" тут же в церкви после венца. Иногда из под венца молодую ведут покрытую большим платком. В Олонецкой губ. повязку снимают при наложении венцов.

В Марьиной Горе перед отъездом к венцу все немного посидят, а девушки тут поют:

Отостала да лебедь белая
От всего да роду племени,
Отостала да Марьюшка
От родителя да батюшки,
От кормилицы да матенки.

Выйдя на двор провожать невесту, они поют:

Никольски (название данной деревни) да улицы широки,
Никольски да терема высоки
Никольски да скошецки колодны,
Никольски да девки дородны;
Они в золоты трубы трубели,
Они девушку протрубели.

и „Эхе-леле". [1])

Жених и невеста едут к венцу в разных повозках, но, выезжая со двора, жених держит повод невестиной лошади. Невеста едет со сватьей, а жених с тысяцким.

После отъезда к венцу свадебницы остаются у невесты, угощаются и поют свадебные песни. Затем они приготовляют все для завтрашних хлебин. [2])

Венчают невесту в повязке, которую снимают при надевании венца. Повойник надевают после венца на паперти, заплетя предварительно в две косы волосы молодой. В церкви на подножнике стоят жених и невеста и тысяцкий со сватьей, которые держат венцы.

В Кevроле за столом перед венцом до появления невесты девушки поют:

Сват ли ты сватище,
Ты лихой супостатище,
Да кабы тебе, сватище,
Кабы супостатище,
От двери-бы те отъехати
Да к другой не приехати,
Да в лесу заблудитися,
Серым волком навытися,
Да злой собакой налаятися,
Да серой кошкой наторкаться,
Да черным вороном накуркаться;
Да трясло-бы тя повытрясло,
Да на печи-бы не согретися
Под тремя-бы тебе шубами,
Да под четвертой одевальницей.
Да скрозь печь провалитися,
Во щах заваритися,
Да костьем заколотися.
Так не езди, не сватайся
На Кевроських-то девушках
На Марьиных подружецках,
На Егоровны полюбовных.

К венцу невесту везут с распущенными волосами; повойник надевают или на паперти после венца, или уже в доме мужа при благословении.

---

[1]) См. Киреевский, Рус. нар. песни, т. I, под ред. Сперанского, №№ 31 и 34 (Мезень и Шенкурск).

[2]) В записи Ефименко девушки едут к венцу, но уходят из церкви при наложении венцов, едут обратно и угощаются у невесты.

В Покшеньге невесту перед венцом благословляют непременно на разостланной на полу шубе, которая должна быть вся одноцветной шерсти. Шубу кладут мехом вверх.

Когда жених пропускает невесту за стол перед собой, он слегка наступает ей на ногу, а свадебницы поют:

Алексей Марью наперед пропустил,
Наперед пропустил—на ногу наступил.

Отъезд к венцу—см. запись в Марьиной Горе.

Повязку невесте снимают, когда она становится перед налоем. Венчают с распущенными волосами; косы плетут на паперти и там же надевают повойник.

К венцу жених и невеста едут то вместе, то врозь, но жених непременно на конях, а не на кобылах (на 2-х или на 3-х). Дуга украшена только колокольчиками. У жениха их 5, у других 3.

Жених едет к венцу без шапки и сидит позади повозки [1]). Тысяцкий едет отдельно от жениха на другой лошади.

В Суре ворота при приезде жениха заложены, и он должен выкупать их.

У жениха и тысяцкого надеты банты и цветы. У холостых товарищей жениха (рекрутов) дуги украшены так же, как у жениха, лентами, бахромой и бубенцами.

Благословляя невесту, отец ее произносит:

— Бог благословит на добрые дела.

При одеваньи невесты ей кладут в башмак камень „громовую стрелу", а на тельный крест прилепляют кусочек воску—это приметы в защиту от злых людей. После благословенья невесту сверху сводят снова отец и сватья. Она причитает: „Князю на руки" и „Уж родимый да мой тятенька хлеба-соли отказал".

Невеста становится за стол с женихом. Жених должен посадить ее на лавку, а она сопротивляется. В конце концов жених, в доказательство своей силы и власти, побеждает и усаживает ее. [2]) Хлебом отец их не благословляет.

Перед отъездом в церковь молятся богу дома, а выходя из избы невеста тянет за собой к дверям накрытый стол—чтобы скорее вышли замуж сестры и подруги. После отъезда в церковь, родители дома готовят невесте ящик с мылом и др. туалетными принадлежностями.

К венцу и от венца ездят все вместе—жених, невеста, тысяцкий и сватья.

[1]) Эти „отлики" жениха и его поезда теперь часто пропускаются. Раньше были записаны и в др. уездах Арх. губ. В Олонецк. губ. на коне должен ехать сват при сватаньи.

[2]) Аналогичный обычай в Шенкурском уезде (см. Ефименко, с. 105).

Невеста ткет или покупает кусок холста—„подножник“. Сватья везет его в церковь, но обычно при венчаньи на него не становятся, хотя он и лежит перед налоем. [1])

Венчают невесту в повязке, которую снимают и заменяют повойником на паперти после венчания.

Встреча молодых

На повете молодых обычно встречают песней:

Крӱгом кругȯм да сȯнце катилось,
Рӓдом рӓдом боярȧ все едӱт,
Бережно везут молоду княгинӱ,
Княгӥну Марью Егоровну.
Часто князь к ней припадывȧё,
Тайно у ей все выспрашивȧё;
— Что дары-ли везешь к моёму батюшку,
Что дары-ли везешь к моей матеньке?
— То дары везу к твоёму батюшку,
То дары везу—сто локȯт парчён.
— То добро, то и надобно.
Что дары везешь молодому князю?
— То дарӥ везу—сама ӓ себя.
— То добро, то и надобно.

Песню эту поют свадебники. Молодые проходят в отдельную горницу, где родители жениха благословляют их так же, как перед венцом. После чая и отдельной закуски [2]) молодой надевают повойник, (но на груди еще все оставляют по девичьи), и выводят к гостям. [3]) Перед тем, как выйти за общий стол, невеста раздает подарки новой родне, кланяясь каждому в ноги и приговаривая:

— Не осудите, наше дело небогато.

В Марьиной горе и в Суре. При встрече молодых от венца на повете их осыпают житом. Молодые сначала кланяются старикам в ноги, а затем здороваются с ними за руку. У свекрови в руке завязаны в тряпочку жито, шерсть и монета. Здороваясь, она передает все это в руку молодой. Песня при этом в Марьиной Горе:

„Кругом кругом да сонцо катилось“,

в Суре— „У броду у броду“ [4])

и „По мосту мосточку“. [5])

---

[1]) В Зимней Золотнице—тот же обычай с примечанием, что делается это, чтобы у молодых не болели зубы. (Ефименко).

[2]) Об отдельной еде молодых см. Сумцов: „О свад. обр. преимущ. русских. Харьков, 1881.

[3]) Бл. опис. см. Певин. Нар. свадьба в Толк. уезде Олон. губ.). Жив. Стар. г. III, вып. II).

[4]) См. Киреевский: Р. Нар. песни под редакцией Сперанского т. I, № 331 Моск. губ.),

[5]) См. венчанье в Пинежском обряде („У мосту, мосту“).

Кроме того в Марьиной Горе после благословения молодых в горнице, молодая кланяется в ноги сначала свекру и свекрови:

— Как тебя звать?

— Батюшкой,—отвечает свекр.

— Как тебя звать?

— Матушкой,—отвечает свекровь. Так невеста кланяется всем новым родным, которые, таким образом, принимают ее в свою семью.

В Суре на повете молодые выпивают по стакану вина с подноса, который держат жениховы стольники.

Свадебный стол

Едва успевают молодые выйти за общий стол, как за дверьми поднимается шум: это родственники бьют веником свекровку—чтобы она была подобрее к молодой. В этом битье особенное участие должна принимать ее дочь, т. е. сестра жениха (незамужняя). Молодая, заслышав шум, вбегает в комнату, кланяется свекрови в ноги, целует ее и отнимает, после чего возвращется в общую комнату. Шум возобновляется снова—и так до трех раз. После третьего раза свекровку оставляют в покое. В виде выкупа молодая дарит сестре жениха платок на голову.

Начинается свадебный пир, за которым припевают молодых, их родителей, гостей и т. д. Обычно поют только бабы, т. к. мужики к этому времени уже плохо стоят на ногах. Припевание сначала идет чинно и серьезно, но к концу пира постепенно переходит на шутки. Одной из первых песен снова поют „Золото со золотом", но уже вместо имени невесты вставляют всюду на первое место имя жениха. Вслед за „Золотом" поют:

I

У дьяцка, дьяцка и у маленького пòдьяцка
Высоко были сени взмощены̀,
Высоко высокòхонько.
Никому на сени не зайти,
Никому не заехати.
Одна я на сени зашла,
Единешенька за̀ступила,
Я ногами востопнула,
Долòнями восплёснула.
Свекорушко насупился.
И лютой накорюпался.
— Не супайся, свекрушко,
Не корюпайся, лютòй:
Не сама на сенѝ зашла,
Не сама скоро за̀ступила:
Как завез меня добрый кòнь
И завел добрый молодец—
Алексей да Иванович.

II

Орядѝ, орядѝ, [1]) да середи двора
Середи батюшкова
Середи матенькина
Тут росло дерево
Тонкò высокò
Да кипаристое,
Да серцевистое;
Да что на то дерево
Слетались да гуси—лебеди,
Птица лѐтная да всеголетная

[1]) Это поется перед каждой строчкой.

Крылья правила,
Да перье ронила,
Перье сизое
Да крылье правое
На сырую землю̀,
На шелкову траву̀,
На лазуревы цветы,
На малиновы духи.
Что на тот же двор,
На тот батюшков,
На тот матенькин,
Соезжались кнѐзья бо̀яра,
Да люди бо̀льшие;
Сам большой целовек,
Да сам молод князь,
Алексей молод князь
Да Ивановиц,
Он проговорил—

— „Уж и как нам быть?
У Егора дочь
Да у Петровица больша̀.
Не тужите, не печалуйтесь—
Нам добром дают;
А добром не дают, так сило̀ю возьмем,
Да хвалою повезем
Через девять городов.
Оряди̇̀, оряди̇̀ на десятый горо̀д,
Да ко бо̀жьей церкви̇̀
Ко чудну̀ кресьту,
Да к золоченому венцу;
Золоченым венцом повенчаемся,
Золотым перстнем да поменяемся;
Медку запьем
Да меду сладкого
Все из чарочки
Все из зо̀лотой

Кроме молодых особенно часто припевают сватью и тысяцкого:

I

Ай, сватьюшка молода,
Шапоцка золота̀,
Что эта сватья не гордливая,
Да эта сватья не ломливая,
Скоро на ножки вставала,
Ножецки с подходом,
Ручушки с подносом,
Буйная голова с поклоном,
Сахарны уста с приговором.

II

Тысяцкий, тысяцкий,
Ты богатый гость, (2)
Тысяцкий, тысяцкий,
Уж ты хвалишься, похваляешься,
— Что есть у меня (2)
Князь молодой.
В чистом поле шатром стоишь

По синю морю кораблем бежишь.
Что хвалишься, похваляешься?
Что есть у меня князь молодой.
Светит на ём дорогое платьё,
Дорого платьё—синь кафтан.
Де—ко он сидит—тут ненадобна свеща.

После целого ряда свадебных песен молодым поют шуточную—„гордену“:

У броду, у бро̀ду—ой, ряди̇̀, ой ряди̇̀—
Там стояло коней стадо.
Всех коней гладят,
Всех коней любуют,
Одного коня не гладят,
Одного не любуют.
Алексей от коня гладя,

Да Ивановиц любуе:
— Уж ты ходил, комонь, далеко,
Да приустал, комонь, порато,
Да привез, комонь, гордѐну.
Да горденушка гордлива,
Да из саночек не выходит,
Ой, по поветоцке не про̀йде,

Да во клетку не загляне,
На передыжьицо не сойде
Да в избушечку не ступит;
Да спроговорит гордена:
— На поветке дыровато,
Во клетѐ—холодненько [1]),
А на передыжьи соровато,
А в избушке—копотнѐнько.
Спроговорит Алексей-от:
— Нать на эту на гордену
О семи кистей плетку,
Нать на эти дырья
Много лесу наронити
Да надо тёсу натесати.
Надо на этот холод
Соболино одеяло;
А на передыжье нать березова метелка
А в избушке-то нать рогожина вѐхоть [2]).

Тут же, среди общего веселья, поются старинные свадебные „приплявки“, под которые, приседая и притаптывая, пускается в пляс какая нибудь основательно выпившая бабка:

По загуменьи тропинка лежит—ах, ну!
По тропинке дружок бежит—ах, ну!
Он бежит, бежит—ах, ну!
Он повадился ко вдовушке ходит,—ах, ну!
Ты вдова, вдова, спобедна голова,—ах, ну!
У вдовушки ни житья нет ни бытья,—ах, ну!
У вдовушки столбы точеные,—ах, ну!
Веревьюшки позолоченые,—ах, ну!
Подворотенка—светел камешок,—ах, ну!
Из под камешка быстра река течет,—ах, ну!
По той реченке насадничек плывет,—ах, ну!
Во насадничке немного людей,—ах, ну!
Во червленом малёхонько—ах, ну!
По моёму счету шесть человек,—ах, ну!
А седьмой то водолей, воду льет,—ах, ну!
А восьмой то кашевар кашу варит,—ах, ну!
А девятый стоит стольничает,—ах, ну!
А десятый удалой молодец,—ах, ну!
Он по караблю похаживаё,—ах, ну!
Да по червленому погуливаё,—ах, ну!
Во карман ручки посаиваё,—ах, ну!
Золоты ключи выдергиваё,—ах, ну!
— Уж вы девушки, манешки,—ах, ну!
Уж вы Марьины подружочки,—ах, ну!
Вы берите в руки золоты ключи,—ах, ну!
Отмыкайте оковоны сундуки—ах, ну!
Выбирайте одинцового сукна,—ах, ну!
Уж вы шейте молодцу кафтан,—ах, ну!
Он не долог, не коротенький,—ах, ну!
По подолу раструбистый,—ах, ну!
По бокам пережимистый—ах, ну!
Мне ехать женитися,—ах, ну!
С красной девушкой венчатися,—ах, ну!

---

[1]) Летом поют—„комарнѐнько“.

[2]) Вар. см. Киреевский, Русск. нар. песни т. I, под ред. Сперанского, № 331. В Карповой Горе проверено одновременно с записью обряда.

Мать невесты привозит обычно на пир целый короб еды и гостинцев. В том числе должны быть непременно семь пирогов и две кулебяки. Все это разрезается за столом, но едят это угощенье только жениховы родные, когда гости раз'едутся.

В конце пира бывает так называемый „выход с крюком" (т. е. с кочергой). „Человек с крюком", (кто нибудь из наиболее бойких и „остроумных" крестьян) выходит на середину комнаты и, постукивая об пол, обращается к присутствующим с своеобразным приветствием, текст которого известен в деревнях также под названием „крюка".

„Крюк" кончается словами:

Затягайте-ка, наши ребята, песню с конца.

Хор мужиков за стеной немедленно отзывается:

— Нам не дорого ни злато, ни чистое сѐребро,
Дорогȁ наша любовь да молодецкая.
Ищо злато чисто серебро минуется,
Дорога наша любовь не забудется.
Середи было Китая славна города
Тут стояла палата белокаменная,
Что возлюбленна крестова государева.
Что в той-же в палаты белокаменной
И возлюбленной крестовой государевой,
Тут не мȳрава трава в поле шатается,
Не лазурьевы цветочки преклоняются
Еще бьют чело солдаты своему царю:
— Уж ты сударь наш батюшка,
Уж ты дай нам суд на князя Долгорукова.
— У меня на Долгорукова суда нет.
Вы судите-ко, ребята, своим судом,
Вы берите-ко, ребята, слегȳ да долгомерную,
Долгомерную слегȳ да трехсаженную,
Выбивайте-ко Долгорукому тесȍвы ворота!
Тут приносит Долгорукий золотые ключи:
— Вы берите-ко, ребята, золотые ключи,
Отмыкайте-ко, ребята, оковȁны сундуки,
И берите-ко, ребята, что вам надобно.
— Нам не дорого ни злато, ни чистое серебро.
Дорога наша любовь да молодецкая.

Вслед за тем, когда девушки уже уйдут, женки поют рискованные песни в честь тысяцкого и сватьи—в надежде, что оба поспешат от подобного опеванья откупиться, что обычно и бывает. (— „Тысяцкий, студенȍ на дворе". „Тысяцкого жена да на стȳпе сидит". „Сватьюшка, сватьюшка сряжаласе").

Тысяцкий и святья обычно откупаются от этих песен вином или деньгами.

Когда все разойдутся, и молодые уйдут спать, женихова родня остается за столом и пирует до утра.

В Марьиной Горе за свадебным столом сидит только невестина родня, а жениховы угощают их. К столу молодая выходит вся закрытая шалью. После трески, рыбы и каши муж раскрывает ее, и свекор благословляет их обоих хлебом, как перед венцом у невесты, причем тут снова поют «Золото», но уже не невесте, а жениху. В конце пира поются те же песни, что в Карповой Горе, прибавляя к ним еще следующую: „По полу кила́ да катается“.

В Кевроле за свадебным столом люди, несущие гостинцы от жениховой матери, приговаривают:

— Вот тяжело, вот каменья накладены!—а при разрезываньи—„Вот трудно то, ножик не берет!“ Все это говорится, чтобы расщедрить хозяев.

За свадебным столом поют:

Эхе-хе лёли, сидит мой отца да по конец стола,
Да ждет мой отца рукоданного куска,
Рукоданного кусочка ждет.
Обед то был с завтраком вдруг,
Да Егоровна была с суженым вдруг.

Опевают отдельно—женатых, вдовых и холостых особыми песнями. Когда девушки разойдутся—поют „Сватьюшку“—и др. подобные песни. При разъезде с пира молодые гостей не провожают. Они остаются за столом; молодая сидит и плачет. В спальню их ведут женки и, укладывая их, кладут между ними запеленутое как ребенок полено (или сверток из тряпок) приговаривая: „Перва ночь—сын да дочь“. Молодые сопротивляются и отталкивают чучело.

В Покшеньге песню про „килу“ поют в самом начале пира. С „крюком“ ходят не всегда, но за столом непременно поют песню „Нам не дорого злато, чисто сѐребро“. Как и в Кевроле, опевают отдельно всех гостей.

Молодых спать укладывают женки, при чем в постель под перину кладут кирпичи, камни или поленья, а между молодыми—чучело ребенка, с приговором:

Первая ночь—сына да дочь,
Двое двойники,
Трое тройники,
Семеро погодки,
Да и всё парники.

При этом женки пищат и плачут по ребячьи.

*

В Суре за свадебным столом поют жениху „Уж ты умное дитятко“, а молодым вместе—„С Костромы“ и др. Часто поют и следующую песню:

Сокол, сокол ты летал в овёшенек,
Ты поймал лебедушку,
Да поставил за дубовый стол,
Да ко столу зове батюшка.
— Хорошо ли те, молодушка?
— Лишь бы, дитятко, тебе люба,
А мне давно хороша.
Да ко столу зове матеньку:
— Хороша ли те, молодушка?
— Лишь бы, дитятко, тебе люба,
А мне давно хороша.

Утренние обряды

Утром идут будить молодых и с различными приговорками и шутками несут в их комнату ведро воды для мытья. Когда они уходят, молодые встают, одеваются и идут пить чай. После чая молодая начинает «пахать пол», т. е. мести. Она кланяется в ноги свекру:

— Батюшка, дай мне веничка.

Он дает ей один комель. Молодая—в ноги к свекрови:

— Матушка, дай крылышка.

Свекровь дает ей очень плохое крылышко. Молодая начинает «пахать», а свадебники в это время нарочно сорят на пол и на скамьи. Молодая снова кланяется свекрови и получает хорошее крылышко, а затем свекру, который дает ей настоящий веник. От свадебников молодая откупается пивом, и они перестают мешать ей.

К обеду опять собираются гости. Молодая сидит разряженная, а гости толпятся вокруг нее и делают по ее адресу вслух свои замечания.

В Марьиной Горе, Суре, Кевроле и Покшеньге молодых утром не будят. В Покшеньге только подходят и шутят у дверей. Кроме того, в Суре и в Покшеньге утром, выходя мыться, молодая кладет к рукомойнику кусок мыла и вешает полотенце, иногда несколько, обычно своего рукоделия.

Хлебины

В понедельник после обеда молодые с наиболее близкими из родственников жениха едут к родителям невесты на хлебины. Там устраивается почти такой же свадебный пир, как накануне у жениха. Обычно молодые остаются в этот вечер ночевать у родителей молодой, а утром едут домой и с ними отправляют приданое [1]).

---

[1]) Этот обычай в Арханг. губ. имеет разные варианты: часто во время венчанья привозят часть приданого (постель), а остальное после хлебин. Иногда приданое пересылается через три дня (Холмогорск. и др. уезды, см. Ефименко).

III

ОБРЯД ГОРОДА ПИНЕГИ

Сватовство

Сватать невесту приезжают родители, крестный отец или кто нибудь другой из мужской родни жениха. Сам жених на сватанье не ездит. Никакими обрядами эти предварительные переговоры не сопровождаются.

Богомолье

На следующий день после сватовства приезжает жених со своей матерью и другими близкими родными на „богомолье" и угощенье. Прежде чем сесть за стол, гости просят показать им невесту, и она в простом платье проходит через комнату и кланяется гостям. Тут все молятся богу (три раза крестятся и кланяются в пояс), после чего родные невесты начинают ставить самовар, а невеста выходит переодеться, а затем, принаряженная, возвращается со своей свахой (обычно, крестной матерью) и садится с гостями за стол. По стенам стоят ее подруги; встав из за стола, невеста обращается к ним с причитом:

Уж и пристыдили да лицо мое белое
Да при моих-то при любимых дорогих пòдружках,
Уж вы-ли, мои дорогие пòдружки,
Не пришли да на мое рукобитьице,
Не разговорили мою родну матушку;
Уж она не дала мне походити да погуляти.
С вами, любезными пòдружками.
Уж и задушевные вы мои пòдружки,
Уж и оставляю я вам свою девью кра̀соту.
Походите да погуляйте
У своих да родных родителей.
Уж мне родны да родители
Не дали походити да погуляти.
Уж и родна моя матушка
Мной не постояла, не подорожила.
Уж верно я ей много хлеба-соли да приела,
Дубовых полов да много протоптала,
Берча̀тых да скатертей да изорвала.

Весь этот причит идет под песню девушек:

Не куна жалобилася—
Жалобилася плакала
Да сестра брату милому,
Брату ясному соколу.

— Уж ты брат-ли мой, брателко,
Удалой добрый молодец,
Поступай-ка, мой брателко,
По всей светлой свѐтлице,

Да по столовой новой горнице,
Доступай-ка, мой брателко,
До столов до дубовых,
И до скатертей берчатых,
До хлеба соли великоей,
До напитков стоялых,
Да до яствов сахарных.
Разговаривай, брателко,
Родных моих родителей,—
Зачем рано раскручинились
На меня молодешеньку,
На мою буйну голову,
На природну трубчату косу.
Все подружки красуются
Да любо мило проклаждаются,
Одна я не красуюся,
Одна я не проклаждаюся.
Как ответ держал брат сестре:
— Ты сестра-ли моя, сестрица,
Ты сестрица голубушка,
Не твори судьбы-жалобы
Ни на бачка, и ни на матушку.
Ты твори судьбу-жалобу
Ты на сватью, змею большую,
На елавую, лукавую,
На змею семиглавую:
Она ходила к нам частёшенько.
Да говорила помалёшеньку,
Да говорила, все обманывала,
Чужу сторону нахваливала:
«Как чужа-то дальна сторона
Она медами поливана,
Сахарами изнасеянная;
У чужого-то у чуженина
У него дом на семи верстах,
На семи с половиною;
Да посреди двора горница стоит,
Все окошки колодные,
Все околенки зеркального стекла.
Как чужо чадо милое
Оно не пьюще, не мятущее,
Оно пьет не упивается,
По дорогам не шатается,
С дураками не знается».
— Не жила, млада,—споведала,
У подружек споведала
Про чужу дальну сторону.
Как чужа дальна сторона
Она слезами поливана,
Тоской-кручиной изнасеяна;
У чужого-то чуженина
У его дом на семи шагах,
На семи шагах куриных.
Посреди двора баенка стоит—
Всё окошки, просечишки,
Околенки слуденые;
Как чужо чадо милое
Оно пьющее, мятущее,
Оно пьет упивается,
По дорогам валяется,
С дураками он знается.
Кабы тебе, сватьюшка,
Да трясло бы тя потрясывало,
Да выше печи бы выбрасывало,
Да кабы тебе, сватьюшка,
На печи бы не согретися
Под семью бы те шубами,
Да под восьмой одевальницей,
Да еще под девятой укрывальницей.
Да кабы тебе, сватьюшка,
Да скрозь печь провалитися,
Да во щах заваритися;
Кусом-мясом задавитися;
Да за ту-бы те выслугу—
Зачем подружку нашу высватала —
Да еще бы тебе, сватьюшка,
Дочерей бы посиделочек,
Да за сыновей-бы тебе не высватать [1])

После причита подругам невеста обращается к матери:

Уж и дорогая моя матушка,
Уж и не постояла ты мной да не подорожила,
Чего ты да уболласе?
Думала-ли, родимая мамушка,
Что я худу славушку да тебе принесу?

---

[1]) См. Киреевский, „Русск. нар. песни", т. I, под ред. Сперанского, №№ 2, 12 41—записи из Арханг. губ. № 929 включает часть нашей песни.

Кроме этой песни поют еще „Было-то у князя, князя", См. Киреевский, Р. нар. песни, т. I, под ред. Сперанского, №№ 48 (Шенкурск) и 322 (Моск. губ.) и Ефименко стр. 95 (Шенкурск. волость).

Она обнимается сначала с матерью, а затем с каждой из подруг, причитая у нее на плече:

Любы ласковы мои да подружечки,
Походите да погуляйте
Уж вы у своих родных родителей,
У своих родимых братьицев.

По окончании угощенья всю женихову родню дарят платками (обычно бумажными) причем невеста сама подносить платок жениху, а мать ее остальным. Когда женихова родня поднимается и уезжает, невеста остается за столом и не провожает их. Это делают ее родные и подруги. Проводив жениха, девушки садятся пить чай и поют:

У ворот было на улице
Да у широких на шѝрокой
Да у родителя батюшки,
Не сокол тут налетываёт,
Не ясён тут насвистываёт,
Да молодец коня объезживаѐт,
Да молодец первобрачный князь,
Князь Иван Иванович
На своем на добро̀м на коне.
Уздрела млада, усмо̀трела
Из высока нова терема,
Из окошка косцерчатого,
Из околенки стеко̀лчатоей:
— Уж ты ой есь, первобрачный молод князь,
Не объезживай ко̀маня,
Да не пыли шелкова̀ ковра,
Да не обсвистывай плеточки,
Не изъянь золотой казны.

— Да не тесть мне коня купил,
Мне не твой родной батюшка,
Не Сергей Степанович,
Мне ка свой родной батюшка —
Иван Егорович.
Мне не теща убор давала,
Не твоя родна маменька
Не Лизавета Петровна,—
Мне своя родна маменька
Мне Надежда Ивановна.
Мне не шурин ведь плетку купил—
Мне ка свой родной брателко,
Мне не свойка ковер вышивала—
Не твоя родна сѐстрица
А мне своя родна сѐстрица.
Мне не кня̀гина казну нажила
Не Марья Сергеевна—
Уж я сам, первобрачный князь,
Да Иван сударь Иванович.

Посядки

Так называется время шитья приданого. Девушки ходят работать к невесте, которая сидит с ними—принаряженная, но унылая и песен не поет. Кроме тех песен, что пелись на богомольи, девушки поют:

Вѐсла во̀ поле качу̀ля, ой рано-рано,
Весла в шѝроком дыбуча,
Там качались девушки,
Вышла я покачаться,
Да вышла я повеселиться
Девицѐй душой красной
Да кнегиней первобрачной.
Скоро батюшку сказали,
Скоро весть доносили.
Еще бил меня батюшка,
Бил по куньей шубе
Соболиным он хво̀стом
Соболиным, конинным;
Уж я с этих побой,
Уж я с этих тежелых
Три недели хворала,
Три недели целые.
Не пекла, не варила,
С скотом не обряжалась;
Как на горке колодец

Невысокой, глубокой,
Вокруг тòго колодца
Росла травка муравка,
Росли лазурьевы цветочки;
Никто тут не ходит,
Никто не гуляет;
Единешенька ходила
Да единешенька гуляла
Девица душа красна
Да кнегиня первобрачна
Марья Петровна
Со серебряным блюдом
Да с позолоченой ложкой;
Уж я кровлю скрывала
Да золоту пену сымала,
Я икону писала
Да я икону Николу.
Уж и дай тебе боже
Свежую рыбку ловити
Да меня младу кормити.

Баня

Если свадьба назначена в воскресенье, то в субботу вечером девушки собираются к невесте вести ее в баню. Ведут ее подруги и крестная мать—под руки, закрытую с головой платком. Мать невесты дает им с собой бутылку вина [1]), которую распивают в предбаннике, пока невеста раздевается и причитает:

Пошла я в баню да мытися
В последний да раз с подружечками
Уж и не по старому и не по прежнему.
Дорогй вы мои да подружечки,
Уж вы мойтесь да в парной баенке,
Уж и погуляйте у своих родных родителей.
Уж вами, может, постоят и подорожат родны родители,
А мной-то, горюхой, не постояли, не подорожили.

Девушки в это время запевают песню:

На горке дѐревцо
Кунами ǒбросло,
Соболями расцвѐло.
Да куны все добрые,
Соболя всэ церные,
Цёрны, заморцкие,
Заморцкие, сибирские.
За эфтим дѐревцом,
За эфтим дỳбовым
Тулилась крылася
Девица красная,
Княгина первобрацная—
Марья Сергеевна.
Она думу думала,
С думы слово змолвила
Со полна ума разума:
— „Из-за эфта деревца,
Из-за эфта дỳбова
Не иду, не выступлю;
Никому не вывести
Без ста, без дрỳгого,
Без цельной тысячи».
А услышал молод князь
Похвальбу невестину—
— „Уж я сам повыведу
И боярам повыкажу:
Смотрите, боя̀ра,
На мое-то сужено
На мое-то ряжено,
На девицу красную,
На княгину первобрачную,
На Марию Сергеевну“ [2]).

---

[1]) В Холмогорск. уезде девушки едят в бане пироги (Ефименко). О пиве и вине после бани см. Грандилевский — опис. села Курострова, Арх. губ. Архив Геогр. О-ва I, 64 (неизд.).

[2]) Близк. запись см. Киреевский. Русск. нар. песни т. I под ред. Сперанского (№ 19, Мезень).

Моются с невестой только две-три подружки, а все остальные ждут и поют в предбаннике. Из бани их встречает мать невесты; дочь падает ей в ноги:

Уж и спасибо, родимая матушка,
На парной да на баенке.
Уж я умылась и упарилась,
Только не по старому и не по прежнему.

После этого причита все входят в дом.

Последняя ужна

Ко времени возвращения невесты из бани снова устраивается угощение и тут съезжаются родные невесты на „последнюю ужну“. Встречая гостей, невеста каждому падает в ноги:

Уж желанная ты моя тетушка,
Свет Мавра Егоровна,
Уж встречаю я тебя, горюшечка,
Да не по старому, не по прежнему—
Со слезами да с горюшком.
Уж и не пришли вы ко мне во̀ пору, во времечко
Разговорить мою родну матушку.

Во время встречи родных и причитов, женщины поют невесте какую нибудь из тех свадебных песен, которые не прикреплены к определенному моменту, напр. „Было-то у князя князя“ или другую.

После „последней ужны“ гости расходятся гулять по деревне, а подруги невесты идут по домам наряжаться к свадьбе. Часов в 11 все собираются снова у невесты за столом, и невеста снова причитает (обычно повторяет или немного варьирует причит „на богомольи“; здесь уж нет закрепленного текста, а может быть—и обычно бывает—импровизация). После этого, невеста уходит спать, а все остальные сидят и ждут жениха [1]).

Приезд жениха и „выход на наставку“

Жених приезжает обычно около двух часов ночи. Заслышав колокольчик, девушки бегут и закладывают ворота. Пока сват тщетно стучится в них, девушки поют:

---

[1]) Близкое описание ср. „девичник“ Шенк. уезда, Ефименко, с. 105.

Колотится, колотится сват у ворот,
Колотится, колотится сват у новых.
Просит он, просит он свое суженое,
Просит он, просит он свое ряженое.
— Уж и подайте вы мне мое суженое,
Уж и подайте вы мне мое ряженое,
Девицу душу красную—
Да княгину первобрачную
Марию Сергеевну.

После этой песни ворота раскрываются, и жених, войдя, дарит девушек и проходит в избу. Все девушки выходят из комнаты. Жених и его родня садятся за стол, и невестины родственники их угощают. До появления невесты жених обычно ничего не ест. Через некоторое время выводят невесту—наряженную и в повязке. Это называется „выводить невесту на наставку". Она должна обнести вином всю женихову родню, а вошедшие в это время девушки и женщины опевают всех присутствующих родственников жениха. Женатой паре, например, поют:

По горнице по новой,
Как по светлице пировой,
Тут стоят столы дубовы,
На столах ковры шелковы,
На коврах чара золота
Да полна меду налита.
Эту кто чару наливал?
Это Петро чару наливал
Да свою умную призывал,
Свою разумную прикликал:
— Лизаветушка ты моя,
Ты Михайловна, ты душа,
Пойди, радость, до меня,
Прими чару от меня,
Выпей, выкушай всю до дна.
Ты роди-ка мне сына сокола
Станом—возрастом во меня
Да умом разумом во себя.
Лизаветушка подошла,
Михайловна приняла,
Выпила, выкушала всю до дна,
Посулила [1]) сына сокола,
Станом возрастом во тебя,
Да умом разумом во себя,
Как лицом белый снег,
Ясны очи сокола,
Как черны брови соболя [2]).

Вдовых припевают иначе:

Это чья в поле нива
Стоит бѐз огороды?
Это чей новый терем
Стоит бѐз верху строен?
Это чьи новы сени
Стоят бѐз подволоку?
Это чья кунья шуба
Лежит бѐз поволоки?
Это чей золотень перстень
Лежит бѐз подзолоты?
Это чья бедна вдовка
Молода овдовела?
Это чьи бедны дети
Малы от батюшки остались?
Они живут, позарятся [3]).

Для холостых есть также особое припеванье (напр., „Иван-то у нас холост, не женат") и т. д.

---

[1]) Если у припеваемых уже есть сын, то вместо „посулила", поют „родила".
[2]) Киреевский, Р. нар. песни, под ред. Сперанского, №№ 6 и 7 (Арханг. губ.).
[3]) См. Киреевский № 211 (Мезень).

Сборы к венцу

Пока кончают опеванье, невеста уходит в светелку одеваться к венцу. Выйдя из горницы, она причитает;

Отворочу-ли я да лицо белое
От столов-то да от дубовых,
Скатертей то да от берчатых,
Хлеба соли да от великоей.
Куда же приверну я да лицо белое?
Ко своим-то да родителям желанныим.
Уж и спрошу я у вас, у желанных,
Уж вы куда меня да выводили,
Перед кем вы меня да становили?
Уж и как с этих-то да подносов
Белы ручушки у меня да припали,
Уж как со этих-то да подходов
Резвы ножечки да приустали,
Уж как с этих-то да поклонов
Буйна голова да заболела.

Входя в светелку (обычно уже на рассвете) невеста обращается к подругам:

Белый свет да рассветается,
Девья жирушка да коротается,
Девья жира да лебединая,
Заединая—лебединая.

Девушки-подруги и сестры начинают снимать ей повязку—под ее причит:

Уж ты желанная да сестричушка,
Уж подойди-тко ты да не обойся,
Не иголочка ведь я колючая,
Не осотенка я да резучая.
Уж и сними-тко ты с меня да девью кра̀соту,
Девью кра̀соту да хаз-повязочку.
Уж расплети ты мою да трубчату̀ косу̀.

Когда сестра (или подруга) подходит и берется за косу невесты, невеста отнимает косу, причитая:

Уж ты желанная моя да сестричушка,
Уж я малехонько тебе да сказала,
Уж ты скорёхонько подбежала
Уж и снять с меня да девью кра̀соту.
Уж и эк она тебе да понадобилась;
Уж моя красота да пристарела,
Ала ленточка да приумята.
Уж и желанная ты да сестричушка,
Уж и сходи ка да к своёму бра̀телку,
Уж и купит он тебе да алу ленточку,
Алу ленточку да не примяту.

Косу расплетают насильно и расплетающая берет себе ленту невесты— „девью кра̀соту“.

В это время жених сидит за столом и ест жареного сига. Когда невеста наряжена, идут за женихом и приводят его в светелку. Там родители невесты благословляют их обоих вместе на разостланном платке или одеяле, после чего все идут вниз—опять за стол. Жених и невеста становятся рядом, жених покрывает невесту большим платком („гомулькой“)—так, чтобы было открыто только лицо. Отец кружит над их головами хлебом, завернутым в другой платок, и все—кроме родителей—едут к венцу.

Венчанье

Везут и венчают невесту в какой нибудь накинутой на голову косынке, а после венца на паперти или в сторожке, молодой заплетают волосы в две косы, причем она причитает:

Уж и покрасуйтесь, мои русы волосы,
На плечах моих на могучих
Уж и последышне да остатышне.

На заплетенные в две косы и уложенные на голове волосы надевают повойник—под причит молодой:

Темнота будет вам, да русы волосы,
Да тягота будет да буйной голове.

К венцу жених и невеста едут врозь каждый со своим сватом, а от венца вместе. У жениха дуга украшена цветами и лентами, но колокольчиков нет. „Выкупанья“ ворот нет.

Возвращение от венца

Часов в 8—9 утра приезжают от венца в дом молодого. На повете молодых осыпают житом и встречают песней:

У мосту, мосту
У калинову мосту
Тут катилась карета.
Как во той во кареты
Тут молодка сидит плачет,
Молодая рыдает.
Молод князь набегает,
Он к кареты припадает,
Он молодку обнимает.
— Ты не плачь, не плачь, молодка,
Ты не плачь, молодая.
Ты от бачка едешь к бачку,
От родных к богоданным.
Ты из неги едешь в негу,
Из проклады в прокладу.
Отвечает молодка:
— Вас цорт будет, не нега,
Вас цорт, не проклада.
У вас та будет нега,
Да у вас те будут проклады—
Поутру рано вставати,
Да толкцы и молоти,
Нать пекчи и варити,
Надо всем угодити. [1])

[1]) См. Киреевский (№№ 26, 28 и 520) и Попов, Народные песни, М. 1880, с. 200.

С повета молодых ведут прямо в общую горницу, где уже собрались гости. Тут же родители жениха благословляют молодых хлебом, солью и иконой.

Малый стол и сон молодых

После благословения все садятся за так называемый «малый стол» с чаем и угощением, который продолжается около часу, после чего за кашей поют:

Тетёра [1]) на стол прилетела,
Молодушка спать захотела.
Ивану с похмелья не спится;
Марьюшка на ножечку ступает,
Да Иванушка спать позывает:
— Пойдем, пойдем, Иванушка, спати
Да осеннюю ночь коротати. [2])

Гости принимаются за кашу, а молодых женщины ведут и укладывают спать. «Малый стол» продолжается без них еще часа два.

Бужение молодых и большой стол

После двух часов сна молодых (в 12—в 1 ч. дня) гости начинают припевать:

— Ох, таки ох, не пора ли молодым вставать?

Все поднимаются из за стола и идут к двери спальни—будить молодых—с песней:

Ох, таки ох, таки ох-ти мне!
На мху то стоит горенка,
Да у горенки кровать тесовая стоит,
Уж на кроватушке молодушка молоденька лежит.
Уж тесовая кроватушка поскрипывает,
Молодка молодая постанывает.
Свекор батюшка по сеничкам похаживает—
Свёрло—напарье поискивает.

Обычно молодые откупаются от этой песни, передавая гостям через дверь вино и тарелку с угощением. Тогда их оставляют в покое; они одеваются и выходят. К ним в комнату входит только одна сватья. Она берет

[1]) Прежде за свадебным столом подавали сначала тетёру, затем кашу. Теперь угощенье упрощено, но песня осталась, и крестьяне поют ее, считая, что «тетёра»—свадебная каша. (О свад. тетёре см. Шейн, с. 397).
[2]) См. Шейн стр. 393.

на руку как можно больше полотенец, привезенных невестой (иногда эти полотенца частью берутся даже на прокат) и все трое идут к гостям. У сватьи кроме того в руках зеркало. Гости стараются мазнуть молодых и друг друга печной сажей, мажут лица и руки, смотрятся в зеркало, шутят смеются, моются и вытираются невестиными полотенцами.

Сватья складывает полотенца на руки свекрови, которая приговаривает:

— Посмотрите, соседи, посмотрите, сколько у меня молодая то принесла!

Затем молодая уносит зеркало и полотенца, переодевается и выходит снова. Ее сажают с мужем на лавку поют им „Вишенье“:

Из саду в сад путь-дорожка лежит,
Из зеленà тут и прóторена.
Кто эту дорожку прошел, проторил?
Проторил дорожку Иванович Алексей.
— Ягода Марья, куда пошла?
— Вишенье Алексей, в лес по ягоды.
— Ягода Марья, во что будешь брать?
— Вишенье Алексей, в твою шапоцку.
— Ягода Марья, кому поднесешь?
— Вишенье Алексей, твоему батюшку.
— Ягода Марья, поклонишься-ли?
— Вишенье Алексей—дò поясу.

Молодая кланяется в пояс свекру. Песню поют опять сначала, но вместо слов „твоему батюшку“ поют „твоей матушке“, и молодая кланяется в пояс свекрови. В третий раз поют—„тебе самому“ и молодая кланяется мужу, после чего песня продолжается:

— Ягода Марья, обòймешь-ли?

Молодая обнимает мужа. Гости смеются и делают иногда весьма рискованные замечания с целью смутить молодых.

— Ягода Марья, поцелуешь-ли? [1])

Молодая целует его. После этого, все снова садятся за угощенье и с полдня до вечера идет так называемый «большой стол».

Утренние обряды

На следующее утро родные и свадебники топят баню, стараясь напустить в нее как можно больше дыму. В баню тащут на бороне сначала стариков—свекра и свекровь, которые делают вид, что угорели не доезжая до бани—падают на землю. Молодая должна подойти поцеловать их; тогда

---

[1]) Вар. см. Копаневич (Нар. песни Пск. губ., Труды Пск. арх. о-ва, 1906 г. с. 39) и Успенский, Л. Маринчельск. кр. свадьба. Жив. Стар. г. VIII, вып. 1.

они быстро поднимаются. После стариков тащут в баню на той же бороне молодых, [1]) которые всячески уклоняются. Их везут насильно, кричат по дороге «присохло!», и молодая должна при этом целовать мужа. В бане не моются, а молодых только толкают в дым. После этой „бани“ молодой должен переодеться в белье, которое ему шьют для этого случая вместе с приданым невесты ее родные и подруги. В случае, если молодые успели убежать и спрятаться от „бани“, молодой все таки переодевается где нибудь в горнице.

После „бани“ молодая начинает „пахать“ пол (см. Карпогорский вариант). Пашет она не одним веником, а сразу тремя. В это же время в избу собираются гости — „ковригу расшивать“. „Ковригу“ эту, т. е. два каравая хлеба — черного и белого — солонку и две ложки зашивают в салфетку в то время, когда молодые едут к венцу, причем зашивают так, чтобы не найти было конца шва. На „расшиваньи ковриги“ дружки должны этот конец отыскать и осторожно распороть весь шов, не порвав нитки. Две горбушки (от каждого хлеба) отрезают и дают молодым спрятать — „чтоб хлебно жилось“.

Через несколько дней [2]) молодые и вся женихова родня едут „на го́стьбу“ к родителям невесты. Молодые обычно остаются там ночевать и возвращаются домой на следующее утро.

Примечание к Пинежской свадьбе

1) Если невеста—сирота, то на богомольи она, после причита подругам причитает:

Уж вы дорогие подружечки,
Уж вы пойдите да погуляйте.
Уж я пойду да в божью церковь,
Уж я ударю трижды в колокол,
Пробудился бы родитель мой татенька.
Уж и пошибче я ударю в колокол,
Чтоб рассыпались желты пески,
Раскололась гробова доска,
Открылись белы саваны,
Размахнулись белы рученьки,
Открылись очи ясные,
Проговорили уста сахарные.

И попрошу я у родного татушки
Родительского благословеньица,
На вековечное зарученьица.
Уж я ходила по божью церковь,
И попросила у родного родителя благословеньица,
На вековечное зарученьица
Уж и не пробудился мой родной татушка,
Не разговорил мою матушку,
Чтоб она постояла мною да подорожила.

---

[1]) Об этом обряде см. Грандилевской, Опис. села Курострова Арх. губ. Архив Геогр. о-ва, I, 64 (неизд.).

[2]) Ср. Певин, П. Народн. свадьба в Толвуйском приходе, Олон. губ., Петрозав. уезда.

2) Невеста-сирота перед баней едет на могилу к отцу и там причитает:

Родимый мой батюшка,
Приехала я к тебе, родимый татушка,
Попросить у тебя благословеньица,
Вековечного заручененьица.
Уж и был бы ты, мой родной татушка,
Уж и постоял бы ты мной и подорожил,
А роднà моя матушка
Не постояла мной, не подорожила.

На могилу отца невеста едет обычно с крестной матерью, а вернувшись, падает матери в ноги:

Ездила я к родному татушке,
И просила у него благословеньица,
Вековечного заручененьица:
Уж он мне словечушка не спромолвил.

3) На „последней ужне" женщины поют сироте-невесте:

Река ты, реченька, сахарная истòченька.
Ты течешь да не скольбнешься,
С желтым песком да не смỳтишься.
Дитя ты мое, дитятко,
Сидишь ты да не возрадуешься,
Говоришь, да не рассмѐхнешься.
— Уж ты мама, мама моя,
Над чем я буду смеятися,
Над чем радова́тися,
Когда полон двор у нас карет стоит,
Полна горница, гостей сидит,
Гòсьи все со гòсьюшками
И все со малыми со детушками,—
А нет у нас гостя — родителя да батюшки.
Снарядить-то меня есть кому,
А благословить то меня некому [1])

Невеста сирота при одеваньи к венцу, кроме того причитает:

Уж и похожу-ли я по светлой светлице,
Уж и посмотрю-ли я да погляжу
На все стороны на четыре:
Уж не усмотрю-ли я да не угляжу-ли
Уж своего-ли да желанного да татушку?
Уж не стоит-ли он где да за нородом,
Не глядит-ли он где да из за притулья?
Уж когда был-то мой да желанный татушка,
Уж постоял бы он мною да подорожил.
Уж как эти-то уж да князья-бояра
Уж стороны-бы они да постояли,
Из-за притульца бы да посмотрели.

[1]) См. Киреевский (№№ 168, 287, 302), Копаневич (Нар. песни, Пск. губ. Труды Пск. арх. о-ва, 1906). Истомин и Дютш, Песни р. народа, с. 98 и др.

IV

Приведенный выше материал показывает, как разнообразны могут быть мелкие детали и отдельные проявления быта в обряде, живущем приблизительно на очень тесно ограниченной территории. Даже говоря об одном только Сурско-Карпогорском районе, откидывая Пинежский, приходится отметить обилие вариантов в обряде, отдельные моменты которого внешне проходят во всех деревнях почти в одинаковом порядке. Вспомним, например, хотя бы различный состав родни, приезжающей в тот или иной предсвадебный момент в дом невесты; или различие в наряде невесты на тех же самых „посидках“ в Ваймуше и в Кевроле, когда в первом случае она выходит наряженная в повязку и кружевную рубашку, а во втором появляется несколько трагически—с той же золотой повязкой на голове, но без пояса и с рубашкой, расстегнутой на груди; или различные обряды при хождении в баню, на „заруценьи“, при сборах к венцу—словом, весь материал, приведенный в вариантах к Карпогорскому тексту. Все это подчеркивает мелкую, но существенную для исследователя индивидуальность каждого отдельного пункта. При значительном количестве этих очевидных вариантов и при внимательном фиксировании и анализе их, сама собою является мысль о том, что о каком то цельном, едином свадебном обряде даже Пинежского уезда, не говоря уже, конечно, о всей Архангельской губернии, в плане исследовательской работы, говорить нельзя. Сложенный материал у е з д о в, очевидно, обряда г у б е р н и и все таки не дает. Несомненно, что такими моментами, как сватовство, сговор, девишник, венчанье—можно объединить не только отдельные уезды, но, вероятно, с теми или иными оговорками и целые народности, но материал, детально собранный хотя бы даже в одном тесном, районе, наглядно показывает всю невозможность давать сводный вариант на основании одного внешнего единообразия в чередовании моментов обряда.

Свадебные обряды Архангельской губ. были записаны не раз—в разных уездах и в разные годы. Наибольшее количество самого разнообразного материала дают Шейн [1]) и Ефименко [2]).

Кроме того, множество записей из отдельных уездов и мест интересующего нас района разбросаны в различных краеведческих изданиях, как периодических, так и отдельных [3]); некоторая часть их хранится неизданной в архивах краеведческих организаций [4]). Теоретически, имея в распоряжении известное количество интересного, собранного прежде материала, казалось бы естественным воспользоваться им и путем сравнительного анализа поставить

[1]) Великорусс, т. I, вып. II, с. 377—398.

[2]) Материалы по этногр. русск. нас. Арханг. губ. М. 1877.

[3]) Журналы: Живая Старина, Этногр. Обозр., Известия Арх. о-ва изуч. р. севера, отдельные издания „Трудов“ различных музеев, общества и пр.

[4]) Напр. в архиве Геогр. О-ва в Ленинграде.

новый материал в некоторого рода историческую перспективу; практически же работать таким образом по изучению текучего обрядового материала, (в данном случае—из Архангельской губ.) не так легко.

Всякого рода сравнительная работа в этой области затруднена прежде всего тем разнообразием методов записи, которое обращает на себя внимание при просмотре большого количества материала и которое становится вполне понятным, если принять во внимание, что большинство опубликованных записей делалось преимущественно случайными любителями—местными учителями, священниками, студентами на каникулах и семинаристами. Есть записи немногословные, сухие, с кратким перечислением моментов обряда; есть, наоборот,—длинные подробные описания почти в беллетристической форме [1]). В некоторых песни и причиты вставлены полностью, в других помещены только первые строки их и т. д. И хотя большинство этих записей все таки так или иначе дает общую картину местного обряда, для сравнительного анализа материал этот часто затруднителен; нередко мешает также недостаточная детализация.

Вторым осложнением является хронологический разнобой имеющихся в печати записей. Трудно делать общий вывод, сравнивая, например, запись из Холмогорского уезда 1850 г., из Шенкурского—1910 и с Пинеги—1927,—все одной губернии. Будь на протяжении этих 70-ти лет хоть несколько последовательных записей в каждом из этих пунктов—дело обстояло бы иначе, и работа исследователя была бы более продуктивной. Но такого материала у нас сравнительно немного. И хронологические и географические расстояния между отдельными описаниями делают общие наблюдения весьма мало удобными.

Принимая во внимание существенность этих осложнений, становится понятным тот исключительный интерес, который представляют для исследования именно тесного района р. Пинеги материалы Ефименко и Шейна: первый дает описание старого обряда в селе Суре, второй—в городе Пинеге, т. е. как раз в тех пунктах, где протекала работа нашей экспедиции, учитывавшей именно взаимоотношения города и деревни и получившей новые записи из современных Суры и Пинеги. Перекрестный сравнительный анализ, который становится при таком характере материала возможным, приводит к интересным выводам. Этот анализ должен быть начат с сопоставления двух старых обрядов.

Сопоставлению этому до известной степени мешает опять таки хронологический скачек. Пинежский обряд был записан в 1850 г., Сурский—в 1870-ых г.г. Переходным мостом между ними служит общее описание обрядов Пинежского уезда, помещенное у Ефименко перед Сурской записью.

Как видно из прилагаемой таблицы, Пинежская старая запись дает обряд наиболее подробный и цельный: 70-ые годы уже начинают вносить

---

[1]) См. Ордин, Н. Свадьба в подгородных волостях Сольвычегодского уезда, Жив. Стар. ч. VI, вып. I., Александров, В. Вологодская свадьба СПБ 1863.

в него изменения. В частности уже Ефименко указывает, например, на исчезновение старинных утренних обрядов, вырождение которых мы продолжаем наблюдать и в настоящее время. Тем не менее сходство старого обряда города Пинеги с деревенскими обрядами Пинежского района, очевидно, 50 лет тому назад было значительно больше, чем теперь.

Все обряды и церемонии, предшествующие непосредственно свадебной неделе, протекали в 50—70-ых г.г., очевидно, почти совершенно одинаково по всей реке Пинеге. Что же касается обрядов свадебной недели, то по содержанию они очень сходны и отличаются главным образом только перестановкой отдельных моментов. Все обряды в день венца совпадают почти полностью. То новое, что вносят в старый обряд уже 70-ые г.г. заключается в упрощении и укорочении его: г. Пинега 50-ых г.г. устраивает „малый стол“ и, после сна и бужения молодых—„госьбу“, существующую в современной Пинеге под названием „большого стола“. Деревни же вторичного угощенья после буженья не устраивают. Предсвадебная езда на могилы и к родным начала, повидимому, вырождаться уже в 70-ых г.г. (Сура), а сейчас исчезла во всем районе. Но несмотря на все эти различия, старые записи все таки, очевидно, стоят ближе друг к другу, чем современные. К сожалению, старая Сурская запись, сделанная крестьянином Гр. Хромцовым, кратка и часто оставляет впечатление недоговоренности; тем не менее имеющийся материал, показывая с одной стороны индивидуальность Сурского обряда, заметную уже в 70-х г.г., с другой наглядно роднит его с тем общим, что, очевидно, 50 лет тому назад теснее, чем теперь, объединяло район р. Пинеги. Более конкретный параллельный и перекрестный анализ имеющихся записей выяснит, к чему это общее свелось в наши дни.

Начав с сравнения двух Сурских записей, исследователь должен будет прежде всего отметить бо́льшую динамику, более быстрый темп в выполнении тех же самых обрядов [1]). Так например в настоящее время редко проходит больше недели между первым сватовством и венчаньем, тогда как в старые времена срок этот растягивался иногда на месяц в связи с тем, что после сговора три ближайших праздника подряд делалось церковное оглашение. Шитье приданого у невесты после просватанья продолжается всего несколько дней, да и самое сватовство теперь происходит значительно проще, без необходимости свату ходить в один и тот же дом по несколько раз [2]).

Наряду с этим наблюдается и перенесение тех или иных моментов обряда на другие сроки. Сюда нужно отнести во первых вечер субботы,

[1]) Ефименко указывает, что иногда обряд происходит в 4—7 дней. Теперь 7 дней— почти правило. О сокращении обряда см. Добрынин: Свадебн. и кунные песни в ближ. к гор. Шенкурску деревнях. (Изв. Арханг. о-ва изуч. русского севера, 1910; № 18).

[2]) Близкие наблюдения см. проф. В. Буш. О современном состоянии устно-поэтич. творч. Вольского уезда. Саратов 1926, стр. 176—177: „изменение старой свадебной обрядности идет, судя по нашим записям, в трех направлениях. Прежний обряд растягивается на много дней, сжимается и справляется в 3 дня. Свадебные песни отрываются от своего обрядового стержня и распеваются в безразличном отношении к обряду... наконец, исчезает обычай вопить, а с ним и самые свадебные вопли“.

когда вместо современного „буженья жениха“ (кстати сказать, момента, который совершенно отсутствует в старых записях) происходила присылка подарков от жениха и вся связанная с этим церемония [1]), затем ритуал, предшествовавший в записи Ефименко отправлению к венцу, теперь несколько передвинут и происходит в настоящее время перед благословением; отдельная еда молодых и „окручивание“ молодой, что теперь всюду в Сурско-Карпогорском районе происходит сразу по приезде от венца, прежде отодвигались на конец свадебного стола перед уходом молодых (к этому моменту я еще вернусь несколько дальше); наконец, одарение новых родных также передвинуто теперь несколько назад и происходит уже за свадебным столом, а не сразу после приезда от венца. Кое что из мелких деталей, существовавших раньше, теперь изменено или откинуто совсем; например, обычай— жениху приезжать за невестой непременно в замшевых рукавицах; обычай теще привозить к свадебному столу блины [2]); хождение невесты в баню не с двумя любимыми подругами, а со всеми девушками; при приезде свата за ответом, прежде дарили его платком лучшим, чем посылали жениху; утром в понедельник сватья мазала сажей только первого гостя [3]), что, очевидно, было связано с каким нибудь значением, тогда как теперь, для потехи, мажутся все гости и притом без участия в этом сватьи,—и т. д. Но кроме этих сравнительно мелких деталей, есть одно любопытное изменение в быте старого обряда: наряду с меньшей зависимостью от церковного ритуала, наблюдается и отход от прежних суеверий. О том, что современная крестьянская свадьба часто теперь обходится без церковного венчанья, мною уже упоминалось. При сравнении двух Сурских обрядов выясняется, что теперь не только совершенно откинуто церковное оглашение, но и обряд родительского благословения тоже упрощается: благословение жениха и невесты хлебом перед венцом и после него (кружение караваем над головами) в настоящее время в Суре уже не существует [4]). Вообще, как о правиле для всех обследованных нами пунктов, следует упомянуть о несомненном вымирании различных свадебных примет и поверий, а в связи с этим и о полном исчезновении такого необходимого прежде персонажа, как „вежливый“, (по объяснению Шейна [5])—„колдун, охраняющий свадьбу от других колдунов“). „Вежливый“ с почетом фигурирует на Сурской свадьбе в записи Ефименко, но теперь он исчез, повидимому, бесследно, и нам нигде не удалось слышать даже упоминаний о нем.

[1]) См. Ефименко (обряды Холмогорск. уезда) Дилакторский, П. Свадебн. обряды и обычаи у великор. Тотемск. уезда Вологодск. губ. (Этн. обозрение 1899, № 3); Ордин Н. Свадьба в подгородн. волостях Сольвычег. уезда). Жив. Старина, ч. VI, вып. I, с. 51.

[2]) См. Ефименко (обряды Пинежского уезда).

[3]) Первого дружку и отца невесты, См. Ефименко. Св. обр. Пинежск. уезда.

[4]) См. Ефименко—обряды Пинежск. и Онежск. уездов. В Шенкурском уезде молодых три раза стукают хлебом по голове.

[5]) Шейн, с. 392. В Олон. губ. он называется „клетник“. См. Арх. Геогр. о-ва XXV 5. (Неизд.).

Попутно следует упомянуть также о том, что некоторые детали старого сурского обряда в настоящее время ушли из Суры, но записаны нами, в ближайших к ней местностях Карпогорского района. Сюда относятся главным образом различные мелкие подробности (например, вроде требования непременно одномастной шубы для благословения молодых) [1].

Что касается связи с районом гор. Пинеги, то упоминавшаяся выше близость Суры к старым обще-Пинежским записям в настоящее время сильно поколеблена: изменен обряд свадебного стола и выброшены последующие моменты; уничтожен обряд шуточной бани в понедельник утром, который существовал в Суре прежде на ряду с Пинегой, а теперь исчез, поездка на хлебины, происходившая прежде во всем Пинежском районе через несколько дней после венца, теперь перенесена на более близкий срок—понедельник [2].

Анализ старой Пинежской записи в свою очередь также подтверждает прежде существовавшую и нарушенную ныне связь города и деревни. Эта запись также указывает прежде всего—на современное сокращение городского обряда, а наряду с этим—на обилие в Пинежском обряде 50-х г.г. моментов и деталей, живущих в настоящее время далеко от города в Сурско-Карпогорском районе.

В современной Пинеге, как и в Суре, сокращен срок всего прежнего ритуала: все обычно оканчивается в неделю—полторы, причем обряды, предшествующие самому венчанью, начинаются с вечера субботы, а наиболее яркая и пышная часть праздника оканчивается к вечеру воскресенья. Гораздо сложнее было в 50-х г.г.

—„За два дня до совершения брака бывает так называемая поседка,"—пишет Шейн [3]. Самый этот термин в настоящее время в Пинеге не существует: он изменен на „посидки" и обозначает собрания девушек за шитьем приданого у невесты. По содержанию описанная Шейном „поседка" очень близко напоминает современную „последнюю ужну", происходящую за несколько часов до венчанья [4]), но на „поседку" собираются за два дня до свадьбы, и после нее, на протяжении двух следующих дней, происходят последовательно: в пятницу—езда невесты по родным и прощанье с ними [5]; в субботу утром—баня, затем обед, приезд жениха „на рукобитье", выход „на ставку" и „белила". (Приезд жениха и „белила" очень близко напоминают Карпогорское „заруценье"). Непосредственно за этим невестина родня едет в дом

---

[1]) См. Перфецкий, Е. Быт. языч. черты в свад. обр. русск. нас. Арх. губ. Изв. Арх. О-ва изуч. р. сев., 1912, № 3, с. 112.

[2]) Следует отметить, что Сурский обряд очевидно уже в 70-ых г.г. проявлял свою относительную самостоятельность и сохранил ее до известной степени и теперь, несмотря на общую текучесть обрядового материала в окрестных деревнях.

[3]) Обряды, предшествующие „поседке" в записи Ефименко (св. обряды Пинежского уезда) имеют очень много общего с нашей записью.

[4]) А также отчасти и современные Сурско-Карпогорские „посидки".

[5]) См. Ефименко—обряды Пинежского уезда.

жениха, и девушки привозят от него гостинцы невесте (момент, опять таки, очень близкий Сурско-Карпогорскому „буженью жениха“). Вслед за тем в воскресенье утром невеста с подругами „пла̀чет красоту“, после чего происходит снимание повязки и расплетанье косы—т. е. обряды, целиком передающие „посидки“ Сурско-Карпогорского района, в то время, как в современной Пинеге все это лишь эпизоды при свадебном одевании невесты. Дальше: приезжающий перед венцом жених через дружек передает невесте „наряжѐльную пѐредать“—момент очень близкий к приезду жениха в Суре и к связанному с ним ритуалу. Всех этих предсвадебных моментов, сближающих старый Пинежский обряд с современным Сурско-Карпогорским, в современной Пинеге нет совсем. Можно ясно проследить бо̀льшую связь всех описанных нами вариантов именно со старым, а не с новым Пинежским обрядом, а при анализе этого нового Пинежского обряда невольно возникает предположение, что 60—70 лет тому назад свадебный обряд на всей реке Пинеге был ближе к современному Сурско-Карпогорскому; современный же городской Пинежский обряд получился путем перемещения и выбрасывания отдельных моментов. Но, повторяю, это можно считать лишь предположением, т. к. не имея старых записей в остальных описанных нами районах о полной картине старого обряда на р. Пинеге и об эволюции его можно и должно говорить лишь с большой осторожностью.

Что упрощение обряда, а параллельно с этим и расхождение города и деревни шло все эти годы и продолжает итти у нас на глазах, об этом говорят очевидные факты. Кроме вышеприведенного материала, это видно и из сравнительного анализа второй половины свадебного обряда в г. Пинеге; теперь уже не существует ни специальной церемонии привоза пряника—«будильной передати» в день венца, ни одарения дружек платками [1]), ни узаконенного числа шаферов. Весь состав свадебного поезда теперь далеко не так выдержан, как прежде: из всех специальных свадебных должностных лиц сейчас на Пинеге в ходу едва ли не только—тысяцкий, сватьи, любимая подруга, расплетающая косу, и кое где в малочисленном количестве и с минимальными обязанностями—дружки. Остальные гости и родственники изображают толпу. Разделения специально на „сватью подвенечную“, „сватью запостельную“, „праворучниц“, „леворучниц“, „плачей“, и т. д. сейчас уже не существует [2]). Упоминавшийся выше «вежливый» из г. Пинеги в настоящее время исчез так же, как и из Суры.

Два момента старого обряда вычеркнуты в настоящее время совершенно: 1) езда невесты по родным и плач в каждом доме, и 2) езда родных невесты в дом жениха с целью осмотра будущего молодого хозяйства. Та же опасность грозит, очевидно, и некоторым другим свадебным моментам:

---

[1]) См. Ефименко—обр. Пинежск. уезда и „Свад. обр. Пинежского уезда“ Олон. губ. ведомости, 1853, № 2.

[2]) О вымирании свадебных чинов см. Богословский, П. К номенклатуре, топографии и хронологии свадебн. чинов. Пермск. краеведч. сборник Пермь, 1927 г.

нам приходилось слышать, что теперь некоторые из девиц даже старых домов с крепкими традициями, всецело и охотно подчиняясь ритуалу старого обряда, пропускают в своей свадьбе „заруценье“ и „буженье жениха“. (Покшеньга) [1]).

На ряду с этим, может быть, любопытно будет отметить некоторые детали, касающиеся вообще положения невесты при перемене ее семейного положения: уговоры о плате за невесту, уговоры о „дарах“ при просватаньи, описанные в свадебных обычаях Арханг. губ. у Ефименко, сейчас совершенно не существуют. Пережитки этой древней формы брака-продажи исчезают. Точно также, нигде в нашем районе не встретились во первых—обычай снимания молодою сапог с молодого при укладывании спать, а во вторых—обычай проверки поведения молодой до замужества. Первый обычай в Архангельской губ. прежде существовал и был записан [2]). О втором только Ефименко делает беглое указание вскользь. Следует упомянуть также, что хотя на р. Пинеге сейчас в общем нравы сохраняются довольно строгими, недалеко оттуда, у помор, в этом отношении свобода обычно допускается очень широкая. Возможно, что в связи с этим никакие проверки тут и не применяются [3]).

Ссылки и примечания, делавшиеся мною попутно, устанавливали общие черты в наших записях с опубликованными записями свадебных обрядов из других местностей интересующего нас района. Общие черты эти, протягивающиеся как нити, то к нашей Пинежской записи, то к Сурско-Карпогорской, образуют сложную сеть, и есть возможность предположить, что сеть эта в прежнее время более ровно охватывала довольно обширный район. Тот факт, что отдельные пункты этого района с течением времени под влиянием различных бытовых условий постепенно видоизменяли свой обряд и сохраняли прежнюю связь с соседями только отрывками—представляется естественным. Мысль об очевидном расхождении современных города и деревни является логическим следствием произведенного анализа. Вопрос заключается в том, чем же именно характеризуются они порознь в настоящее время, и что удержал каждый пункт из общего старого материала.

Как уже упоминалось выше, Пинежский обряд в общем лаконичнее деревенского. Я не буду останавливаться на перечислении тех моментов, которые пропускаются в современной Пинеге целиком: это видно хотя бы из сравнёнья прилагаемых таблиц. Здесь следует отметить более мелкие особенности, которые тем не менее в сумме дают определенный материал для характеристики каждого района.

---

1) Добрынин (о. с.) пишет: „Описываемой свадебный обычай лет 8--10 тому назад применялся во всем объеме, а ныне несколько видоизменяется и упрощается. Все реже и реже применяется... устройство „девишников“.

2) См. Архив Геогр. о-ва 1, 64, 1. 48, а также XXV, 5 (все неиздан.).

3) Отсутствие в Арх. губ. этого обычая отмечено еще у Заринского (очерк крест. обыч. по р. Ваге Арх. губ. Архив Геогр. о-ва, 1, 48, с. 33, неизд.).

Как и следовало ожидать теоретически, город утратил множество тех веющих стариной деталей, которые до сих пор живы в деревенском быту. Множество мелких обрядов и подробностей — при отправлении в церковь, украшение поезда жениха, выкупанье ворот при возвращении из церкви и пр.—всего этого в городе не существует, точно так же как свадебных гаданий и примет—вроде гаданья в бане на вениках, примет при свадебном одевании невесты, тайного благословения свекровью молодой при приезде от венца и т. д. Забыты городом также и ритуальные вопросы, задающиеся в деревне в некоторые моменты обряда. Вопросы эти иногда производят несколько комическое впечатление, благодаря очевидной в них несогласованности старого и нового быта, [1]) но тем не менее ритуал этот живет в деревне крепко. Интересно отметить, что не знает также город и длительных церемоний взаимного даренья, которые выдерживаются в деревне повсеместно: жених дарит невесту через свата при сватаньи, он же посылает ей гостинцы с „буженья“, он же дарит ее перед венцом; родные одаряют невесту на девишнике; молодая, при вступлении в дом мужа, одаряет новую родню и т. д. Наконец, последнее, чего нет в городском обряде, это должность дружки.

К этой характеристике города, получаемой путем исключений, прибавляется еще один штрих — это отношение к свадебному угощению. В то время, как многие моменты свадебной еды до венца в деревне чисто ритуальны, город все время смотрит на этот вопрос более практично. В деревне, например, идущих из бани девушек мать встречает братыней с пивом, к которому невеста—по традиции—должна только слегка прикоснуться губами; в городе же мать дает девушкам с собой вино, которое они при участии свахи и распивают в предбаннике. Кроме того, подруги городской невесты угощаются еще и на богомольи после отъезда жениха. В деревне приезжающему перед венцом жениху невеста подносит рюмку с чистой водой, т. к. до венца ни ему ни ей ничего есть и пить не полагается; в городе всю женихову родню невеста угощает вином, а жениху, кроме того, приготовляет жареного сига. Существующего в деревне ритуала отдельной еды молодых, а также и встречи их с вином на повете — в городе нет: молодых прямо ведут за общий стол. При прощаньи с деревенской невестой на девишнике родные не только вполне бескорыстно воют с нею вместе, но еще от души одаряют ее „приносами“. Городские же родственники приезжают прощаться с невестой на „последнюю ужну“ (притом с пустыми руками), а после ужина гуляют по деревне и возвращаются обратно для вторичного угощенья.

Характерно также и различное отношение к новобрачным. В то время, как деревня, просидев на пиру до глубокой ночи и беззастенчиво спев за

---

[1]) Несколько неожиданно, например, звучит диалог отца невесты с родней жениха при приезде последнего за невестой перед венцом: — Что вы за люди? — Советские граждане,—и т. д.—все это незадолго перед церковным венчаньем.

столом наряду с величальными известное количество и совершенно невозможных для опубликования песен, расходится по домам и оставляет молодых в покое, город устраивает из всего этого более занимательное зрелище: из за свадебного стола молодых уводят в отдельную комнату, а затем идут „будить“ их под пение соответствующей предполагаемым обстоятельствам песни. После этого усиливают смущенье молодой своими замечаниями и садятся за „большой стол“ только после поцелуя, который при всех получает от жены новобрачный.

Шутливый принос ведра воды молодым в понедельник утром, существующий в деревне далеко не везде (т. к. во многих деревнях молодых вообще утром совершенно не трогают), в городе разыгрался в целую комедию с шутовской баней и опять таки публичными поцелуями молодых. К этой же рубрике относится „расшивание ковриги“, на которое в понедельник собираются к молодым гости. В деревне таких символических обрядов нет совсем [1]).

Наконец еще одно существенное и характерное различие в обряде городском и деревенском — это отношение к причитам и песням. Как деревня, город еще поет и причитает, но песни эти, а особенно причиты, значительно отличаются от деревенских, как количеством своим, так и стилистической обработкой [2]). Шитье приданого, происходящее в деревне под причиты невесты одновременно с пением ее подруг, в городе сопровождается одним пением, а от невесты требуется при этом только печальное выражение лица. Вместе с тем и самый причит утрачивает свой прежний характер: пока деревенская невеста картинно недоумевает:

„Уж колесом-ли оно прокатилосе,
Уж соловьем-ли да просвистало
Девье мое беспецальное житье?“

и вспоминает, как она

„...жила да красоваласе,
Уж как сыр в масле купаласе,
Уж как по блюдецку жемцюжинкой да каталасе,“—

городская невеста уныло повторяет на разные лады, что мол, родная матушка ею „не постояла, не подорожила“ и не дала ей вволю „погулять с любезными подружками“.

---

[1]) Я никоим образом не собираюсь, конечно, доказывать, что подобного рода символика, наряду с вышеописанным буженьем молодых и пр. есть продукт городской культуры, т. к. известна древность подобных и аналогичных обрядов. Отмечаю лишь, как любопытный факт, что город, откинув многое, не менее древнее, выбрал и заострил именно эти моменты.

[2]) Дать точную библиографию причитов трудно: вряд ли хоть один из них точно повторяется, где бы то ни было. Причиты разных уездов и губенний, относящиеся к одному и тому же моменту (напр. рукобитье, девишник) всегда очень близки тематически, но в большинстве случаев представляют импровизацию, в которую вставляются отдельные обращения или образы, шаблонно застывшие в причитах с давних пор.

Что касается сравненья городских и деревенских свадебных песен, то стилистическую разницу между ними отметить, пожалуй, трудно; те из них, которым удалось найти библиографию, оказались песнями довольно старыми и в новых записях почти не отразившими ничего из городской культуры. Импровизация же причит, естественно, эволюционирует легче. Между прочим, как характерную черту Пинежских (с реки Пинеги) песен следует отметить их цельность и сохранность, очень заметную при сравнении, например, с вариантами из Московской, в особенности из Псковской губ.

Мне остается остановиться еще на одной существенной детали свадебного обряда вообще—на роли дружек. По всем данным должность эта, столь значительная во многих описаниях свадебных обрядов, в нашем районе представлена почти всюду чрезвычайно бледно. Правда, нам упоминали о дружках несколько раз, иногда называли даже определенное число их, которое, по местному ритуалу, должен был иметь жених, но фактически они во всех рассказах выступали очень редко. Происходит это не потому, чтобы рассказчики не умели передать своими словами их приговоров и шуток—„выход с крюком", например, знают и бабы и могут передать его (после усиленных уговоров). Кроме того, о роли дружки можно было бы упомянуть и не передавая буквально самого текста, но о ней вообще не упоминали. Не могло быть также случайностью, чтобы из множества опрошенных крестьян в различных районах никто случайно не вспомнил об этом персонаже, вносящем обычно столько оживления в деревенскую свадьбу. Не помогали и наводящие вопросы. Приходилось заключить, что в нашем районе, не в пример многим другим, роль дружки разработана очень слабо—по крайней мере, в настоящее время. Прежние записи нашего района и окрестностей рисуют в этом отношении картину иную.

Вместо этого нам в нескольких местах удалось записать, а в других—только слышать отрывками или в упоминаниях—так называемый „выход с крюком" [1]). Насколько удалось установить, до нас один только Ефименко упоминает об этой своеобразной свадебной церемонии и упоминает как раз в записи Сурской свадьбы. Указаний на то, что „выход с крюком" живет где бы то ни было (в Архангельской или других губ.) кроме тесного Сурско-Карпогорского района, пока найти не удалось.

По существу „выход с крюком" местами очень напоминает приговоры дружки и во всяком случае теснейшим образом с ними связан текстологически. Однако, с крюком никогда не выходит дружка: эту роль берет на себя кто нибудь из приглашенных соседей, обладающий особым красноречием и остроумием. Обычно в деревнях имеются немногочисленные специалисты этого дела, которые в силу рискованности своего текста—всегда выступают

---

[1]) У нас имеются записи „крюка" из Суры, Карповой Горы (Ваймуша), Марьиной Горы, Кевролы и Покшеньги, т. е. из всех основных баз экспедиции. В г. Пинеге „крюка" не знают.

на свадебном пиру только с особого разрешения хозяина. Судя по нескольким записанным нами вариантам и отрывкам этого текста, слышанным в разных деревнях, Карпогорский „крюк“ почти без изменений, как бы заученный, живет в большинстве обойденных нами селений.

По собранным нами сведениям „выход с крюком“ бывает всегда за столом после венца и по большей части уже к концу пира, когда языки и мысли становятся более развязными. Ефименко же описывает выход в Суре перед венцом, что еще больше роднит его с приговорами дружки, которые часто приурочены особенно к моменту еды перед венцом и отправлением из дома невесты [1]). Из двух имевшихся в распоряжении Ефименко Сурских текстов „крюка“ один записан от кр. Г. Хромцова, потомки которого и в настоящее время дали нам в Суре не мало материала по свадебным песням.

Основное, чем наша запись отличается от обоих вариантов Ефименко, это крайняя рискованность многих отдельных мест нашего текста, чего совершенно нет в старых записях. Ефименко рисует „выход с крюком“ в виде своеобразного свадебного приветствия:

„Помилуй Господи, желаю здравствовать господину хозяину с любящими гостями и с гостьюшками; ехали гости не по зву (?), а по доброму делу, сватовству—ехали темными лесами, черными грязями, зелеными лугами и ракитовыми кустами, белы снега топтали куньи следы—вел куний след к девичину двору, ко невестину терему“ [2]).

Если сравнить этот поэтический образ со вступительной частью нашей записи, разница получается довольно резкая. В дальнейшем развитии наш текст не раз совпадает отдельными фразами с приговорами дружек; их роднит прежде всего тот стиль рифмованной или, во всяком случае, явно ритмизованной прозы, которою обычно никто кроме дружек на деревенской свадьбе не говорит. Сходство образов, манера обращения, самый ритм речи — все это указывает, что в данном районе «крюк» есть тот необходимый театрально-комический элемент, который в других местностях представлен в речах дружек. Некоторые места из этих приговоров совпадают с нашим „крюком“ почти дословно:

[1]) Ср. приговоры дружки: 1) у Ордина, Н.—Свадьба в Подгородн. волост. Сольвычегодск. у. Жив. Стар., ч. VI, вып. I, с. 51; 2) у Виноградова, Н. Костромская свадьба. Этногр. сб. Кострома, 1917.

[2]) Ефименко, с. 83. Следует отметить, что в старой записи „крюка“ есть и места, очень близко напоминающие новую, но тем не менее характерные в своих вариантах:

старая запись:

„Нас молодцов немного, только сорок два да один, вышло восемьдесят шесть, подари нас быком да телицей, чтобы всем было чем поделиться“...

Новая запись:

„Бык да телица,
Было бы всем по девице.

— Гордость и спесь подальше спрячь... у нашего князя первобрачного горница нова, в горнице новой есть кровать тесова, на кровати тесовой есть перина пухова, под периной пуховой есть спичка дубова; на спичке дубовой есть плетка шелкова о трех долгих концах. Первый конец долог, второй долог, третий до вашего брата очень ловок—где хвоснет, тут и кровь брызнет [1]).

При просмотре значительного количества опубликованных приговоров дружек, приходится отметить, что наш «крюк» имеет общее как раз с наиболее насмешливыми и грубыми местами, встречающимися в них. Дружки, приговаривавшие древними сказочными образами, крестившиеся и поминавшие имя божие в своих речах—нашему крюку, во всяком случае, ничего не дали [2]).

И снаряжайте ли свое чадо милое,
Голубя сизово,
Лебедя белово,
Сокола яснова,
Князя молодого первобрачного,
И садите вы ево
За столы белодубовые
За скатерти шолковые
За ясьва сахарные
За пития мидяные
Во передний угол
На белодубовую лавочку [3]).

Таких приговоров нам слышать не удавалось. Говоря о сокращении и упрощении современного свадебного обряда в Шенкурском уезде (Арханг. губ.) упоминавшийся мною выше Ф. Добрынин замечает между прочим:

— „Не поются уже старинные поэтические песни... а горланят... противную отталкивающую частушку... с циничными и нецензурными выражениями" [4]).

Это наблюдение может быть отнесено не к одной частушке. „Крюк" и некоторые свадебные песни—явно обличают не просто наивную деревенскую грубость, а известную установку на совершенно определенный эффект. Но так как нам неизвестно, что приходилось, быть может, слышать иной раз предшествующим собирателям и исследователям, которые не опубликовывали подобного материала, то считать подобные рискованные тексты наслоениями только последних десятилетий, конечно, не приходится [5]).

---

[1]) Ефименко, с. 131. Мезенский уезд. Это место почти дословно повторяется и в нашей Мезенской записи, 1927 г., но не в „крюке", а в приговорах дружки.

[2]) О приговорах дружек в Арх. губ. см. Архив Геогр. о-ва, №№ 1, 48 с. 34, 154 с. 33, 157 с. 83 (все неизд.)

[3]) Ордин, Н. Там же.

[4]) Добрынин. Свад. и кунные песни. Изв. Арх. о-ва, изуч. р. севера, 1910 № 18, с. 34.

[5]) Свадебные приговоры, близкие по характеру к Пинежскому крюку, приведены частично в „Вологодской свадьбе", В. Александрова, СПБ, 1863, с. 69.

Тем не менее наглядная эволюция Сурского крюка и на обратное движение в смысле повышения деревенской скромности отнюдь не указывает.

Таким образом произведенный анализ и перекрестное сравнение старых записей с новыми и городских с деревенскими приводит к следующим общим выводам:

1) разнообразие общественно бытовых условий, очевидное даже в пределах сравнительно небольшого района, требует возможно более точной фиксации отдельных деталей, поскольку дело идет о народном художественном творчестве, как одной из сторон общего крестьянского быта; обобщения в данной области должны делаться с осторожностью, так как внешнее единообразие в порядке обряда часто прикрывает существенно различные, бытовые особенности его;

2) художественная старина постепенно вырождается всюду, и в городе гораздо скорее и глубже, чем в деревне; [1])

3) Развитие городской культуры усиливает восприимчивость к наиболее чувственным моментам в ущерб деревенской простоте и поэзии.

[1]) См. В. Александров, Вологодская свадьба, СПБ. 1863, с. 2—3.

ТАБЛИЦА 1

Дни	Обряд г. Пинеги в 1850 г.	Общие обряды Пинежск. уезда в 1870-ых г.г.	Обряд села Суры в 1870-ых г.г.
	Сватовство	Тоже	Тоже
	Советы с родными	Тоже	Тоже
	Вторичный приход свата	Извещение родных невесты свата об ответе	Вторичный приход свата (дней через 6)
	Смотренье - (просватанье)	Пропой (рукобитье, зарученье)	Церковное оглашение (3 праздника), шитье приданого и приготовление к свадьбе
	Шитье приданого и приготовление к свадьбе	Шитье приданого	
В четверг на свадебн. неделе	Посидка (близко к соврем. посидкам в Суре)		
В пятницу	Езда невесты на могилы и к родным	Тоже Смотренье дома жениха. Вечером подруги невесты ездят по деревне и поют отпевальные песни Баня	Нет ни езды, ни смотренья дома жениха
В субботу	Баня Приезд жениха, выход на ставку; „белила". Езда родных невесты на смотренье дома к жениху	— Девишник (обрученье, смотрины) приезд жениха, причит невесты, выход невесты и жалобные песни. Все это до утра (Общее с соврем. „зарученьем")	— Посидки (близки к современ. „посидкам") Баня Присылка подарков от жениха
В воскресенье	Расплетанье косы Приезд жениха и сборы к венцу Отъезд к венцу Венчанье Приезд от венца Малый стол Сон молодых Буженье молодых и „госьба"	— Тоже Тоже Тоже Тоже Княжий стол Особая еда и сон молод. Буженье молодых	— Тоже Тоже Тоже Тоже Малый стол Сон Буженье
В понедельник	Утренние обряды	Утр. обряды (исчезают)	Утр. обряды
Через несколько дней	Госьба у родных молодого	(Исчезает)	Хлебины (через 3 дня)

ТАБЛИЦА II

Порядок обряда в Сурско-Карпогорском районе

Дни		Карпова Гора и Марьина Гора	Кеврола	Покшеньга	Сура
Воскресенье I пол. дня.		Сватанье (официальный приезд сватов)	—	—	
Понедельник I пол. дня		Просватанье	Рукобитье	Рукобитье	
Вторник		Шитье приданого			
Среда					
Четверг			Надеванье повязки		
Пятница II пол. дня		1. Посидки и расплетанье косы 2. Баня			Шитье приданого
Суббота II пол. дня		Зарученье и „белила“	„Роскливье“ и „белила“	Зарученье и „белила“ Буженье жениха	Посидки и расплетанье косы Баня Буженье жениха
Воскресенье	Рано утром	Девишник Буженье жениха		— —	
	I половина дня	Приезд жениха и сборы к венцу		Девишник	Девишник Приезд жениха и сборы к венцу
	II-ая пол. дня	Отъезд к венцу и венчанье Встреча молодых Свадебный стол		Приезд жениха Отъезд к венцу и венчанье Встреча молодых Свадебный стол	
Понедельник		Утренние обряды Отъезд на хлебины			
Вторник		Возвращение с хлебин			

1) Основной порядок—Карпогорский.
2) Чистая клетка обозначает полное совпадение с основным порядком.
3) Знак (—) обозначает пропуск в данной местности того или иного момента (или передвижение его).

ТАБЛИЦА III

Порядок обряда под г. Пинегой (д. Великой двор).

Воскресенье	Сватанье
Понедельник	Богомолье
Вторник Среда Четверг Пятница	Посядки
Суббота вечер	Баня Последняя ужна и гулянье по деревне
Ночь на воскресенье (2 ч.)	Приезд жениха и выход на наставку Сборы к венцу
Воскресенье	в 6 ч. утра—Венчанье в 8—9 ч. утра—Возвращенье от венца с 9—1 ч. дня—Малый стол с 11—11 ч. дня—Сон молодых около 1 ч. дня—Буженье молодых с $1^1/_2$ ч. до вечера—Большой стол
Понедельник	Утренние обряды (баня и др.)
Вторник	
Среда	
Четверг	Отъезд на гостьбу к родителям молодой
Пятница	Возвращение с гостьбы

З. В. ЭВАЛЬД

ПЕСНИ СВАДЕБНОГО ОБРЯДА НА ПИНЕГЕ

Область свадебной песни обычно является наиболее устойчивой, наиболее сопротивляющейся наносным влияниям, главным образом благодаря консервативным тенденциям всякого обряда. Песни, не относящиеся к определенному обряду, а тесно связанные с повседневным бытом (как, например, плясовые, протяжные, наконец частушки), тем самым подвергаются влиянию меняющихся условий жизни и гораздо более интенсивно впитывают новые интонации, заносимые в деревню извне; кроме того, свадебные песни—исключительное достояние женского хора, что также содействует некоторому их консервированию. Новые интонации, как из города, так же и из других деревень, заносятся преимущественно через мужскую молодежь, соприкасающуюся во время военной службы и отхожих промыслов с новыми музыкальными впечатлениями, тогда как женщины почти не выезжают из деревень и остаются в замкнутом кругу привычных интонаций. Поэтому свадебные песни, повидимому, представляют собою совершенно замкнутую сферу интонаций, которая резко отличается даже от протяжных песен тех же местностей.

Главнейшее отличие свадебных песен—значительно более короткая строфа и отсутствие развитых концовок и запевок, а также и более быстрое и мерное движение. Звукоряд почти никогда не превышает квинты, что также может подтвердить сравнительную давность их возникновения. Существование в Архангельской губернии особого „стиля“ свадебных песен подтверждается еще и следующим наблюдением: Пинежские и Мезенские свадебные песни связаны между собою гораздо теснее, чем все остальные виды песен этих районов. Однако, сохраняя указанные выше общие признаки, свадебные песни связаны с особенностями местных музыкальных диалектов. К сожалению, мы не имели возможности записать целиком весь свадебный цикл в каждом из обследованных нами районов, потому что перед нами развертывалась бесконечно более богатая в мелодическом отношении область вариантов протяжных песен, и мы сосредоточили работу именно на ней [1]).

[1]) Для иллюстрации этого многообразия музыкальных наречий приведу рассказ старого рыбака, везшего нас три дня в челноке из Сульцов в Выю, о том, как он вместе с другими новобранцами попал на военную службу: „Скучно нам стало; давай, ребята, песни петь. Запели—а ничего не вышло, всякая волость по своему поет“.

Свадебные же песни по большей части представлены лишь в одном варианте. Поэтому собранный нами материал по свадебной песне, именно благодаря своему разнообразию, с большим трудом поддается обобщающим выводам. Путь, которым приходится в данном случае итти—путь тщательного описания процесса мелодического формообразования в каждом отдельном случае, с большой осторожностью нащупывая почву для обобщения.

Методы, которыми я руководствуюсь в настоящей работе, согласуются с основными положениями современной музыкальной науки на Западе, деятельно разрабатываемыми ленинградской школой музыковедов. Эти основные положения сводятся к изучению всякого музыкального явления, как процесса движения—то есть импульсов его возникновения, развития, и т. д. Такого рода работа имеет целью установление ряда динамических законов, действующих в формообразовании народной песни.

Как и во всякой музыке устной традиции, в русской народной песне способ исполнения является одним из важнейших факторов формообразования. Поэтому остановлюсь несколько подробнее на особенностях хорового исполнения, наиболее ярко проявляющихся в свадебных песнях, где хор выступает в качестве активного участника обряда.

Много раз уже писалось об огромном социальном значении русского крестьянского хора, в котором, благодаря системе подголосков, каждый участвующий сохраняет индивидуальную свободу в пределах данного ритма и мелодического стержня, не разрушая вместе с тем общность музыкального действа. В этом смысле хор действительно является организующим и дисциплинирующим началом. Закономерность вступления голосов, не дающая оборваться мелодическому потоку, достигается без всякой предварительной рационализации, исключительно путем общности музыкального ощущения. Нам, привыкшим к рациональному исполнению на основе нотной записи, где все заранее предрешено, почти невозможно представить такую активность исполнения,—стихийную силу напряжения, заставляющую стремиться вперед, к непрерывному продвижению мелодического потока. Эта сила напряжения, удерживающая в рамках данного движения и вместе с тем стремительно влекущая вперед, вызывает своеобразнейшую интонацию, не передаваемую никакой, самой тщательной нотной записью. Процесс интонации в данном случае обусловливает процесс мелодического формообразования [1]).

Напряженность выражается и во внешних признаках: во время пения лица становятся меднокрасными, вены на лбу наливаются. Голоса—резкого сдавленного звука, подобного высокому регистру гобоя,—иногда доходят до визга (как известно, сдавленным, искусственным голосом и с подобной же

---

[1]) Ощущение необходимости поддерживать непрерывность звучания и признание этой непрерывности за существеннейший фактор формообразования присутствует у каждого поющего. Изолированный от хора исполнитель обычно теряется, так как паузы для дыхания, заполняемые другими подголосками, воспринимаются им, как нарушение основного принципа непрерывности. Поэтому пытаясь мысленно или вслух воспроизвести запись, всегда нужно ощущать эту устремленность непрерывного движения.

напряженностью интонации, поют все восточные народы. Пение простым, естественным голосом не считается у них за искусство).

Все вышесказанное наиболее ярко проявляется в свадебных песнях, рассчитанных на большую продолжительность времени, соответствующую той или иной части ритуала. (Эта продолжительность вызывает бесконечное повторение одних и тех же слов текста: в пении же при этом ощущается не остановка, непрерывность движения). Функция хора свадебного обряда— то быть активным действующим лицом, обращающимся к персонажам свадьбы („тысяцкий“ и т. д.), то играть роль звукового фона для речитативов невесты. Хоры эти, как уже было сказано, почти исключительно женские.

В практике крестьянского хорового пения существуют два понятия: „тонкие“ голоса (диапазон обычно a_1—a_2) и „толстые“—звучащие октавой ниже. Настоящее, мастерское пение—тонкими голосами. Только если очень трудная песня и мало поющих, то им не „вытянуть“; тогда в виде компромисса предлагают петь толстыми голосами. Обычно же состав хора смешанный, причем запевает один из верхних голосов. Нижние голоса поют в унисон, верхние же расслаиваются на два подголоска. В том случае, если в хоре есть хорошее контральто, то оно и ведет хор. Такого рода голоса сравнительно редки и очень ценятся. Хоровое исполнение всегда сковано железным ритмом, который при сложнейших ритмических фигурах не дает рассыпаться ансамблю. Мощная пульсация ритма всего яснее ощущается на унисонных устоях. К сожалению, мы не имели случая услышать свадебную песню в ее подлинном бытовом окружении, то есть на самой свадьбе. Но по жизненности ее исполнения, можно судить о том, что эти интонации еще далеко не потеряли своего бытового значения.

Перехожу теперь к своей основной задаче—описанию песен, входящих в Пинежский свадебный цикл. Записанный нами материал распределяется почти поровну между двумя основными районами обследования: Сурой и Карповой горой. Несколько песен записано в деревнях, лежащих выше Суры по течению, наконец, благодаря непредвиденной остановке на обратном пути в городе Пинеге, нам удалось записать весь цикл местных свадебных песен, к сожалению в одно и двухголосном исполнении, так как за краткостью пребывания нам не удалось услышать хора.

Весь собранный материал записан впервые и поражает своею яркостью и разнообразием мелодических типов.

I. СУРА

Характернейший признак Сурских свадебных хоров—преобладание пятидольного размера, в протяжных песнях не встречающегося вовсе. Эта пятидольность в соединении с режущей силой звука сообщает им характер архаической ритуальности. Здесь, больше чем где либо, проявлялись описанные выше особенности хорового пения. Сила и напряженность звучания такова, что в закрытом помещении нестерпимо слушать. Напор движения

настолько велик, что его невозможно остановить. У нас давно уже кончился валик, но мы были бессильны перед этой стихией...

Вот наиболее яркие типы движения Сурских свадебных песен:

„Уж ты матенька" (прил. 14[1]) Первое, что обращает на себя внимание—это необычайная, почти виртуозная затейливость и гибкость ритмического узора. При преобладающем пятидольном размере используются всевозможные группировки длительностей в этих пределах. Первая строфа сохраняет пятидольность; в последующих, в зависимости от словесных акцентов, появляются такты в $^3/_4$ и $^7/_8$. Как и в многих других хорах, запев начинается не с основного звукоряда, а в течение первой строфы модулирует и окончательно устанавливается во второй.

Но самое замечательное здесь—это полное стирание ощущения устоя. Линия, вращаясь сперва в пределах терции *a—cis*, опускается до *e* и зацепившись за *h*, уступами поднимается вверх, вливаясь в начало следующей строфы. Получается замкнутый круг движения. Благодаря большому хору, паузы на выдыхах совершенно исчезают и плетение ткани непрерывно.

„Подцасы да все под колоколы" (приложение 15, на этот напев поется „конь бежит, головой вертит"). Здесь — система движения противоположна предыдущей. Это раскачивание между двумя устоями основной кварты (*es—b*), при чем побеждает верхний (*es*). Как будто раскачался и не может остановиться медный язык большого колокола. Запев, четко пятидольный, упирается в нижний устой; последующие взмахи сперва лишь захватывают верхний; затем он упрочивается, сперва восходящей квартой нижних голосов и наконец унисонным раскачиванием над *es*.

Два рассмотренных хора представляют два господствующих в данных типах песен принципа движения: вращение и раскачивание, оба предполагающих бесконечное продолжение.

Следующие два хора записаны в деревне Засурье. (Здесь исполнение, кроме описанных выше особенностей, сопровождалось экстатическими взвизгами, которые усиливались перед устоями и квартовыми скачками. Лица опять меднокрасные и исступленные). Слова отчетливо скандируются. Ритмические акценты чрезвычайно напряженны. Оба эти хора „По мосту мостоцку" (прил 16) и „Славен город", (прилож. 17) объединены общим звукорядом (кварта *a—e*) и движением. Но в первом из них мы наблюдаем вращение, благодаря остановке и упору на неустое *gis*, требующем продолжения движения. Во втором же—это раскачивание от устоя *a*.

Разница становится в особенности ясной, если обратить внимание на положение синкопических фигур (восьмая—четверть). В первом четверть всегда *gis*, во втором—*a*. Кроме того, следует отметить во втором хоре любопытное колебание между *g* и *gis*, то есть неустойчивость вводного тона к устою. Оба хора почти униссоны, подголосок лишь незначительно расходится с основной линией. Отмечу еще, что квартовые скачки второго хора

---

[1]) Тексты ко всем помещаемым мною песням см. статью Н. Колпаковой.

все время очерчивают границы звукоряда, что создает раскачивание, тогда как в первом из хоров границы эти только затягиваются на слабых частях. Строфы варьируются сравнительно мало [1]).

Несколько особняком стоит напев: „С Костромы“ (прилож. 19) приближающийся скорее к типу протяжной (но в ускоренном движении) как по попевкам, так и по типовой концовке, четко отграничивающей строфу; следующая строфа возникает благодаря волевому импульсу (обычно запевалы), в данном случае подъему с конечного устоя на малую сексту вверх; подъему, повторяющемуся два раза в строфе, и каждый раз заполняющемуся диатоническим спуском. Это третий тип движения, который можно было бы назвать волнообразным и который, как уже было сказано, в Пинежских свадебных песнях встречается сравнительно редко. Фактура также несколько отличается от предыдущих: два верхних голоса почти все время движутся параллельными терциями, а нижний в октаву с самым верхним. В концовке вводный сверху тон приближается к *ces*.[2]) Общее впечатление менее терпкое, чем от предыдущих, и более напевное.

Песни „Тысяцкой“ (прил. 19), „Сватьюшка“ (прил. 20), записаны у старухи, славящейся как мастерская песельница. К сожалению, нам не пришлось записать хоровых вариантов этих песен. Здесь исполнение, резко отличаясь от хорового, приближается к *parlando*, слова отчетливо отчеканиваются. Пятидольный размер первой песни объединяет ее с сурскими хорами. Но структура строфы несколько иная, строфа расчленяется на две равные части устоем на *a*, тогда как основной устой—*g*. Таким образом происходит как бы соревнование между основной квинтой *d* — *g* и квартой *d*—*a*.

Исполнение „Сватьюшки“ уже вполне свободно от метра и носит характер свободного речитатива, но с сохранением четкой интонационной высоты. Кстати сказать, это единственный образчик речевой интонации (говорок), встретившийся нам в Пинежских песнях. В Заонежьи это явление наблюдается чаще, в особенности в шуточных „перевирках“.

Наконец последняя из помещаемых нами сурских песен „Из за лесу“ (прилож. 21), записанная у двух старух, и повидимому не бытующая, так как девушки ее не предлагали, резко отличается по характеру мелодики от всего предыдущего.

В Сурско-Карпогорский свадебный цикл она не входит, но текст этот широко распространен в центральных, восточных и северных губерниях РСФСР и встречается в ряде сборников.

---

[1]) Наблюдение показывает, что если при преобладании пятидольного размера, в строфе есть такт семидольный, то на него приходится наибольшее разнообразие орнамента; можно предположить, что и он образовался из пятидольного, путем его расширения, и потом окристаллизовался в строфе.

[2]) Подобного рода „мелодические нюансы“—частое явление в русской народной песне. О существовании их еще в греческой музыке говорит Т. Рейнак (Th. Reinak La musique greeque. Paris. 1926).

Помещаемый напев совершенно своеобразен. Запев, начинающий мелкое плетение на малой терции *a—fis* близок к заунывной причити; затем линия резко падает на кварту (а в верхнем подголоске на сексту *cis*) вниз от центрального устоя *fis* и также резко поднимается обратно, после чего опять возобновляется бесконечно варьируемое кружение на малой терции, на этот раз прерываемое ходом вниз (*a—gis—dis*) крайние тоны которого образуют тритон (как мы увидим дальше, эта терпкая интонация очень часто встречается в Пинежских песнях и составляет характерную их особенность). Затем возвращается начало строфы, с той разницей, что после аналогичного хода на сексту вниз, промежуток *fis—cis*, до сих пор остававшийся пустым, теперь заполняется. Но это сопровождается модуляцией в кварту *dis—ais* лежащую на терцию ниже основной. Конец строфы возвращается к нижнему устою основной кварты, при чем мажорная терция над ней при начале следующей строфы сменяется минорной. Как будто сопоставление *fis—dur и fis—moll.* Только высоко развитая мелодическая культура могла создать строфу такой сложности и смелости. Следует заметить, что все указанные мной детали отнюдь не являются случайными; они повторяются с достаточной точностью в записанных нами трех строфах, лишь незначительно варьируясь.

Напев этот почти идентичен с рекрутской „На широкой славной улице“, которая отличается от него только шаговым метром, присущим солдатским песням. Это еще более подтверждает существование особого стиля свадебных песен. Рассматриваемый нами напев, совершенно обособленный от остальных свадебных, оказывается тесно связанным с протяжными песнями.

В такой же мере мало связаны с общим характером сурских хоров две песни, записанные в деревни „Поганец“ на противоположном берегу Пинеги у славящихся на несколько десятков верст кругом двух старух, совершенно исключительно владеющих искусством двухголосной импровизации.

Мелодическое искусство это настолько своеобразно, что должно явиться темой специального исследования. Обе свадебные песни спаяны с общим стилем поганцевских мастериц, не могут быть рассмотрены вне его особенностей.

II. КАРПОВА ГОРА

Район Карповой Горы по своему музыкальному языку отчасти связан с Сурой, хотя во многом представляет существенные отличия. Несмотря на то, что центральное селение, Карпова Гора, с многочисленными лавками по внешнему виду значительно более похоже на провинциальный городок, чем Сура, однако здесь влияние городской песни ощущается еще меньше, чем там. Область свадебной песни еще более разнообразна и интересна.

Рассмотрю сперва два хора, близкие к Сурским. „На горе, на высокой“ (прилож. 22) обнаруживает несомненное сходство с „Конь бежит, головой вертит“ (прилож. 14) и относится к тому же моменту обряда (приезд жениха). Так мелодический оборот второго такта прил. 22 сходен с

началом прил. 14. Точно также концовки строф, укрепляемые кандансирующим шагом нижних голосов на кварту вверх. Но исполнение последнего хора (прил. 22) носило значительно более импровизационный характер, быть может от случайного подбора певцов; эта же импровизационность сказывается в прекрасном запеве первого такта и в неожиданной модуляции в кварту, лежащую на тон выше (из *e-h* в *fis-cis*), что для сохранения структуры основной кварты потребовало повышение *e*. Повышение это происходит не сразу а постепенно. Начиная с третьей строфы, напев устанавливается, и тенденция к повышению *e* исчезает. Обращаю внимание на интереснейшие концовки строф, приближающиеся к концовкам полифонического искусства XV века (такт 18). Следующий хор „Гай“ помещен в двух вариантах: Сурский (прилож. 23) и Карпогорский (прилож. 24). Этот последний записан в деревне Кеврола на левом берегу Пинеги.

В Сурском варианте запев не сразу нащупывает основной звукоряд, но там где он установился, звукоряды обоих вариантов совпадают. Это один и тот же, чрезвычайно терпкий для нашего слуха звукоряд с характерным для Карповой Горы тритоном: малая терция, большая секунда и малая секунда. Сурский вариант отличается расширением второго такта строфы в семидольный; кеврольский строго сохраняет пятидольность.

Все три рассмотренных хора относятся к типу движения, раскачивающегося от центрального устоя. Остальные хоры Карпогорского района представляют такую пеструю картину мелодических типов, что пока нет возможности свести их к немногим типовым признакам. Так, в двух последующих хорах, записанных у одних и тех же исполнительниц в деревне Ваймуши, опять при сохранении традиционной пятидольности, характер движения совершенно различен. В песне „Золото с золотом“ (прилож. 25) движение направлено вниз, к тяжести устоя *c*, вызванной по всей вероятности тяжелыми ассонансами текста:

Золото с золотом свивалося
Жемчуг с жемчугом сокатался
Федор с Аксиньей сходился
За единый стол становился.

При этом ритмический устой, то есть большая длительность—не на *c*, а на *es*, возвращающем к вершине кварты *f—c*, что не дает установиться равновесию и вызывает продолжение движения, т. е. опять принцип вращения.

Наоборот в следующем хоре: „Кругом, кругом“ (прилож. 26) в основе движения лежит стремление вверх: зерно его в начальной интонации (*e—dis—fis*, с упором на *fis*); остальная строфа есть лишь развитие этого же движения в виде большей волны. И здесь, как в предыдущем, увеличение длительности на устое *e* вызывает продолжение движения, совпадающее с первым сильным акцентом текста („катилось“).

Помимо господствующей пятидольности, среди свадебных песен Карпогорского района попадаются и двуходольные. Таковы два варианта песни: „Ай белокаменны палаты“, не помещаемые за недостатком места. Чрезвычайно интересен тот факт, что резко отличаясь от Сурско-Карпогорского интонационного стиля, они более приближаются к двум песням, записанным в деревне Сульцы (на 30 верст выше Суры).

Помещаем одну из них в виду ее исключительного своеобразия „Что сказали по Федора“ (прилож. 27). Обе Сулецкие песни отличаются совершенно непередаваемой в нотной записи убедительностью интонации и четкостью шагового метра.

Каждый тон мелодической линии вполне осознан, как в отношении высоты, так и длительности; полное отсутствие блуждания интонации. Вместе с тем—это далеко не кристаллизованный напев. Он обладает поражающей жизненной силой и стремлением вперед. Мерный ритм, в котором доли такта отчетливо скандируются, сообщает впечатление торжественности. Мелодические приемы очень близки к Поганцевскому двухголосию (см. ст. Е. В. Гиппиуса „Культура протяжной песни“). Система интонации отчасти напоминает песню: „Из за лесу“ (прил. 21)—то же вращение в пределах терции с преобладанием упора в середине, тогда как устой внизу. В конце строфы появляется упор на незаполненную нижнюю кварту (мелодическую доминанту) от основного устоя, вводящую в начало следующей строфы. Кроме того, характерная концовка (такт 15) встречается в одном из вариантов песни: „Ай, белокаменны палаты“, о которой говорилось выше.

Перейдем теперь к исключительно своеобразному явлению музыкального быта Карпогорья—внедрению в свадебный цикл чуждого интонационного материала — исторической песни про князя Долгорукого. Этот обычай существует во всех деревнях, окружающих Карпову Гору и пользуется широкой популярностью. Песня, записанная нами, исполнялась с неподдельным увлечением и никоим образом не являлась археологическим обломком.

Песня эта „Нам не дорого ни злато“ (прилож. 28), исполняется обычно смешанным хором. Практика смешанного хора в Карпогорье распространена, повидимому, значительно более, чем в Суре, и фактура хоров чрезвычайно интересна. Но, поскольку свадебные песни обычно поются женским хором, рассмотрение фактуры смешанных хоров слишком вывело бы меня за пределы намеченной темы. Укажу лишь, что в данном примере, благодаря поочередным вступлениям мужских и женских голосов, создается необыкновенная яркость музыкальной ткани. Шаговой метр песни, также как и текст, указывающий на ее происхождение от песен военной дружины, в конце строфы нарушается тактом в 5/4, при чем весь конец интонационно объединяется с местными протяжными песнями, с их характерным тритоном (*g—des*).

Мы лишь мысленно можем представить себе необыкновенный колористический эффект, производимый этой песней во время свадебного ритуала,

когда она является острым контрастом с общим интонационным фоном свадебных песен.

О силе воздействия обрядовых интонаций в их настоящем бытовом окружении мы можем судить по следующему случаю: в деревне Шотова Гора (в 6 верстах от Карповой Горы) мы нашли любопытнейший образец хоровой причити, являющейся таким же фоном для надрывного плача, как и многие свадебные песни. После того, как мы записали на фонографе причит, так же и голосящую невесту, собравшиеся женщины предложили попробовать записать то и другое одновременно, т. е. так как это звучит по настоящему. То, что мы услышали, по силе впечатления не передаваемо никакими словами. Острота звучания заключается в соединении исступленной речевой интонации невесты и эпически бесстрастного плетения голосов трех причетниц. Каждая фраза невесты начинается с высокого пронзительного выкрика и постепенно спускаясь (*glissando*), затихает. Фразы разделены паузами, во время которых хоровая причить выступает на первый план и с началом новой строфы невесты снова стушевывается, заглушаясь ею. Благодаря этому чередованию получается своеобразная ритмическая пульсация.

Нет сомнения, что эти интонации явились в свое время в результате глубокого эмоционального переживания. И по сейчас они еще не потеряли силы воздействия. Многие женщины плакали навзрыд...

Хоровая причить (прилож 29) по сравнению с заонежскими сольными причитями, исполняемыми профессиональными причетницами, эта причить, предназначенная служить звуковым фоном, обладает всеми свойствами хоровых свадебных песен, т. е. стремлением к продолжению движения. В помещенном нами примере совершенно не передаваема в записи интонация терции *es*, звучащей то ниже то выше, но ни разу не совпадающей с малой терцией, что еще более увеличивает общее впечатление текучести интонационной линии.

Разбор системы подголосков выходит за пределы моей темы, поэтому ограничусь лишь указанием на то, что Сурские свадебные хоры более богаты мощными унисонными звучностями, тогда как в Карповой Горе чаще замечается расщепление на три линии и образование этим путем троезвучий, т. е. впечатление большой гармонической насыщенности.

III. Г. ПИНЕГА.

Перехожу теперь к последнему циклу—13 свадебным песням, записанным в дер. Великий двор около г. Пинеги. По причинам, указанным выше, все они записаны у одной и той же исполнительницы, пользующейся репутацией песельницы, почти профессиональной. Благодаря записи у одного лица, песни объединены крайне определенным мелодическим стилем, но мы совершенно не можем сказать с уверенностью, что именно этот стиль характерен для всего района г. Пинеги, не имея для этого точных данных. Факт тот, что стиль записанных в Пинеге свадебных песен абсолютно от-

личается от всего предыдущего. Ни одна из песен даже не напоминает Сурско-Карпогорских хоров, с их специфической пятидольностью и терпкими звукорядами. Здесь или четкая двудольность или, что совсем удивительно, трехдольность типа мазурки (две восьмых, четверть, четверть). В трехдольном же размере характерная концовка (прил. 33 XII) в Сурско-Карпогорских песнях вовсе отсутствующая.

Что касается звукорядов, то в них в большинстве песен замечается избегание полутона столь свойственного Сурско-Карпогорскому району. Он зацепляется лишь слегка, большей частью на слабой доле такта. Таким образом интонационная система слагается преимущественно из тех возможностей, которые дают последовательности больших секунд, терций и кварт. Наиболее часты следующие мелодические обороты (см. прилож. 33), из различных комбинаций которых и образуется мелодический узор. Помещаю одну из таких песен, в которой указанные особенности довольно ясно выражены („У броду“ прил. 30).

При описании песен г. Пинеги я сознательно воздерживаюсь от рассмотрения типов движения, ограничиваясь указанием наиболее характерных мелодических и ритмических деталей. При одноголосном исполнении, вследствии частых пауз на выдыхе, трудно составить правильное представление о подлинном характере движения.

Кроме описанного выше мелодического типа, до некоторой степени знакомого нам по имеющимся сборникам песен других великорусских областей, намечается еще один, в котором присутствие полутона, наоборот, подчеркивается; отсюда большая напряженность интонации, хотя попевки в общих чертах совпадают с предыдущим.

„Не куна жалобилась“ (прилож. 31). Наконец последняя из помещаемых нами песен: „На горе деревцо“ (прилож. 32) по попевкам и движению связанная с основным типом, представляет значительный интерес, благодаря импровизационности исполнения.

Из шестнадцати строф, записанных на фонограф, ни одна не повторяется в точности. Каждая начинается с нового запева, органически продолжающего предшествующую концовку, благодаря новой ритмической формуле, получающую необыкновенную пластичность. Поэтому, вместо кругообразности строфических песен создается впечатление непрерывного поступательного движения. (Не то же ли очарование в ритмических рядах стремящихся во след друг другу курочек на росписях старых прялок?). Хотя преобладающий размер в этой песне $^5/_4$, но он не имеет ничего общего с $^5/_8$ Суры и Карпогорья. Там—прихотливый ритмический рисунок, все время меняющийся; здесь—строго соблюдается свойственная данному стилю ритмическая формула (две восьмых, четверть), придающая движению мерность и спокойствие.

Так же сильно различие и мелодического контура: в Пинежских песнях почти полное отсутствие скачков, преобладает движение по секундам и терциям; совершенно немыслимы два скачка подряд, как например в Сур-

ском хоре (прил. 14). Кроме того, для пинежских песен характерно наличие четко очерченных концовок.

Повторяю, делать какие бы то ни было выводы из этого сравнения пока еще преждевременно. Очевидно, что пинежская интонационная система возникла несколько иным путем, чем Сурско-Карпогорская. Но, если из сравнения двух обрядов ясно вытекает влияние города на Пинежский, то с песенной интонацией дело обстоит несколько иначе; в имеющемся в нашем распоряжении мелодическом материале типично городские интонации почти отсутствуют, что объясняется, конечно, все той же консервативностью обряда. Столь резкое различие интонационных систем объяснится по всей вероятности лишь тогда, когда будет ясна песенная культура низовьев Пинеги и всей северной части Архангельской губернии.

Е. Э. КНАТЦ.

„МЕТИЩЕ"—ПРАЗДНИЧНОЕ ГУЛЯНЬЕ В ПИНЕЖСКОМ РАЙОНЕ [1])

Не легко и не весело складывается жизнь северной русской девушки и женки. Земля прокормить не может. Отцы, мужья и братья уходят в город или в лес на промысел. А женщины, сидя дома и коротая долгие зимние вечера за прялкой и за краснáми, стараются побольше сами на семью сработать, чтобы меньше покупать пришлось, и одевают в будни всех, от мала до велика, в „портно"—холст и прочную пестрядь. Летом работа переносится в поле или в лес; будничная жизнь складывается и здесь серо и однообразно.

Уже в самые далекие времена русский народ разбил монотонное течение своей трудовой жизни яркими пятнами праздников, Ярилиных дней; христианство слило эти праздники с почитанием христианского бога и святых. В современной деревне значение последних совсем стушевалось, они являются только пережитками. Но праздники остались.

В каждой деревне Пинежского района есть свой главный весенний или летний праздник, на который происходит в деревне гулянье. В этот праздник съезжаются гости из соседних деревень, собираются родственники и из далека; даже приезд на побывку из города или возвращение со сплавных работ стараются приурочить к этому празднику. Празднуют и Петров день, и Ивана Купала, и Ильин день, но одним из самых популярных праздников является „Девятая Пятница", т. е. девятая пятница после Пасхи. День этот отмечается особенным весельем во многих местах наших северных и средних губерний. В с. Незнанове, Ряжск. у., Рязанской губ. на девятую пятницу бывала большая ярмарка. В Бежецком уезде Тверской губ. крестьяне еще в 1915 г. не работали ни одну из пятниц после Пасхи вплоть даже до десятой пятницы, которая отмечалась ярмаркой и настоящим праздником. „Девятая" и „Десятая Пятница" связывались в представлении крестьян с одной из любимых святых русского народа, с Параскевой - Пятницей, культ которой своими корнями уходит в далекую и глубокую старину. О таком соединении свидетельствует то обстоятельство, что ярмарка в „Десятую Пятницу" предварялась молебном в часовне, храмовой праздник которой был день, посвященный св. Параскеве Пятнице—28 октября (д. Юрово, Бежец-

[1]) Настоящая статья является обработкой материалов, собранных членами экспедиции: К. К. Романовым, И. В. Карнауховой, Е. Э. Кнатц, Н. П. Колпаковой и А. Д. Стена.

кого у., Тверской губ.), а в д. Шардомени Пинежского района праздник с Воздвижения (14 сентября), в честь которого был престол в местной церкви, был перенесен не на 28 октября, как было бы естественно в связи с часовней Параскевы Пятницы, а на Девятую Пятницу, более удобную по климатическим условиям.

В районе, захваченном работами нашей экспедиции, „Девятая Пятница“ очень почитается. В этот день (24-го июня в 1927 году) гулянье было в д. Шардомени и на Марьиной Горе, отстоящих и та и другая на 16 верст от нашей основной базы—Карпогорья, так что, разделившись на груп-

Рис. 1. Праздник в д. Чуркиной (Марьина Гора). Поклон девушек при приходе на „метище“

пы, мы могли наблюдать праздник в двух местах и отметить некоторую разницу в праздничных обычаях и обрядах [1]).

Много дум и разговоров предшествуют самому празднику. Вся женская молодежь соседних с празднующими деревень обсуждает вопрос о поездке, о нарядах, которые надо брать с собой. Сборы действительно большие: надо иметь родных или подруг, где бы остановиться и „гостить“, надо забрать

[1]) В Шардомени работали П. В. Карнаухова, И. М. Левина и А. Д. Стена; в Марьиной Горе—К. К. Романов, Е. Э. Кнатц, Н. П. Колпакова и фотограф А. С. Данский.

с собой достаточно нарядов. Праздник длится три дня и распадается на ряд отдельных праздничных моментов большей или меньшей важности и насыщенности. Каждый такой момент носит название „метище“. Начинается праздник „дневным метищем“ в пятницу от 15 ч. 30 м. до 20 ч. 30 м., затем после небольшого перерыва наступает „ночное метище“ от 22 ч. до 1 ч. ночи; на другой день собираются часов в 10 на „утреннее метище“, затем в 15 ч. (Марьина Гора) или в 17 ч. (Шардомень) на „большое метище“; за ним идет снова „ночное метище“; в воскресенье собираются снова утром и затем расходятся и разъезжаются по домам. Первый день называется „зачинка“, второй—собственно „праздник“ и третий „третье“ (Шардомень). Центральным моментом всего праздника является „Большое метище“ или дневное метище второго дня. На каждое метище девушка, согласно укоренившемуся обычаю, должна появиться в другом наряде. Таким образом, направляясь на праздник, она должна принести с собой не менее 5 смен костюмов, причем в каждую смену входят непременно два сарафана, так как обычай требует от девушки, чтобы, идя на метище или возвращаясь с него, она подбирала свой длинный сарафан, из под которого при этом должен быть виден второй, играющий роль нижней юбки [1]). Самый лучший наряд надевается на „Большое метище“.

Собираясь на „дневное метище“ первого дня [2]), девушки чинно становятся в ряд на лужайке, в стороне от проезжей дороги у амбарчиков, и поют песни. Всякого едущего или идущего на праздник человека девушки приветствуют поясным поклоном, кланяясь не одновременно, а друг за другом, начиная с края, откуда движется гость, и необычайно стройно, как будто по ним как по выколосившемуся полю пробежала волна. Когда соберется достаточно длинный ряд девушек, а кругом на бревнах и у амбарчиков наберется достаточно зрителей: парней, женок и мужиков, девушки становятся парами и начинают „ходить“ с песнями: „Хожу я по травке“, „Коіо то нет, того мене жаль“, „Отлетае мой соколик“, „Кинареечка прелестна, утешай горе мое“, „Раз молоденькой“ (Шардомень), „Что же ты моя черемушка да рано расцвела“, „Что ж ты, Ваня, разудала голова“, „Долина, долинушка, раздолье широкое, гулянье веселое“, „Ужь ты голубь ли голубь, голубоцек“ (Марьина Гора) и „Раздуй, развей, погодушка, калинку в саду“ (Марьина Гора и Шардомень). Движения девушек очень медленны, строго рассчитаны и обдуманны, ни одного лишнего шага, ни одного лишнего жеста, ни, даже, взгляда.

Пройдя друг за другом парами под песню шагов 30—35, вся группа девушек поворачивает на 90°, девушки каждой пары становятся лицом друг к другу и продолжают петь. Постояв так минуты три, девушки снова по-

---

[1]) Иногда девушки надевают один на другой до 5-ти сарафанов.

[2]) Дневное метище первого дня и утреннее метище второго происходят отдельно в деревнях Верхней и Чуркине, входящих в состав Марьиной Горы, для главных же моментов праздника: „большого метища“ и „ночных метищ“ все сходятся в д. Чуркине, большей по размерам и удобнее расположенной.

ворачивают на 90° и двигаются в направлении обратном их первоначальному движению. Дойдя до места, с которого они начали хождение, девушки снова поворачиваются лицом друг к другу, продолжают петь и, постояв, поворачиваются и возобновляют круг движения танца (см. рис. 2 и 4).

Эта игра носит название „имки", от слова „имать", так как одна девушка при хождении парами „имает" другую. После нескольких повторений этого однообразного движения, девушки, останавливаясь, становятся уже не лицом, а спиной друг к другу. Это означает, что кавалеры могут к ним подходить, чтобы „ходить" вместе. Девушки выходят парами из „череды" (Шардомень), робко подходят и поясным поклоном и словами: „пойдем ходить" приглашают парней. Те отговариваются, рекомендуют поискать

Рис. 2. Праздник в д. Чуркиной (Марьина Гора)

холостых, уверяя, что не все они холосты. Приглашение повторяется, но снова не находит сразу ответа. Парни так долго не приглашают девушек потому, что среди них распространен взгляд, что торопиться с ответом на приглашение девиц зазорно; первый подошедший всегда подвергается насмешкам. Девушки смущенно возобновляют хождение. Протяжные песни сменяются частушками (Шардомень) обычно о „дроле", „миленочке", гулянье, о тоске от разлуки и о зажженом сердечке.

Когда девушки в своем хождении подойдут близко к парням и станут друг к другу спиной, парни понемногу начинают подходить к девушкам в их „имках", становятся каждый против выбравшей его девушки; последняя приветствует подошедшего поясным поклоном, он отвечает рукопожатием, и движение возобновляется, причем по сторонам девушек идут, подпевая

им, парни (рис. 3 и 4). Парней на празднике значительно меньше, чем девушек, и многие из них не принимают участия в игре, так что ряд получается сбитый: местами двойной, местами кавалер идет около пары с одной стороны, а некоторые пары остаются вовсе без кавалеров.

Все парни одеты в пиджаки, у многих под пиджаком белая коленкоровая рубашка, вышитая по вороту, на груди и на рукавах красной, синей и черной бумагой узором чисто городского характера. Некоторые парни вместо обычной фуражки носят финского типа мягкие шляпы, и на ногах их

Рис. 3. Праздник в д. Чуркиной (Марьина Гора)

не русские сапоги, а городские ботинки. Наибольшее внимание привлекают парни в полном городском туалете: в летнем черном пальто с бархатным воротником, в рубашке с мягким стояче-отложным воротником, стянутым цепочкой, с серым длинным узким галстуком, в серых брюках, загнутых внизу, и в серой кепке с коричневым кожаным козырьком, или с новыми галошами на ногах, несмотря на совершенно сухую погоду.

Нагулявшись в этом однообразном танце вдоль „боровинки"—полянки, девушки останавливаются и, постояв и сговорившись о сборе на ночное метище, подбирают сарафаны и парами расходятся по домам закусить.

Отдохнув, подкрепившись и переодевшись, девушки на этот раз большею частью в кофтах, сшитых отнюдь не модным фасоном, а в талью и с неуклюжими рукавами, собираются на „ночное метище". Местом его является улица главного из поселков, составляющих Марьину Гору, или прежняя боровинка около Народного Дома в Шардомени. Когда большин-

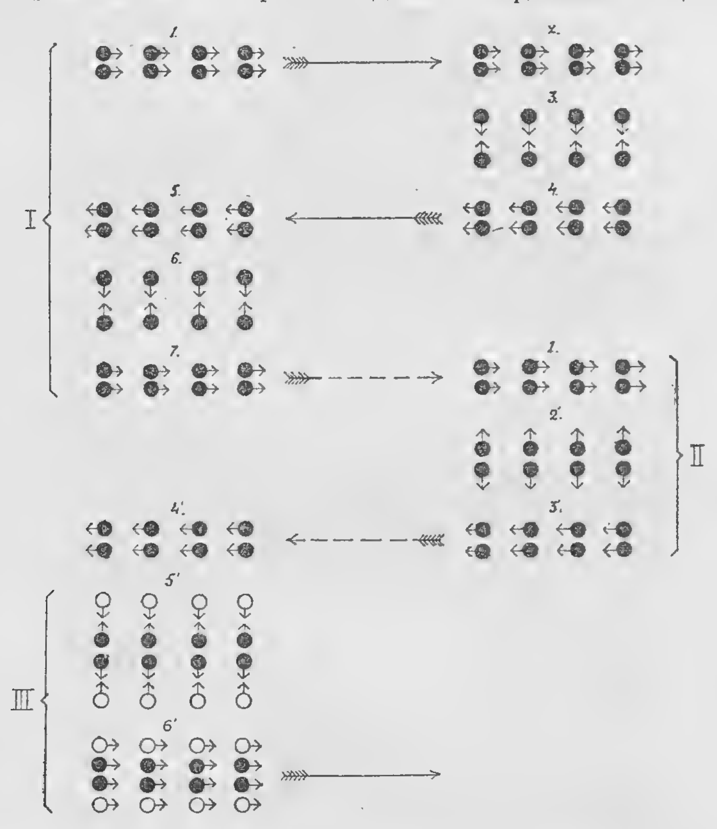


Рис. 4. Схема „хождения" на праздниках. Черными кружками обозначены девушки; белыми—парни

ство гуляющих, заходивших одни за другими, оказываются в сборе, девушки начинают петь частушки. Некоторые из них чрезвычайно характерны для момента, например:

„Меня комарики кусают,
Неужели заедя,
Меня соседушки ругают,
Неужели за тебя."

Действительно нападения комаров настолько жестоки, что некоторые девицы приходят на ночное метище в нитяных перчатках, а иногда даже в шерстяных и в толстых шерстяных чулках. Пропев несколько десятков частушек, девушки возобновляют хождение, подобное дневному, снова под песню „Раздуй ко, развей...". Но скоро из рядов девушек начинают выделяться пары, которые подходят каждая к одному парню, приглашают его, кланяясь в пояс и называя по имени и отчеству, гулять и проходят дальше вдоль деревни. Парни не сразу следуют за пригласившей их парой, а нагоняют ее шагах в 15—20. Как только кавалер приближается сзади к паре, обе девушки снова, не оборачиваясь, кланяются ему, уступают ему место между собой и начинают уже с ним втроем ходить взад и вперед вдоль деревни по строго ограниченному для каждой деревни пространству; зайти за этот предел (часовня и околица деревни для д. Чуркина) считается нарушением правил приличия, и девушка допустившая это—опозоренной (Марьина Гора). В д. Шардомень „имками" называется именно это хождение втроем с парнем, и там рассказывают, что еще в 1924 г. в это время начиналась игра „имки" — где две девушки и парень не гуляли степенно вдоль улицы, а бежали вперегонки до определенного пункта деревни. Около часу ночи официальное гулянье вдоль деревни прекращается поклоном девушек. Местами (Шардомень) вслед за этим начинаются неофициальные прогулки девушек (по две) с кавалером уже не вдоль улицы, а в ближайшем лесу.

На другое утро девушки встают поздно и после утренней закуски с пивом отправляются в сравнительно еще простых костюмах на „утреннее метище". Тут впервые появляются „повязочницы", девушки, сохранившие нарядный головной убор прежних лет, „повязку" (рис. 5) но их еще мало, так как на утреннее метище молодежь группируется снова по отдельным деревням. Игры и песни этого собрания вполне совпадают с таковыми же на дневном метище первого дня.

На „Большое" метище собирается народ отовсюду: к этому времени съехались уже все гости, угостились и собираются к месту, отведенному для праздника.

Девушки, с помощью молодых и старых женок, с волнением заканчивают свой туалет. Из сундуков извлечено все самое лучшее, все прилаживается одно к одному; часто отвергается и сменяется какая нибудь мелочь из наряда, которая не пристала к остальному. [1]) Все мало мальски доста-

[1]) Укажу для примера несколько из зафиксированных нами красочных соединений в костюмах: 1) костюм девушки на утреннем метище второго дня в д. Чуркине—сарафан шелковый лиловый с голубым шанжан, рубаха белая, „шалюшка" на голове светло-голубая с цветами, ленты на рукавах синие, пояс светло красный, на шее янтари и серебряная цепь; 2) сарафан сине-зеленый шанжан канаусовый, пояс темно синяя лента, „шалюшка" светло абрикосовая, ленты в косе и на рукавах голубые, на шее янтари; 3) светло-синий сарафан, пояс—синяя лента, „шалюшка" палевая, ленты в косе красная и пестрая полосатая с преобладанием красных и синих тонов, на шее янтари и серебряные цепочки (ср. рис. 5); 4) сарафан матовый шелковый густого голубого тона, пояс—светло-розовая лента, шалюшка палевая, ленты в косе голубая, на рукавах—синие, на

точные девушки выходят на „Большое метище" в шелковых сарафанах и стремятся к этому дню завести новый, модный сарафан. В этом году модными были однотонные светлосиние шелковые сарафаны, на втором месте стояли сарафаны шанжан сине-лиловых и сине-зеленых тонов, и с сожале-

Рис. 5. „Повязочницы" на празднике в д. Гора (Сура)

нием смотрели девушки на подруг, надевших за неимением другого узорный красный шелковый сарафан, несмотря на то, что для постороннего зрителя он казался, может быть, наиболее интересным. Сарафан по талье подвязывается однотонной широкой лентой или поясом домашнего произ-

шее янтари и серебряные цепочки. Последние три костюма зафиксированы на „Большом метище" в Марьиной Горе.

водства, плетеным или тканым. „Полурубашье“ нарядная рубашка, обычно без пришитой к ней подставы или станушки, так как она надевается сверх другой рубахи, а иногда и сверх двух рубах, всегда белая с широкими сборчатыми рукавами, перехваченными около кисти неширокой обшивкой, обычно вышитой красной, синей и черной бумагой; на кисть спускается оборочка, заканчивающаяся обычно покупным кружевом. Обшивка при полном наряде не видна, так как она закрывается лентой с большим бантом. Ворот у рубахи высокий с плиссе или узенькой оборочкой. На голову повязывается лучшая шаль—или „шалюшка“—шелковый камчатной ткани платок, довольно больших размеров. Тона этих шалей на празднике поражают своей мягкостью; преобладают тона: белый, крем, палевый, серебристый, светло-абрикосовый с нежно выступающим на них браным узором, и лишь изредка выделяется среди них красно-кирпичная шаль с ярко синим узором. Зато из под платка спускаются самых ярких тонов широкие ленты, прикрепленные к косоплетке. Тут преобладает красный и синий тон, много видно лент пестрых, клетчатых и полосатых. Девушки богатые прикрепляют не одну, а две—три ленты. На шею тоже надевают различные украшения. У каждой состоятельной девушки четыре нитки крупных, подобранных по величине янтарей и по одному или по два серебряных креста на широких цепочках (часто носят только цепочки, так как крест не выпускается наружу, а прячетея под сарафан). Некоторые надевают и „перло“ узенькую ленту, плотно прилегающую к шее с нашитыми на нее бусинками под жемчуг или „перлышко“—голубые, белые или серебряные мелкие бусы. На руках браслеты и кольца. Девушки в таком наряде носят название „кокушниц“.

Самые богатые девицы, из семей которые чтут старину, приходят на главный праздник еще более нарядными; они накладывают на голову парчевые высокие шитые бисером или даже жемчугом с поднизями „повязки“ и в силу этого называются „повязочницами“. [1]) Повязки шьются из двух полос широкого парчевого галуна, поверх которого вышивается бисером сетка орнамента. Внутри повязка подбивается кумачем, а иногда шелком—обычно красным или белым. С повязкой связаны и другие части старинного костюма. Девушка „повязочница“ надевает сверх сарафана „полушубочек“, род парчевой короткой верхней одежды без рукавов, с крупными складками на спине, похожей на „коротену“. Под лямки сарафана и полушубочка накладывает она два „плата“, которые выпускаются углами по сторонам груди и на рукава; эти платы за редкими исключениями бывают канаусовые, ярко красные, киноварные. На руках повязочница всегда держит „шалюшку“—больших размеров браный в крупные узоры шелковый сложенный платок. Шея повязочницы украшается еще бо̀льшим количеством нитей янтаря, цепочек и перлышек. В остальном наряд повязочницы совпадает с нарядом кокушницы (ср. рис. 5 и 6).

---

[1]) Ношение повязок за тяжелые годы гражданской войны и последовавшей за ней экономической разрухи совершенно прекратилось и возродилось лишь в последние годы.

Наряженная таким образом „повязочница“ производит впечатление большой торжественности и важности, и все движения и поступь ее совершенно невольно становятся торжественными и размеренными. В настоящее время повязочниц в деревнях уже мало—материальные условия не позволяют

Рис. 6. „Повязочница“ и „Кокушница“ на празднике в д. Красной в Покшеньги

заводить вновь или даже поддерживать в исправности такой костюм, да и новые течения начинают с ними борьбу. Все же на „Больших метищах“ в Марьиной Горе и в Шардомени было их человек по 6—8. [1]) Собираясь

[1]) На празднике в Горах близ Суры 19 июня было 2 повязочницы, а на Иванов день в д. Красном близ Покшеньги была только одна повязочница.

на метище повязочница никогда не пойдет одна, она подбирает себе пару из подруг повязочниц или кокушниц и идет вдвоем или вчетвером, и притом не слишком рано, чтобы дать собраться публике и не долго ждать начала игры. Подходя к собравшимся, группа девушек (одинаково повязочниц или кокушниц) останавливается шагов за 20—30 и стройно отвешивают три ритуальных поясных поклона (рис. 1), [1]) затем подходят к группе девушек и снова кланяются в пояс, получая в ответ лишь поклон головой.

Повязочницы при „хождении" являются всегда „водительницами" (рис. 2), т. е. начинают движение в первых парах, и только после всех повязочниц выстраиваются пары кокушниц. На „Большом метище" в хождении участвуют пар 30 девушек. Они попрежнему „ходят" вдоль полянки с песнями: „Ты раздуй, развей, погодушка!", „Между реченькой, да между быстрою", „Канареечка прелестна!", „Не за реченькой слободушка стоит" и т. п. Затянув песню: „Златое, витое колецко", девушки начинают оборачиваться друг к другу спинами, приглашая этим парней к общему гулянью. Кавалеры, как и накануне, заставляют себя долго ждать, куражатся над девушками, тем более, что большинство из них уже на-веселе.

В дальнейшем ритуал праздников Марьиной Горы и Шардомени расходится. На Марьиной Горе парни подходят к девушкам, и как и накануне на дневном метище, становятся по сторонам девушек (рис. 3) и начинают вместе с ними ходить в шеренге вдоль поляны (на 56 девушек ходит 16 парней), разговаривая с девушками или подпевая их песням. В Шардомени же ход „Большого метища" в дальнейшем напоминает ночное метище предшествующего дня: парни выбирают девушек, выбранные пары кланяются в пояс, выходят из рядов и с кавалером посередине начинают гулять вдоль деревни с песнями: „Голубь сизый, голубочек", „Соловеюшко, парень молодой", „Во чисто полюшко, да свою волю", „Первый молодец по Невскому", „Отлетае мой соколик" и др. Остальные девушки в это время стоят шеренгой друг к другу спинами.

В этот момент праздника в Шардомени ярко сказывается борьба старого и нового начала. Парни, часто выезжающие из деревни, все больше и больше отстают от старины и вносят даже в отдаленную Архангельскую деревню струю новой жизни. Ни один из парней не появляется на празднике в старинном костюме; он у них и не сохранился. А некоторые, как мы видели выше, одеваются совершенно по городски, хотя городской костюм еще не вполне пристал к их общему облику, они еще кажутся в нем наряженными для маскарада. Скинув свой старый костюм, парни стараются в этом же направлении влиять и на девушек и ведут борьбу против повязок. Они убеждают девушек, что наряд повязочницы, чрезвычайно стеснительный и сложный, устарел, что при современном строе носить его невозможно, так как он стоит очень больших денег и выделяет буржуазные элементы деревни. Однако, несмотря на то, что отсутствие необходимых товаров для

---

[1]) Некоторые отвешивают по три поклона как деревне, так и прежде пришедшим.

поддержания старинных костюмов и дороговизна их делают свое дело, парням кроме убеждения приходится прибегать к более энергичным средствам в своей борьбе, к своего рода бойкоту. Парни на праздниках „мурыжат" повязочниц. Так как парней на празднике по условиям экономической жизни деревни значительно меньше, чем девушек, ряд девушек остается совсем не приглашенными. Кокушницы при этом могут выйти из рядов, повязочницы же, согласно обычаю, обязаны стоять не шелохнувшись. Простоять так до конца метища считается несмываемым позором; девушку дразнят после этого, называя ее „сухарем" или спрашивая „сколько она насушила сухарей". На „Большом метище", когда наступает момент парням приглашать девушек гулять тройками вдоль деревни, они, заранее сговорившись, приглашают в первую очередь кокушниц, оставляя повязочниц стоять в шеренге, ожидая очереди быть выбранной. Повязочницы, чувствуя горькую обиду, долго стоят без движения, подавляя слезы. Только промурыжив их таким образом, парни снисходят до приглашения, рассчитывая что не одна повязочница призадумается перед тем, как наложить на голову на следующий праздник повязку, надеть полушубочек и наложить платы. Эта безмолвная борьба на „Большом метище" этого года в Шардомении разыгралась очень ярко. Бойкотирующие парни оставляли одну повязочницу стоять на месте почти до самого конца гулянья. Положение бедной девушки, на которую были обращены все взгляды, притом часто насмешливые, было настолько отчаянным, что одна из кокушниц сжалилась над ней, бросила свою пару и кавалера, прекратила хождение с ними, подошла к обиженной подруге и стояла с ней вместе, пока их обоих не пригласил парень, удовлетворенный уже своей победой. Женки, наблюдающие за ходом праздника, глубоко возмущаются поведением парней, но новое начало все же берет постепенно верх, и повязки скоро будут храниться в сундуках только как реликвии или же пойдут на игрушки детям [1]).

„Большое метище" заканчивается поясным поклоном девушек, после которого они, высоко подобрав свои нарядные шелковые сарафаны, быстро расходятся группами по домам.

Вслед за этим центральным моментом праздника, часть гостей разъезжается и ночное метище второго дня и „третье" проходят в тех же формах, что и предшествовавшие моменты, но менее людно и менее парадно.

Самым ярким моментом и самым живописным является безусловно большое метище. Длинная вереница разодетых девушек, наряды которых переливаются всевозможными яркими цветами, необыкновенно красочна. При чем, несмотря на большую пестроту, гамма тонов получается чрезвычайно гармоничная; изредка попадающийся диссонанс еще более подчеркивает гармоничность всей остальной картины. Преобладающим тоном является светло синий или очень густой голубой тон. В соединении с белизной рукавов рубах, нежными тонами головных платков и оттененный золотом полушубоч-

[1]) См. ниже статью И. М. Левиной.

ков и повязок и киноварью „платов“, под ярким летним солнцем он действительно должен быть признан красивым или по местному выражению „баским“.

Погода в Архангельской губ., конечно, не всегда так благоприятствует праздникам, как в этом году. Но потребность в праздниках у народа так велика, что он не отказывается от них даже при самой скверной погоде. В ненастье метище переносится в крытое помещение; для этого выбирается поветь одного из сохранившихся больших домов.

Зимой же праздники носят совершенно иной характер, центр тяжести их лежит в катанье на санях, часто расписных с расписными дугами, парней с девушками в шубах с меховыми воротниками и обшлагами, в меховых шапках с парчевым донцем, с накинутой на плечи шелковой шалью, с теми же наложенными на этот раз поверх шубы „платами“, янтарями, цепочками и „перлышками“. Об этих праздниках сведения у нас очень скудны, так как мы знаем о них только по отрывочным рассказам местных жителей.

И. М. ЛЕВИНА

КУКОЛЬНЫЕ ИГРЫ В СВАДЬБУ И МЕТИЩЕ

I

За последние годы наблюдается большой интерес к изучению детского фольклора. Очень показательны в этом отношении работы сибирского этнографа Г. С. Виноградова, помещенные им в „Сибирской Живой Старине" за 1924, 1925, 1926 года, где он дает не только ряд интересных статей, освещающих те или иные стороны детского творчества, но и намечает в общих чертах программу этнографического изучения детства. Он же указывает, что мы имеем пока только частичные наблюдения над отдельными сторонами детской жизни, большею частью еще не опубликованные, что и составляет главное препятствие к научному изучению детского фольклора. Самое большое внимание этнографы уделяли до сих пор детской песенке. Из детских игр собиратели большей частью останавливались на тех, которые, сопровождаются обычно припевками [1]), а также на играх „формальных" [2]); в пределах известного мне материала почти совсем нет подробных описаний игр крестьянских детей, подражающих быту взрослых, очень интересных и носящих в себе почти всегда элементы драматургии. Г. С. Виноградов, указывая на бытование подобных игр [3]) относит их к „играм-импровизациям", выполняемым не „по правилам", как „формальные" игры, а „по уговору". В своей статье я не решаюсь применить этот термин, так как вопрос о роли импровизации в подобных играх очень сложен и может быть выяснен только путем дальнейших наблюдений. Игры с игрушкой также изучены еще сравнительно мало. Изучение игрушки шло главным образом или с точки зрения изобразительного искусства в его исторической перспективе, или с точки зрения психологии ребенка. Об игре в свадьбу крестьянских детей мы имеем несколько кратких упоминаний в печати. В „Сибирской Живой Старине"

---

[1]) Шейн: Великорусс. том I. Цейтлин. „Народные игры в Поморьи". Известия Арханг. О-ва изучн. Русск. Севера 1911 г. № 13. Иванов. „Игры детей в Купянском уезде Харьк. губ.". Сб. Харьк. Ист. Фил. О-ва т. II, 1890 г. Завойко. „Колыбельные и детские песни и игры у крестьян Влад. губ.". „Труды Влад. Уч. Арх. комиссии" Вып. XVI, Владимир. 1914 г.

[2]) „Формальная игра"—термин Г. С. Виноградова, под которым он подразумевает игры, имеющие определенные правила: городки, горелки, лапта и так далее.

[3]) Г. С. Виноградов: „Детский фельклор и быт". Иркутск, 1924, стр. 62.

Виноградов в статье „Детский народный календарь“ упоминает, что девочки играют в свадьбу, имитируя отдельные моменты обряда: венец, банный ковш и т. д. [1]). О. П. Семенова-Тянь-Шаньская в своих очерках из жизни крестьян, озаглавленных „Жизнь Ивана“, описывает игры крестьянских детей и замечает, что девочки любят играть в тряпочные куклы, которых они заставляют то быть господами бьющими своих работников, то венчают двух кукол [2]).

Некоторые опросы, произведенные мною среди учеников 62 школы Московско-Нарвского района Ленинграда, а также среди взрослых, приехавших из деревень, показали, что кукольная игра в свадьбу распространена в различных местах Великоруссии (например, в Аткарском уезде Саратовской губернии, в Осташковском Тверской), а также у татарского населения Нижегородской губернии и у мордовского—Пензенской.

Встречаются и игры в похороны.

II

Запись первой игры „в свадьбу“ велась 7 июля в околке Холм (Покшеньга) во время игры 7 девочек: Аллы Шангиной—14 лет, Вивеи Тыркасовой—13 лет, ее сестер Фаины и Вали 16 и 18 лет, Анфисы Щеголихиной—13 лет, Алены Амосовой—13 лет и Кати Шихиной—11 лет. Вторая игра—в „метище“—записана 8 июля, на берегу реки Пинеги, близ околка Усть-Покшеньга, во время игры трех девочек: А. Шангиной, В. Тыркасовой и К. Шихиной. К сожалению, последняя игра не могла быть детально изучена на месте, так как запись производилась в последние часы пребывания экспедиции в Покшеньге, уже при ожидании парохода.

Работая преимущественно с детьми и изучая детскую игру, я заинтересовалась куклами девочек и начала их коллекционировать, расспрашивая детей, как они в них играют; девочки, охотно сообщавшие мне загадки и колыбельные песни и даже сами дарившие мне своих кукол, на этот вопрос сначала смущенно отмалчивались или отвечали односложно: „В накрыватки“, „в гости ходим“. С владелицами кукол, сыгравшими мне впоследствии свадьбу и метище, я познакомилась еще накануне, также при записи мелких жанров. Самой бойкой из них оказалась старшая девочка 14 лет, Алла Шангина, которая принеся на следующий день свою куклу — женку, Наталью Николаевну, и двух малых кукол-ребят, мальчика и девочку, рассказала следующее: „Сначала кукла эта была „мала девушка“, у нее ног не было; когда ее тряпочное лицо сильно запачкалось, я сделала кукле голову больше и пришила ноги. Кукла выросла, сделалась взрослой девуш-

---

[1]) Виноградов. „Детский народный календарь“. Сибирская Живая Старина. 1926 год, стр. 73.

[2]) О. П. Семенова-Тянь-Шаньская „Жизнь Ивана“. Записки РГО. 1914 г.

кой, стала ходить с другими куклами на „метище“, где парни стали за нее свататься, потом она вышла замуж, ее венчали; подругами ее были тоже куклы других девочек: Кати, Анны, Александры и Василисы. Устраивали посидки, девишник, и кукла-невеста в повязке причитала“. Таким образом выяснилось сразу две игры: свадьба й „метище“, по существу глубоко бытовые, которые, являясь самыми яркими и богато обставленными обрядами пинежской деревни, естественно давали богатую пищу фантазии детей, свидетельниц игры взрослых. На мой вопрос, как происходила свадьба куклы

Рис. 1. Девочки, участницы игры в свадьбу.

Натальи Николаевны, девочка сейчас же очень охотно изобразила мне посидки, сказав: „Ну вот хоть она будет причитать подруге Саннушке: надо, чтобы ее поддерживала в это время божаточка [1]) и какая нибудь другая тета, а невеста будет голосить:—„Уж ты, Саннушка Александрушка, моя дорога подружецка“...

Ну потом другой подруге: „Уж ты, Аннушка, да подружецка“...

[1]) Божаточкой на Пинеге называют крестную мать.

Таким образом все тексты плачей посидок, кроме причитаний невесты родителям и брату, были записаны сначала, до настоящей игры, также в околке Холм на бревнах, около избы, где я встретилась с Алей, и куда вскоре пришли Анфиса и Вея. Последняя принесла показать целую коробейку, полную кукол и всевозможного цветного тряпья, которое мы вместе рассматривали.

Игра, по моему предложению, была организована Алей, немедленно, в околке Холм, в избе крестьянина Диомида Егоровича Щеголихина, куда Аля собрала своих подруг: Катю, Вею, Анфису и Олену. В избе во время игры находились еще маленькие сестры Щеголихины—Тая и Настя, не принимавшие участия в игре и оставшиеся зрителями — старшая сестра Веи и две три женки, иногда вставлявшие свои замечания.

Куклы имелись только у Али, Веи и Кати. Недостаток был пополнен „моими" куклами, т. е. подаренными мне накануне. Всего кукол набралось 19. Прежде всего приступили к распределению ролей. За жениха взялась играть Вея, за невесту Аля, остальные оставались свадебниками. Затем распределились роли и между куклами. Аля быстро назначала, оглядывая и выбирая кукол:—„Ну, невесту зовут Аксиньей, жениха Иваном. Ну, пусть эта будет невеста, родители ее, сестра невесты — девка, сестра, выданная взамуж, сестра-мала-девушка, брат... ну, пущай, парничок, двенадцати лет, он будет топить байну (брат невесты был маленький — кукла-ребенок). Моя Наталья Николаевна пущай будет божаточкой, божаточка должна быть жонка. Все девки—подруги невесты». Вея в свою очередь выбирала кукол для стороны жениха. Его семья оказалась не такой многочисленной. Жених, отец и мать его. Оставшиеся куклы—мужчины получили роль тысяцкого и повозника. Принцип выбора был следующий: божаточка уже раз играла в свадьбе, ее самое венчали, и стать опять девкой она не может, да к тому же у нее хорошо заплетены косы под повойником, и расплетать их не стоит, лучше пусть она будет „сватьей". Женок вместе со сватьей было всего четыре. Две из них должны были быть матерями, одна сватьей, божаточкой, лишняя назначалась сестрой невесты выданной „взамуж", ибо невесту во время причитания должны поддерживать две женки, но мать не может. Все куклы Веи, кроме невесты, остались на прежних ролях: они все уже играли свадьбу. О матери невесты был поднят вопрос: „может ли она играть эту роль", ибо у нее „розовый сарафан, а у старых не бывает". Подняли ей подол, посмотрели, какая юбка внизу, — тоже не понравилось. Выход был найден следующий:—„Ну пусть она еще не очень старая". Одна из кукол—подруг, принесенных мною, туловище которой было сделано из соломы, сначала в игру не принималась, и тут же получила презрительное название „соломенной обдерихи" — „Ну, куда ее: худа, кака соломенна обдериха". Здесь же девочки пожалели, что сарафаны многих подруг не нарядны, и пояснили мне, что кукол на свадьбу они одевают в лучшие сарафаны. Пожалели также, что невесте не хватает большого брата, ибо лучше бы причитать большому. Имена давались здесь же. Семья невесты получила фамилию —

Шихиных, жениха — Тыркасовых. Остальные куклы также получили фамилии, живых лиц, вероятно имеющихся в деревне. Одна из подруг, Саннушка, также получила фамилию присутствующей девочки—Щеголихина, другая фамилию отчима другой присутствовавшей девочки—Лахновская.

При имени матери невесты „Феодора Естратовна“, кто то удивился: „Естратовна?“ — „Разве есть такой?“ Но сейчас же получился ответ Али: „Есть, за рекой“. Божаточка Наталия Николаевна сохранила свое имя, подруги невесты, Саннушка и Аннушка получили свои имена, так как Аля вспомнила, что причитая на заваленке, она дала эти имена подругам не-

Рис. 2. Игра в „метище“ (на берегу р. Пинеги).

весты. Обратясь ко мне, она сказала, указывая на кукол: „Ну, вот, пусть эти будут Аннушка и Александрушка“. Таким образом распределение получилось следующее: невеста—Аксинья Васильевна Шихина. Отец—Василий Егорович Шихин. Мать невесты—Федора Естратовна Шихина. Сестра невесты, „выданная взамуж“—Катерина Васильевна Чуркина. Сестра невесты „мала девушка“—Лукерья Васильевна Шихина. Сестра невесты, девка — Степанида Васильевна Шихина. Брат невесты—Александр Васильевич Шихин. Божаточка—Наталья Николаевна Шихина. Жених—Иван Егорыч Тыркасов. Мать жениха — Олена Тимофеевна Тыркасова. Отец жениха — Егор

Степанович Тыркасов. Подруги невесты, повязочницы [1]): Марья Тихоновна Щербакова, Александра Павловна Щеголихина, Катерина Михайловна Лахновская. Подруги невесты, кукушки [2]): Анна Тимофеевна Ушакова, Степанида Васильевна Щепоткина, Настасья Петровна Воронина („соломенна обдериха"). Тысяцкий (сват)—Афанасий Яковлевич Ушаков. Повозник—Тимофей Дормидонтович Щепоткин.

После распределения ролей девочки приступили к оборудованию избы жениха и невесты, причем каждый убирал свою. Анфиса Щеголихина примкнула к Вее (к жениху), Олена и Катя к Але (к невесте).

„Избы" устраивались на окнах. Невестина ближе к „красному углу", женихова на следующем. Изба невесты немедленно украсилась двумя фотографиями, поставленными на средний переплет рамы, из которых одна изображала солдата царской армии, другая—двух парней, снимавшихся в Архангельске. Стол изображала жестяная четырехугольная коробка; на нее положили камешки—„хлеб", и патрон, заменяющий самовар; правда самовар сейчас же был снят Алей, заметившей, что его пока не надо: придется ставить потом. Здесь же приготовили парадную одежду невесте, одетой пока в красный ситцевый сарафан и пестрый платок, достали парчевый полушубок, повязку с лентами, шелковый красный сарафан и повойник, как будущей женке. Семья невесты и божаточка рассаживаются на окне, прислоненные к раме, а подруги пока не нужны и убираются на лавку.

Изба жениха на другом окне также обставляется. Стол делается из двух круглых жестяных банок, которые накрываются крышкой от жестяной коробки, находящейся на окне невесты. Камешки заменяют хлеб. Старая горелка от керосиновой лампы—самовар. На переплет рамы ставится фотография, изображающая бородатого крестьянина в тулупе и в валенках. Семья жениха сажается на окно, а тысяцкий и повозник пока убираются на лавку.

Первая часть игры—сватовство—происходит в избе жениха. Мать и отец жениха сидят. Жениха Вея водит взад и вперед по подоконнику. Аля перебегает от своего окна к Веиному и говорит за мать жениха.

Сватовство

Мать.—Иван, жонись. Мне много работы то ведь. Ведь беда. У меня с работы болит голова. Вот, Аксюшка то хороша девка, бат, отдают, у их и друга девка постарше есь.

Жених.—Не, я возьму Аксютку.

Мать.—Дай руку, поедем, может отдадут, а если не отдадут, в друго место поедем.

Жених.—Нет, быть может, не отдадут, а в друго место я не поеду.

---

[1]) Повязочницами на Пинеге называют девушек, носящих на голове высокую парчевую повязку с лентами и с поднизью (род кокошника).

[2]) Кукушки,—девушки, носящие на голове только платок.

Мать берет его за руку и они ходят по окну взад и вперед. Анфиса в это время уже везет красного деревянного коня, запряженного в синюю двухколеску. Семья жениха начинает молиться богу. Куклы поворачиваются лицом в угол и качаются, что означает непрерывные поклоны, потом обнимаются и плачут. Девочки объявляют:—они плачут.

Жених.—Прощай, мама, прощай!

Родителей жениха сажают в повозку, и они едут. Анфиса спохватывается: „Ай, девки, колокольцы то забыли!".

Повозка долго катается по избе: видимо, это доставляет удовольствие играющим, затем останавливается у окна невесты. Кукол вынимают и несут наверх на подоконник. В избе невесты замечают—„Ну, невеста должна убегать". Кукла бежит на окно и спускается вниз на лавку. Родители жениха входят. Аля замечает—„Ну пусть отец невесты скажет: зачем приехали?".

Отец невесты.—Зачем приехали?
Отец жениха.—Мы приехали за добрым делом, за сватанием, у вас невеста, у нас жених, нельзя, ли их в одно место свести?

Аля замечает Олене, подводя ей сестру невесты, женку:—„Ну она идет ставить самовар". Та медленно ведет куклу по подоконнику и уводит на лавку.

Отец жениха.—Пойде аль нет? А то мы в друго место поедем!
Отец невесты.—Посидите уж, до самовара то.
Отец жениха.—Строку не дават.
Отец невесты.—Ответ надо у ей спросить, что она желает иль нет.

Отец невесты уводится Алей с окна на лавку, где лежит невеста. Там же происходит разговор. Куклы стоят друг против друга.

Отец невесты.—Но, тебе есь жоних! Пойдешь аль нет?—Хорошой. Можно давать.
Невеста.—Сами тата, знаете,—я шцо согласна. Сами что хотите.

Отец поднимается на окно.

Отец невесты.—Согласна!

Анфиса испугано замечает: „Где, бат, самовар то?".

Приносят камешки (чашки) и патрон (самовар). Ищут, из чего бы сделать шаньги. Оглядывают избу, затем просят у меня кусочек бумажки, мелко рвут его и кладут с довольным видом на стол: „Шаньги.!" Затем рассаживают кукол и некоторое время молчат, любуясь ими.

Мать жениха.—Пускай невеста то приде, покажется сюды, чай пусть приде пить.

Невеста кукла приводится на подоконник, стоя на краю кланяется в пояс, и затем, подходя к каждому, здоровается за руку, потом садится тоже за стол. Девочки говорят: „Ну, все пьют чай".

Отец жениха.—Ой, больше напился, вспотел! Надо за женихом ехать. Время страдное, надо делать дело, а делать некому,—мы задумали вот женить сына, и задумали на вашей дочери. Сейчас домой поедем за жонихом. Завтра приедем.

Родители жениха встают и идут к телеге.

Опять кружение по всей избе, и повозка останавливается у окна жениха.

Изба жениха

Жених сидит один, прислоненный к переплету рамы.

Отец и мать.—Высватали!
Жених.—Завтра ехать нужно. Завтра богу помолимся, сейчас спать повалимся.

Кукол укладывают спать на пол рядом друг с другом.

В невестиной избе делают то же самое. Девочки смотрят к друг другу:—„Хорошо ли легли?“.

II день. Налаживание к богомолью

Поднимают кукол довольно скоро, так как начинаются приготовления в избах жениха и невесты. Изба невесты всячески украшается: девочки опять роются в коробейке Веи, извлекают кусочек старых вязаных кружев и вешают на средний переплет рамы. На гвоздики косяков вешают длинные тряпки, изображающие полотенца. На стекла наклеивают многочисленные конфетные бумажки.

Изба жениха украшается также как можно лучше: вязаными кружевами, тряпочками, конфетными бумажками. Происходит соревнование.

Со стороны невесты замечают: „Ишь, Анфиска, у жениха то лучше“.

„Ну что же“—защищается сторона жениха—„мы богаче живем“.

„Что же так и хорошо ведь“—вмешиваются женки, сидящие в избе и с интересом следящие за детской игрой—„жоних то богаче ведь“.

„Ну,—объявляет семья жениха—едем“.

Повозка катается по избе, затем кукол вынимают и несут на подоконник невесты. Конь ставится под лавку где находится „конюшня“.

Изба невесты

Отец и мать жениха и жених.—Здравствуйте.
Родители невесты.—Здравствуйте. Самовар готов.

Семья жениха осматривает убранство избы, все подходят к полотенцам и трогают их руками. Девочки говорят: „Ну, они смотрят, как убрано“.

Семья жениха.—Ах, хорошо. Баско!

Отец жениха.—Вот мы сюда приехали, так что чай пить без невесты не будем, а жоних тут сам на лицо.

Невеста опять является с лавки на окно, кланяется в пояс и здоровается с каждым за руку. Девочки для этого соединяют руки кукол. Затем опят рассаживают всех за стол. Некоторое время молчание.

Отец жениха.—Напились. Надо дело делать. На свадьбу укладываться. Людно ли приеде на свадьбу?

Происходит совещание между девочками, сколько должно быть от жениха и сколько от невесты.

Девочки оглядывают кукол, спорят, уверяют, что от жениха должно быть меньше, и наконец решают:—„Ну если от невесты восемь, то от жониха пущай семь“.

Отец невесты.—Приеде на свадьбу восемь человек. А от вас сколько?

Отец жениха.—А от нас семь.

Аля убирает со стола заявляя:—„Сейчас богу молиться“. Невеста начинает плакать, а жених ее утешает:

Жених.—Не плачь, говорю, не плачь, пошто плачешь...

Отец невесты и невеста в руках Али поворачиваются лицом в угол и начинают качаться, наклоняясь вперед. Отец жениха и жених в руках Веи делают то же самое. Затем невестина семья объявляет: „Завтра посидки“. Опять поиски в коробейке Веи, на сцену являются две шелковые тряпочки: они вкладываются в руки невесты, и она, кланяясь, дарит их жениху и матери жениха. Затем конь опять выводится из „конюшни“. Семья жениха опять усаживаются в повозку и уезжает. Девочки все вместе поют, стоя у окон:

„Лучше бы я де-е-вушка, у б-а-а-тюшки жи-и-ила“. [1])

Поясняют мне: „Они пьяные“.

По приезде на свое окно семья жениха опять укладывается спать. Семью невесты также укладывают.

III день—„Посидки“

В избе невесты убирают стол. Прибавляют „для красоты“ еще больше конфетных бумажек. Начинают обряжать невесту. Обряжает ее Аля, заяв-

[1]) Были спеты только первые слова песни.

ляя, что обряжать должна божаточка. Божаточка подводится и снимает ей пояс, остальное делает сама Аля: надевает кукле повязку и закрывает ее платками (платки те же самые, которые только что дарились жениховой семье). Затем приносят кукол-подруг и усаживают их на окне. Аля выдвигает брата невесты, паренька 12 лет, Александра Васильевича. Невеста ему причитает:

Невеста.—Уж ты, сизый да голубоцек
Да мой братоцек,
Уж и истопи мне жарку парну баенку
Уж и без дыма и без горького,
Уж и без чада и без горького,
Смыть да тоску да кручинушку,
Сполоскать слезы горячие...

Девочка Катя дает „жонок“—божаточку и сестру, выданную „взамуж“. Они поддерживают невесту и ведут ее с окна на лавку, изображающую „поветь“. Идя по повети, она причитает:

Невеста.—Что не несут меня да ноги резвые,
Не ведут да оци ясные
По татенькиной да по повети
Да по маменькиным да по белым сенничкам.

Заходит опять на окно, т. е. в избу, и кланяется в пояс. Так как Аля, держащая в руке всех трех кукол, не может сделать так, чтобы кланялась одна невеста, то кланяются все три.

Невеста.—Уж я первый то поклон да положу,
Уж за красное солнышко,
За родителя татеньку (поклон).
Уж я второй то поклон да положу,
Уж за желанье желаньицо,
Уж за кормилицу за матенку (поклон).
Уж я третий поклон да положу
Уж за сизых то за голубоцков,
За родимых любимых братиков (поклон).
Уж я четвертый то поклон, да положу
Да за себя, за многокручинную (поклон).

Божаточка и сестра ведут невесту „от порога к забору“, т. е. ведут до края подоконника и снимают ей платки, закрывающие лицо. Остальные куклы сидят попрежнему, прислоненные к раме.

Невеста.—Уж не тут было мне да местечко.
Уж было мое местечко
Да на передней то да на лавоцке,
Да у косящетого то да у окошецка,
Уж я посмотрю да я погляжу,
Уж по татенькиным да по избушкам,
Уж по маменькиным то светлым светлицкам,

Уж по стенам ли да по белокаменным,
По лавицам по дубовым,
По косящетым по окошецкам,
По красным то девушкам.
Уж они все сидят то да по старому,
Все по старому, да по старопрежнему.

Выводится подруга невесты, повязочница, Александра Павловна. Обе куклы кланяются друг другу в пояс на расстоянии, затем обнимаются, по выражению девочек — „захватываются накрест“ и качаются направо и налево.

Невеста.—Уж ты, Саннушка, Уляксандрушка,
Да дорога моя подружецка,
Отдают меня за чужого чужанина,
Чужедального да целовска,
Чужедального да чужеземного.
Я пóсмотрю, да я пòгляжу,
По всему девью да по хороводу.
Уж вы ходите да наряжайтесь,
Уж я маленько то ходила,
Да маленько то погуляла.
У меня все прошло, все прокатилося,
Назад не воротилося.

Подходит другая подруга, кукушка, Анна Тимофеевна Ушакова. Куклы также кланяются друг другу, и „захватываются накрест“. Кукла Саннушка отводится на место.

Невеста.—Уж ты, Аннушка, да подружецка.
Так я к вам и почасту ходила,
У ворот кольцо пробила,
Белые скобицы да захватала,
Белые полы да затоптала,
Дубовые ластовицы да просидела,
Светлы окольницы да проглядела,—
Уж у меня все то прошло да прокатилося...

Женки отрывают ее, говоря: „буде, буде“.

Девушка уходит. Невеста продолжает причитать одна:

Уж вы ходите да наряжаетесь,
Уж вы ходите да прохлаждаетесь
Уж вы на родителей то да не надейтеся
Уж на часу то они вас да обманут.

Подходит третья подружка, повязочница, кукла Катерина Михайловна Лахновская. Кланяются.

Невеста (подруге)—Уж ты что стала да выстала.
Уж тебе нет рази местечка.
Уж ты седь поди на лавоцку,
Уж ты спросилась ли у маменьки,
Уж ты спросилась ли, доложилась ли.

Аля замечает.—Ну, мать скаже „можно, можно“. Подружка—„велела, велела“.—Кукла Катерина Михайловна снимает ей повязку.

Невеста.—Уж ты что же на меня да рассердилася
Да на меня прогневалась.
Уж разве я к вам почасту да не ходила...

Начинается расплетание косы. Кукла-подружка держится Катей на расстоянии, а Аля, положив куклу-невесту к себе на колени, расплетает ей мелко заплетенную кудельную косу и голосит.

Невеста.—Не свет ли да рассветается,
Не заря то занимается,
Не девья ли жира коротается,
Уж не трубчата ли коса да расплетается
Уж ты на что, Катеринушка, да рассердилася,
Уж ты на что на меня да прогневилась,
Уж и разлохматила ты мою трубчату косу,
Уж ты сняла мою светлу повязку.

Когда косы расплетены, к невесте подводят мать. Невеста кладет ей три поясных поклона.

Невеста.—Уж ты на что, маменька, да рассердилася?
Уж я разве тебе была да непокорна?
Уж разве я тебе была да непоклонна?
Уж разве я поскотину да не обряжала?
Да по утру рано не вставала?
Да жаркой печеньки то да не затопляла?
Ключевой воды да не сливала?
Рогатой скотинушки да не обряжала?

Подводят опять брата, маленького паренька, Александра Васильевича. Невеста и ему кладет три поясных поклона.

Невеста.—Уж ты, родимый ты, да голоубоцек.
Уж и ясный соколоцек,
Уж и ты што за меня не заступился?
Уж и ты на што на меня до прогневался?
Уж ты меня бы да призакрасил,
Что меня взамуж меня да не бы выдали;
Уж меня да запросватали,
Да меня красну девицу
На чужу, дальню сторону...

Подходит отец. Опять три поклона.

Невеста.—Уж ты татенька, татенька.
Уж ты в лес то поедешь,
Да меня не увидишь,
Уж и в лес за дровцами,
Да меня то да не спустишь
Лугового сенца да мне не важивати,
Да по быстрым реценькам

Да леса то мне не сплавливати.
Уж ты, тата, татьенька,
Уж я тебе теперь то
Да не работница.
Уж разве я тебе работы то не робила?
Рано-поутру да не вставала...

Женки отрывают ее, говоря:—буде, буде.

Баня

После посидок в игре следует „баня". Баня предполагается на столе, но никак не оборудуется; все в воображении. Невесту переносят с окна на стол. Катя забирает всех подружек, но ей тут же поясняют, что всех не берут, ходят только две, остальные же остаются ждать в избе. Куклы остаются ждать в воздухе, в руках Кати, а невеста немедленно уносится на окно, и игра в „баню" начинается сначала. Поддерживаемая двумя подружками, невеста причитает еще в избе:

Уж вы спорядовные мои да подружецки,
Уж вы полюбовные мои да соседушки...

Здесь Аля внезапно спохватывается:—„Ой не так". И начинает сначала:

Уж вы спорядовые мои да соседушки,
Уж вы полюбовные мои да подружецки,
Уж вы пойдемте ко со мной да в жарку парну баенку...

Спускаются с окна и идут по лавке, т. е. по повети.

Невеста.—Уж не несут меня да ноги резвые,
Уж не ведут меня да оци ясные
Да по сырой да по землицы,
По пескам сыпучим,
Да по лугам да по зеленым.

Когда невеста уже на столе, в бане, то начинается спор: моется невеста в бане или нет. Одни видели, что моется, другие нет. Аля авторитетно замечает: „Как же моется. Ведь нельзя. Народу то сколько! Ведь в окно глядят... И парни глядят". Решают не мыть невесту.

Выходя из бани невеста голосит, идя по лавке:

Невеста.—Уж я упрела да ужарела,
Испить ключевой водицы да захотела.

Дойдя до подоконника невеста получает ковш пива из рук матери. Кукла-мать, Федора Естратовна, стоит на окне и подает ей ковш движением руки, самого ковша в ее руке нет. Девочки говорят: „Ну она дошла

до крыльца, мать ей дае ковш пива". Невесту ведут на окно, и опять валять всю семью спать. Гости убираются на лавку.

IV день. Девишник

Кукол спешно поднимают. Невеста одета в красный ситцевый сарафан, на голове повязка, волосы распущены. В избу приносят остальных кукол подруг и рассаживают их, опять прислоняя каждую к раме окна. Аля объявляет: „Ну, девки сидят и невесте принос приносят". Выходит одна кукла и подает цветную тряпочку, держа ее в руках. Невеста-кукла принимает ее в свои руки и кланяется:

Невеста.—Спасибо тебе, большо то спасибо.
Да на платоцке...

Девочки замечают: „Ну, сейчас опевать будут". Поют все:

Уж ты, Аксиньюшка.
Да Аксинья Васильевна,
Ты обманула нас сподружецек,
Как Холменских то славных девушек,
Ты то сказала нам, чта взамуж не пойдешь
Да другой то год не думаешь
А на третий то год в пустынь жить пойдешь,
Еще нас подружецек задушевных то с собой возьмешь.
Вот пошла, пошла наша Аксиньюшка,
Во сыры то бора пошла невесела,
Буйну голову то повесила,
Не учесна то буйна голова,
Не вплетена и косоплетоцка,
Не ввязана ала лентоцка,
Не умыто лицо бело.
Не умыто, не убелено.

Невеста.—Посмотрите-тко, да поглядите-тко;
Уж не едут ли да женихи?
Да не едут ли молодые?
Да закладите им дорожку,
Чтоб никто не проехал,
Да не прошел...

В это время Вея и Анфиса сажают в повозку семью жениха, тысяцкого и повозника и везут к невесте. Анфиса берет медный рукомойник, кладет в него наперсток и громко звонит. Среди девочек большое оживление: „Едет поезд жениха.!" Фая, сестра Веи, сидя на лавке, голосит за свадебников:

Уж ясно солнышко да на закате
Белы лебеди то на полете.
Добрый молодец да на повети.

Семью жениха, тысяцкого и повозника девочки торжественно несут на окно, крича подругам: „Встречайте!“. Конь опять отводится в конюшню. Вся семья невесты кланяется. Невесту закрывают опять шалью. Всех гостей сажают за стол.

Мать невесты. — Кушайте, ешьте, честные гости.
Женки (поют).—Золото, золото свивалося,
Да свивалося,
Жемчугом сокаталося,
Да Иван с Аксиньей сходилися (2)
За един за стол и становилися (2)
Ищо наше то золото да получше (2)
Е—е—е да получше.
Аксинья то да Васильевна
Е—е—е да получше...

Обращаясь ко мне Аля говорит: „Это только жонки поют“; затем берет отца невесты, дает ему в руки камешек (хлеб), укутанный в шелковую шаль, и вертит им над головой жениха и невесты. Это благословение. Девочки начинают оживленно торопиться, собирают кукол, заявляя: „Ну, теперь к венцу“. Венчание не удается, и игру приходится прекратить, так как является хозяйка избы и заявляет: „Идите, девки, хозяин иде пьяный,— заругается“. Пришлось уйти. В тот же день, вечером, Аля собрала девочек для продолжения игры опять в околке Холм у Веи, в избе ее отца, Михаила Тыркасова, который был в это время в отлучке, в Архангельске. Девочки пришли не все сразу: Катя жила в околке Кобелево и за ней пришлось бежать. Куклы были пока разложены на столе. В избе находилась Вея, ее сестры Фая и Валя и Анфиса Щеголихина. Аля ушла искать Катю и Алену. Решено было пока пришить отцам невесты и жениха бороды, так как они выглядят очень молодо. Вея принесла ножницы и кудель и скоро недостаток отцов был исправлен: каждый получил длинные усы и бороду лопатой. Игра началась с „приготовления к венцу“. Опять в том же порядке были выбраны окошки. Стол в избе невесты сделали из книги, положенной на коробку из под малинового чая. Чашки и „стопочки, чем пиво пьют“, были сделаны из катушек, распиленных пополам и окрашенных в красную краску; самовар—из целой катушки; камешки заменяли „шаньги“, а небольшие распиленные деревяшки, с корой наверху, изображали булки. Это имущество Веи, которое она дала в игру. Стол в избе жениха делается из квадратной фанерной доски. Сервировка на столе такая же. Невесту Аля наряжает к венцу. Ей одевают шелковый красный сарафан, полушубок и повязку; волосы распущены и закрыты шалями. Подводят божаточку и она опять накладывает пояс. Гости все в избе. Невеста, поддерживаемая женками, причитает:

Уж куда вы меня срядили
Да не по старому не по прежнему
На чужу дальню сторону,
За чужого да за чужанина,

За чужого да за целовека
У божью церкву то я не поеду,
Под золотой венец я не стану,
Да и сладкого вина я пить не буду
Да и колецек не наложу.
Круг налоя я ходить не буду...

Женки.—Буде, буде.

После причитания начинаются оживленные сборы к венцу. Выбирают кукол, которые едут в церковь, поясняя мне, что родители не едут, девки тоже не едут: им нельзя, можно только женкам и малым девушкам. Девок сажают за стол угощаться; они должны ждать в избе. Собираются ехать, но потом вдруг заинтересовываются группой сидящих; кто то замечает, что девкам худо без парней, должны быть парни. Минута раздумья, и парней изображают тысяцкий и повозник, посаженные за стол. Девочки садятся на корточки на пол, смотрят на угощающихся кукол и сочиняют их разговоры.—„Вот они сами с собой смеются, с парнями смеются, костьем шибаются от рыбы. Какая девка кладе ложку „помимо конец“ парни скажут:— „Сопли, то у те зеленые, что вы, девки, то не распускайте!“ А та гляди распустила.

„Котора? Котора?“—живо интересуются участницы игры.—„Ну пущай сестра невесты“.

„И Александра Павловна распустила!“—восклицает кто то.—„Ну, потом“—продолжает Аля—„больша Катерина Михайловна кладе ложку полоротом. Парни над ней смеются: Хо, хо, хо.“

„Ну, теперь пущай“,—советует кто то,—„Марья Тихоновна рот то открыла, а ложку ищо не донесла. Парни над ей смеются: „Хо, хо, хо, ева Марья Тихоновна то не донесла“.—Общий смех всех играющих.

Отец жениха.—Ну, торопиться надо, а то поп не обвенчат.
Божаточка (вынутая Алей из за стола).—Нужно в исполком то наперед заехать, записаться то, девки, тогда уже надо венциться.—(Обращаясь к невесте)—Ты смотри у венца свецку то держи выше жениховой, тогда ты будешь большенничать над им.

Сажают на телегу жениха, невесту, тысяцкого, повозника, божаточку, сестру-женку и брата невесты. Везут в исполком.

Запись в Сике

Сик устраивается на лавке, в противоположном углу избы, у русской печки. Приехавших кукол вынимают из повозки и усаживают рядком на лавке. Брат невесты, Александр Васильевич, оставляется „караулить коня“. Председателя и секретаря исполкома изображают сами девочки: соответствующих кукол не имеется.

Выбирают по следующему принципу: секретарь Аля, „потому хорошо грамоту знае“, председатель—Вея, жених и невеста—Анфиса. Приносится

табуретка, Аля устраивается писать документ, девочки садятся на пол. Происходит следующий разговор между Веей и Анфисой. Последняя держит в руке жениха и невесту:

Председатель. — Невеста! Как вам фамилия и сколько вам лет?
Невеста. — Шихина, Аксинья Васильевна, и мне 18 лет.
Председатель. — Жених! Как вам фамилия и сколько вам лет?
Жених. — Иван Егорыч Тыркасов, 20 лет.
Председатель. — Невеста! Согласна ли ты итти за Ивана Тыркасова взамуж?
Невеста. — Согласна.
Председатель. — Идешь ли под его фамилию?
Невеста. — Согласна.
Председатель. — Подписаться, значит, вам нужно обоим, как вы согласны.

Аля в это время, сидя на полу перед табуреткой, пишет документ, старательно вырисовывая печать: „без печати документы не бывают“. Документ гласит следующее:

Записывание в Сике

Сколько лет невесте—18
„ „ жениху—20
Согласна ли невеста подженихову фамилию — согласна.
Здоровыли жених и невесто—здоровы
Добровольно-ли вы вступили в брак—добровольно—
Венчаются в церкви.

Секретар—Шангина Ал.
Председатель—Тыркасова В. [1])

место
печати.

Секретарь немедленно же подписывает документ, председатель смущенно заявляет, что лучше пусть ее сестра подпишет. За председателя расписывается восемнадцатилетняя сестра, Валентина Тыркасова. Документ готов и откладывается в сторону.

Среди девочек большое оживление. „Поезд еде в церковь“.

Анфиса кричит:—Девки! Я за попа! Аля. — Я за невесту. Вея. — Я за жениха. Олена — За божаточку.

Венчание в церкви

Садятся в повозку: жених, невеста, сват и сватья, сестра невесты, женка и повозник. Невеста закрыта шалями. „Церковь“ находится на лавке, под окнами, где устроены избы жениха и невесты. Девочки ставят кукол в

[1]) Орфография соблюдена по подлиннику.

церкви. Слева направо: сват, жених, невеста, божаточка; левее их, отдельно, стоят слева направо: повозник и сестра невесты, женка. Тысяцкий подводится к брачущимся. Девочки говорят:—Тысяцкий меняет колечки.

П о п.—Господи поми-и-луй. Господи поми-и-луй.

Накладываются венцы: ореховая скорлупа, некогда позолоченная, и сломанная рюмка без ножки.

Затем куклы водятся вокруг воображаемого аналоя и девочки с довольным видом объявляют: Вокруг аналоя ходя.

П о п (*низким голосом*). Положи венцы на головы их... И гоо-о-споди по-о-милуй.!
В с е д е в о ч к и п о д т я г и в а ю т. — Господи помилуй. Господи помилуй. Господи помилуй.

Фаина, сестра Веи, до этого времени мирно сидевшая на лавке, внезапно возглашает басом:—И духове твоему!

Д е в о ч к и г о л о с я т:—Господи помилуй. Господи помилуй. Господи помилуй.

Вея сталкивает жениха и невесту: „Ну, жоних поздравляе и целуе невесту. Все говоря: „с законным браком вас".

Кукла невеста кланяется. Жениха и невесту ведут прикладываться к иконам, и они целуют бревна стены. Девочки смешивают всех кукол вместе и кричат оживленно: „Девки, девки, скорей ей повойник одевать".

Б о ж а т о ч к а.—Как тебе повойник надевать, в прическе аль в повязке?
Н е в е с т а.—В повязке.

Повойник одевается в церкви. Аля берет невесту, заплетает ей две косы и укладывает на голове по бабьи. Заплетая она поясняет: Женки говорят:—„Голова то заболит". А как одели: „Христос те на голову".

Невесту опять закрывают шалями, жених ее поднимает и сажает на телегу сзади. Вероятно, этот момент считается ими важным или достойным особого внимания, т. к. они кричат мне: „Смотрите ка, смотрите, Ирина Михайловна, он ее сзади сажает". Едут в дом жениха.

П и р (К н я ж о й с т о л)

Снаряжают застолье, расставляют опять на столе: „стопочки чем пиво пьют", хлеб, бутылки, шаньги. Невесте опять одевают парчевый полушубок, на повойник—белый налобник и ленты с девичьей повязки. Одевают молодую довольно долго, и Вея, выражая нетерпение, говорит:—„Ну пущай отец скаже: Что молодку долго наряжают?".

Б о ж а т о ч к а—Готова то молодка то ведь.

Усаживают за стол. Слева направо: сестра невесты—женка, тысяцкий, жених, невеста, божаточка, отец жениха, брат невесты. Жениху и невесте ставится один прибор. Девочки говорят: — „Все у них одно. Он откусе шаньгу и ей дае“.

Ж е н к и (*поют*).—Золото с золотом свивалося
Да свивалося.
Жемчугом сокаталося
Да Иван с Аксиньей сходилися,
Да Иван с Аксиньей сходился.
За един за стол и становилися.
А наше золото то да получше
Наша жемчужина то да подороже.
Да Иван Аксиньи получше:
Он и возрастом ей да побольше,
Да побольше.
У него ясны те оци,
Пояснее те оци.
Пояснее те оци,
У него черные брови.
Е-е-е-е.
И почернее
Е-е-е-о
Лицем то круглее
Лицом то круглее...

„Несут кашу исть“. Ореховая скорлупа, игравшая роль венца, теперь изображает горшок.

Происходит спор: „Кто будет за поваруху; нет поварухи“. Я предлагаю взять какую нибудь куклу с окна невесты, где девки, подруги невесты все также сидят за столом, но девочки пугаются: „Что вы! Разве можно из чужой семьи“.

Выбирают мать жениха: „Ну пущай она будет“. Матери жениха, Олене Тимофеевне, дается ореховая скорлупа, и она еще раз торжественно ставит ее на стол, низко кланяясь трижды поясным поклоном.

М а т ь ж е н и х а.—Поешьте, покушайте, честные гости. (*жениху*)—Иван, Егорыч, поешь, покушай.
Ж е н и х.—Не беспокойся, мама.
М а т ь ж е н и х а (*молодой*).—Аксинья Егоровна, поешь покушай.
М о л о д а я.—Не беспокойся, мама.
М а т ь (*божатке*).—Сватьюшка, Наталья Николаевна, поешь, покушай.
Б о ж а т о ч к а,—Спасибо.
М а т ь.—Сват, тысяцкий, Афанасий Яковлевич, поешь, покушай.
Т ы с я ц к и й.—Спасибо.
М а т ь.—Сватушка, Александр Васильевич, поешь, покушай.
Б р а т н е в е с т ы.—Спасибо.
М а т ь.—Повозник, Тимофей Дормидонтович, поешь, покушай.
П о в о з н и к.—Спасибо.
М а т ь.—Катерина Васильевна, поешь, покушай.
С е с т р а н е в е с т ы, ж е н к а.—Спасибо. Спасибо.
Т ы с я ц к и й (*пробуя кашу*).—О, кака бессола! Зовите поваруху.
П о в а р у х а.—Бессола, так посолите.
Б о ж а т о ч к а.—Молодые то стыдятся, так пущай старые посоля.

Повозник и сестра невесты, женка, кланяются друг другу на расстоянии и целуются.

Отец молодой (*своей жене*).—Ну матенка! Побрукаемся. (*Целуются*).
Все—У бессола.

Отец молодой (*своей жене, кланяясь друг другу на растоянии*)—Ну очередь за молодыми. Сват и сватья!

Божаточка.—Что, я не умею ведь!

Девочки смеются. Божаточка и тысяцкий целуются.

Все.—Господи, как сладко то! Теперь она буде порато солена.
Жених.—Что, давай, и без нас обойдется: уж солона ведь каша то. (*Целуются с невестой*).

Все.—Ой, больше все. Везде солона в каждом краюшку солона.—(*Общее веселье*)·

„Ну“, заявляют девочки, „теперь родные пущай уезжают, а молодых спать валя“. Невеста плачет. Кукол всех сталкивают вместе. Невеста целуется, прощаясь с каждым по очереди. Девочки говорят: „Ну он ее утешает: говори: не плачь“.

Гости усаживаются на повозку и увозятся. Родители жениха остаются на окне. Молодых ведут на лавку, где раздевают, и валят спать. Жениха кладут на невесту и закрывают шалями.

V день. Подметание пола

Утром молодых одевают. Одета молодка в шелковый сарафан, полушубок, повойник.

Мать.—Идите пол пахать.

Девочки сорят на подоконнике листиками болиголова (бросают перья) из него же делают веник. Заявляют: „Ну невеста долго пахае и бросае пахать“.

Опять „сорят перья“. Молодка опять метет.

Молодка (*целуя мужа*)—Веник то худой ты мне дал, давай хорошой.

Муж дает и девочки объявляют: „Она кончает пахать. Надо домой ехать“.

Все садятся в повозку и едут в дом невесты.

VI день—„Хлебины“—пир в доме невесты

Эта часть не игралась: был довольно поздний час.

На мой вопрос, как играются хлебины девочки ответили „Все совсем так же, только за поваруху пускай будет Катерина Васильевна [1]) и она, скаже: „Просим покорно, поешьте, выкушайте, хлеба-соли хозяйского“.

Этим игра закончилась. Благодаря моему близкому знакомству с девочками она велась вполне непринужденно, со все возрастающим увлечением. Меня они не стеснялись, и это очень облегчало записи. Вся она, как я уже сказала, была сделана во время самой игры, за исключением нескольких текстов „посидок“, записанных до начала ее, затем хора девушек, данного впоследствии Аленой Амосовой, и причитания „татеньке“, записанного от Аллы Шангиной.

III

Для игры в „метище“ те же девочки пришли звать меня уже сами, на другой день после игры в свадьбу, рано утром.

Игра была сорганизована на берегу реки Пинеги в околке Усть-Покшеньги около бревен (рис. 2). Играли: Аля, Вея и Катя.

Куклы участвуют те же, что и в свадьбе, прибавляются две новые повязочницы, и одна кукушка, в розовом ситцевом платье с длинной кудельной косой. Девочки разбирают кукол, усаживают женок на землю вдоль бревен: „жонки только смотрят на метище;“ девки рассаживаются по другой стороне бревен, парней откладывают в сторону: их пока не надо. Парней всего пять, — этого оказывается мало, и девочки собирают на берегу палочки и щепки, заявляя мне: „У нас парней всегда нехватает, и мы всегда вместо них берем щепки или палочки. „Парни-щепки также откладываются в сторону. Девочки занимаются с куклами-девушками. Каждая забирает в руки несколько кукол, устанавливает их в линию и ведет их на метище с противоположных концов: „Девки идут с разных деревень“. Встретившись, обе линии низко кланяются: „Давно ли пришли?“ „Недавно. А вы давно?“. „С дороги сейчас только, с дому“. „Пойдемте на кадрель“.

Устанавливают парами. Катя берет повязочниц и собирается устанавливать их в кадрель, но Вея приходит в ужас: „Что ты, что ты, повязочницы ведь в кадрель не ходя. Не знаешь?“ Повязочниц усаживают всех вдоль бревен, смотреть на кадрель. Пляшут четыре кукушки. Девочки вертят их в танце, передавая в руки друг другу и обратно. Поют сами.

1

Как задумал, задумал,
Задумал да пошел.
В нову кому, в нову кому,
В нову комнату зашел.
Ай люли, пошел,
Люли, люли, пошел.

Черный фартук,
Черный фартук,
Черный фартучек шумит,
Ай люли шумит,
Да ай люли шумит.
Как за двòром,
Как за двòром,
За двòром,

[1]) Замужняя сестра невесты.

Да ай люли за дворо̀м,
Да ай люли за дворо̀м,
Да черный ворон,
Да черный ворон,
Черный ворон,
Воду пил,
Воду пил,
Ай люли воду пил,
Ай люли воду пил.
Он напившись,
Он напившись,
Он напившись полетел,
Ай люли люли полетел,
Ай люли люли полетел.
На сполете,
На сполете,
На сполете говорил.
Ай люли говорил,
Ай люли говорил:
„Были девки, были девки,
Были девки взамужом,
Что за старым, за старым,
За старым мужиком,
Ай люли люли мужиком,
Ай седатым, за седатым,
За седатым стариком,
Ай люли люли стариком.

2

Не беги, догоню,
Красна девушка душа,
За люли люли душа.
Если ты меня догонишь,
Будешь счастливая,
Счастливая будешь, догадливая.

3

Ах вы, сени мои сени,
Сени новые мои,
Сени новые кленовые,
Решатчатые.
Что мне по этим сенюшкам
Да не хаживати
Что мне дружка за руценьку
Да неваживати,
Выходила молода
За новые ворота,
За новые кленовые
За решетчатые,
Выпускала сокола
Из правого рукава,
Из правого из левого,
Из полотняного.
На сполетенке соколику
Да наказывала:
„Ты лети, лети, соколик,
Высоко и далеко̀,
Сколь высоко и далеко
На родиму сторону.
На родимой то сторонке
Грозен батюшка живе
Он и грозен и грозен
И милослив,
Не спускает молоду
Поздно вечером одну.
Я не слушала отца,
Спотешала молодца.
Я за то его спотешу,
Что один сын у отца,
У богатого купца,
Зовут Ванюшкой,
Пивоварушкой,
Пивовар пиво варил,
Зелено вино курил,
Да красных девушек манил:
„Приходите ко, девицы,
На поварню на мою;
На поварне на моей
Да много пива и вина.

4

Поведу я, поведу я, поведу я,
Поведу я козелка,
Ай люли, люли козелка,
Люли люли козелка
За ро̀жки, за ро̀жки, за ро̀жки
За ро̀жка,
Ай люли, за рожка̀.
Сведу я, сведу я, сведу я,
На базар,
Ай люли на базар,
Люли люли на базар.
Я сменяю, я сменяю, я сменяю,
На товар.
Ай люли, люли на товар,
На белые, на белые, на белые
Белила̀.
Ай люли, люли, белила̀
На алые, на алые румяна̀
Да ай люли румяна.

Кадрель кончается низкими поклонами. Кукол отводят на место. Поднимают всех девушек, кукушек и повязочниц ставят парами и водят мед-

ленно взад и вперед. Девушки поют: 1) „Кинареечка прелестна, утешай горе мое“. 2) „Ты береза, зелена кудрява“.

Вея ведет парней. Вся линия повязочниц и кукушек кланяется. Девушки стоят в линии спиной друг к другу, лицом к подходящим парням. Парни выбирают девок: „Степанида Васильевна, пойдемте ходить“. Новая розовая кукушка с длинной косой кланяется и идет в паре с парнем, игравшим жениха Ивана Тыркасова. Тысяцкий подходит к Анне Тимофеевне: „Анна Тимофеевна, пойдем ходить“. Повозник, Тимофей Дормидонтович к Марье Тихоновне: „Марья Тихоновна, пойдем ходить“.

Идут три пары. Ходят взад и вперед. Вея поднимает своим подолы, Катя смотрит на подругу и поднимает своим тоже. Куклы держатся за правую руку.

Хор оставшихся девушек поет: 1) „С вечера погода, с полуночи метель“ 2) „Еще жили мы с Машенькой“.

Прибавляются к ходящим еще две пары. Парни здесь—палочки, и потому новые пары меньше интересуют девочек. Аля ведет своих и импровизирует их разговор:

Парень.—Настасья Васильевна, пойдешь ли за меня замуж?
Девушка.—Не, не иду, как хошь: у меня недавно сестру выдали, дома некому работать то.
Парень.—Пойдем.

Вея ведет своих: нарядную повязочницу и тысяцкого.

Парень.—Как вас звать то? Еще незнакомы то ведь. И откуда вы?
Девушка.—С Шохина я, звать меня Степанида Васильевна. А ты откуда?
Парень.—Я с Холма. Меня зовут Афанасий Яковлевич, любезная моя.

Аля со своими импровизирует дальше:

Девушка.—Я на свадьбы была нонце. Коль там всего было! Невеста то почетна то была эка. Выдали ей взамуж, уж она плакала, плакала, а уж ей увезли, так мы весело порато играли на свадьбы то. Имками ходили. Так я там с одним познакомилась
Парень.—Как зовут то?
Девушка.—Кто зна? Я забыла.
Парень.—Нет, ты от меня скрываешь, ты не хочешь мне сказать.
Девушка.—С чего же? Он незнакомый был так то, да я забыла... имя то, так Иван, а больше не помню. Он меня еще взамуж звал. Уж там то, беда весело, уж не усидишь на одном месте; уж такой почет, так уж ребята то даже дерутся та из за нас то: всех получше то разбирают в игру, а похуже то не нарядны то, и сухарем сидя.

Катя ведет своих кукол:

Девушка.—Я была в гостях, да тамотко коли весело было. Меня парень один хотел взамуж взять.
Парень.—Какой же, скажи?
Девушка.—Кто зна!
Парень.—Нет, ты лучше за меня.
Девушка.—Ладно.

Говорят девочки поочереди, с улыбкой слушая друг друга. Внимание их привлекают женки, сидящие у бревен, они ложатся на землю, смотрят на них и говорят: „Ну жонки сидят, и про девок говорят. Ну одна скаже:

Первая женка.—Эка девка то кака красива, Настасья Васильевна то, да и Марья Тихоновна ницего.

Вторая женка.—Вон у Настушки то баской наряд, да и лента то эка широка в косы то.

Третья женка.—А у Катерины Михайловны сарафан любой и повязка ницего, а полушубок то у ей не порато хорош: не нов да и сшит худо, худа швея кака шила, криво ведь!

Девки сидят у бревен, ходившие имками лежат на траве. Девочки вспоминают про незанятых парней и объявляют: „Ну, парни играют в балалайку“. Балалайку ищут по берегу, находят два окурка папирос и вставляют парням под мышку: „Парни играют в балалайку“.

Девушки пляшут кадрель. Парни приглашают: „Настасья Васильевна, пойдемте в кадрель“. „Анна Тимофеевна, пойдемте в кадрель“.

Девки кланяются. Парень-кукла обнимает девушку. Левые руки их вытянуты. Две пары пляшут.

Как задумал, задумал,
Задумал да пошел,
Ай люли, люли пошел...

Парни одни пляшут камаринскую. Пляшут на расстоянии друг от друга, и Вея поднимает тысяцкому одну ногу. Девочки громко смеются. Потом объявляют: все...

IV

В обследованном нами районе данные игры являются далеко не единственными кукольными играми: девочки упоминали еще про „бесёду“, куда куклы являются с прялками, и похороны, когда куклу хоронят в специально сделанном ящике или просто в коробке, и где одним из элементов игры являются причитания,—плач родных по умершему.

Свадьба, по словам девочек, имеет также несколько вариантов: она далеко не всегда играется в избах на окнах; местом игры может служить и поветь, и улица и переклеть амбара. Часто невеста выдается „взамуж за реку“. Реку изображает канава деревенской улицы, когда она наполнена водой. Поезд тогда едет по улице, подъезжает к канаве и перевозится на лодке на ту сторону. Лодки, по словам девочек, имеются у мальчиков, но если нет возможности достать их, то играющие довольствуются дощечкой или щепкой, заменяющей лодку. Родители у невесты обыкновенно бывают, но иногда, когда нехватает куклы мужчины, отца невесты, то играется так, что кукла невеста перед венцом идет плакать на его могилу.

Названные игры, несомненно, являются играми типовыми, бытующими в Покшеньге. В них перед нами проходит быт взрослых в своеобразной передаче его детьми. Рассматривая данные игры, мы видим, что дети останавливают свое особое внимание на моментах наиболее насыщенных движением и изобразительностью. Так в метище на первый план выдвигается кадрель, которая танцуется на праздниках далеко не везде, куклы пляшут, переходя из рук в руки и доставляя этим много удовольствия своим обладательницам. Куклы-парни пляшут „комаринскую“ поднимая высоко ноги под общий и радостный смех всех играющих. В „свадьбе“ много внимания уделяется передвижению кукол, поклонам, здорованью за руку, „захватыванью накрест“ во время причитания, шумным катаниям поезда жениха по избе и т. д., одним словом, всей динамике игры.

Посидки, вероятно, являются одним из наиболее интересных моментов игры: им было уделено больше всего внимания. Они насыщены движением. Здесь много действия, много лиц, участвующих активно. На мой вопрос, предложенный Але на заваленке:—Как происходила свадьба ее куклы Натальи Николаевны?—девочка ответила: „Были посидки“, и начала изображать свадьбу именно с этого момента. С очень большим оживлением происходит и венчание, как центральный момент свадебного обряда, также вполне насыщенный изобразительностью: тысяцкий меняет колечки, брачущимся надевают венцы, они ходят вокруг аналоя, прикладываются к бревнам стены, заменяющим иконы. Кукле-молодке надевают повойник, заплетая косы по бабьи. Венчанье дается только несколькими штрихами, в его наиболее ярких и динамичных моментах. „В девишнике“ и „приезде жениха“ берутся опять таки моменты наиболее изобразительные: „приношение приноса“ и „благословение хлебом“. Во время пира у жениха, „княжого стола“ берется только один момент: „обряд с кашей“, где хозяйка кланяется, угощает каждого в отдельности, где все целуются, смеются, где все полно веселия и шума.

Кроме изобразительности красной нитью по всей игре проходит желание возможно точнее передать быт. Разговоры парней и девушек во время метища, которые мы не могли уловить, наблюдая метища взрослых девушек живо схвачены детьми. Таковы же и характерные пересуды кукол женок, не принимающих активного участия в метище [1]). В кукольной свадьбе во время стола свадебников, опять даны бытовые картины, вероятно, наблюдаемые детьми не только на свадьбе, а и во время любого праздника, связанного с угощением; так присутствующие перекидываются рыбными костями, смеются над девушками, замечают, кто как ест, кто как кладет ложку и т. д. В игру включается и запись в исполкоме, где девушку спрашивают, желает ли она носить фамилию мужа, осведомляются о здоровье, отмечают в удостоверении, что они венчаются в церкви, что теперь бывает далеко не всегда. Во время записи в Сике получают анкету, на которой не только написаны вопросы

[1]) Подобные же пересуды женок о нарядах девушек наблюдались во время большого дневного метища 25 VI в деревне Шардомень и др.

и ответы, но и старательно вырисована печать с серпом и молотом и подписью кругом: „Печать Карпогоры“. Быт, вообще доводится до изумительной точности. Не забыты и мелкие бытовые подробности: семья жениха после рукобития уезжает пьяная, распевая песни, отец, напившись чаю, заявляет: „Ой больше вспотел“. Маленькому брату невесты поручают караулить коня на улице перед сельсоветом; после каждого приезда жениха этот конь ставится в „конюшню“. Куклы-девки идут на метище и по обычаю поднимают сарафаны, кукла-тысяцкий имеет в кармане бумажку, удостоверение, так как он в исполком ходит. Интересна глубокая серьезность, с которой дети воспроизводили быт. Игра для них это—действительное метище и подлинный свадебный обряд, где все должно быть точно, и споры детей, возникающие в игре, происходят, главным образом, из за желания сохранить эту точность. Девочки очень озабочены вопросом о костюме матери невесты. Кукла Наталья Николаевна никак не может играть еще раз невесту, раз она уже женка, она делается теперь божаточкой, свахой. Девочки пугаются, когда маленькая Катя, не зная правил, берет повязочниц в кадрель. Аля не может спокойно видеть самовар, поставленный на стол не во время и пр. В этих играх именно интересно сочетание четкости быта и глубокой серьезности с наличием большой условности, присущей каждой детской игре. Игра требует от зрителя хорошо развитого воображения, чтобы дополнить и оживить примитивную обстановку, в которой происходит действие. В этом отношении игры в свадьбу и метище ничем не отличаются от всякой детской игры, с легкостью превращающей палочку в парня или в коня, песок и траву во вкусное кушанье и т. д. Но были моменты, когда даже самая вещь совсем отсутствовала, и все дополнялось способностью детей, на основании намека, создавать, что угодно, силой воображения. Так „воображался только“ аналой в церкви, иконы, которые целовали молодые. Ковш пива, который подавала невесте кукла-мать, изображался только движением руки,—предмета никакого не было.

Порой девочки теряли нить игры, не знали, что делать дальше, советовались между собой, спорили; ход игры, известный в основных ее моментах, менялся в зависимости от чьего либо решительного замечанія, отсутствия или присутствия какой либо вещи. Так наприѣмер после приезда жениха все настраиваются ехать в церковь, но внезапно решают, что девкам скучно без парней, и ход игры меняется: девочки, забыв про церковь, играют в стол свадебников, и то, что должно было совершаться одновременно, изображается последовательно [1]).

Очень интересно проследить прохождение через всю игру девочек взаимоотношение исполнителя, зрителя, и, порой, даже критика.

В первую половину игры, в избе Диомида Егоровича Щеголихина, были зрители, не принимавшие участия в игре,—это „женки“ и маленькие девочки 7—8 л., сестры Анфисы и Олены; последние, правда, все время молчали

---

¹) Стол свадебников происходит во время венчания.

и скоро ушли, „жонки“ же иногда вставляли свои замечания, и, видимо с большим интересом следили за игрой. Но и сами девочки являлись одновременно не только исполнителями, но и зрителями и критиками. Разграничить это трудно. Убирая „избы“, украшая их, укладывая кукол спать, девочки заглядывали друг к другу, любовались, критиковали, даже завидовали: «Ишь, Анфиска, у жениха то лучше». Усадив кукол за стол, они созерцали их некоторое время, молча любуясь ими: с интересом следили и за монологами друг друга, за движением кукол в руках подруги. Здесь они являлись зрителями, оставаясь молчаливыми участницами игры. Любопытны моменты, когда куклы находились в покое, девочки же садились на пол, или ложились на землю и передавали их разговоры (стол свадебниц, пересуды женок на метище). В эти моменты зритель почти доминировал над исполнителем. Двигая кукол, говоря за них, заставляя их кланяться, здороваться за руку, молиться, исполняя за них причитания и песни, девочки являлись исполнителями, играющими за кукол и скрывающимися за ними; по временам функции их расширялись, и они, не выходя из роли актеров, говорящих за кукол, играли и сами, превращаясь в председателя и секретаря исполкома, попа и диакона церкви. Такие роли, возникали и распределялись во время самой игры: „Девки, я за попа!“ Иногда куклы совсем отсутствовали и даже откладывались в сторону, и девочки делали все сами, даже не замечая их. Так было во время приготовления к игре и убранства изб жениха и невесты перед посидками. Все это трудно исполнимо руками кукол и потому их оставили в стороне.

Руководящую роль в игре имела Аля Шангина [1]). И ей невольно подчинялись остальные. Она же вела главную роль невесты и исполняла в голос все причитания.

Играла она с большим увлечением, совсем уходя в свою роль и прекрасно передавая причитания. Интересно, что говоря со мной вне игры, она разговаривала довольно правильным литературным языком, заметно отличавшимся от языка ее подруг, но играя она совершенно теряла все навыки языка, приобретенные в школе, возможно, что это делалось сознательно для более яркой передачи речи действующих лиц. Среди подружек в игре она пользовалась несомненным авторитетом: ее слушались, молча повиновались тому, что она выбирала роли наиболее выигрышные и интересные и распределяла роли и среди кукол. Она играла за всю семью невесты, но когда Вее, игравшей за семью жениха, требовался собеседник для разговоров жениха с его родителями, Аля бросала своих кукол и играла Веиными вместо нее. Вея не протестовала: ей было равно интересно играть самой и слушать, что говорит за ее кукол подруга. Сама Вея также принимала большое участие в игре, также знала, как надо играть, проявляла свою инициативу, делала за-

[1]) Аля Шангина, дочь местного священника, род. в г. Мезени, в слободке. Трех лет была увезена оттуда в Суру, где жила восемь лет: третий год живет в Покшеньге. Зиму 1926-27 г. училась в Пинеге. Остальные девочки, дочери местных крестьян и родились в Покшеньге.

мечания и указания маленькой Кате. Она любила вообще игру в куклы, сю делались из катушек стопочки для пива, хлебцы, шилось приданое кукол, хранившееся в ее коробейке, и она, единственная из всех девочек, неохотно расставалась со своим имуществом, когда мне пришлось повести переговоры о передаче мне всех кукол и реквизита [1]). Вея интересно создала тип отца жениха. Он является в ее передаче человеком очень положительным, не любящим лишних рассуждений. В этом сказывается и сама Вея, в противоположность увлекающейся Але, серьезная и более спокойная. Она все время сосредоточена, меньше всех смеется, очень придерживается точности в игре: ей принадлежит мысль о невозможности кукле в розовом сарафане играть мать невесты. Сама Вея играет председателя исполкома и с глубоко серьезным видом задает вопросы Анфисе, держащей перед ней жениха и невесту. Третья девочка, Анфиса, хозяйка избы, в которой происходила первая часть игры, помощница Веи, выбирает себе игру с конем. Она возит кукол по избе, измышляет громко гремящий колокольчик; она же играет за жениха и невесту во время записи в Сике, и за попа во время венчания в церкви.

Четвертая девочка, Катя Шихина 11 лет, еще маленькая, обряда свадьбы и метища, повидимому, совсем не знала; она все путала, и не зная, что делать, во всем подражала подругам. Пятая девочка 13 лет, Алена Амосова, принимала участие в игре меньше всех; очень тихая, застенчивая она больше оставалась зрительницей, исполняя поручения, даваемые Алей, подводила вместе с Катей к невесте кукол подруг, держала божаточку. Возможно, что и Алена знала свадебный обряд. Не уловив слов песни „Уж ты, Аксиньюшка обманщица",—я записала ее потом со слов, именно, Амосовой. На метище ни она ни Анфиса не присутствовали. Фанна, 16 лет, сестра Веи, все время с большим интересом следила за игрой, пела в хоре, причитала за свадебниц: „Не ясно солнышко то да на закате". Валя, самая старшая сестра Веи, 18 л., появилась только во вторую половину игры и активного участия в ней не принимала, кроме того что пела в хоре, или вернее, подтягивала ему. Многие куклы Веи сделаны Валей, и были ее куклами в детстве, а затем, по наследству, перешли к младшей сестре.

Таковы были девочки, участницы игры.

Перейдем к описанию кукол. Большинство из них было сделано из тряпок. Куклы девочек носили все черты, присущие игре, ту же четкую точность в деталях и ту же условность, дополняемую воображением зрителя. Лиц у большинста нет—и, вероятно, не только потому, что нарисовать его трудно или нечем (у некоторых лица, нарисованы или вышиты, и в школе дети рисуют), но лицо не важно, оно не играет никакой роли, так же, как не особенно нужны и ноги: их не видно. Лица и ног часто нет, но грудь должна быть непременно, она делается из двух, крепко скатанных тряпочных шариков, пришиваемых немого ниже плеч. Доминирующее значение

[1]) Все куклы принимавшие участие в игре были уступлены девочками; одни еще до игры, другие во время самой игры, за что я давала им, по согласию, конфекты или деньги.

имеет костюм, и он обдумывается с большой тщательностью. Из всех виденных мною кукол, преобладали куклы-женки и девушки, последние чаще всего повязочницы; реже делаются куклы-ребята, и еще реже куклы-парни, которые заменяются в случае надобности и палочками. Куклы женщины одеваются в сарафаны, юбки и кофты. Много внимания уделяет девочка „повязочнице“. Такую куклу она старается одеть как можно лучше, по возможности в шелковый сарафан, пришить как можно больше лент и бисерную поднизь к парчевой повязке, одеть парчевый „полушубок“, бусы на шею. В костюме куклы желание подражать взрослым доводится до изумительной точности, так „алые банты“ многих кукол-повязочниц, действительно пропущены, по всем правилам, под лямками сарафана, в руках имеются «шалюшки». Чтобы они держались в руках куклы, последние сшиваются вместе ниткой, на которую вешается „шалюшка“. Рукава, как и требуется, у повязочниц повязаны ленточками. Куклы женки, имеют повойник на голове, иногда с парчевым донышком, как у божатки. Крохотный повойник молодки, красный, как полагается, имеет еще белую подкладку с внутренней стороны, и мелко сплетенные шелковые шнурочки для завязывания. К пестрой кофте божаточки Аля умудрилась отдельно пришить крохотный воротник; также отдельно скроены и пришиты у многих кукол не только рукава кофты, но обшлага рукавов. Новая розовая кукушка, появившаяся на метище и вызвавшая успех, имела на подоле юбки запошивку с внутренней стороны, по всем правилам, из другой материи. Большую роль, конечно, играет у всех кукол-девушек, кудельная коса мелко заплетенная и завязанная лентой. У женок волосы непременно заплетены в две косы, по бабьи, и уложены под повойник, хотя их там и не видно. Костюмы кукол-мужчин соблюдают такую же точность в подражании взрослым, и ту же тщательность в отделке: так пальто отца невесты имеет три складки на спине, рубашка повозника вышита; жених и тысяцкий имеют галстухи. Преобладающие тона костюма кукол-женщин—яркие: красные, золотые, розовые.

Делаются куклы, конечно, из тех лоскутков, которые имеются дома, но выбираются наиболее яркие и цветистые. Ценится кукла красивая, хорошо сделанная и аккуратно одетая. „Соломенна Обдериха“, сделанная из соломы, им не понравилась. Свое отношение к кукле девочки вкладывают и в суждение женок на метище о костюме определенных кукол. Очень интересно, что среди кукол преобладают повязочницы, которых, все меньше и меньше, становится в деревне. Кукла-повязочница слишком привлекательна богатством деталей своего наряда. Парча полушубков и повязок, ненужных больше некоторым деревенским модницам, отдается детям. Одна из женок на мой вопрос, где же повязки, доставшиеся ей от матери, ответила смеясь: „Да робятам на куклы все раздавала, и бисеру много было, все отдано играть“. Перешли к куклам за ненадобностью и георгиевские ленты, когда то составлявшие гордость вернувшихся с фронта; такая лента теперь красуется на повязке куклы-невесты, Аксиньи Васильевны Шихиной. Архаизм уживается рядом с новой модой: так у отца жениха одета шапка-финка

с ушами завязанными кверху красной ленточкой, кофта розовой «кукушки» имеет модный воротник.

Во всяком случае при изучении кукол на месте следует опрашивать когда они сделаны, так как куклы передаются от старших к молодым (как куклы Веи) и от матери к дочери. [1])

Рассмотрев кукольную игру и ее участников, следует подойти к вопросу—из каких источников возникли данные игры. Не подлежит сомнению, что дети видят обряды свадьбы и постоянно присутствуют на „метищах" похоронах и „посиделках". Об этом свидетельствуют они сами [2]). Возникновение игры руководительница ее—Аля Шангина объясняет так: „Эти свадьбы мы видели у взрослых и подражаем им, но не каждая девочка усваивает обряд, и которые уже усвоили, учат других подруг. Знающая девочка проводит свадьбу и с ней вместе проводят другие; но больше всего мы снимаем пример со взрослых". Отсюда возможно предположить два источника возникновения игры: 1) Обряд, действительно виденный у взрослых и 2) заимствования друг у друга.

Чтобы точнее разобраться в вопросе о заимствовании у взрослых, необходимо проанализировать детскую игру сравнительно с обрядами, записанными Н. П. Колпаковой [3]). С этой целью привожу сравнительную таблицу моментов из которых слагается обряд и игра.

Обряд свадьбы:

Дни

1. Рукобитие
2. Шитье приданого

. . . .

3. Посидки. Баня
4. Заруцение и белила
5. Девишник
   Бужение жениха.
   Приезд жениха
   Сборы к венцу

. . . .

   Венчание
   Пир
6. Утренние обряды
   Отъезд на хлебины

Кукольная игра:

Дни

1. Сватовство. [4])

. . . .

2. Налаживание к богомолью
3. Посидки Баня.

. . . . [5])

4. Девишник.

. . . .

   Приезд жениха
   Сборы к венцу
   Запись в Сике
   Венчание
   Пир.
   Утренние обряды
   Отъезд на хлебины.

---

[1]) Можаровский. „Игры крестьянских детей". Казань 1882 г., стр. 17.

[2]) Тоже подтверждает и этнографическая литература для других районов. Харузина. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни. („Этногр. Обозр." 1911 г. кн. I L. XXXVIII стр. 53). Семенова-Тянь-Шанская. „Жизнь Ивана" Записки РГО. 1914 г. стр. 28.

[3]) См. выше.

[4]) Разница только в названии.

[5]) По наблюдениям Н. П. Колпаковой „заруцение и белила" иногда выпускаются и в обряде взрослых.

Тексты причитаний, исполняемых на посидках [1])

Обряд свадьбы:

1. Пожалей ка ты меня, да Аннушка.
2. Уж не тут было мое местечко
3. Уж ты родимый ты, братенок
4. Уж вы ходите да наряжаетесь
5. Уж ты што стала да выстала?
6. Уж я, Аннушка, к вам и почасту
7. Не свет ли рассветается
8. Уж ты, сизой голубоцек
9. Уж не несут меня ноги резвые

Кукольная игра:

1. Уж ты сизой де голубоцек
2. Уж не несут меня ноги резвые.
3. Уж я первой то поклон да положу
4. Уж не тут было мое местечко
5. Уж ты, Саннушка, Александрушка.
6. Уж ты, Аннушка да подружецка.
7. Уж вы ходите да наряжаетесь.
8. Уж ты што стала да выстала
9. Уж ты на што да рассердилася
10. Не свет ли рассветается
11. Уж ты ясный соколоцек.
12. Уж ты, татенька, татенька. [2])

Тексты причитаний, исполняемых по дороге в баню и обратно

Обряд свадьбы:

1. Раскатись жарка парна баенка

. . . .

2. Упрела ужарела

. . . .

Кукольная игра:

1. Уж вы, спорядовные мои соседушки
2. Уж не несут меня ноги резвые.
3. Упрела, ужарела

Девишник

Обряд свадьбы:

Свадебницы в избе невесты одни едят и пьют чай

Женки выводят невесту. Она голосит: Все прошло прокатилось

Приношение приноса

Снимают повязку невесте, она голосит: „Уж ты выстань, да да лебедь белая“.

. . . .

Невеста: Посмотрите-тко поглядите-тко уж не едут ли женихи

Кукольная игра:

Куклы-подруги приносятся на окно и рассаживаются вдоль его косяков.

Приношение приноса.

Хор: „Уж ты, Аксиньюшка, да обманщица“.

Невеста. Посмотрите-тко, поглядите-тко уж не едут ли женихи.

---

[1]) Порядок причитаний в таблице следует порядку записи Н. П. Колпаковой и порядку игры девочек (см. „Свадебный обряд на реке Пинеге“).

[2]) Порядок и количество причитаний на свадьбе, обыкновенно зависит от количества присутствующих лиц, но порядок первых двух причитаний в кукольной игре: „Уж ты сизый голубоцек“ и „Уж не несут меня ноги резвые“ явно спутаны Алей Шантиной, так как это причитания о бане, которые должны исполняться под самый конец, при сборе в баню.

Приезд жениха

Причитание свадебниц: Ясно солнышко да на закате Встреча жениха со свечой иконой. Расспросы: „Што вы за люди?" Благословение хлебом Хор: Золото с золотом свивалося	Причитание свадебниц: Ясно солнышко да на зак те. Благословение хлебом. Хор: Золото с золотом свивалося

Стол свадебников

Бытовые картинки.	Хор: Кобелевски [1]) улицы широки

Княжский стол

Хор: Припевания тысяцкого	Хор: Золото с золотом Обряд с кашей

Проводы молодых ко сну

Кладут кирпичи или камни и чучело ребенка. Приговаривают: Перва ночь—сына да дочь.	Молодых укладывают спать на лавке изображающей другую комнату.

Утренние обряды

Бужение молодых Пахание пола Молодых мажут сажей	Пахание пола

Из приведенной таблицы мы видим, что игра детей, несомненно, сходная в основных моментах с обрядом взрослых, разнится от него в деталях. Так, выпущены совсем или слабо развиты те моменты, которые происходят в избе жениха: „утренние обряды", „проводы молодых ко сну", „бужение молодых" и „бужение жениха" перед девишником. Возможно предположить, что детям менее известно то, что происходит в избе жениха. Так „бужение" перед девишником происходит рано утром, часов в 5—6, когда большая часть девушек находится уже у невесты. „Проводы молодых ко сну" с приговоркой: „Первая ночь, сына да дочь", также возможно недоступны наблюдению детей, так как происходят в отдельной горнице молодых, в присутствии одних только „женок". Итак, признавая первым источником, создавшим игру,—подражание взрослым—можно добавить следующее: возможно что дети воспроизводя обряд, виденный у взрослых, берут из него моменты действительного, виденные, выпуская то, что им смутно известно.

Перейдем к следующему источнику—заимствования друг от друга. Живой иллюстрацией к словам Али Шангиной о роли девочки-руководитель-

[1]) Кобелево—окол в Покшеньге, где Сик и Погост.

ницы игры, конечно, является она сама и ее подруги, главным образом, маленькая Катя Шихина, определенно не знавшая ни обряда свадьбы ни устава метища и путавшая все детали. Она училась у подруг, преимущественно у Али Шангиной, и первые сознательные представления об обрядах, существующих в ее деревне, получила не из действительной жизни, а из игры. Интересно проследить, что и как передают дети друг другу. Рассматривая сравнительную таблицу мы замечаем, что кукольная игра разделяет „Сватовство“ на два дня: „официальный приезд сватов“ (родителей жениха) и „налаживание к богомолью“, что характерно для обряда свадьбы г. Пинеги, Марьиной горы и Карповой горы, но не для Покшеньги, где эти два эпизода проводятся в один день. Хотя Аля Шангина и говорит, что не учила подруг „играть по пинежски“, но все же перед нами встает вопрос о возможном, в подобной игре слиянии обрядов разных районов, путем перенесения какой нибудь детали девочкой-руководительницей, играющей с менее опытными подругами. Кроме передачи игры друг другу существует и несомненная передача ее из поколения в поколение так что весьма вероятно, что передаваемая таким образом игра-свадьба имеет древние корни. Опрос 72-летней старушки, произведенный в Пинеге, выяснил, что эта бабка в детстве также играла в куклы: устраивала для них свадьбы, метища, посиделки и похороны. „Заруцение и белила“ теперь часто опускаемые в обряде, проводились еще в ее играх. Любопытно также показание одной крестьянки Псковской губ., Ксении Алексеевны Митрофановой, опрошенной мною в Ленинграде, которая рассказывает, что игре в свадьбу ее учила мать. Отсюда логически мыслим еще один источник игры,—это архаизмы, не встреченные мною в данной игре, но которые все же должны иметь в виду каждый исследователь, работающий над детской игрой. [1])

Третьим источником, создающим игру, я бы предположила самую психику детей, берущую из обряда все более яркое и динамическое и выпускающую длинноты. Так, возможно, что „шитье приданого“, момент нединамичный, выпущен как неприменимый в игре. Далее на мой вопрос заданный девочкам: Отчего они выпустили деление метища на утреннее, дневное и ночное, они ответили: „Мы иногда играем, а иногда нет: ведь это все то же самое“. Песни на метище пелись, в свадьбе же почти вся песенная сторона обряда была выпущена. Здесь вряд ли можно предположить, что это делалось только для сокращения игры, принимая во внимания ту серьезность, с которой дети относились к кукольному обряду. Самое вероятное, что они слыша свадебные песни, не могут запомнить такое большое количество их, обычно протяжных и трудных для исполнения. Песни, которые пелись детьми на кукольном метище, значительно легче. Такие как „Кинареечка прелестна“ поются всеми в деревне. Когда я записывала у них загадки, считалки и

[1]) Шейн указывает на то, что обычай „хоронить кострому“ в Муромском уезде Влад. губ. исчез совершенно между взрослыми и перешел в руки девочек как, игра. (Шейн, Великорусс. т. I, стр. 370).

дразнилки, то они предлагали мне „сказать песню“ и упоминали не раз „Кинареечку“. „Сказать“ же какую либо свадебную песню мне не было предложено ни разу. Что же касается песен „кадрельных“, то они хорошо известны детям, которые постоянно пляшут „кадрель“, как на праздниках взрослых [1]), так и на своих школьных [2]). Дальше следует остановить внимание еще на одном моменте, выдвигаемом детской психикой—это доминирование роли невесты. Затенение в игре обрядов, проводимых в избе жениха, возможно происходило и из большего интереса девочек к невесте.

Причитания невесты Аля Шангина знает хорошо и дает большое количество их, передавая их с большим увлечением; вероятно, в свое время они произвели на нее соответствующее впечатление. Вот главные источники, из которых возможно предположить возникновение данных игр.

Уместно будет поставить вопрос и о детской импровизации в играх подражающих быту. Я бы сказала, что в данных играх почти ее не было. Было определенное и точное подражание взрослым, вероятно, бессознательное выкидывание тех или иных частей обряда и простая группировка тех или иных виденных свадеб; выдача невесты замуж при родителях или сиротой, „за реку“ или „в свою деревню“ и т. д. Но все же вопрос о детской импровизации в играх подражающих быту и обряду взрослых, очень интересен и должен быть поставлен на ряду с целым рядом других вопросов: 1) весь ли обряд видят дети, или какие либо части его остаются им менее известны, 2) не является ли обычное детское шитье кукол — отдельной игрой, „шитье приданого“, 3) бытует ли среди детей протяжная свадебная песня; 4) возможно ли перенесение в игру частей обряда из одной деревни в другую, 5) в какой мере вносятся в игру элементы, не входящие в обряд (кадрель на метище), 6) как именно играли старшие поколения в эти игры, что и как передали детям; 7) нет ли каких либо серьезных изменений в последующих поколениях; 8) как играют совсем маленькие девочки, только что научившиеся от старших подруг и не знающие еще настоящего обряда; 9) как играли старшие девочки 13, 14 лет, когда они были маленькими. 10) участвуют ли в этих играх мальчики и если да, то какова их роль в игре;

Все эти вопросы возможно выяснить только путем дальнейшего наблюдения. Пока мы не имеем еще вполне разработанных программ по изучению детской игры, но опыт показывает, что изучение ее должно итти в самом широком диапазоне, охватывая, по возможности, все стороны детского быта, параллельно с опросом взрослого населения об их играх в детстве.

---

[1]) 24/VI в деревне Шардомень я наблюдала детей во время метища. Не являясь активными участниками праздника, они собираются кучками где либо в стороне и пляшут друг с дружкой кадрель.

[2]) Об исполнении кадрели на школьных вечеринках рассказывала мне в Шардомени девочка 12 лет, Анна Чикитина.

В. Н. ВСЕВОЛОДСКИЙ-ГЕРНГРОСС

КРЕСТЬЯНСКИЙ ТАНЕЦ

В области изучения крестьянского танца мало сделано как потому, что нет соответственных специалистов, так в особенности потому, что еще не собран необходимый материал. А имеющиеся данные по своему составу, если и позволяют охарактеризовать современный нам танец, то лишь с большим трудом могут содействовать построению какой бы то ни было теории происхождения и истории развития разных видов русского танца. Перед нами обрывки хороводов, несколько видов старой русской пляски, громадное количество городских танцев, то исполняемых деревней в относительной точности, то по своему стилизуемых и, наконец, столь же большой ряд танцев, сочиняемых деревней в подражание городу. Старые формы очень охотно уступают место новым и исчезают бесследно.

А между тем осознание характера танца значительно облегчится, если станет ясной его природа, а следовательно его история, его происхождение. Вот для этого то, по крайней мере сейчас, в начале предпринятого исследования и нет достаточных данных.

В начальной стадии своего развития танец не представлял собою самостоятельного рода искусства, но входил в состав смежных видов действований— именно процессов игровых, обрядовых и трудовых, с которыми и был слит в одно синкретическое целое. Особенно близка его связь с некоторыми смежными искусствами, также входящими в состав этих действований — с музыкой и поэзией; ее мы наблюдаем и сейчас. В целом же танец—элемент и разновидность театрального искусства. Связь танца с музыкой — двояка—это связь либо с поющейся песней, либо с инструментальной музыкой; связь с песней, в свою очередь, тоже двояка: 1) когда характер танца обусловлен текстом песни и ее ритмом и 2) когда текст песни случаен, а танец обусловлен только ритмом песни.

Связь танца с трудовыми процессами в общих чертах такова: во первых, имеется целый ряд производств, требующих танцовальных движений,— например, систематического топтания ногами (топтание глины, чая, колосьев, втаптывание зерен, трамбование земляного пола и пр.); они легко и естественно вырастают в самостоятельный танец. Во вторых же, связь может быть и более сложной. На ранних ступенях развития организм затрачивает свою энергию на удовлетворение насущнейших потребностей; по мере же удовлетворения их и по мере дальнейшего развития, у него образуется некоторый избыток энергии, расходование которого идет поневоле по ранее

выработанным путям, по пути приобретенных целесообразных, полезных движений, т. е. поневоле воспроизводит рабочие движения. Процесс сознательного воспроизведения есть не что иное как подражание. Воспроизведение бывает двух родов: 1) когда перед действующим лицом реальный объект—в этих случаях воспроизводимое действие приобретает все большую и большую целесообразность, точность, законченность, и 2) когда реального объекта нет, и мы имеем дело лишь с воображаемым — в таких случаях воспроизводимое действие постепенно теряет свои признаки, обобщается, схематизируется вплоть до полной утраты своего исконного смысла, назначения и формы. Наконец, танцы часто воспроизводят процессы не действиями же, но лишь своим общим построением, своей общей архитектоникой (см., например, ткацкий хоровод, зарисованный Шейном—Великоросс...).

Связь танца с обрядом не сохранилась в нашем быту нигде за исключением сектантского богослужения; объясняется это тем, что большинство обрядов выродилось уже в игры; в тех же действах, которые до сих пор сохранили свой обрядовый характер, как например, свадьба, похороны, поминки, родины и пр., танцы или не входили в качестве составной части, или входили только в качестве самостоятельного, так сказать, „дивертисментного“ вкрапления.

Воспроизведение действия при отсутствии реального объекта и реальной утилитарной установки свойственно двум видам действований — игровым и плясовым. Те и другие — внеутилитарное воспроизведение трудового утилитарного процесса. Это делает их очень схожими. Отъединение их друг от друга подобно отделению искусства поэзии от искусства песни; как первое развивает смысловую ценность звучания, а второе — чисто формальную, так и игра развивает сюжетную сторону действования, а танец — формальную. Связь видна еще в том, что до сих пор в некоторых местностях (например, на Мезени) та или другая „фигура“ танца (скажем, кадрили) называется не „коленом“, как обычно, а „игрой“, а хороводы называются „игрищами“.

Порядок дифференциации, повидимому, таков: сперва танец отделяется от процессов трудовых, затем от игровых и позднее всего от песни. Однако, до сих пор мы наблюдаем и старейшие синтетические формы; к их числу относится хоровод.

Теперь несколько слов о танцовальной терминологии. Следует четко различать два основных понятия: „танец“ и „пляска“. Танцем называется занесенная в деревню городом форма; танец—это кадриль, „ланцы“ (лансье), „ки-ка-пу“, „дирижабль“ и пр. и пр. Танец „танцуют“ и танцуют преимущественно в „городском“ платье; это занятие легкомысленное, по мнению стариков даже предосудительное. Пляска — это исконный крестьянский танец; его пляшут; в первую очередь пляшут „русскую“. На ряду с этим, существуют плясовые формы, которые „водят“ или которые „ходят“. Их отличает отсутствие танцовальных „па“. Термины эти часто мешаются, однако совершенно ясно, что „ходят“ в тех случаях и те танцы, в которых не прибегают к танцовальным „па“, а „водят“ те танцы, в которых уча-

ствует длинный ряд лиц, а не танцующая пара. Типичным танцем, который водят, является хоровод (игрище). Надо еще заметить, что наряду со всевозможными танцами, нам пришлось видеть на Мезени не только чистой воды „хождения“, но и „стояния“; их уместнее всего было бы назвать „церемониальными“: они до сих пор хранят все следы обрядовой серьезности и деловитости и исполняются в старинных нарядных одеждах.

Мы знаем несколько систем классификации танцев, составленных по различным признакам. Например, по признаку содержания и назначения: танцы религиозные, воинственные, бытовые и эротические, или по характеру действий—танцы мимические, гимнастические и пр. Все эти системы страдают определенными погрешностями и неясностью, ибо, например, танцы религиозные и воинственные представляют собою лишь известную разновидность танцев бытовых; под мимическими танцами, очевидно, разумеются пантомимические или, еще вернее, драматические. Думается, что правильнее всего было бы исходить из разновидностей, определяемых самой жизнью и осознаваемых самими участниками.

Повидимому, мы вправе различать следующие основные виды танца: собственно танцы,—пляски и хороводы (игрища). Уточним. Танцем я называю светскую, городскую разновидность, или вымышляемую индивидуальным танцмейстером, или, хотя и имеющую этнографический корень, но утерявшую его. Пляской я называю органически созданную этнографическую разновидность, бытующую в народной толще; связь ее с трудовым процессом или ясна или по крайней мере близка. Кроме того, существует разновидность промежуточная—это крестьянские танцы, вырастающие под влиянием городских. В танце и пляске имеются характерные для каждого из них па, т. е. нарочитые фигурные движения ног; состав и группировка исполнителей преимущественно — соло, пара или несколько солистов или пар. Наконец, хоровод (игрище)—это массовая разновидность, также органически созданная, этнографическая, бытующая в народной толще, также близкая к трудовым процессам, однако не имеющая специальных па, зато, обычно, тяготеющая к развитию драматического действа. Хронологически идут они в последовательности: хоровод, пляска, танец.

Крестьянский быт хранит их далеко не в равной мере. В наше время наиболее распространены танцы, пляска встречается реже, хороводы вымирают почти повсеместно. Но на Мезени удалось найти местности, где еще до сих пор царит хоровод, где до сих пор не знают городских танцев.

В художественно-бытовом отношении русское течение реки Мезени, вообще, может быть разбито на четыре района: верхний — от Вожгор до Усть-Вашки (Лешуконского), средний — от Усть-Вашки до Погорельской, нижний—от Погорельской до Лампожни и, наконец, район города Мезени. Наиболее архаические формы наблюдаются в верхнем, затем в нижнем; средний район, находящийся у большого торгового тракта на Пинегу и Архангельск, значительно ближе к новым наслоениям и, наконец, район гор. Мезени носит все черты городского мещанского уклада. Впрочем, река Ме-

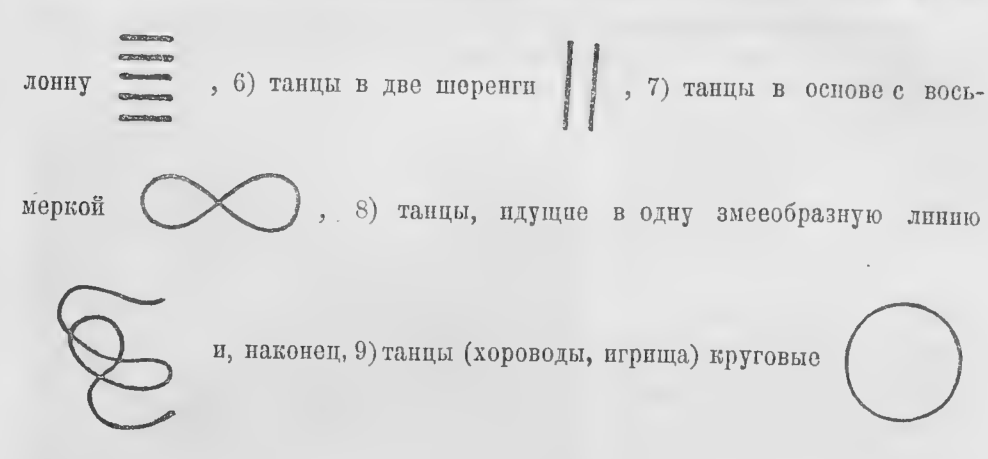
зень является настолько значительной артерией, особенно в летнее время, что указанное разграничение становится все менее и менее верным. Во всяком случае, верхний район до сих пор живет почти исключительно одними хороводами, влияние форм городского танца на исконную пляску едва заметно, и летом 1927 года экспедиция нашла деревню (Койнасы), в которой городская кадриль появилась только с 1 мая того же года. Да и на всем протяжении реки городские танцы появились не ранее, как десять лет тому назад, при чем занесены они были побывавшими в городах во время империалистической войны солдатами и позднее комсомольцами. Этот факт интересно сопоставить с тем, что в Заонежьи экспедиция установила вымирание хоровода уже 30 лет тому назад.

Далее необходимо отметить, что Мезень в целом танцует и пляшет преимущественно под песню, и здесь она до сих пор является серьезным конкурентом гармони. Обстоятельством, сильно способствующим этому, следует считать малую распространенность музыкального инструмента и умения им владеть. И чаще всего танцы (хороводы) тесно связаны не только с ритмом, но и с текстом песни. Большой процент составляют танцы и пляски, называемые по первому стиху или же по заглавию песни; например: „Зелено вино в кармашке“, „Егорий“ и др. Характерно, что под одну и ту же песню в разных деревнях иногда танцуют разные танцы или же один и тот же танец в разных деревнях исполняется под разные песни.

Еще одно общее замечание. Городские „легкие“ танцы именуются в деревнях чаще всего по их иностранным названиям, однако с невольным искажением наиболее трудно произносимых слов. Например: „падекат“ и т. п. Иногда называются они также по имени той песни, под которую танцуются. Так как танец представляет собою или орнаментальное развитие некоего исконного в конечном счете трудового действия или образуется комбинированием нескольких, обычно немногих по числу, основных танцовальных форм, то и изучение его наиболее уместно именно с формальной точки зрения.

В этом смысле все танцовальные разновидности на реке Мезени можно разбить на следующие девять групп:

1) Городские легкие танцы, 2) кадриль, 3) танцы, строящиеся по принципу кадрили (расположение пар визави прямоугольником) [▭], 4) танцы, основной фигурой которых является колесо [✳], 5) танцы в одну ко-



лонну , 6) танцы в две шеренги , 7) танцы в основе с восьмеркой , 8) танцы, идущие в одну змееобразную линию и, наконец, 9) танцы (хороводы, игрища) круговые

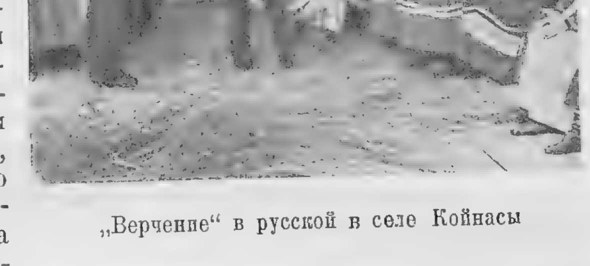
Большинство из них имеет по одной „игре“ (по одному „колену“), и лишь некоторые—по нескольку.

Из городских „легких“ танцев на Мезени встречаются: Вальс, Полька, Венгерка, Краковяк, Па-д'Испань, Па-де-катр, Ту-Степ, Ойра, Матлот, Кохановка, Дирижабль; к их числу можно бы еще отнести „Коробочку“, „Яблочко“, „Во саду ли в огороде“, „На реченьку“ и „Мельника“; однако, их правильнее отнести к группе танцев деревенских, происшедших в подражание городским. Танцы городские в деревне представляют собою достаточно неточную копию исполняемых в городах и, хотя изучение претерпеваемых ими изменений заслуживает полного внимания, однако, мы на этом пока не будем задерживаться и перейдем к деревенской кадрили.

Кадриль выделяется из группы легких городских танцев по причине ее сложности и громоздкости. Кадриль, вообще, старейший из городских танцев, попавших в деревню или в цельном виде, или хотя бы только в виде отдельных своих элементов. Кадриль, вообще, очень распространена в русской деревне, но на Мезени ее почти нет. Танцуют кадриль в городе Мезени, кадрили научились в Койнасах 1 мая 1927 г. по получаемому здесь журналу „Деревенский театр“, в остальных же деревнях нам не приходилось ее находить. Интересно, что только что разученная кадриль насчитывает 8 фигур, между тем, как старшая, бытующая в городе Мезени, сохранила лишь 5; эта последняя, кстати сказать, гораздо ближе к обычной городской, между тем, как Койнасовская редакция осложнена совершенно чуждыми кадрили формами—например: в 4-ой „игре“ одна линия пар делает воротца, а пары визави подходят под них, в 5-ой игре мы видим образуемое девушками колесо и, наконец, как, впрочем, и в каждой деревенской кадрили, здесь наблюдается „па“ из „русского“. Это все—элементы других, как мы увидим ниже, чисто деревенских танцев. С другой стороны, мы видим привнесение элементов кадрили в целый ряд деревенских танцев.

В результате наблюдается небольшой ряд излюбленных, а потому и наиболее распространенных фигур. Большинство из них мы уже назвали при группировании деревенских танцев.

К числу форм, навязанных кадрилью, относится раньше всего расположение танцующих квадратом или, общее, прямоугольником с вытекающей отсюда системой танца визави и чередовкой четных сторон прямоугольника с нечетными. Вся формальная характеристика этих танцев убеждает в том, что это позаимствовано именно у кадрили и отрицает возможность предположения образования прямоугольника путем осложнения двухшеренгового танца. Но, с другой стороны, именно то обстоятельство, что двухшеренговая конструкция знакома и близка деревне, повидимому, и было причиной того, что кадрильное расположение танцующих нашло себе такое распространение в деревне.



„Верчение“ в русской в селе Койнасы

К числу этих танцев относятся: „Конопелка“ (один из вариантов), „Сени“ (первая фигура; местами только она и известна), „Лен“ (один из вариантов), „Я качу по блюдечку“ и „Ковер“. В них, как, впрочем, и в других, мы находим еще одну позаимствованную у кадрили форму—верчение (своеобразное балансэ) двух танцующих, обычно, кавалера с барышней. Можно было бы с полной уверенностью говорить о том, что эта фигура позаимствована у кадрили, если бы на Мезени мы не натолкнулись на верчение, которое местные жители выдают за свое искон-

„Сени“ в селе Мерды

ное и которое делается не как обычно, взявшись как на вальс и даже не правыми (или левыми) руками за талию, что чаще всего встречается в деревенской практике, но взявшись правыми (или левыми) руками на протяжении от локтя до кисти, при чем кисти покоятся на лучевой кости. Заметим, что так же на Мезени берутся руками при рукобитьи на свадьбе, и что с другой стороны, верченье не встречается ни в плясках, ни в хороводах; это и позволяет думать, что здесь мы имеем дело с кадрильным балансэ при ныне уже забываемом народно-обрядовом соединении рук.

„Прялиця кокориця“ в селе Мерды

Впрочем, балансэ (верчение) нашло себе применение в русском, что лишает его характера пляски и придает ему скорее характер городского танца.

Перейдем теперь к танцам, имеющим в основе фигуру „колеса“. Их сравнительно немного: „Прялиця кокориця“ (или „Прялиця безделиця“), „Мельник“, „Конопелка“ (один из вариантов) и „Зелено вино в кармашке“. Колесо образуется следующим образом: кавалеры или барышни соединяются правыми или, наоборот, левыми руками около воображаемой оси, располагаясь по радиусам и, в иных случаях, имея свою пару с левой или, наоборот, с правой руки, отчего получается в плане нечто подобное спицам колеса; при этом вся система движется вокруг этой оси. То обстоятельство, что эта фигура действительно похожа на колесо, что она встречается в двух танцах, исполняемых под песни ткацкого содержания (прялка, конопля), и в одном танце, который хотя и исполняется под гармонь, однако именуется „мельником“ — былая песня, очевидно, утрачена—а в то же время не встречается в типичных городских танцах, — дает все основания думать, что это фигура деревенского происхождения и непосредственно вытекает из производства ткацкого или мельничного.

В следующей группе основным, исходным расположением танцующих является одна колонна. Это именно: „Застенок“, „Сени“ (вторая фигура почти всюду уже исчезнувшая) „Грунька“ и „Ноцка“). Простейшая редакция—в „Застенке“, принадлежащем к группе „церемониальных“ танцев; здесь девушки попарно в одну колонну идут вдоль по улице, покуда, наконец, не решат повернуть назад; тогда первая левая поворачивает налево и за нею идет

вся ее линия, первая правая—направо и за нею идет вся ее линия; таким образом, некоторое время получаются четыре параллельные линии хода: две внутренние вперед и две внешние назад; назад идут также попарно, покуда не решат итти обратно; в результате, собственно, получаются две восьмерки, впрочем настолько растянутые, что они и не ощущаются; зато настолько долго девушки идут в одну колонну, что эта последняя и характеризует фигуру „Застенка“. Некоторое развитие этого мы видим в „Попке“, в которой расходящиеся пары доходят только до конца колонны, где и меняются местами, после чего снова идут вперед.

В „Сенях“ каждая крайняя пара образует ворота, в которые проходят все остальные пары; в „Груньке“ (в четвертой фигуре) пары берутся за две руки и попеременно, то подходят под соседнюю, то пропускают следующую под свои воротца. Эту фигуру со всеми ее разновидностями, очевидно, также следует считать вполне самостоятельной и вытекающей из обыкновения прогуливаться попарно; и очень сомнительно, чтобы здесь сказывалось влияние позднейшей котильонной фигуры или полонеза.

Следующая группа танцев и „игрищ“ объединяется расположением участников в две шеренги; сюда относятся: „А мы просо сеяли“ (так как на севере не знают проса, то, обычно, поют: „а мы росу сеяли“), „Ка́лина да ма́лина“, „Пошла в то́нец“, „Молодка молодая“, „Во саду девки гуляли“, „Вдоль по травоньке“ и, наконец, первая фигура „Груньки“. Просо дает возможность истолковать эту форму: содержание песни, антифонность его исполнения, в связи с летописным повествованием о первобытных формах брака у славян, достаточно убедительно говорят за то, что в данном случае две сходящиеся и расходящиеся шеренги хореграфически воспроизводят брачный обрядовый момент. Однажды усвоенная, эта форма затем применяется и в других танцах. При этом только в „Молодке молодой“ эта основная форма видоизменяется— именно танцующие располагаются в две шеренги парами, как в кадрили, причем пары одной шеренги делают воротца, а пары второй—подходят под них. Чисто танцовально развивается она и в „Груньке“. Воротца являются, подобно балансэ, одной из форм очень распространенных не только в деревенских танцах, но и вдеревенских играх (игра в „Золотые ворота“). В остальных же танцах в две шеренги неизменно сохраняется антифонный характер, и при том все они имеют склонность к развитию драматического элемента, именно к воспроизведению текста исполняемой песни, что заставляет характеризовать эту форму, как форму исконную и „игрищную“ по преимуществу.

К седьмой группе относятся танцы, которые в плане зарисовывают цифру 8. Их, собственно, только два: „Конопелка“ (один из вариантов) и „Егорий“; хождение восьмеркой встречается еще и в „Я качу по блюдечку“. „Конопелка“ и „Егорий“, в сущности один танец, разные только песни. Такой же танец бытует в прионежском краю, где называется „Шестеркой“ (называется так по числу танцующих) (зарисован и описан Лысановым в Досюльной свадьбе). Все они представляют собою разновидность русского; по крайней мере исполняются с русским па; при этом или кавалер следует за барышней

(в „Шестерке“), или, наоборот, барышня за кавалером (в „Конопелке“ и „Егорие“). Несомненно, это фигура самобытная, деревенская. Сомнительно, чтобы она также происходила от ткацкого производства и вероятнее всего, что она развилась из простого хождения кругом; при быстром движении русским утомительно двигаться по кругу в одну сторону; отсюда и делается, собственно, два круга—один направо, другой налево.

Таким же развитием круга является фигура змеевидно изогнутой линии. Аналога мы находим в „вояжэ“ в городском котильоне. Благодаря ограниченности площади, отводимой под танцы, цепь танцующих изгибается и вьется вне всякого плана и системы. Подобных танцев записано на Мезени два, собственно один—„Улком шла“ и „Хожу я гуляю вдоль по короводу“. Идя изгибающейся линией женщины просто ходят в такт, а кавалеры выделывают русское па.

Остается еще коснуться самой излюбленной на Мезени формы—круговой. В своем исследовании о выразительных средствах религиозно-мистических сектантов Коновалов очень остроумно и правильно объясняет происхождение круговращательного движения чисто механическим путем. И действительно, вряд ли сейчас можно возвращаться к старой мифологической теории и символическому истолкованию. Круговая форма самая распространенная. Она, как и двух-шеренговая форма, склонна развиваться именно в сторону драматизации, а не орнаментализации. Типичные варианты—это окружность в чистом виде или с одним—двумя, редко большим числом корифеев посередине. Берутся, обычно, просто за руки, реже за два конца платочка. Дважды нам удалось найти осложнение самой окружности, в виде того, что в котильоне называется корбейль, при чем эта последняя делается, то внутрь круга впереди, то вне круга, за спинами участников. Итак, круговые формы почти исключительно игрищные. Игрище заключается в воспроизведении текста поющейся песни. Корифей обычно, входит в круг, к нему присоединяется второй, к ним третий и т. д. В „Розочке“—игрище на свадебную тему—в круг выбирается длинный ряд свадебных персонажей, вследствие чего образуются две окружности.

Круговые танцы следующие: „Из под вязу было вязу“, „Подговаривал Иван“, „Капуста“, „Чижик“, „Розочка“, „Хожу я гуляю вдоль по короводу“, „Утеночек“, „Береза“, „Еще кто ходит по городу“, „Лен“, „Мы которому святителю молились“, „Семеро детей“.

Одной из разновидностей кругового танца следует считать и стояние „столбами“. Девушки стоят, собственно попарно, при чем каждая левая постепенно примыкает к следующей по левую руку паре. Кроме „церемониальных столбов“ на Мезени есть еще и обычная игра в столбы, очень схожая с обрядовым танцем.

Каков же сюжет игрищных танцев? Обычно, в основе это отношения между парнями и девушками, и все сводится к выбору себе пары. Но этот момент всегда бывает осложняем, например, тем, что девушки собирают цветы, вьют венки, пускают их на воду, парни поднимают, девушки осматри-

вают каждая своего парня. Или—парень входит в круг, прихорашивается, кланяется девушке, одаривает ее, и, если она все же сказывается неприступной, приходит к ней с плеткой. Так как пар надо перебрать много, то развязка для каждой из них крайне проста—пара или просто вдруг уходит, или девушка сперва выгоняет парня, а затем выходит и сама. Все действия крайне реальны по выполнению, но в то же время исключительно схематичны—обычный „схематический реализм“ крестьянского театра. Итак, сюжет, вообще, бытовой.

Круговой хоровод „Лен“ в селе Вожгоры

К числу круговых форм, собственно, относится и русский, здесь значительно выветрившийся. При этом, роль самой окружности сходит на нет, вплоть до того, что просто на просто образуется в сторонке толпа, и все внимание обращается на кавалеров, тщательно отбивающих дробь и приступывающих каблучками. Кавалер, поплясав немного один, выбирает барышню, и они оба описывают окружность по часовой стрелке, при чем каждый из них еще вращается вокруг своей оси влево назад, т. е. правым плечом вперед. Барышни никакого па не делают и лишь переступают с ноги на

ногу в такт музыки. Что же касается кавалеров, то они сыпят дробью и пристукивают, как сказано выше, каблуками об пол, причем руки висят плетьми на плечевом суставе и только изредка поднимаются, чтобы поправить шапку или сделать какое то несколько ухарское движение. Походив так, долго вертятся, о чем речь была выше. Вникая в смысл этого па, невольно приходишь к убеждению, что это или воспроизведение па „заиньки", т. е. подражание движению животного, или плясовое воспроизведение исконного земледельческого трудового движения—разбивание кочек земли, втаптывание зерен и т. п. Впрочем этот русский нельзя характеризовать не сопоставляя его с многочисленными русскими, именовавшимися, обыкновенно, „голубцами" и состоявшими в том, что в пляске воспроизводилось ухаживание парня за девушкой: она скользит и не дается ему, а он изощряется перед нею в ухаживании и старается прельстить ее ловкостью па, выделываемых ногами. Полную аналогию мы находим в кавказских танцах—в лезгинке, кабардинке и др. Движение ног в русском, быть может, позаимствовано у востока или, вернее, обще с движениями ног грузин и других горских племен. Но в лезгинке все движение пляшущего воспроизводит воинственные движения, преследование некоего врага, погоню, в данном случае за жен-

„Столбы" в селе Мерды

щиной, которой кавалер добивается. И вся пантомимика сводится к игре кинжалами. В нашем земледельческом мирном быту никакое оружие и не могло себе найти места; что же касается па, то оно либо опростилось и огрубилось, либо слилось с движением или заиньки или земледельческим.

Русский сейчас потерял исконный характер эротического танца. Только описание пляски Берхгольцем (Дневник Камер-Юнкера герцога Голштинского при Петре I) проливает свет на эротическое прошлое русского голубца.

„Застенок" в селе Мерды

И вот, исключительно интересно, что на Мезени нам удалось не только записать, но и заснять на кино этот некогда описанный Берхгольцем танец. Называется он здесь танцем „козла" и исполняется обычно только мужчинами, да и то в пьяном виде. Заключается он в воспроизведении русским па под гармонь очень недвусмысленного ухаживания парня за девкой, оканчивающегося грубым и довольно любовно и разнообразно разработанным воспроизведением коитуса. Это приводит нас к мысли о том, что голубец и русский (в его Мезенской редакции) представляют собою не более, как облагороженную, сокращенную редакцию эротического танца типа „козла".

Задержимся еще несколько на тех „церемониальных“ танцах, о которых мы говорили выше. Называются они здесь „петровшинами“, хотя исполняются не только в Петров день, но и вообще во все летние большие праздники: Троицу, Иванов день, Петров день, Ильин день и др. Они состоят из трех: столбов, кругов и застенков. Исполняются в старинных нарядах— в повязках или „кустах“, в парчевых или шелковых штофных сарафанах или „гарнитурных“ платьях, в „коротеньках“ и в длинных шелковых шалях.

„Застенок“ в с. Верхний Березник

Участвуют взрослые девушки и молодки по первому или второму годам. Смысл „петровшины“, повидимому, в показе. Это своеобразные смотрины невест. Длится „петровшина“ часа 2—3 и исполняется почти без песен.

Различных танцев на Мезени экспедиция записала свыше сорока, не считая танцев городских. Многие из них засняты на кино. Формальный их анализ убедительнейшим образом говорит о процессе их образования. Одни, несомненно, вылились из движений производственных, утилитарных путем их орнаментального развития; другие—сложились путем комбинирования наиболее

распространенных форм, к числу которых относятся: круг, две шеренги, одна колонна, воротца, верчение, колесо, прямоугольник и немногие другие.

Танец, вообще, относится к разряду искусств театральных. Что же касается танцев хороводных, игрищных, то они примыкают к играм, именно к играм драматическим, и тем самым 1) подчеркивают театральную природу хореографического искусства и 2) проливают свет на один из путей развития театра в современном нам смысле.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ К ФОНО-РАСШИФРОВКАМ

Как и в первом сборнике „Крестьянское искусство СССР“, помещаемые нами в приложении фоно-расшифровки отнюдь не являются ни песенным сборником, ни опубликованием музыкального материала экспедиции, а даны исключительно в виде необходимого минимума примеров к статьям: „Культура протяжной песни“ и „Песни свадебного обряда“, почему и расположены в порядке упоминания в названных статьях. Вследствие этого мы 1) помещаем расшифровку не всей фонограммы каждой песни (вся фонограмма охватывает в наших записях либо песню в целом, либо большую ее часть), а только небольшие отрывки расшифровок, необходимые по ходу изложения 2) воздерживаемся от помещения: а) точных акустических обмеров (довольствуясь, как и в первом сборнике, указанием отклонений от темперованного строя посредством условных знаков); в) подробного комментария к каждой песне; с) всех знаков и указаний, касающихся исполнения.

Соблюдение этих условий, совершенно обязательное при опубликовании материала, не вызывается необходимостью при иллюстрации статей, посвященных динамическому анализу.

Абсолютная высота исполнения нами сохранена, за исключением тех случаев, когда транспозиция была необходима для более наглядного сравнения вариантов песен, как напр. в протяжной „Черемушка“ или в таблицах вариантов. Расшифровки, не соблюдающие абсолютной высоты, отмечены звездочкой. Что же касается тактовой черты, пауз и лигатур—в этом отношении мы целиком придерживались положений, принятых нами в первом сборнике. Тактовые черты расставлены только в песнях с вполне четким метром; там же, где они могли бы затемнить ритмический склад песни, мы воздерживаемся от их расстановки: цифровые обозначения перемен метра мы не расставляем во избежание излишней пестроты от постоянных изменений качества такта. Длительность пауз фиксирована совершенно точно, даже и в тех случаях, когда различная длительность однородных пауз разбивает метрическое однообразие. Длительность конечных устоев также выражена в соответствующих метрических единицах. Лиги употреблены исключительно для группировки нот, приходящихся на один слог текста. Наконец, все испорченные места валика, не поддающиеся дешифровке или расшифрованные с трудом,—т. е. когда настолько слабо слышно, что мы не можем быть уверены в точности расшифрованного,—заключены в прямые скобки.

Все примеры этого сборника, включая таблицы вариантов, в противоположность первому, состоят исключительно из записей на фонограф. №№ 1—14 расшифрованы Е. В. Гиппиусом; №№ 15—32—З. В. Эвальд. В таблицах вариантов приводятся либо вторые, либо третьи строфы песен.

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

[знак] Portamento на выдыхе, заканчивающееся звуком неопределенной высоты.

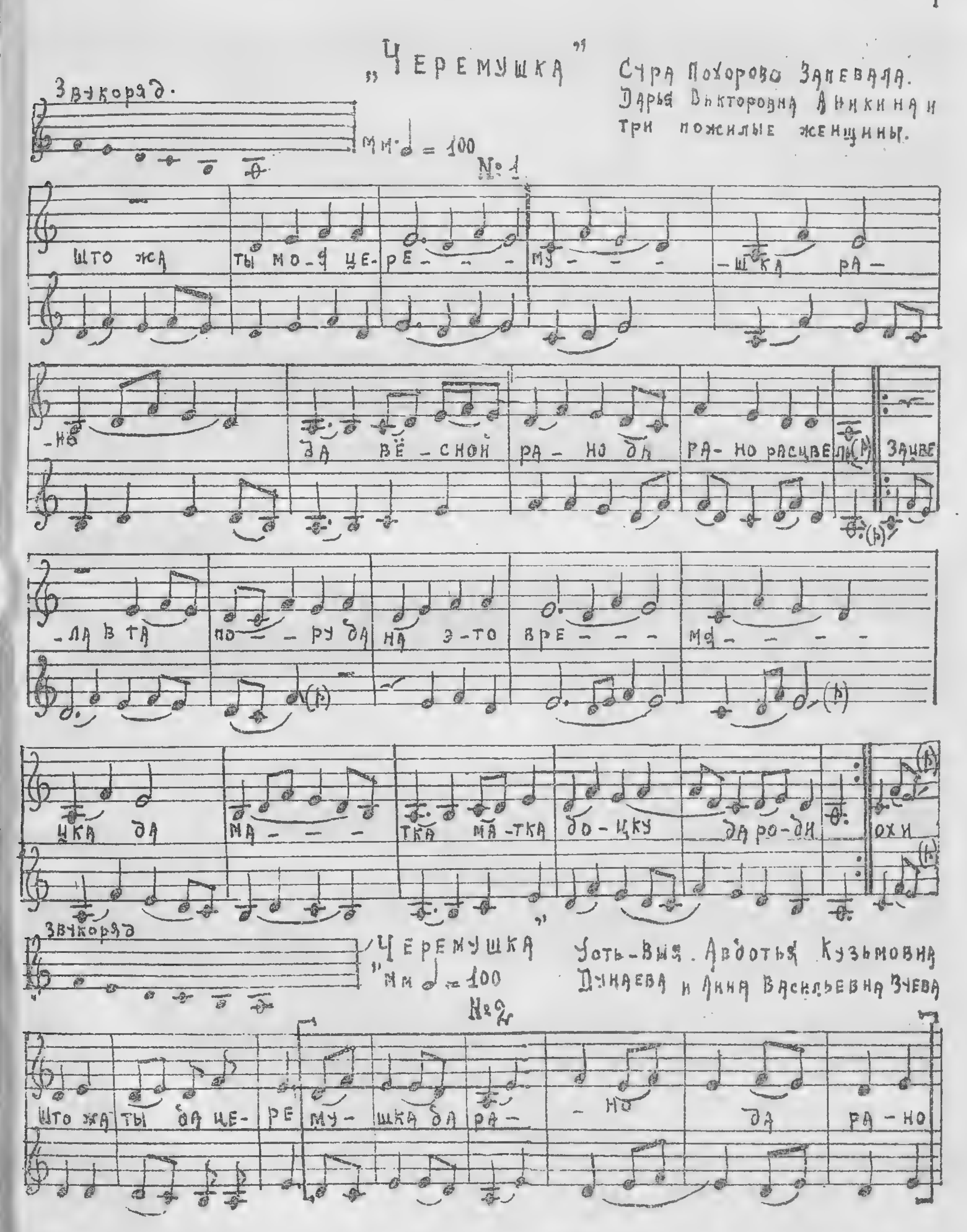
[знак] Выкрики или взвизги на неопределенный звук.

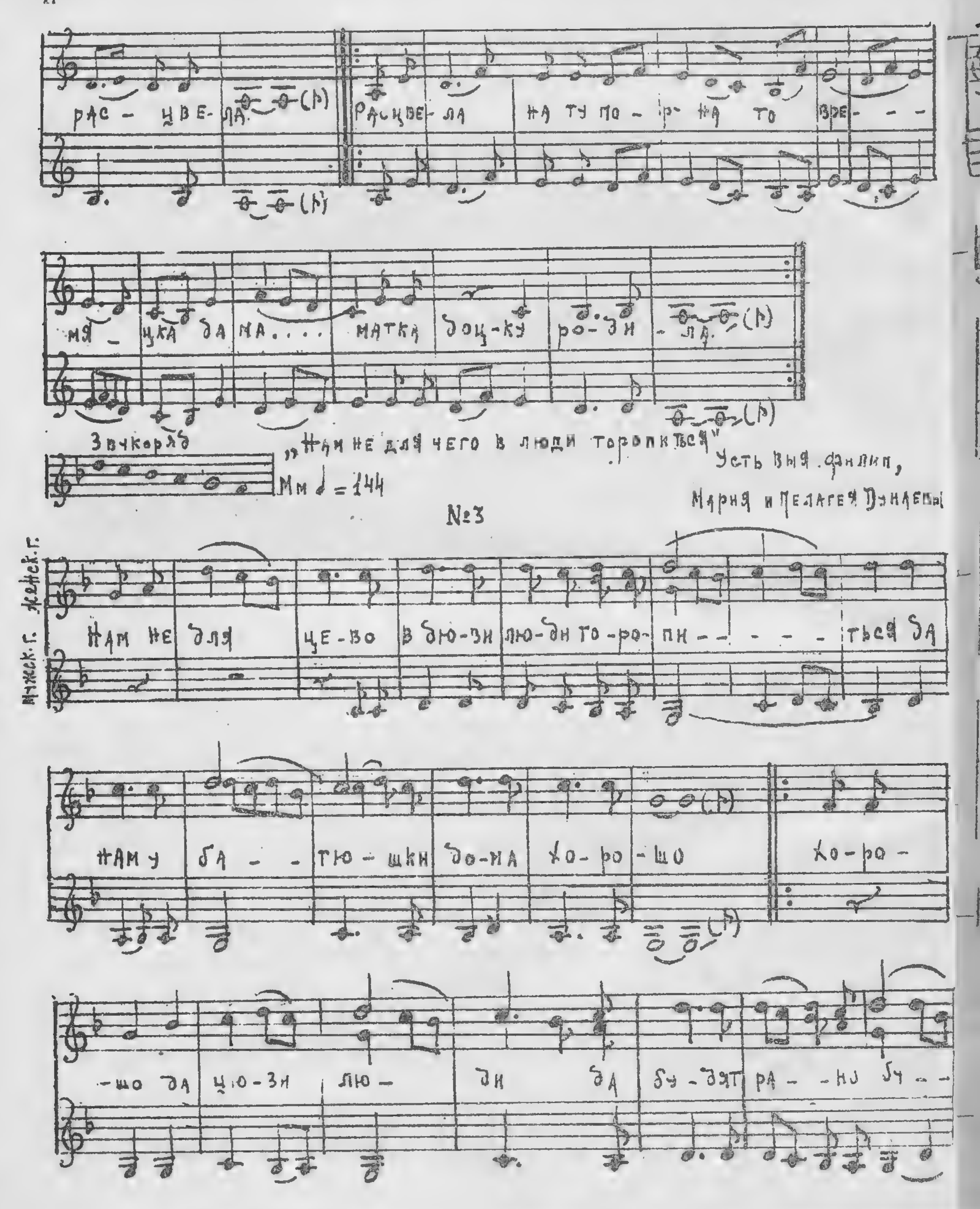
[знак] Повышение менее полутона.

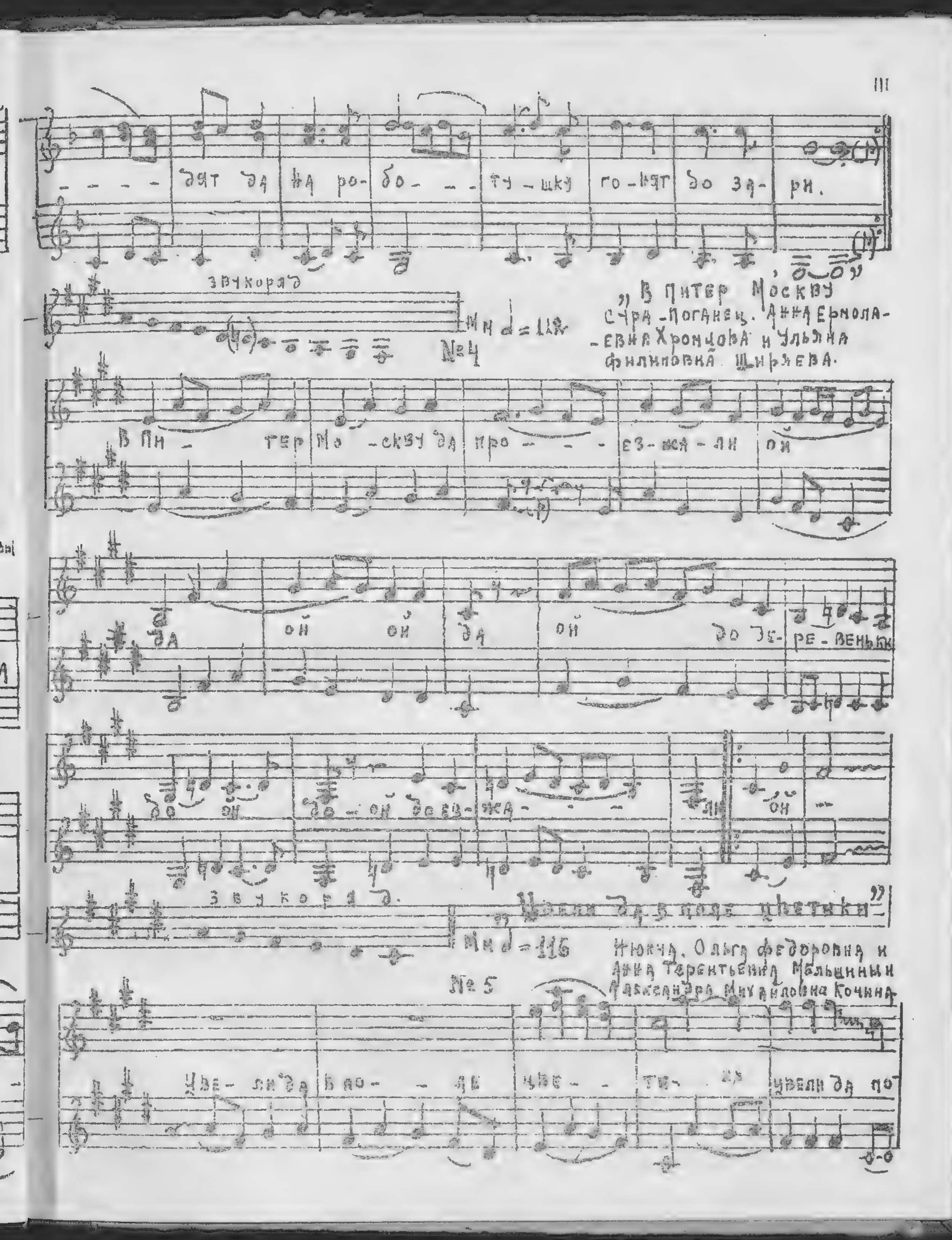
[знак] Понижение менее полутона.

[знак] Знак повторения, используемый для обозначения установившейся (более или менее окристаллизовавшейся) строфы после импровизационного начала песни, не повторяемого в дальнейшем.

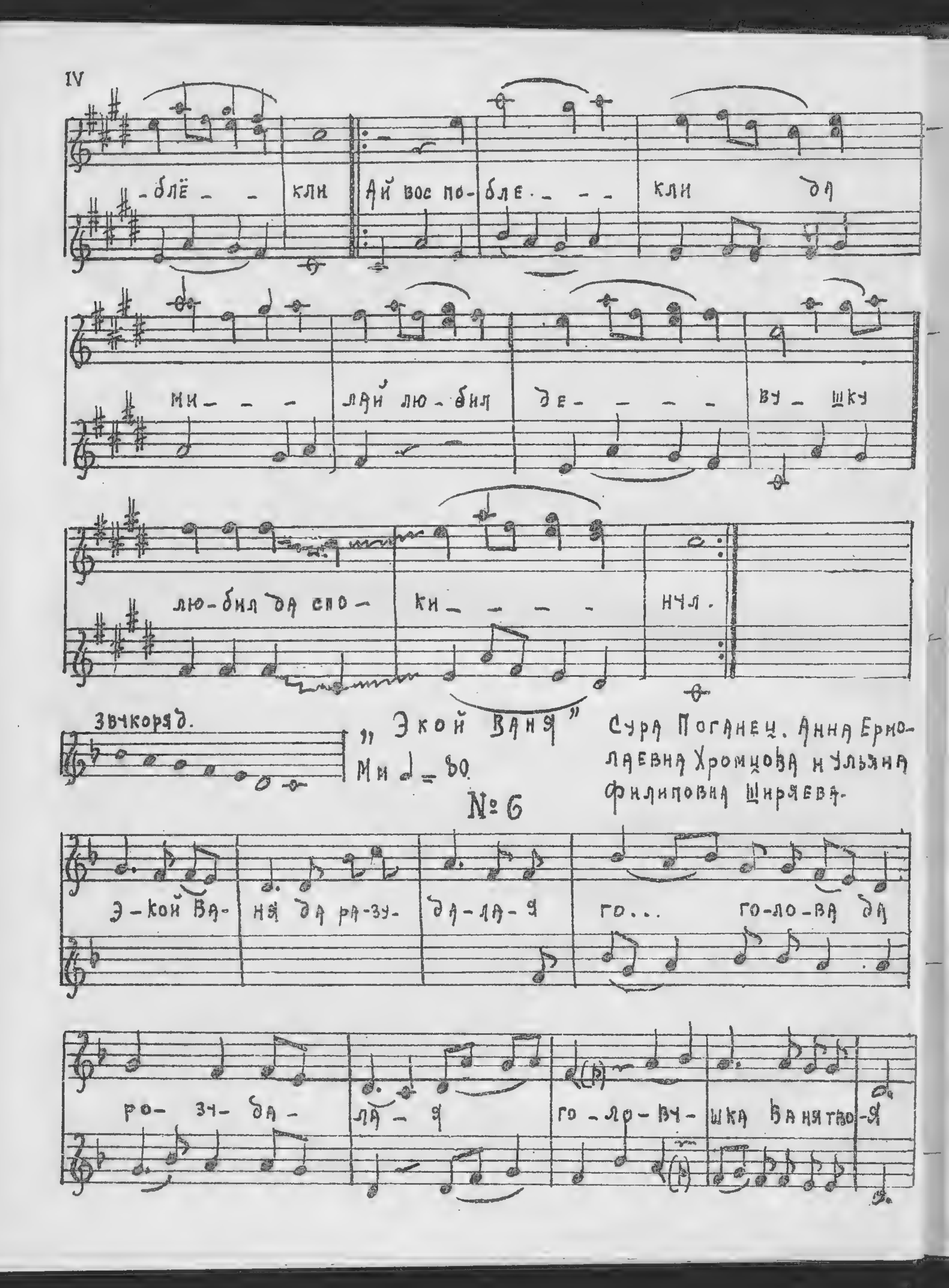
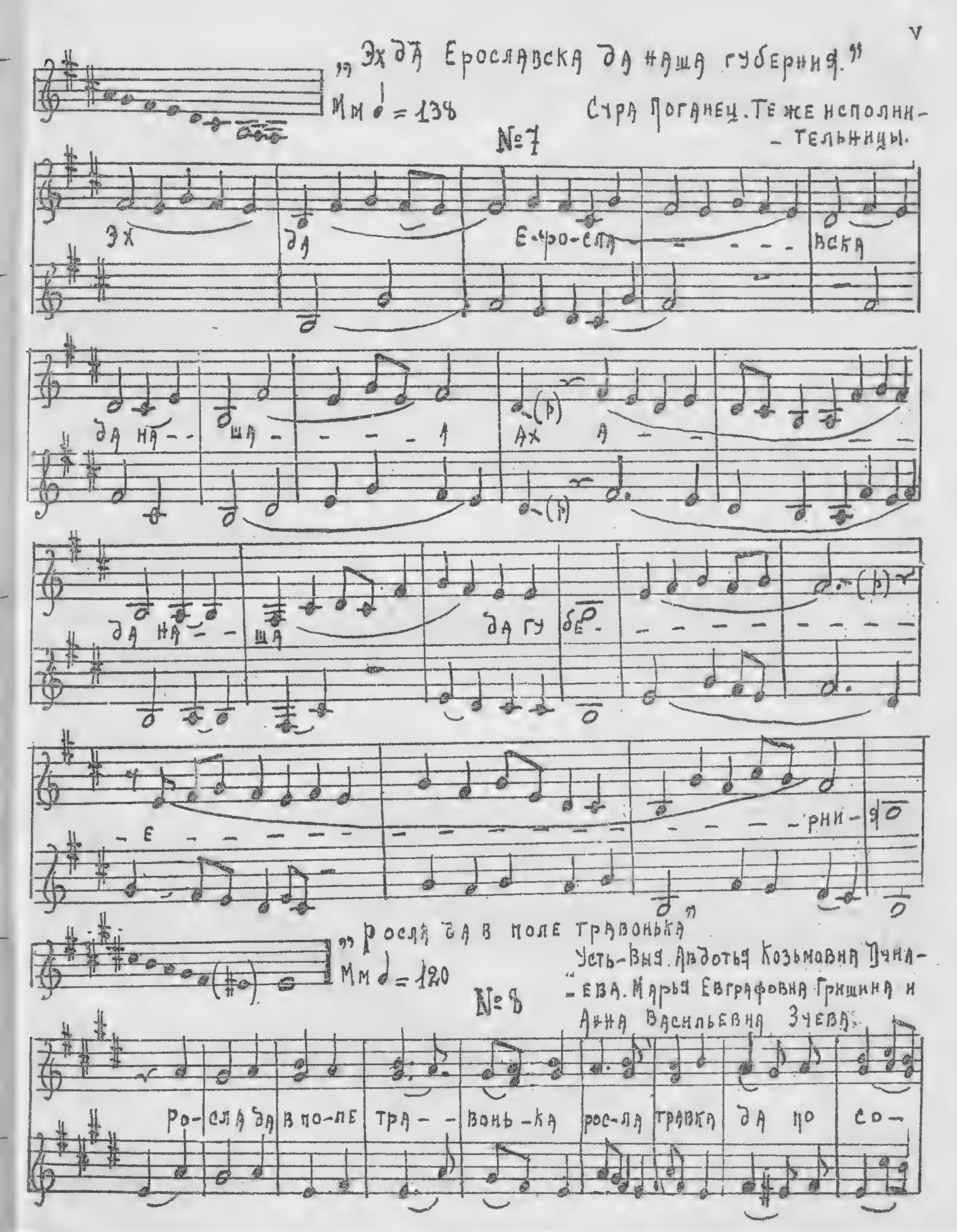
Е. Гиппиус и З. Эвальд

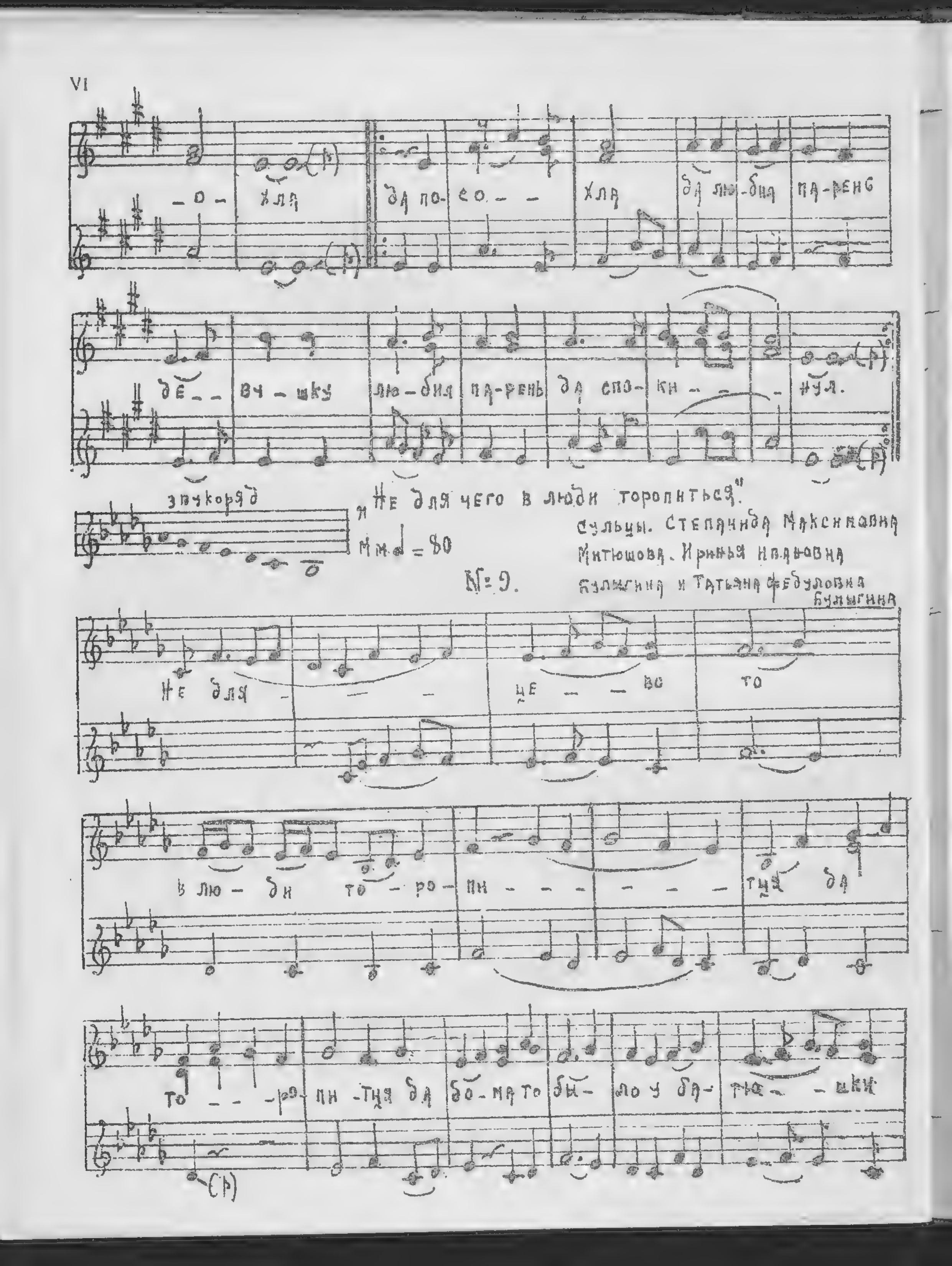

I
„Черемушка"
Сура Похорово Запевала.
Дарья Викторовна Аникина и три пожилые женщины.
Звукоряд.
ММ ♩ = 100
№ 1
што жа ты мо-я це-ре - - - му - - - - шка ра - но
да вё - сной ра - но да ра - но расцве ла (р) Зацве
- ла в та по - - ру да на э - то вре - - - мя - - - -
цка да ма - - - тка ма - тка бо - цку да ро - ди охи
Звукоряд
„Черемушка"
ММ ♩ = 100
Усть-Вуя. Авдотья Кузьмовна Дунаева и Анна Васильевна Зуева
№ 2
што жа ты да це - ре му - шка да ра - - но да ра - но

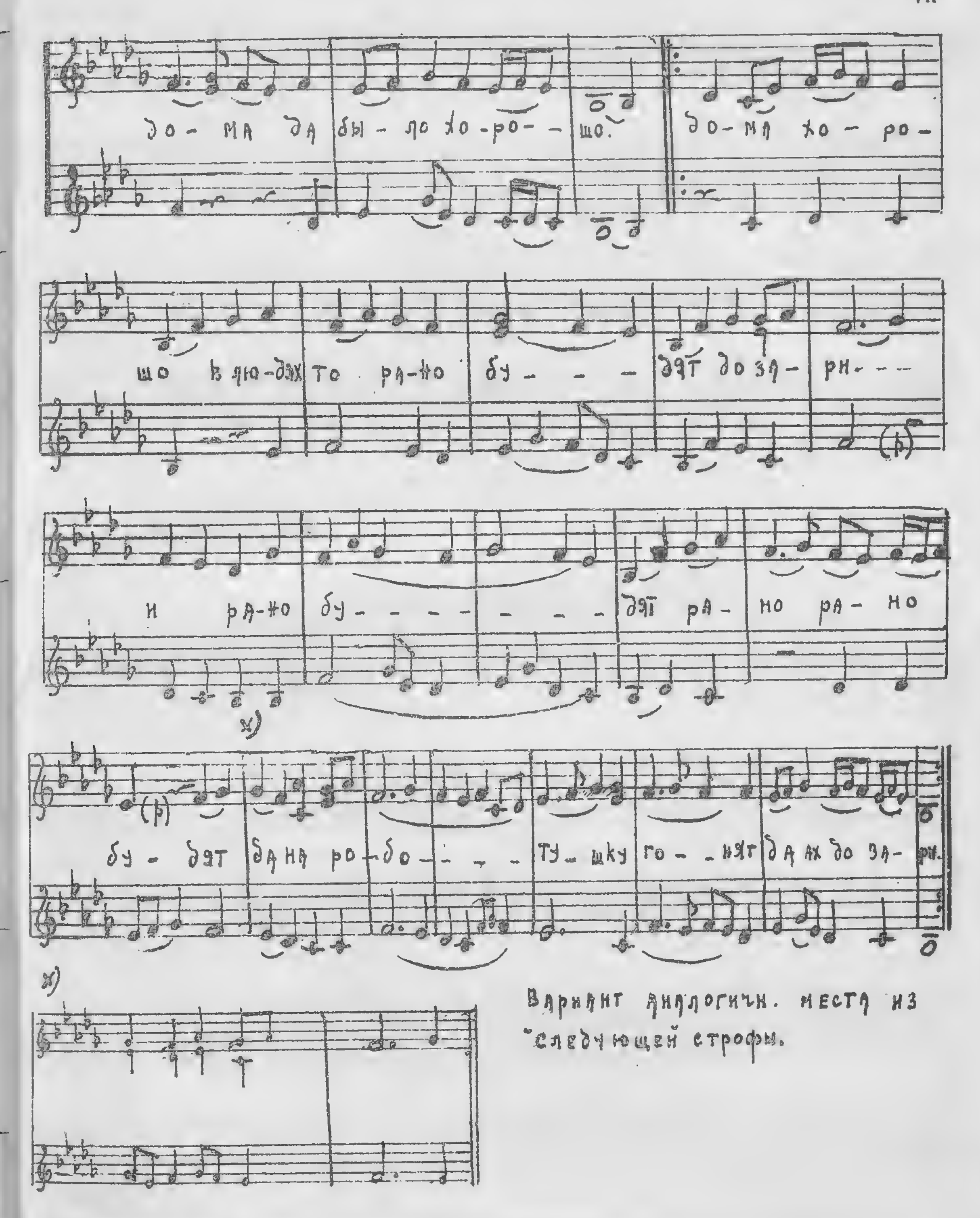

Звукоряд
„Нам не для чего в люди торопиться"
Мм ♩ = 144
№3

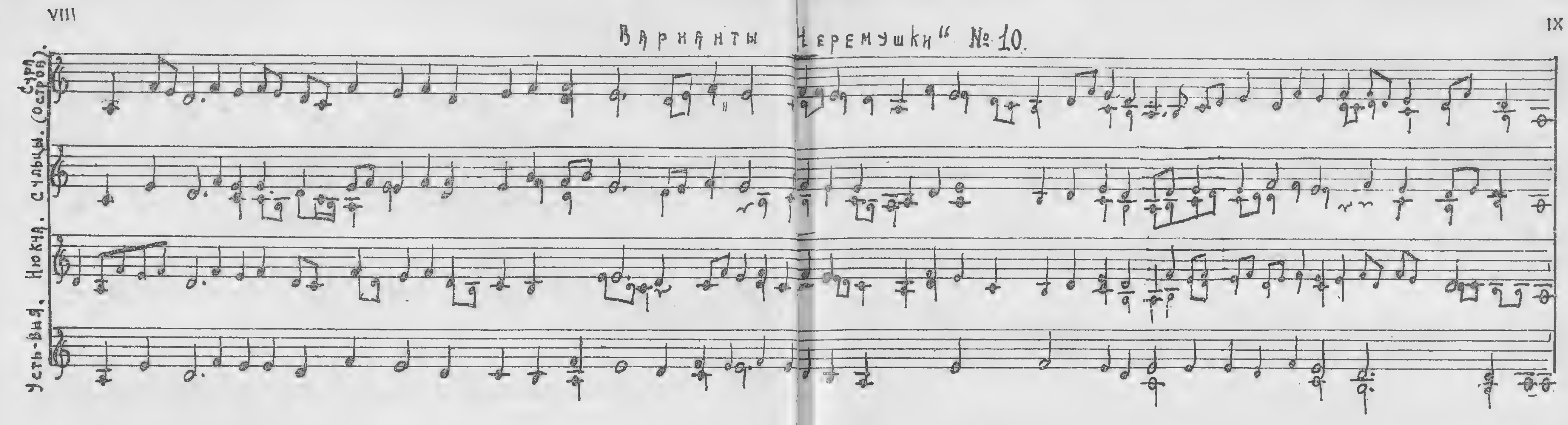


- - - - | дят да | на ро- | бо- - - | ту - шку | го - нят | до за- | ри.
звукоряд
Мм 𝅗𝅥 = 112
№ 4
„В Питер Москву"
Сура - Поганец. Анна Ермолаевна Хронцова и Ульяна Филиповна Щиряева.
В Пи- - тер | Мо- скву да | про- - - | ез- жа - ли | ой
да | ой ой | да | ой до де- | ре- веньки
до ой | до - ой до ез- | жа- - - | ли | ой -
звукоряд.
„Цвели да в поле цветики"
Мм 𝅗𝅥 = 116
Нюхча. Ольга Федоровна и Анна Терентьевна Мальцины и Александра Михайловна Кочина
№ 5
Цве- ли да | в по- - ле | цве- - ти- | цвели да по


IV
-блё- - кли
Ай вос по- бле- - - кли да
ми- - - лай любил де- - - - - ву- шку
лю-бил да спо- ки- - - - нчл.
Звчкоряд.
„Экой Ваня"
Мм ♩ = 80
№ 6
Сура Поганец. Анна Ермолаевна Хромцова и Ульяна Филиповна Ширяева.
Э-кой Ва- ня да ра-зу- да-ла-я го... го-ло-ва да
ро- зу- да- ла- я го-ло-ву- шка Ванятво-я

V
"Эх да Ерославска да наша губерния."
Мм 𝅗𝅥 = 138
Стра Поганец. Те же исполни-тельницы.
№7
Эх да Е-ро-сла - - - - вска
да на - - ша - - - - - а
Ах а - - - -
да на - - ша да гу бе - - - - - - - -
- Е - - - - - - - - - - - - - - - - - рни - я
"Росла да в поле травонька"
Мм 𝅗𝅥 = 120
Усть-Выя. Авдотья Козьмовна Пчна-ева. Марья Евграфовна Гришина и Анна Васильевна Зуева.
№8
Ро-сла да в по-ле тра- - вонь-ка рос-ла травка да по со-


-о- хла да по- со- - хла да лю-била па-ренё
де- - вч-шку лю-била па-рень да спо- кн- - - нул.
звукоряд
„Не для чего в люди торопиться".
ММ ♩ = 80
№ 9.
Сульцы. Степанида Максимовна Митюшова. Ирина Ивановна Булыгина и Татьяна Федуловна Булыгина
Не для - - - це - во то
в лю- дн то- ро- пн - - - - - - тця да
то - - -ро- пн -тця да бо-мато бы- ло у ба- тю- -шки


до - ма да бы - ло хо - ро - шо.
до - ма хо - ро -
шо в лю-дях то ра-но бу - - - дят до за - ри - - -
и ра-но бу - - - - - - - дят ра - но ра - но
x)
бу - дят да на ро - бо - - - ту - шку го - нят да ах до за - ри.
x)
Вариант аналогичн. места из следующей строфы.

Варианты „Черемушки" № 10.

Варианты „Запил Ванюша" № 11.

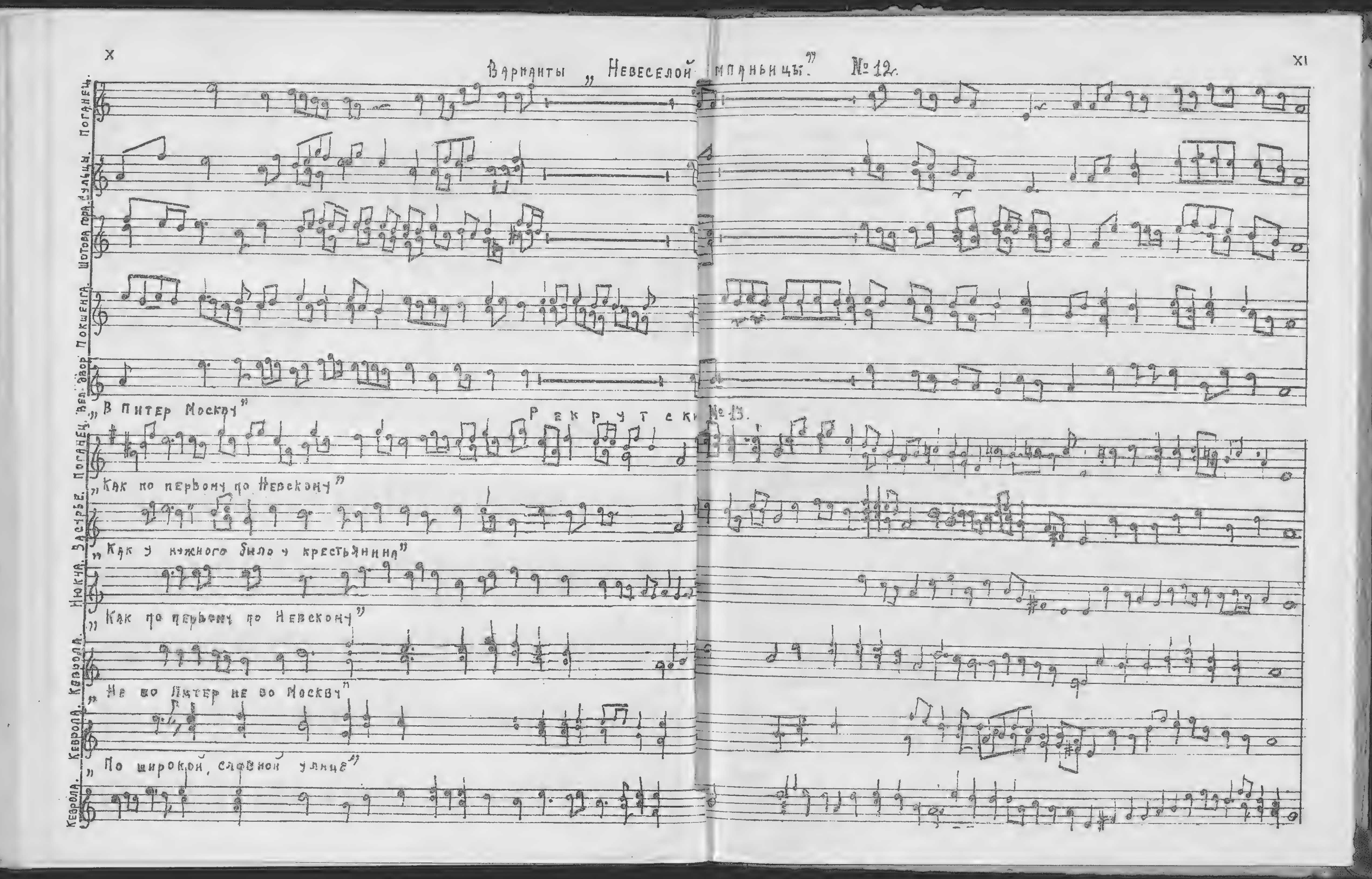
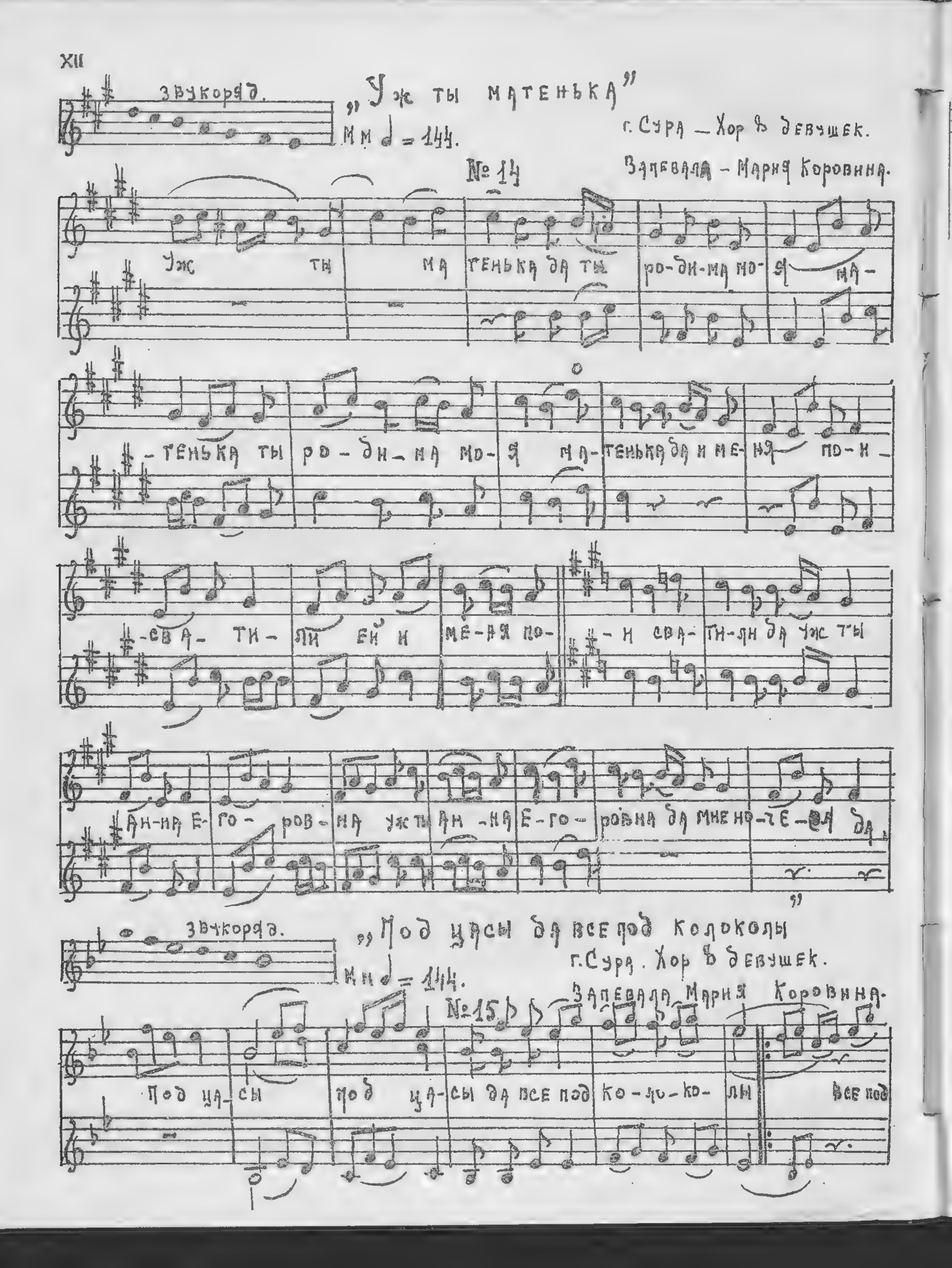
Сура (Остров).

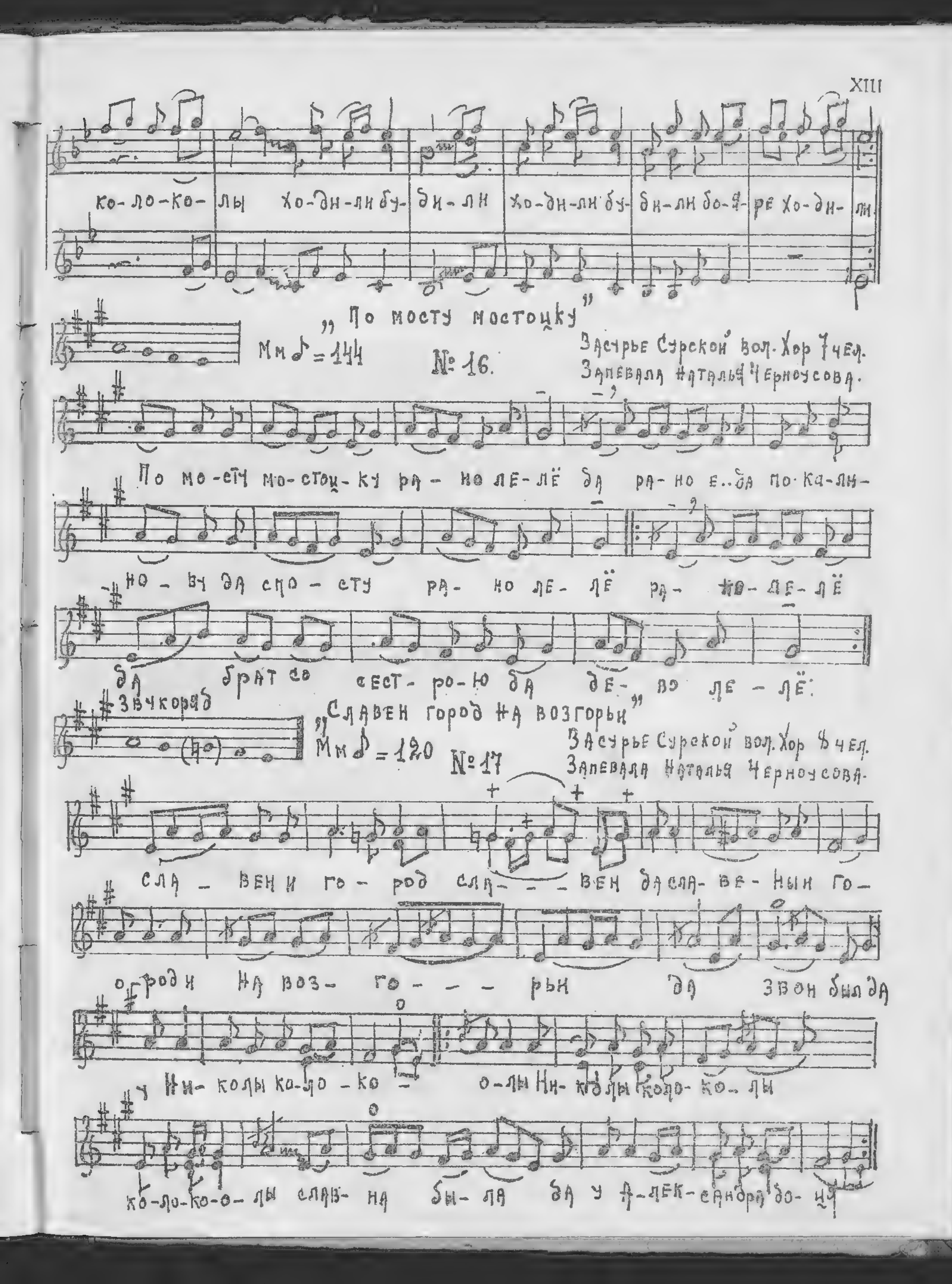
Поганец.

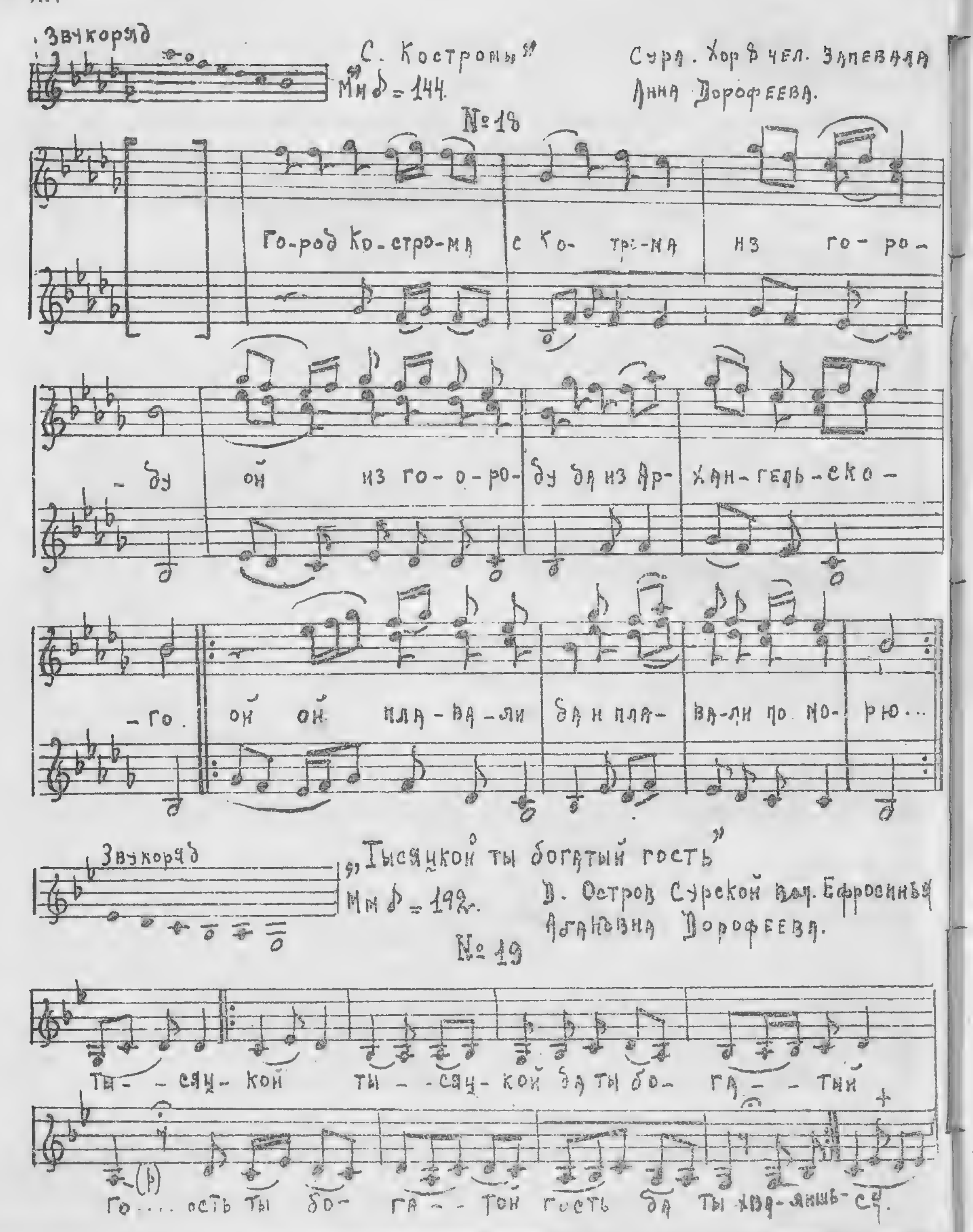
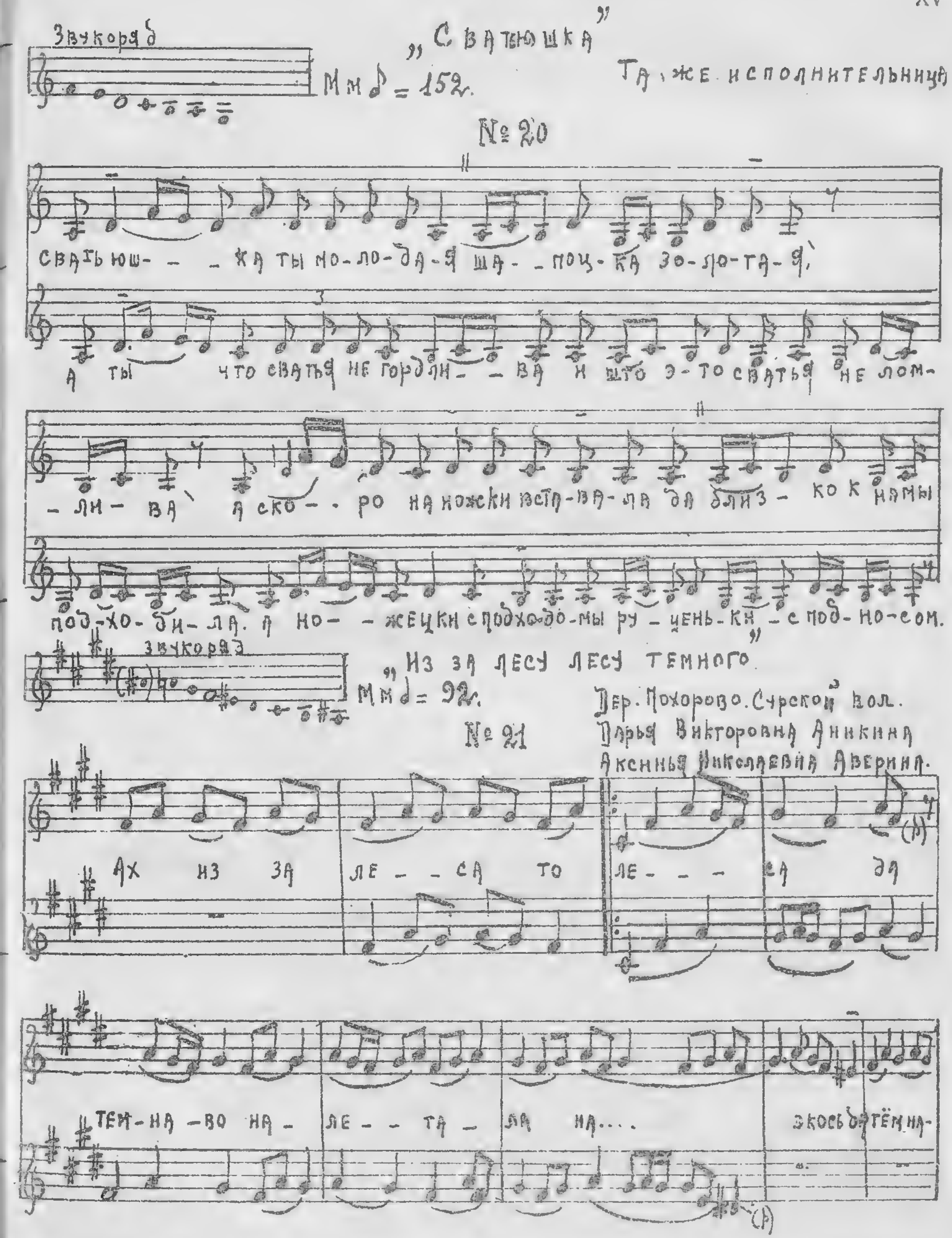
Сульцы.

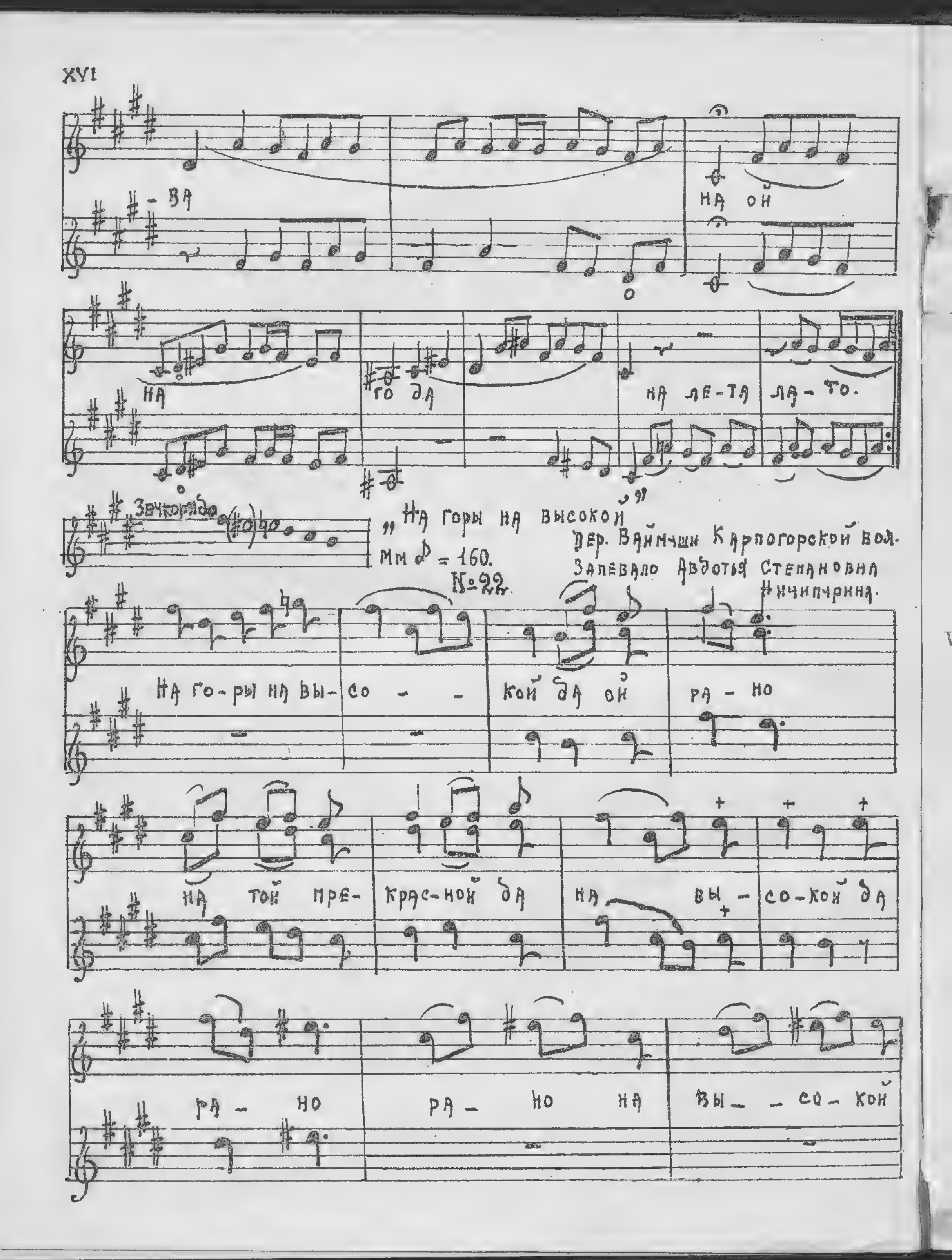
Нюхча.

Усть-Вия.


Варианты „Невеселой компаньицы." № 12.
Поганец.
Шотова гора. Кульцы.
Покшенга.
Вел. двор.
„В Питер Москву"
Рекрутски № 13.
Поганец.
„Как по первому по Невскому"
Застрье.
„Как у нужного было у крестьянина"
Нюхча.
„Как по первому по Невскому"
Кеврола.
„Не во Питер не во Москву"
Кеврола.
„По широкой, славной улице"
Кеврола.

XII
звукоряд.
„Уж ты матенька"
ММ ♩ = 144.
г. Сура — Хор девушек.
№ 14
Запевала — Мария Коровина.
Уж ты ма тенька да ты ро-ди-ма мо- я ма-
-тенька ты ро-ди-на мо- я ма-тенька да и ме- ня по-ни-
-сва- ти- ли ей и ме-ня по- -и сва- ти-ли да уж ты
Ан-на Е-го- ров- на уж ты Ан -на Е-го- ровна да мне но- те- ла да,
звукоряд.
„Под часы да все под колоколы"
г. Сура. Хор девушек.
ММ ♩ = 144.
№ 15
Запевала Мария Коровина.
Под ча- сы под ча- сы да все под ко-ло-ко- лы все под


ко-ло-ко-лы хо-ди-ли бу-ди-ли хо-ди-ли бу-ди-ли бо-я-ре хо-ди-ли.
„По мосту мостоцку"
Мм ♪ = 144
№ 16.
Засурье Сурской вол. Хор 7 чел.
Запевала Наталья Черноусова.
По мо-сту мо-сто-цку ра-но ле-лё да ра-но е..да по-ка-ли-
-но-ву да сно-сту ра-но ле-лё ра-но-ле-лё
да брат со сест-ро-ю да де-во ле-лё.
Звукоряд
„Славен город на возгорьи"
Мм ♪ = 120
№ 17
Засурье Сурской вол. Хор 8 чел.
Запевала Наталья Черноусова.
сла-вен и го-род сла-вен да сла-ве-ный го-
о-род и на воз-го-рьи да звон был да
у Ни-колы ко-ло-ко-о-лы Ни-колы коло-ко-лы
ко-ло-ко-о-лы слав-на бы-ла да у А-лек-сандра до-ну


Звукоряд
С. Костромы
Сура. Хор 8 чел. Запевала
Анна Дорофеева.
Мм ♪ = 144.
№ 18
Го-род Ко-стро-ма с Ко- тр-ма из го-ро-
-ду он из го-о-ро-ду да из Ар- хан-гель-ско-
-го. он он пла-ва-ли да и пла- ва-ли по мо- рю...
Звукоряд
„Тысяцкой ты богатый гость"
Мм ♪ = 192.
Д. Остров Сурской вол. Ефросинья
Дорофеева.
№ 19
Ты- -сяц- кой ты- -сяц- кой да ты бо- га- -тый
Го.... ость ты бо- га- -той гость да ты хва-ляешь-ся.

Звукоряд
„СВАТЮШКА"
Мм ♪ = 152.
ТА же исполнительница
№ 20
сватьюш- - -ка ты мо-ло-да-я ша- -поц-ка зо-ло-та-я,
а ты что сватья не горли- -ва и што это сватья не лом-
-ли-ва, а ско- -ро на ножки вста-ва-ла да близ- ко к нам
под-хо-ди-ла. А но- -жецки с подхо-до-мы ру-цень-ки -с под-но-сом.
звукоряд
„Из за лесу лесу темного"
Мм ♩ = 92.
Дер. Похорово. Сурской вол.
Дарья Викторовна Аникина
Аксинья Николаевна Аверина.
№ 21
Ах из за ле- -са то ле- - -са да
тем-на-во на- ле- - та- ла на....
экось да тём-на-


-ва
на ой
на
го да
на ле-та ла-то.
Звукоряд
„На горы на высокой"
Дер. Ваймуши Карпогорской вол.
Запевало Авдотья Степановна Ничипурина.
Мм ♪ = 160.
№ 22.
На го-ры на вы-со - - кой да ой ра - но
на той пре- крас-ной да на вы - со-кой да
ра - но ра - но на вы- - со - кой

ОГЛАВЛЕНИЕ

[illegible] ЛАВЛЕНИЕ